74.03
Г24
Т.П.

БИБЛІОТЕКА
ТОБОЛЬСКАГО ГУБЕРНСКАГО МУЗЕЯ.
1080
24/5 28

215/28

На домъ **не выдается.**

Постановленіе Общаго Собранія отъ 10 февраля 1916 г.

ФИЛОЛОГЪ ВАСИЛЬЕВИЧЪ

РУДАКОВЪ,

Педагогъ—дѣятель въ Восточной и Западной Сибири.

ТОБОЛЬСКЪ.

1890.

Типографія Тобольск. Губерн. Правленія.

24.03(253)
Г 24
84
Гашинский С. И.
ОД
Библиотека Тобольского
Гос. Музея инв. № 12597
С. Г.
1 р. 50
4
Р83.
37
Р83

ФИЛОЛОГЪ ВАСИЛЬЕВИЧЪ

РУДАКОВЪ,

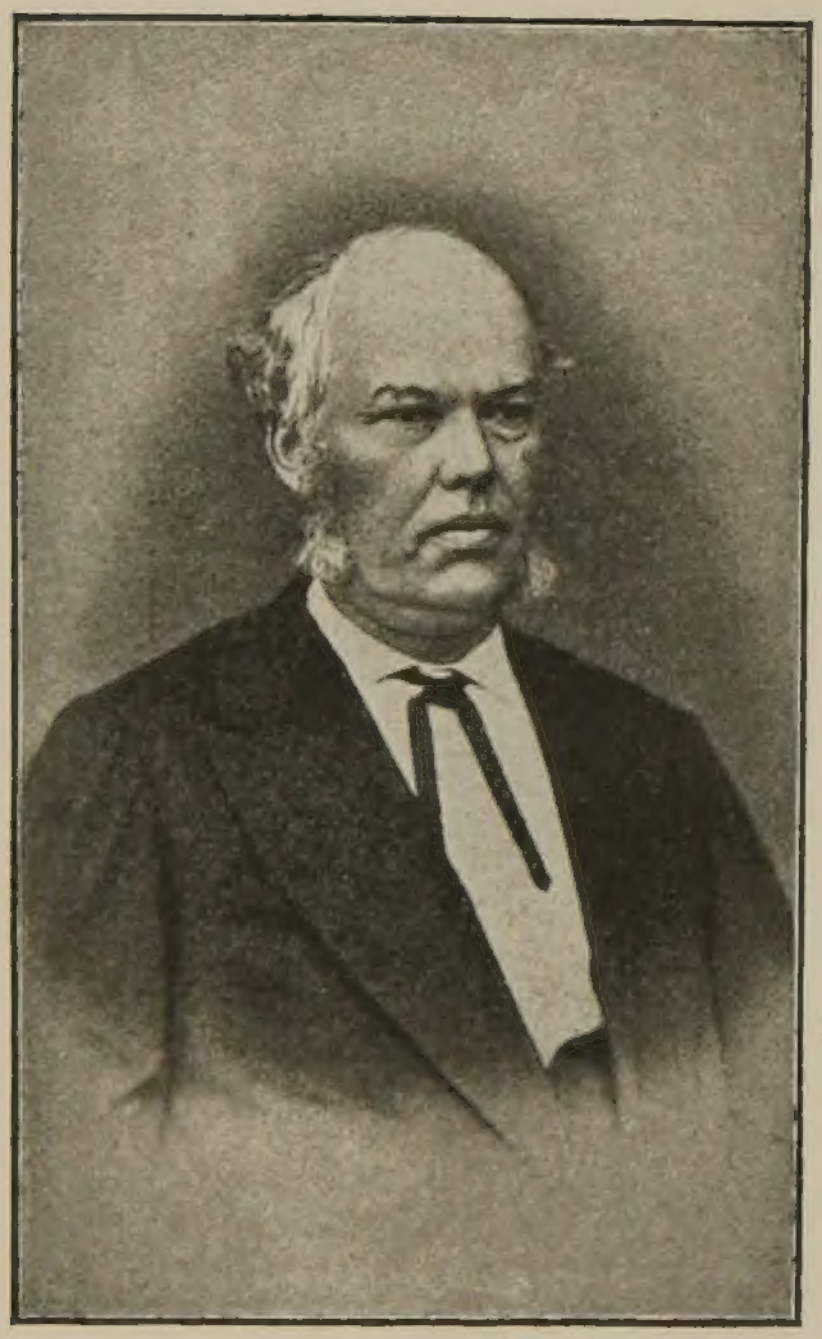
ПЕДАГОГЪ-ДѢЯТЕЛЬ ВЪ ВОСТОЧНОЙ И ЗАПАДНОЙ СИБИРИ.

„Жизнь и служба замѣчательнаго дѣятеля—достояніе его семьи, потомства, родины, должны быть поученіемъ для сослуживцевъ и преемниковъ“.

(Изъ письма редактора изданія „Владимірскіе кавалеры“ къ Филологу Васильевичу Рудакову).

Библиотека Тобольского
Гос. Музея №

С.-Петербургск. Цензурнымъ Комитетомъ печатать дозволено, 24 іюля 1887 г.



ТИП. П. О. ВЫЛОМСКАГО, СПБ.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Филологъ Васильевичъ Рудаковъ—коренной сибирякъ. Его оригинальная натура представляетъ рѣдкое, а для нашего края исключительное явленіе. Онъ имѣлъ счастье, или, вѣрнѣе сказать, забытая и загнанная Сибирь была такъ счастлива, что видѣла его плодотворную и самоотверженную дѣятельность на обѣихъ своихъ половинахъ на очень важномъ поприщѣ народнаго просвѣщенія. Память такого человѣка должна быть священна, по крайней мѣрѣ, для Сибирскаго края, и не должна затеряться для потомства. Онъ не стоитъ того, чтобы родная Сибирь позабыла его и чтобы не познакомилась съ его личностію не менѣе дорогая его сердцу святая Русь.

Авторъ этого очерка воспользовался всѣмъ матеріаломъ, который онъ могъ собрать въ короткое время, бывшее въ его распоряженіи. Нѣкоторыя подробности, приводимыя нами, кажется, не будутъ лишни, такъ какъ мы имѣли въ виду не только сибиряковъ, интересующихся личностью Рудакова и успѣхами просвѣщенія своего края, но и членовъ семьи покойнаго, для которыхъ очень дорого всякое свѣдѣніе, касающееся такъ или иначе дорогаго отца, такъ честно подвизавшагося на своемъ высокомъ поприщѣ и преждевременно скончавшагося, вслѣдствіе нѣкоторыхъ печальныхъ обстоятельствъ. Мы рады были бы, если бы почитатели памяти знаменитаго человѣка, какимъ былъ Рудаковъ, доставили намъ какія-нибудь свѣдѣнія, письма или документы, касающіеся покойнаго и рисующіе его симпатичную личность.

С. Г.

ФИЛОЛОГЪ ВАСИЛЬЕВИЧЪ РУДАКОВЪ.

„Наше дѣло велико и свято; мы, педагоги, можетъ быть, сами не замѣчая того, полагаемъ основу благоденствія цѣлой жизни многихъ людей“.

Ф. В. Рудаковъ.

I.

Филологъ Васильевичъ Рудаковъ родился 6 января 1827 года въ уѣздномъ городѣ Томской губерніи Каинскѣ, гдѣ отецъ его, оберъ-офицерскій сынъ, былъ штатнымъ смотрителемъ уѣзднаго училища, состоя при которомъ и умеръ, когда молодому Филологу было только около трехъ лѣтъ.

Вдова смотрителя съ дѣтьми переѣхала на жительство въ Томскъ, и здѣсь получилъ образованіе будущій главный начальникъ учебной части громадной половины Сибири. Сначала онъ воспитывался въ Томскомъ уѣздномъ училищѣ, а потомъ, съ открытіемъ въ Томскѣ, 10 декабря 1838 года, гимназіи, поступилъ въ нее пансіонеромъ казны, прямо во второй классъ, и окончилъ въ ней курсъ въ 1844 году и, такимъ образомъ, принадлежитъ къ числу шести гимназистовъ перваго выпуска. Какъ въ уѣздномъ училищѣ, такъ и въ гимназіи онъ учился весьма успѣшно и переходилъ изъ класса въ классъ съ „большими“ похвальными листами. Въ его бумагахъ мы отыскали пять такихъ похвальныхъ листовъ „за благоправіе и прилежаніе“. Затѣмъ онъ былъ отправленъ на казенный счетъ въ Казанскій университетъ, гдѣ, по случайнымъ вліяніямъ и совѣтамъ, избралъ для своего образованія, только что открывшееся тогда, камеральное отдѣленіе юридическаго факультета,—выборъ, въ которомъ онъ впослѣдствіи раскаявался,—гдѣ и окончилъ курсъ въ 1848 г. 22-хъ лѣтъ отъ роду. „Итакъ сбылись мои надежды и ожиданія“, пишетъ онъ своей нѣжно любимой матери. „Я кончилъ курсъ и при томъ такъ, какъ немногимъ случается... Экзаменъ кончился тѣмъ, что испытательный комитетъ призналъ меня вполнѣ способнымъ и достойнымъ занять должность учителя“. И здѣсь Филологу Васильевичу пришлось быть въ числѣ студентовъ *перваго* выпуска этого отдѣленія юридическаго факультета. Университетъ наградилъ Филолога Васильевича дипломомъ, въ которомъ сказано:

„Во время нахожденія въ университетѣ при способностяхъ, прилежаніи и поведеніи *отличныхъ* обучался на казенномъ содержаніи.... съ успѣхами *отличными*. Окончивъ полный курсъ наукъ и на публичныхъ испытаніяхъ доказавъ свои познанія совершено удовлетворительными отвѣтами, онъ представилъ письменное разсужденіе на предложенную юридическимъ факультетомъ въ 1847 г. тему: „О статистическихъ отношеніяхъ киргизскихъ и калмыцкихъ степей и настоящемъ управленіи народами, тамъ обитающими", которое, по разсмотрѣніи въ факультетѣ, признано во всѣхъ отношеніяхъ удовлетворительнымъ; почему въ торжественномъ собраніи университета въ іюнѣ 1848 г. награжденъ *золотою медалью* и утвержденъ кандидатомъ юридическаго факультета по разряду камеральныхъ наукъ". Бывшіе тогда профессора, нынѣ покойные, Д. И. Мейеръ и Е. П. Осокинъ, предлагали ему остаться при университетѣ, съ цѣлью приготовленія къ магистерскому экзамену, и подавали ему надежду, что онъ будетъ командированъ съ ученою цѣлью за-границу и затѣмъ можетъ занять каѳедру въ университетѣ.

Какъ ни заманчиво было для Филолога Васильевича это предложеніе, но онъ долженъ былъ отъ него отказаться, чтобы скорѣе оказать помощь своей бѣдной матери, такъ давно ожидавшей его поддержки; къ тому же онъ горѣлъ юношескимъ желаніемъ поскорѣе поступить на службу въ Сибирь, о чемъ онъ самъ говорилъ послѣ 30-ти-лѣтней службы въ Сибири, когда ожидалъ отставки, въ слѣдующихъ словахъ: „не нежеланіе посвятить себя дальнѣйшему служенію наукѣ руководило мною при этомъ отказѣ, но горячая любовь къ моей родинѣ—Сибири, воспитавшей меня и которой я желалъ посвятить свою службу и тѣмъ исполнить свой долгъ передъ нею. (Университетъ обѣщалъ ходатайствовать объ освобожденіи меня, какъ сибирскаго стипендіата, отъ обязательной сибирской службы). Конечно, это было юношеское увлеченіе, которое въ другой періодъ моей жизни я назвалъ бы неразумѣемъ, но тѣмъ не менѣе это истинный фактъ". Сибирь, не смотря на всю свою отсталость, иногда какъ-то неудержимо влечетъ къ себѣ отлучившихся изъ нея питомцевъ. Такъ и Филолога Васильевича что-то влекло обратно на родину и къ дорогой матери. „Я буду вполнѣ счастливъ только тогда, пишетъ онъ 5 декабря 1848 г., когда увижусь съ вами, маменька". Но не скоро онъ могъ осуществить свое завѣтное желаніе. При опредѣленіи его на службу произошла неожиданная задержка, которою Филологъ Васильевичъ очень тяготился. Въ письмѣ къ матери онъ говоритъ: „Министръ писалъ сюда, въ Казань, что генералъ-губернаторъ Западной Сибири представилъ меня на должность учителя, но не приложилъ моихъ актовъ, почему министръ и просилъ попечителя выслать ихъ, предполагая, что они здѣсь, между тѣмъ какъ они давно были пересланы къ генералъ-губернатору". Эта неаккуратность задержала молодаго кандидата въ Казани на нѣсколько мѣсяцевъ и заставила скучать безъ опредѣленныхъ занятій. „Жалѣю объ одномъ, пишетъ онъ матери, что я не зналъ, что пробуду здѣсь еще полгода: тогда я по крайней мѣрѣ нашелъ бы себѣ какое нибудь занятіе на это время.

Это—скучно, скучно!.. Вы уговариваете меня не скучать, но мнѣ надоѣла эта жизнь безъ цѣли, безъ занятій, надоѣла до невозможнаго, и потому могу ли я не скучать? Семь мѣсяцевъ одного изъ лучшихъ лѣтъ моихъ потерялъ я почти даромъ. Въ это время (если бы я зналъ, что такъ долго пробуду здѣсь) я могъ бы на половину приготовиться къ магистерскому экзамену; но теперь поздно! прошедшаго не воротишь... Я невольно здѣсь протягиваю время изъ-за денежныхъ разсчетовъ; если бы я не зналъ того состоянія, въ какомъ вы находитесь, и если бы не желалъ съ окончаніемъ моего курса доставить вамъ спокойную и довольную жизнь и тѣмъ хоть немного вознаградить васъ за всѣ заботы обо мнѣ, за всѣ непріятности, а иногда и слезы, которыхъ я бывалъ причиною, то ничто не удержало бы меня въ Казани. Уже пятый годъ идетъ, какъ я разстался съ вами". Однако эта невольная проволочка времени, къ счастью Филолога Васильевича, не прошла безъ пользы для его моральнаго саморазвитія. Слѣдующій фактъ оставилъ въ немъ очень пріятное воспоминаніе. Быть можетъ, за пламенное влеченіе Филолога Васильевича къ матери и родинѣ, вскормившимъ и воспитавшимъ его, Богъ наградилъ его неожиданною радостью. Это былъ первый очень радостный фактъ въ его жизни, фактъ, который дѣйствительно могъ возвысить духъ молодаго человѣка и внушить ему увѣренность въ свои силы для предстоящей дѣятельности. Проживая въ Казани въ ожиданіи распоряженія объ опредѣленіи своемъ на службу, Филологу Васильевичу, только что удостоенному степени кандидата, чрезъ нѣсколько мѣсяцевъ послѣ этого удостоенія, Казанскій университетъ оказалъ великую честь. Въ это время держалъ магистерскій экзаменъ, по уголовному праву, старшій учитель Пензенскаго Дворянскаго института, кандидатъ Резановъ—на степень магистра уголовнаго права и, по окончаніи экзамена, 27 марта 1849 г., въ Вербное воскресенье, назначенъ былъ ему диспутъ для защищенія магистерской диссертаціи: „Объ очистительной присягѣ въ уголовныхъ дѣлахъ". Изъ профессорскаго персонала юридическаго факультета могли быть назначены, вмѣсто трехъ, только два оффиціальныхъ оппонента—профессора Фогель и Мейеръ. И вотъ, по предложенію бывшаго тогда деканомъ факультета, Н. А. Иванова, третьимъ оффиціальнымъ оппонентомъ, неожиданно для Филолога Васильевича и въ отступленіе отъ существовавшаго ранѣе порядка, былъ онъ назначенъ, конечно, съ предварительнаго его согласія. Въ университетской практикѣ это былъ первый случай назначенія оффиціальнымъ оппонентомъ на магистерскій диспутъ кандидата, только что окончившаго курсъ. „Еще и теперь, въ 1879 г., чрезъ тридцать три года,—говоритъ Филологъ Васильевичъ,—не могу забыть того волненія, которое я испытывалъ во время диспута, сидя на ряду съ профессорами Фогелемъ и Мейеромъ на особыхъ для ассистентовъ мѣстахъ и ожидая своей очереди, пока кончатъ возраженія два старшіе оппонента". Мы здѣсь сообщимъ тѣ очень интересныя свѣдѣнія, которыя нашли въ бумагахъ покойнаго. Еще съ 1849 г. сохранились записки Филолога Васильевича, которыя онъ, какъ видно, наскоро набросалъ для себя, готовясь къ

этому диспуту, гдѣ онъ такъ неожиданно фигурировалъ въ качествѣ оффиціальнаго оппонента. „Знакомясь съ вами въ первый разъ, говоритъ онъ магистранту Резанову, въ настоящемъ диспутѣ, скажу, что меня побуждаетъ къ нему не желаніе побѣды, которое было бы съ моей стороны слишкомъ дерзкимъ желаніемъ, не столько желаніе испытать свои силы въ ученомъ спорѣ, сколько желаніе увлечься въ живой, пріятной бесѣдѣ, потолковать о предметѣ, изученіемъ котораго я занимался прошедшій годъ, и такимъ образомъ вспомнить наши прежніе диспуты съ г. профессоромъ Фогелемъ, предложить вамъ на разсмотрѣніе свое мнѣніе, которое, не смотря, можетъ быть, на его ошибочность, я, разумѣется, постараюсь отстаивать всѣми силами, потому что оно мое собственное. Вы, милостивый государь, имѣете гораздо больше познаній объ этомъ предметѣ: ваши сужденія, болѣе зрѣлыя, должны быть вполнѣ основательны или по крайней мѣрѣ гораздо основательнѣе моихъ сужденій. Итакъ, я не боюсь пораженія, потому что не ищу побѣды.

„Суду людей, а слѣдовательно и закона положительнаго, подлежатъ дѣйствія человѣческія болѣе въ ихъ внѣшнемъ явленіи, чѣмъ во внутреннемъ, психическомъ ихъ началѣ". Вотъ первое ваше положеніе, которое, разумѣется, вы считаете точнымъ и непреложнымъ. Высказавъ его, вы, можетъ быть, не замѣчая того сами, сказали горькую насмѣшку надъ законодательствами всѣхъ вѣковъ и народовъ, заклеймили унизительнымъ пятномъ высшую благороднѣйшую часть человѣка—его разумъ. И въ самомъ дѣлѣ: ежели вы говорите, что суду людей подлежитъ болѣе внѣшнее явленіе дѣйствія, чѣмъ психическое его начало, если *это такъ и иначе не можетъ быть*, то къ чему же стремились всѣ законодательства, обращая вниманіе судей на самый источникъ дѣйствія, къ чему предписывали они не ограничиваться одними внѣшними признаками, но отыскивать причину начала преступныхъ дѣяній, словомъ, къ чему же желали они невозможнаго?—невозможнаго говорю потому, что разумъ человѣческій такъ слабъ, такъ ничтоженъ, что *болѣе* можетъ ограничиваться только внѣшностію дѣйствія, чѣмъ психическою его причиною. Развѣ не знали они этого? Вы скажете, что они сознавали слабость человѣческаго разума и потому-то именно и заботились обезопасить его отъ ошибокъ съ самой слабой стороны; что это то самое стремленіе законодательствъ и показываетъ, что они сознавали слабую сторону человѣческаго разума и слѣдств. подтверждаетъ ваше положеніе? Нѣтъ! это показываетъ только то, что труднѣе изслѣдовать дѣйствіе человѣческое по психическому началу, чѣмъ по внѣшнему явленію; (а что трудно, то не всегда еще невозможно); это показываетъ только то, что законодательство по опыту или a priori знало, что могутъ быть случаи, гдѣ всего опаснѣе судьѣ ограничиваться однимъ поверхностнымъ взглядомъ на дѣйствіе; что хотя сознавало трудность розысканій психическихъ началъ, но тѣмъ не менѣе сознавало ихъ важность; вы забыли здѣсь ту пытливость человѣческаго разума, то стремленіе къ отысканію началъ, которое часто проявляется невольно и какъ бы безъ сознанія. Скажите кому угодно, что такой-то человѣкъ убилъ такого-то,

и—вы тотчасъ услышите вопросъ: что-же? они были въ ссорѣ что-ли между собою? чтожъ? развѣ преступникъ былъ въ нетрезвомъ видѣ? чтожъ? нечаянно что-ли онъ совершилъ преступленіе? Всѣ эти вопросы услышите отъ людей вовсе необразованныхъ, которые бы, можетъ быть, не могли уяснить себѣ смысла вашего перваго положенія. Это-то доказываетъ, что разуму человѣческому врождена эта пытливость, это стремленіе къ изслѣдованію началъ. А если эти способности врождены человѣку, то какое же вы имѣете основаніе полагать, что суду людей болѣе подлежатъ дѣйствія во внѣшнемъ явленіи, чѣмъ во внутреннемъ началѣ? Своими словами вы какъ бы показываете, что вамъ извѣстны двѣ цифры, изъ которыхъ первая показываетъ число случаевъ, гдѣ судья ограничивается однимъ внѣшнимъ явленіемъ, а вторая—изысканіемъ началъ, и что первая цыфра больше послѣдней; откуда же узнали вы эти цыфры? Конечно, мы знаемъ много примѣровъ, доказывающихъ слабость изысканій человѣческаго разума и ошибочность его заключеній; но если сравнимъ это большое число примѣровъ съ общею массою всѣхъ изысканій судей, то это многое становится уже очень малымъ. Предполагать, что въ этой остальной части большая половина изысканій неправильна, мы не имѣемъ основанія; да еслибъ это и дѣйствительно было бы такъ, тогда признавая, можетъ быть, $^{9}/_{10}$ человѣческихъ изысканій неправильными, вы сами, можетъ быть, предложили бы, чтобъ мы, смертные, въ судебныхъ изысканіяхъ постоянно обращались бы къ Провидѣнію, чтобъ какой-нибудь видъ суда Божьяго существовалъ при судопроизводствѣ какъ общее универсальное средство для всѣхъ розысканій; а между тѣмъ вы сами хотя утверждаете необходимость существованія очистительной присяги, однакожъ строго опредѣляете случаи ея употребленія. Вы скажете, что ваше положеніе должно понимать такъ, что въ общей массѣ изысканій человѣческаго суда о дѣйствіяхъ людей была, есть и будетъ болѣе изслѣдуема внѣшняя сторона, но что изысканій, гдѣ судъ ограничивался бы или одною внѣшнею или одною внутреннею стороною, не было, нѣтъ и не можетъ быть. Слѣд. и сравненій между этими двумя массами несуществовавшихъ случаевъ вы не дѣлали и очевидно не могли. Но вотъ вопросъ: какъ вы понимаете слова: *внѣшнее явленіе дѣйствія человѣческаго?* Почему вы думаете, что внѣшнее явленіе дѣйствія болѣе доступно судьѣ? Зачѣмъ вы отдаете въ человѣкѣ преимущество внѣшнимъ его чувствамъ, воспринимающимъ только внѣшнія проявленія, предъ его чувствомъ внутреннимъ, предъ его разумомъ, заглядывающимъ въ глубину души человѣка? Явленія внѣшнія точно также могутъ ускользать отъ нашего наблюденія; чувства внѣшнія могутъ точно также обманывать человѣка. Внѣшнее обнаруженіе преступленія есть не больше какъ только поводъ къ судебному изслѣдованію; но самый актъ сужденія—отысканіе преступника, опредѣленіе степени его преступности есть уже дѣло разума, и составляетъ самую важную, самую существенную часть суда. На эти-то розысканія болѣе всего и устремляются дѣйствія судьи. Точно такъ, какъ мы знаемъ много примѣровъ, гдѣ ошибался разумъ человѣка, точно также, говорю, мы знаемъ много при-

мѣровъ, гдѣ разумъ человѣческій открывалъ преступника, гдѣ не было вовсе слѣдовъ преступленія, или по крайней мѣрѣ подмѣчалъ эти слѣды тамъ, гдѣ сотня другихъ людей не обратила бы вниманія; слѣд. замѣтить иногда внѣшнія проявленія человѣческихъ дѣйствій не меньше, а можетъ быть и больше, трудно, чѣмъ отыскать иногда психическое начало. Принимая же въ соображеніе высокое значеніе разума человѣческаго, мы скорѣе должны склониться къ тому мнѣнію, что перевѣсъ остается на сторонѣ разума, чѣмъ внѣшнихъ чувствъ".

Такихъ возраженій, какъ видно, Филологъ Васильевичъ дѣлалъ не мало. Въ его бумагахъ мы нашли нѣсколько пунктовъ возраженій на диссертацію Резанова, записанныхъ въ видѣ конспекта. *) Диспутъ этотъ со стороны Филога Васильевича вышелъ болѣе удачнымъ, чѣмъ ожидалъ онъ самъ. „Судя по отзывамъ другихъ, пишетъ онъ матери, я исполнилъ свое дѣло съ большимъ успѣхомъ, чѣмъ отъ меня ожидали". Послѣ диспута въ студенческихъ кружкахъ и въ частныхъ домахъ болѣе толковали о его возраженіяхъ и состязаніи, чѣмъ о возраженіяхъ упомянутыхъ профессоровъ. „Конечно,—поясняетъ Филологъ Васильевичъ, причиною тому была исключительность моего положенія". Къ этому прибавимъ, что знакомые, кажется изъ Петербурга, писали Филологу Васильевичу по этому случаю слѣдующее: „Вы просто чудо, а не человѣкъ! Еще никто изъ слушавшихъ лекціи Михаила Петровича К..... не сдѣлался его послѣдователемъ; наконецъ-то въ васъ мы нашли сего великаго мужа. Узнавши объ этомъ, онъ воскликнулъ: „Ба—а—а!"

II.

Наконецъ, 19 января 1849 года, Филологъ Васильевичъ былъ опредѣленъ старшимъ учителемъ судопроизводства въ Томскую губернскую гимназію, въ которой самъ обучался и въ которой принадлежалъ къ числу перваго выпуска гимназистовъ со времени ея основанія. При этомъ опредѣленіи онъ получилъ не въ зачетъ годовой окладъ жалованья и прибылъ въ дорогой ему городъ. Гимназіи въ то время были подъ властію и непосредственнымъ наблюденіемъ гражданскихъ губернаторовъ, и это обстоятельство дало Филологу Васильевичу случай личнаго и непосредственнаго съ ними знакомства. Въ результатѣ этого знакомства, двое изъ губернаторовъ предлагали ему пере-

*) Подъ первымъ положеніемъ Резанова, что „Суду людей, а слѣдовательно и закона положительнаго, подлежатъ дѣйствія человѣческія болѣе въ ихъ внѣшнемъ явленіи, чѣмъ во внутреннемъ, психическомъ началѣ", у Филолога Васильевича записано: 1) Ежели это такъ и иначе не можетъ быть, то слѣд. и не должно стремиться къ тому, чтобы это было иначе. 2) Если же это бываетъ только по большей части, то во всѣхъ остальныхъ случаяхъ судъ человѣческій не справедливъ. 3) Принимая послѣднее положеніе можно судъ Божій почитать универсальнымъ средствомъ при разрѣшеніи дѣлъ уголовныхъ. 4) Преступленіе, совершенное сумасшедшимъ, подлежитъ ли суду людей болѣе во внѣшнемъ явленіи, чѣмъ въ психическомъ началѣ? 5) Но сумасшедшій не есть лицо. А собственное признаніе.... 6) Самая очистительная присяга неужели подлежитъ суду людей болѣе во внѣшности, чѣмъ въ психическомъ началѣ? 7) Положеніе справедливо въ гражданскомъ судопроизводствѣ,

мѣнить скромную и безъ карьеры учительскую дѣятельность на гражданскую службу подъ ихъ непосредственнымъ начальствомъ, обѣщая ему всякаго рода успѣхи на этой службѣ; но онъ отказался отъ этихъ предложеній, такъ какъ учебная служба была ему болѣе по сердцу, и въ этомъ онъ не раскаявался никогда. На другой годъ, по случаю соединенія должностей старшаго учителя законовѣденія и старшаго учителя судопроизводства, 28 іюля 1850 года было возложено на него отправленіе обязанностей и по этой послѣдней должности. Сверхъ прямыхъ обязанностей, съ наступленіемъ перваго учебнаго года послѣ его прибытія на службу, съ 1 сентября 1849 года, Филологъ Васильевичъ принялъ, по порученію начальства, завѣдываніе подвижною библіотекою, къ которому съ 1 ноября 1852 года было присоединено и завѣдываніе фундаментальною библіотекою, которыми онъ и завѣдывалъ, безвозмездно, по 1 марта 1858 года, когда, согласно своему прошенію, былъ освобожденъ отъ этого и сдалъ библіотеки въ совершенной цѣлости и порядкѣ. Въ 1853 году Филологу Васильевичу было сдѣлано предложеніе директоромъ казанскаго экономическаго общества принять участіе въ казанскомъ экономическомъ журналѣ по части статей технологическихъ. Неизвѣстно, принято ли было это предложеніе, но самое обращеніе къ Филологу Васильевичу много говоритъ въ его пользу. Съ 15 января 1853 года Филологъ Васильевичъ исправлялъ должность надзирателя за казенными воспитанниками, съ удержаніемъ прежнихъ должностей. Новую должность Филологъ Васильевичъ получилъ по слѣдующему случаю. Въ одномъ изъ засѣданій педагогическаго совѣта гимназіи, въ которомъ разсматривалось поведеніе учениковъ и проектировались разныя мѣры взысканій съ нихъ, у Филолога Васильевича завязался съ бывшимъ его сослуживцемъ, исправлявшимъ тогда должность надзирателя, жаркій споръ о характерѣ этихъ взысканій. Филологъ Васильевичъ настаивалъ на необходимости употребленія кроткихъ, а не карательныхъ мѣръ. Сослуживецъ же его возражалъ, что кроткія мѣры противъ дурныхъ учениковъ хороши только въ теоріи, и прибавилъ: „попробовали бы вы сами ограничиваться этими мѣрами, такъ заговорили бы другое“.—„Что же, я готовъ испробовать!“ отвѣтилъ Филологъ Васильевичъ. Этими его словами и воспользовались бывшіе тогда директоръ и члены совѣта; и рѣшено было сдѣлать опытъ и поручить Филологу Васильевичу на одинъ мѣсяцъ исправленіе надзирательской должности,

---

но не въ уголовномъ, гдѣ именно дѣйствія человѣческія изслѣдываются въ самомъ источникѣ (къ третьему пункту). 8) Слово б о л ѣ е предполагаетъ извѣстность чиселъ, гдѣ дѣйствія обсуживались по явленію и гдѣ по началу. А гдѣ эти числа? Не такъ-ли? Труднѣе изслѣдовать дѣйствіе человѣческое по психическому началу, чѣмъ по явленію?“ На 8-е положеніе Резанова, что „Очистительную присягу нельзя, по примѣру многихъ криминалистовъ, называть пыткою человѣческаго духа“, записано: 1) Не имѣютъ-ли здѣсь въ виду устрашить человѣка болѣе тяжкимъ наказаніемъ небеснаго или земнаго правосудія? 2) Объ обрядѣ присяги. 3) Очистительная присяга, подобно пыткѣ, можетъ несправедливо оправдать виноватаго и обвинить невиннаго (посредственнымъ образомъ). Напр. въ личныхъ обидахъ. 4) Непріятное дѣйствіе очистительной присяги и на невиннаго, принимающаго ее для своего оправданія.

предоставивъ ему, втеченіе этого времени, употреблять относительно учениковъ неограниченно всякія мѣры взысканія, а по истеченіи мѣсяца представить въ совѣтъ подробный отчетъ. Опытъ вышелъ вполнѣ удаченъ: и самые неукротимые шалуны усмирились. Филологъ Васильевичъ представилъ въ совѣтъ обстоятельный письменный отчетъ о всѣхъ своихъ наблюденіяхъ, употреблявшихся имъ мѣрахъ взысканій и ихъ результатахъ. По выслушаніи этого отчета, бывшій ранѣе надзиратель отказался отъ этой должности, и Филологъ Васильевичъ былъ приглашенъ и опредѣленъ въ постоянные ея исполнители. Такимъ образомъ Филологъ Васильевичъ, благодаря своимъ выдающимся педагогическимъ способностямъ, съ честью вышелъ побѣдителемъ изъ этого мирнаго состязанія съ надзирателемъ (воспитателемъ—по нынѣшнему). Отчетъ объ этомъ мѣсячномъ опытѣ, по распоряженію гимназическаго начальства, былъ цѣликомъ, за исключеніемъ только фамилій учениковъ, напечатанъ въ неоффиціальномъ отдѣлѣ Томскихъ губернскихъ вѣдомостей того года. Эту обязанность Филологъ Васильевичъ исполнялъ въ теченіи полуторыхъ курсовъ по 15 августа 1854 года. Въ 1855 году Филологу Васильевичу было сдѣлано предложеніе директоромъ училищъ Томской губерніи принять на себя въ 1856 г. редакцію неоффиціальной части „Томскихъ губернскихъ вѣдомостей“, но Филологъ Васильевичъ отказался въ пользу учителя Андреева, „какъ могущаго исполнять это дѣло съ тѣмъ же успѣхомъ, какъ и я, поясняетъ Филологъ Васильевичъ, но имѣющаго менѣе меня средствъ къ содержанію себя и семейства“. Въ 1856 г. Высочайше была утверждена программа сибирской газеты „Золотое Руно“, и Филологъ Васильевичъ, кажется, принималъ въ ней участіе. 16 Марта 1861 года, съ утвержденіемъ генералъ-губернатора Западной Сибири, онъ, опять сверхъ преподаванія, былъ опредѣленъ на должность надзирателя за своекоштными учениками гимназіи.

Изъ рѣзко выдающихся фактовъ этого періода дѣятельности Филолога Васильевича сохраненъ слѣдующій. Въ годъ, послѣдовавшій за кончиною Императора Николая (1856), былъ публичный актъ въ Томской гимназіи, на которомъ Филологъ Васильевичъ прочиталъ свою рѣчь о мѣрахъ, какія принималъ скончавшійся государь къ возбужденію и поощренію труда во всѣхъ сословіяхъ. Рѣчь эта обратила на себя особенное вниманіе присутствовавшихъ и послѣ акта долгое время ходила по рукамъ у не бывшихъ на актѣ. Самъ Филологъ Васильевичъ думалъ, что достоинство и оригинальность ея заключалась въ томъ, что онъ разбиралъ въ ней не сужденія современниковъ о тѣхъ или другихъ событіяхъ въ царствованіе великаго монарха,—разсуждать о которыхъ могли пристрастно, или которыя могли приписываться не лично самодержцу, а сановникамъ, его окружавшимъ,—но собралъ и оформилъ, на сколько то позволяли мѣстные источники, тѣ извѣстныя въ печати, собственноручныя, своеобразныя резолюціи его величества, которыя не заключали въ себѣ только простое утвержденіе поднесеннаго ему доклада, но иногда отвергали, иногда измѣняли или дополняли этотъ докладъ, или которыя выходили по личному его усмотрѣнію. Такимъ образомъ Филологу Васильевичу

удалось обрисовать энергическую, дѣятельную натуру незабвеннаго, не терпѣвшаго лѣности и бездѣятельности въ другихъ, исключительно на основаніи его личныхъ индивидуальныхъ воззрѣній.

Какъ хорошее явленіе изъ Томской своей жизни, Филологъ Васильевичъ вспоминалъ и бывшіе въ тогдашнемъ учительскомъ кругу очередные субботніе вечера, на которыхъ женатые присутствовали со своими женами. Вечера эти были заведены еще до пріѣзда Филолога Васильевича и заключались преимущественно и, кажется, даже исключительно, въ карточной игрѣ, оканчивавшейся простымъ домашнимъ ужиномъ и нѣсколькими рюмками дешеваго вина. (Пьянства и кутежей въ тогдашнемъ учительскомъ кружкѣ, за исключеніемъ развѣ широкихъ именинныхъ вечеровъ, вовсе не было: немногіе уходили навеселѣ). Но въ его время возникла мысль, не знаемъ какъ и кто первый ее высказалъ, о томъ, чтобы придать этимъ вечеринкамъ другой, болѣе разумный характеръ; но знаемъ, что Филологу Васильевичу одному изъ первыхъ, если не первому изъ учителей, пришлось быть ея исполнителемъ. Рѣшено было: не уничтожая ни карточной игры, ни скромной закуски, выдѣлять на этихъ вечерахъ часть времени для устныхъ разсказовъ, чтенія, диспутовъ, физическихъ опытовъ и т. п. по свободному желанію того или другаго педагога. Очередный хозяинъ субботняго вечера, приглашавшій къ себѣ учителей, обязанъ былъ озабочиваться и объ исполненіи этой части своего вечера, заранѣе условившись съ тѣмъ или другимъ изъ товарищей о томъ, кто и что прочтетъ или разскажетъ. Дѣло пошло весьма успѣшно. Вечера ожили, заинтересовали многихъ постороннихъ интеллигентныхъ людей, которыхъ каждый хозяинъ могъ пригласить на свой вечеръ, какъ своихъ знакомыхъ. На одномъ изъ такихъ вечеровъ, въ домѣ у Филолога Васильевича, былъ извѣстный нашъ путешественникъ С. В. Максимовъ, который былъ такъ любезенъ, что и самъ принялъ въ немъ участіе и разсказалъ нѣсколько сценъ изъ быта архангельскихъ поморянъ. Кстати прибавимъ, что въ Томскѣ, въ это время, кружокъ преподавателей представлялъ особенность, которой, по общему заявленію, тогда не существовало въ другихъ мѣстностяхъ, именно, къ кругу этому, совершенно одинаково и безразлично, принадлежали какъ учителя гимназіи, такъ и учителя духовной семинаріи, между которыми, не по примѣру нынѣшняго времени, существовало полнѣйшее товарищеское общеніе, не разстраивавшееся и отъ того, что нѣкоторые изъ учителей семинаріи были въ монашескихъ клобукахъ, а ректоръ (нынѣшній Иркутскій архіепископъ Веніаминъ) имѣлъ санъ архимандрита.

Между тѣмъ Филологъ Васильевичъ 27 октября 1854 года былъ утвержденъ, за выслугу лѣтъ, въ чинѣ титулярнаго совѣтника; затѣмъ, также за выслугу лѣтъ, произведенъ 11 августа 1856 года въ коллежскіе ассесоры, а 28 іюля 1860 года въ надворные совѣтники. Независимо отъ этого, ближайшее начальство, цѣня труды Филолога Васильевича, не оставляло своимъ ходатайствомъ о справедливомъ ему воздаяніи. Такимъ образомъ 25 іюля 1854 года „за отлично усердную службу“ ему, съ разрѣшенія министра на-

роднаго просвѣщенія, выдано было въ награду изъ суммъ собираемыхъ за право ученія 150 рублей, а 25 декабря 1858 года, вслѣдствіе ходатайства генералъ-губернатора Западной Сибири, согласно положенію Сибирскаго комитета, онъ Всемилостивѣйше пожалованъ Станиславскимъ крестомъ 3-й степени.

Кромѣ службы по гимназіи, Филологъ Васильевичъ много принесъ пользы и Томскому комитету общества попечительства о тюрьмахъ. Въ 1852 году бывшій секретарь этого комитета предложилъ Филологу Васильевичу занять вмѣсто себя эту должность, на что онъ согласился и былъ опредѣленъ 14 марта, безъ полученія по ней жалованья. Принявъ должность и ознакомившись съ дѣломъ, Филологъ Васильевичъ увидѣлъ, что мѣстное попечительство о тюрьмахъ существовало только на бумагѣ и при томъ въ самомъ не большомъ числѣ номинальныхъ членовъ, вся дѣятельность которыхъ ограничивалась подпискою посылаемыхъ къ нимъ на домъ журналовъ объ удовлетвореніи тюремныхъ поставщиковъ и объ отпускѣ кормовыхъ денегъ. Директора комитета тюрьму не посѣщали; въ тюрьмѣ царствовалъ полнѣйшій произволъ тюремныхъ властей; просьбы и нужды арестантовъ до свѣдѣнія комитета не доходили; никакихъ мѣропріятій къ улучшенію ихъ печальнаго быта не дѣлалось. Благодаря стараніямъ Филолога Васильевича и вниманію къ его доводамъ бывшаго тогда губернаторомъ и слѣдовательно вице-президентомъ комитета В. А. Бекмана, дѣло комитета ожило и поставлено было на прямую дорогу. Общество изъ номинальнаго, какимъ оно было ранѣе, сдѣлалось дѣйствительнымъ: и труды, и заботы комитета выдѣлились рѣзко и обратили на себя вниманіе главнаго управленія въ С.-Петербургѣ. Бывшій тогда президентомъ общества, графъ (въ послѣдствіи князь) А. Ѳ. Орловъ сдѣлалъ о томъ въ своемъ всеподданнѣйшемъ отчетѣ докладъ, и результатомъ этого было—небывалый тогда фактъ—объявленіе Высочайшаго благоволенія Томскому тюремному комитету „за отличную дѣятельность въ 1852 году по положенію тюремъ и арестантовъ“, Всемилостивѣйше изъявленное 24 августа 1853 года. День выслушанія предложенія графа А. Ѳ. Орлова объ этомъ Монаршемъ вниманіи, для выслушанія котораго было назначено особое экстренное засѣданіе комитета, былъ днемъ общаго радостнаго праздника для всѣхъ членовъ комитета, а для Филолога Васильевича въ особенности. Кромѣ упомянутой высокой награды, полученной имъ вмѣстѣ со всѣмъ комитетомъ, Филологъ Васильевичъ и лично получилъ доказательство справедливой оцѣнки своимъ трудамъ. Такъ, 5 августа 1855 года „за отлично усердную и полезную службу“ по секретарской должности выдано было ему въ награду, съ разрѣшенія президента общества, единовременно 500 рублей изъ суммъ Томскаго комитета, а 1 января 1856 года, также согласно разрѣшенію президента общества, назначено ему производство жалованья по этой должности, въ размѣрѣ 300 рублей въ годъ, съ 1 іюня 1856 года, отъ полученія котораго съ 1 января 1859 г.—онъ добровольно отказался въ пользу комитета. Впослѣдствіи, по его же иниціативѣ и стараніямъ, кажется уже въ губерна-

торство А. Д. Озерскаго, открыто было въ Томскѣ, кромѣ мужскаго тюремнаго комитета и женское отдѣленіе этого комитета, а Филологу Васильевичу привелось быть первымъ секретаремъ и этого отдѣленія. Дѣятельность отдѣленія была направлена, кромѣ заботъ о нуждахъ женщинъ-арестантокъ, и на сиропитательное отдѣленіе для арестантскихъ дѣтей, тогда же возникшее. Впрочемъ, Филологу Васильевичу не долго привелось управлять дѣлами женскаго отдѣленія: состоявшійся вскорѣ переводъ его изъ Томска прекратилъ всякую его дѣятельность въ этомъ городѣ.

III.

Личная дѣятельность Филолога Васильевича въ Томскѣ прекратилась, но не прекратилось его нравственное вліяніе на этотъ городъ. Это видно изъ его переписки съ Томскомъ. Въ числѣ его писемъ, между прочимъ, мы нашли слѣдующее письмо. Одинъ изъ его бывшихъ сослуживцевъ взялся преподавать другой предметъ, которымъ онъ раньше не занимался въ гимназіи, и обратился къ Филологу Васильевичу за совѣтомъ объ успѣшномъ преподаваніи этого предмета, а именно *законовѣдѣнія*. Отвѣтъ на это письмо характеризуетъ Филолога Васильевича какъ отличнаго преподавателя, не относящагося къ своему дѣлу халатнымъ образомъ.—„Первое и главное условіе преподаванія какого бы то ни было предмета, пишетъ Филологъ Васильевичъ, это то, чтобы ученики видѣли, что учитель самъ съ любовію трудится надъ своимъ предметомъ: при этомъ условіи молодежь живо привязывается къ преподавателю и слѣдитъ за его преподаваніемъ. Первые годы вамъ, разумѣется, придется самимъ готовиться къ урокамъ и вотъ въ этомъ уже ваша сила, ваше преимущество предъ другими преподавателями, которые, прослужа нѣсколько лѣтъ, большею частію считаютъ это приготовленіе къ урокамъ для себя излишнимъ. По мнѣнію моему въ тѣ дни, когда преподаватель идетъ въ классъ, не пробѣжавъ, по крайней мѣрѣ, въ умѣ предметъ, о которомъ онъ будетъ говорить, въ эти дни гораздо лучше, если преподаватель не будетъ проходить впередъ, а займется весь урокъ повтореніемъ съ учениками пройденнаго, или даже просто займется чтеніемъ какой либо книги, относящейся къ преподаваемому предмету. Я живо помню тѣ несчастные уроки, когда я входилъ въ классъ не приготовившись, не обдумавъ предварительно, какъ и о чемъ буду я говорить и когда преподавая я въ то же время долженъ былъ составлять и самый планъ преподаванія: ученики какъ бы чутьемъ догадывались, что учитель самъ желаетъ скорѣйшаго окончанія класса, вниманіе ихъ видимо утомлялось, дѣло не шло впередъ. И какая разница въ противномъ случаѣ! Обдумавъ предстоящій урокъ, я зналъ гдѣ и какъ именно остановить вниманіе учениковъ: я помнилъ, что это дѣти или юноши, молодая душа которыхъ живо встрепенется, когда ихъ вызываешь на сочувствіе къ какому-нибудь закону, ограждающему отъ несправедливости и незаслуженныхъ страданій, когда докажешь имъ пользу закона не одною только фразою, но пояснишь дѣйствительно бывшимъ или возможнымъ при-

мѣромъ изъ жизни, когда вызовешь ихъ отвращеніе или негодованіе къ какому нибудь грязному дѣлу, преслѣдуемому закономъ, когда въ одно и то же время указывая необходимость предупредительныхъ и карательныхъ законовъ, внушить имъ мысль, что не смотря на страданія преступника предъ карою закона можно и должно въ то же время въ лицѣ его любить человѣчество. О, тогда дѣти полюбятъ законы, они будутъ видѣть въ нихъ не одну мертвую букву, но именно живительную и двигающую силу цѣлаго государственнаго организма!

Съ отъѣздомъ Филолога Васильевича изъ Томска дѣятельность комитета пала. Только 10 мѣсяцевъ спустя, одинъ изъ членовъ комитета писалъ Филологу Васильевичу въ Тобольскъ: „Комитетъ далеко отсталъ въ дѣятельности передъ вашимъ управленіемъ: у меня еще книги не закончены за декабрь по тому случаю, что не взносятъ денегъ не только директоръ, но и самъ В. П. Я почти каждый день ѣзжу въ совѣтъ по сему случаю и возвращаюсь безъ успѣха“... Изъ другаго письма мы узнаемъ: „Дѣлопроизводство по комитету далеко отстало съ прежнимъ временемъ; вотъ нѣсколько словъ объ этомъ: бумаги, даже не требующія ни малѣйшей остановки, лежатъ по нѣсколько мѣсяцевъ недоложенными его превосходительству, который почему то смотритъ на все это сквозь пальцы; журналы же, изготовленные Котинымъ, подвергаются слѣдующей операціи: писанные въ декабрѣ перечищаются на генваръ, наконецъ проходитъ генваръ—нужно передѣлать февралемъ, а тамъ при почисткѣ на одномъ и томъ же мѣстѣ вдругъ образовалась дыра! и потому снова за переписку... все сказанное примите за истину“, оканчиваетъ авторъ этого письма.

Тринадцать лѣтъ пробылъ Филологъ Васильевичъ учителемъ въ Томской гимназіи. Много трудовъ и порученій, какъ мы видѣли, сверхъ учительской обязанности, возлагались на него въ этотъ періодъ времени, какъ по распоряженію начальства, такъ и по личному его вызову. И опытъ, пріобрѣтенный при такой разнородной дѣятельности въ Томскѣ, Филологу Васильевичу очень пригодился впослѣдствіи. „Судя по собственному опыту, писалъ онъ однажды изъ Тобольска въ Томскъ, я съ убѣжденіемъ говорю, что чѣмъ разнообразнѣе дѣятельность въ первые годы службы, тѣмъ болѣе даетъ она полезныхъ результатовъ впослѣдствіи. Какъ часто я сожалѣю нынѣ, что вмѣсто тринадцати почти лѣтъ, проведенныхъ мною на должности учителя одного и того же предмета, законоучительнія, я не имѣлъ возможности употребить это время поочередно на преподаваніе четырехъ или даже пяти предметовъ: правда, что въ три года нельзя сдѣлаться преподавателемъ, вполнѣ удовлетворяющимъ всѣмъ требованіямъ, но за то сколько пользы ожидать можно было бы послѣ этой подготовки при преподаваніи окончательно избраннаго предмета. Съ другой стороны, какъ долженъ я благодарить Бога, что втеченіе прежняго времени имѣлъ случай быть надзирателемъ и кромѣ того ознакомиться съ посторонними, повидимому, для педагога родами службы“.

IV.

9 марта 1862 года приказомъ управлявшаго министерствомъ народнаго просвѣщенія Филологъ Васильевичъ, неожиданно для него самого, былъ опредѣленъ, минуя инспекторскую должность, прямо на должность директора училищъ Тобольской губерніи. Радостно онъ встрѣтилъ это опредѣленіе, хотя и тревожился за свою неопытность и неподготовленность къ разнороднымъ занятіямъ директора. Съ отраднымъ чувствомъ онъ вспоминалъ, что послѣ поэта П. П. Ершова, преемникомъ котораго онъ былъ въ Тобольской гимназіи, онъ былъ вторымъ изъ сибиряковъ, достигшихъ должности директора, такъ какъ большею частію всѣ высшія должности по существовавшему порядку замѣщались пріѣзжавшими изъ внутреннихъ губерній.

Назначеніе Филолога Васильевича въ Тобольскъ, кажется, всѣми было встрѣчено весьма сочувственно какъ въ Томскѣ, такъ и въ другихъ мѣстахъ, гдѣ были люди, отлично знавшіе всѣ прекрасныя качества этого рѣдкаго человѣка. Такъ, изъ Оханска пишетъ ему одинъ пріятель: „Вашъ умъ и сердце не только привлекутъ къ вамъ новыхъ друзей въ Тобольскѣ, но, рано или поздно, оцѣнятся достойно и тѣми, которые, по дьявольскому навожденію, вдались во вражду“. „Люблю тебя, пишетъ Филологу Васильевичу другъ изъ Барнаула, и уважаю все такжѐ, какъ и въ былое время, да еще, кажется мнѣ, и больше, потому что начинаютъ сбываться пророчества души моей: какой-то тайный голосъ сердца говоритъ мнѣ, что другъ мой пойдетъ высоко по жизненному пути своему и мнѣ тѣмъ доставитъ святую радость въ оправданіе надеждъ моихъ,—это сбывается и душа моя ликуетъ! Часто, часто воспоминанія сердца моего невольно заставляютъ меня думать о тебѣ, какъ о прекраснѣйшемъ явленіи между немногими въ жизни моей—вотъ въ чемъ состоитъ вся суть потребности души моей относительно тебя. Ты не можешь вообразить, а я не могу выразить, сколько мнѣ приноситъ радостей и удовольствія каждое письмо твое!! Тебѣ покажется страннымъ, когда я скажу тебѣ, что я предвидѣлъ въ тебѣ то, что ты теперь есть, послѣ перваго впечатлѣнія при первомъ нашемъ свиданіи въ началѣ сороковыхъ годовъ. Вижу, ты улыбаешься. Такъ нѣтъ! я скажу тебѣ болѣе: я ожидалъ, что ты будешь, въ сравненіи съ твоимъ настоящимъ, наибольшимъ дѣятелемъ на пользу государственную. Ты былъ юноша, а я взрослымъ уже мущиной, и почему же, кто могъ запретить мнѣ думать по моему произволу? Но я умиротворился и любуюсь твоимъ настоящимъ, потому что ты и самъ, благодаря Бога, доволенъ своимъ состояніемъ; такъ отдай же мнѣ мою радость о тебѣ, радость искреннюю, сердечную, непреложную!“ Послѣ этихъ словъ, дышащихъ самою тѣсною дружбою и самою задушевною привязанностію, которая, какъ видно, способна предвидѣть, приведемъ отрывокъ изъ письма Веніамина, епископа Селенгинскаго, а въ настоящее время—Иркутскаго: „Поздравляю васъ съ новою должностью. Я и прежде поздравлялъ васъ, но тогда поздравленіе относилось къ будущему, а теперь уже къ настоящему. Тогда говорилъ и теперь скажу, что я

Библиотека Тобольского Гос. Музея инв. № 12597

душевно радуюсь за Тобольскую гимназію, что Господь послалъ ей такого начальника". Послѣ многихъ такихъ выраженій искренняго сочувствія и добрыхъ пожеланій Филологъ Васильевичъ усердно принялся за свою новую дѣятельность, которая, какъ видно, не мало интересовала, между прочимъ и Томскъ и Томскую гимназію. „Скажу вамъ откровенно, пишутъ ему оттуда, что во всѣхъ вашихъ начинаніяхъ много хорошаго и добраго. Дай же, Боже, вамъ получать отъ нихъ желаемыхъ вами успѣховъ. Чувство мое предвѣщаетъ мнѣ видѣть въ васъ достойнаго дѣятеля на пользу ввѣренныхъ вамъ заведеній. Желаю отъ души имѣть вамъ любовь и уваженіе отъ своихъ сослуживцевъ и надѣюсь, что вы вполнѣ ихъ заслужите".

Вотъ теперь и интересно было бы прослѣдить плодотворную дѣятельность Филолога Васильевича и увидѣть, сбылись ли всѣ эти ожиданія и надежды на Филолога Васильевича, также какъ и сердечныя предвѣщанія искренно любившихъ его людей.

Прежде всего необходимо показать ту обстановку, въ которой онъ очутился на первыхъ же порахъ своей новой дѣятельности. Въ своемъ письмѣ къ тестю онъ пишетъ: „Много хлопотъ служебныхъ собственно по гимназіи представили мнѣ послѣдніе мѣсяцы нынѣшняго года отъ перемѣнъ въ составѣ гимназіи, частію зависѣвшихъ и частію не зависѣвшихъ отъ меня. Первыя хлопоты надѣлали мнѣ болѣзнь и потомъ смерть моего ближайшаго помощника по гимназіи—инспектора. Отправляясь сюда изъ Томска, я получилъ отъ главнаго инспектора слѣдующія два словесныя распоряженія: 1) „Въ лицѣ нынѣшняго инспектора", говорилъ онъ, „вы не найдете себѣ помощника и вамъ приведется работать и за себя, и за него: но потерпите до генваря 1864 года, когда онъ выслужитъ срокъ на пенсію"; 2) „Вообще при замѣченныхъ недостаткахъ подчиненныхъ старайтесь щадить людей, давно уже служащихъ; потому что причины недостатковъ по большей части не въ нихъ самихъ, а въ ихъ начальникахъ, которые не успѣли во время исправить ихъ недостатки". То и другое наставленіе я исполнялъ въ точности. Въ инспекторѣ я нашелъ человѣка доброй души и благородныхъ правилъ, но который не только самъ ничего не дѣлалъ, не только мнѣ не помогалъ, но, какъ оказывалось въ послѣдствіи, еще препятствовалъ, хотя безъ всякаго намѣренія, моимъ распоряженіямъ. Такъ, напримѣръ, если я дѣлалъ какое нибудь строгое распоряженіе, онъ, исполняя его, старался по добротѣ своей сколь можно смягчить его и потому иногда измѣнялъ его, вовсе самъ того не замѣчая. Напакостятъ-ли что нибудь ребятишки, онъ или вовсе скроетъ отъ меня, или представитъ мнѣ дѣло въ другомъ видѣ. По совершенному невниманію къ исполненію своихъ обязанностей онъ многое откладывалъ и многое совсѣмъ забывалъ: такъ по смерти его оказалось неисполненною, вѣроятно по забывчивости, одна довольно серьезная бумага, полученная имъ отъ меня въ октябрѣ прошлаго года. Начавшаяся вскорѣ послѣ моего пріѣзда изъ Омска въ іюлѣ мѣсяцѣ болѣзнь его, сначала не казавшаяся опасною, еще болѣе усилила разстройство по дѣламъ инспекторскимъ. Болѣзнь

усиливалась, а онъ не сдавалъ должности, частію потому, что не хотѣлось передать дѣлъ въ безпорядкѣ, который онъ самъ видѣлъ и сознавалъ, а частію потому, что боялся, не смотря на мои увѣренія, чтобы не быть уволеннымъ по болѣзни въ отставку до выслуги срока на пенсію. Наконецъ при сильномъ уже развитіи болѣзни въ концѣ сентября сдалъ кое что изъ своихъ дѣлъ и обязанностей, но въ полномъ безпорядкѣ: достаточно сказать, что одна изъ шнуровыхъ книгъ сдана бѣлою съ приложеніемъ нѣсколькихъ клочковъ бумаги съ замѣтками о томъ, что слѣдуетъ записать въ книгу. Послѣ смерти его обнаружился такой же хаосъ въ находившемся на рукахъ больнаго остальномъ казенномъ имуществѣ, да къ этому еще прибавились хлопоты и заботы о приведеніи въ извѣстность его собственнаго имущества, которое сберечь и сохранить для наслѣдниковъ составляло мою служебную и человѣческую обязанность. Еще не легче было мнѣ исполнить второе назначеніе главнаго инспектора. Предмѣстникъ мой, самъ придерживавшійся въ послѣднее время чарочки, оставилъ мнѣ канцелярію, въ которой изъ трехъ человѣкъ двое—письмоводитель и бухгалтеръ были горькіе пьяницы. Не проходило мѣсяца, чтобы они по полученіи жалованья не хворали по нѣскольку дней, а иногда и до двухъ недѣль: и съ этими то людьми (изъ которыхъ одинъ дослуживалъ въ нынѣшнемъ году полную, а другой выслужилъ въ прошломъ году половинную пенсіи) я долженъ былъ работать по управленію 38 училищами. Добавьте къ этому еще личность бездарнѣйшаго, безграмотнаго и также пошивавшаго экономa гимназіи, но въ то же время отлично воровавшаго казенныя деньги—и вы поймете, какова была моя обстановка. Я объяснилъ лично въ Омскѣ главному инспектору свою печальную обстановку и получилъ дозволеніе дѣйствовать болѣе рѣшительно“.

По поводу такихъ непривлекательныхъ обстоятельствъ въ самой гимназіи и другихъ дурныхъ сторонъ и безпорядковъ по дирекціи онъ много улаживалъ, приводилъ въ порядокъ и принужденъ бывалъ входить съ представленіями къ своему начальству.

Много пришлось поработать Филологу Васильевичу для того, чтобы поднять, оживить и наладить разрозненный до этого времени и приниженный въ собственныхъ глазахъ Тобольскій учительскій персоналъ. Онъ дѣйствовалъ въ этомъ дѣлѣ то путемъ оффиціальныхъ педагогическихъ совѣщаній, результаты которыхъ предавались гласности чрезъ напечатаніе въ Тобольскихъ губернскихъ вѣдомостяхъ, то путемъ публичныхъ собраній по педагогическимъ вопросамъ, затрогивавшимъ интересы мѣстнаго общества, то частными домашними и публичными вечерами у себя въ квартирѣ и въ зданіи гимназіи. Къ участію въ этихъ вечерахъ постоянно привлекались, для облагороженія ихъ, и жены педагоговъ. Кажется, не ошибаемся, если скажемъ, что результатомъ всего этого было то, что педагоги полюбили гимназію, полюбили свое дѣло и перестали на него смотрѣть какъ на учительскую повинность, сдружились между собою и стало житься имъ легче, такъ что своему преемнику Филологъ Васильевичъ оставилъ дружный и охотно работавшій препо-

давательскій персоналъ. И здѣсь Филологъ Васильевичъ, какъ и въ Томскѣ, внесилъ духъ сознательнаго труда, миролюбія, дружеской общительности и братскаго единенія.

V.

Не легкое бремя возложено было на Филолога Васильевича съ опредѣленіемъ на должность директора училищъ Тобольской губерніи: кромѣ завѣдыванія гимназіей съ многолюднымъ пансіономъ, которая уже одна достаточна для того, чтобы посвятить на нее всю дѣятельность директора ~~зря~~, на обязанность Филолога Васильевича легло завѣдываніе учебною частью въ Тобольской маріинской женской школѣ вѣдомства учрежденій Императрицы Маріи и, кромѣ того, завѣдываніе девятью уѣздными училищами и всѣми приходскими училищами, раскинутыми на большомъ пространствѣ отъ Березова до Омска и Петропавловска, заключавшемъ въ себѣ около $^2/_3$ Западной Сибири. *)

Независимо отъ прямой своей обязанности, Филологъ Васильевичъ еще и преподавалъ въ Тобольской гимназіи *латинскій* языкъ съ 1871 по 1879 г. въ какомъ-нибудь изъ младшихъ классовъ и *исторію* въ VIII классѣ въ $186^5/_6$ уч. году. Съ латинскимъ языкомъ Филологъ Васильевичъ былъ знакомъ, но не зналъ греческаго. Въ Томской гимназіи не преподавали этого предмета, когда онъ тамъ учился. Чтобы не только имѣть понятіе объ этомъ языкѣ, но чтобы хоть сколько-нибудь контролировать преподаваніе греческаго языка, который былъ введенъ въ Тобольской гимназіи съ 1873 г., онъ самъ, на старости лѣтъ, началъ брать уроки по этому предмету. Въ бумагахъ покойнаго мы нашли тетради его упражненій, въ которыхъ, между прочимъ, написаны имъ погречески и прокомментированы нѣкоторыя утреннія молитвы.

За свою примѣрную дѣятельность, замѣченную, между прочимъ, „Московскими вѣдомостями“, уже въ началѣ октября того же 1862 года, Филологъ Васильевичъ получилъ изъ Омска отъ главнаго инспектора училищъ Западной Сибири благодарность въ слѣдующихъ словахъ: „Искренно благодарю васъ за благоразумныя ваши распоряженія по управленію ввѣренными вамъ учебными заведеніями. Меня вполнѣ радуютъ всѣ мѣры, которыя вы принимаете къ улучшенію учебной и воспитательной части гимназіи. Прекрасно вы дѣлаете, что всѣ свои предначинанія предварительно подвергаете обсужденію педагогическаго совѣта; этимъ путемъ вы лучше всего достигнете желаемыхъ результатовъ, т. е. выясните самое дѣло и ближе ознакомитесь съ своими сослуживцами. Дѣйствуйте такъ и впередъ; автономія ваша отъ этого не только не пострадаетъ, напротивъ, болѣе получитъ значенія. Сотрудники ваши всегда будутъ видѣть въ васъ своего руководителя и справедливаго оцѣнщика своихъ дѣйствій.... Преданный вамъ Поповъ“.

---

*) Это положеніе дѣла въ Тобольской губерніи сохраняется и въ настоящее время — почти во многомъ не вижу.

Итакъ, въ своемъ письмѣ главный инспекторъ говоритъ, что Филологъ Васильевичъ „къ улучшенію учебной и воспитательной части принималъ мѣры, заставляющія радоваться“. Какія же это мѣры были? Самая главная изъ нихъ была слѣдующая: „Въ первый же мѣсяцъ нашей новой дѣятельности, говоритъ Филологъ Васильевичъ въ своей первой актовой рѣчи въ званіи директора Тобольской гимназіи, мы высказали предъ своимъ начальствомъ, что тогда только можемъ надѣяться на правильный ходъ ввѣреннаго намъ заведенія, когда оно будетъ жить одною жизнію съ обществомъ, когда, при непремѣнномъ существованіи контроля нашего высшаго начальства, обществу дана будетъ полная и всегдашняя возможность контролировать ходъ заведенія. Вотъ исходный пунктъ, основная точка, съ которой, присматриваясь и прислушиваясь къ потребностямъ общества, разумѣется, основаннымъ на разумныхъ педагогическихъ началахъ, мы предполагали развивать дальнѣйшую свою дѣятельность“. Въ этой рѣчи, которая характеризуетъ Филолога Васильевича, какъ дѣятеля-педагога въ Сибири, откровенно излагаются его мысли и взгляды на учебно-воспитательное дѣло не только по предначертаніямъ правительства, но и при поддержкѣ общества. Учебно-воспитательное дѣло при началѣ директуры Филолога Васильевича не такъ было организовано и поставлено, какъ теперь, и не было еще нынѣ дѣйствующаго устава. По этому намъ необходимо привести дальнѣйшіе отрывки рѣчи, которыя болѣе всего, конечно, будутъ интересовать лицъ педагогической профессіи и тѣхъ, которымъ любопытна и близка къ сердцу исторія образованія нашего края. Сказавъ, что онъ считаетъ долгомъ „высказать родителямъ обучаемыхъ въ гимназіи дѣтей основанія, которыхъ онъ держался и намѣренъ держаться при исполненіи своего долга“, и указавъ на вышеприведенный „исходный пунктъ“, Филологъ Васильевичъ продолжаетъ: „Съ этою цѣлію, какъ вамъ извѣстно, каждому члену общества открытъ свободный доступъ въ гимназію, какъ во время учебныхъ занятій, такъ и въ засѣданія педагогическаго совѣта. Этою мѣрою мы обезпечили общество, которое можетъ теперь имѣть убѣжденіе, что въ заведеніи нѣтъ ничего такого, чтобы могло возбуждать въ родителяхъ опасеніе за участь довѣряемыхъ заведенію дѣтей. Этою мѣрою мы обезпечили самихъ себя противъ всякаго рода несправедливыхъ и подъ часъ безъименныхъ обвиненій, которыя терпятъ другія заведенія, равно противъ всякаго рода апатіи и охлажденія къ труду самихъ себя и своихъ сослуживцевъ. Одинъ изъ васъ, милостивые государи, въ частной бесѣдѣ съ нами высказывалъ убѣжденіе, что всякій дѣятель дѣйствуетъ горячо и съ усердіемъ только при началѣ своей новой дѣятельности: такова будто-бы русская натура. Ну что-жъ! если-бы и дѣйствительно это было свойство русской натуры, такъ въ вашемъ контролѣ, въ вашемъ общественномъ надзорѣ мы найдемъ возбудительную силу, которая не допуститъ насъ до усыпленія, до холоднаго равнодушія къ своему дѣлу. Тяжело ли, или легко наше положеніе при этомъ общественномъ контролѣ, вы сами изволите сдѣлать заключительный выводъ. Открытыя засѣданія педагогическаго совѣта, какъ нѣко-

торые изъ васъ изволили видѣть, не были одною парадною выставкою заведенія въ праздничномъ нарядѣ, подъ которымъ могутъ быть спрятаны всѣ неисправности и прорѣхи, а предметы засѣданій нашихъ не придумывались для забавы или развлеченія общества: на этихъ засѣданіяхъ каждый членъ общества видѣлъ и слышалъ образъ мнѣній и дѣйствій каждаго изъ насъ. Но этому-то, какъ сейчасъ нами сказано, намъ не нужно уже отвѣчать на вопросы, какъ бы поступилъ новый начальникъ заведенія въ томъ или другомъ случаѣ. Чего не привелось намъ высказать при этихъ засѣданіяхъ или на что вызывали насъ отвѣчать органы педагогической литературы, мы разъясняли и отвѣчали въ здѣшнихъ губернскихъ вѣдомостяхъ. Первою нашею мыслію было поддержать и усилить значеніе педагогическаго совѣта, на обсужденіе котораго мы передавали всѣ вопросы, гдѣ единоличное распоряженіе могло бы производить дисгармонію въ общемъ направленіи учебнаго заведенія. Мы предоставляли и просили каждаго изъ нашихъ сослуживцевъ высказывать съ полною свободою свои мнѣнія по предлагаемымъ вопросамъ и не оставляли ни одного мнѣнія до тѣхъ поръ, пока оно не было обсуждено со всѣхъ сторонъ. Мы дорожили общимъ единодушнымъ согласіемъ всѣхъ членовъ совѣта, которое придавало огромную нравственную силу всѣмъ его постановленіямъ и нынѣ душевно радуемся, что имѣемъ право предъ вами и предъ нашими сослуживцами публично заявить о согласіи, которое существовало между нами въ истекшемъ году. Найдутся три—четыре постановленія совѣта, гдѣ путемъ всесторонняго обсужденія, мы не могли достичь единогласнаго заключенія; но и здѣсь, къ чести нашихъ сослуживцевъ, мы обязаны сказать, что несогласныя отдѣльныя мнѣнія не производили разлада между членами заведенія. Мы дорожили силою и значеніемъ постановленій педагогическаго совѣта и, какъ бы ни казались иногда тяжелы ихъ послѣдствія, мы старались приводить ихъ въ исполненіе. Таковъ былъ, милостивые государи, образъ дѣйствій и отношеній нашихъ къ педагогическому совѣту. Относительно каждаго изъ преподавателей въ отдѣльности мы не принимали на себя не принадлежащей намъ роли давать наставленія или указанія въ образѣ преподаванія имъ своего предмета въ томъ убѣжденіи, что съ одной стороны всякій преподаватель —главный компетентный судья въ своемъ дѣлѣ и что съ другой стороны только свободный самостоятельный трудъ легокъ и приноситъ истинную пользу. Мы желали только, чтобы каждый изъ преподавателей до начала курса изложилъ путь, которому онъ намѣренъ слѣдовать и пріемы, которыхъ намѣренъ держаться, и чтобы эти предположенія предварительно были повѣрены и утверждены педагогическимъ совѣтомъ. Въ остальномъ мы болѣе довѣряли не столько личному, не могущему быть постояннымъ, своему надзору, насколько сознанію своихъ обязанностей каждымъ изъ наставниковъ: на сколько каждый изъ нихъ воспользовался этою свободою, вы отчасти можете судить по тѣмъ результатамъ, которые нѣкоторые изъ васъ видѣли на открытыхъ испытаніяхъ учениковъ VII класса. Здѣсь, къ слову, мы желали бы отъ лица заведенія объявить нашу признательность одному изъ васъ, милостивые

педагогическаго совѣта Тобольской гимназіи, на которыя полагались столь большія надежды.

VI.

Дѣло началось слѣдующимъ образомъ. „Вакаціонное время, говоритъ Филологъ Васильевичъ въ губернскихъ вѣдомостяхъ, есть самое удобное для каждаго педагога, когда онъ, свободный отъ своихъ обычныхъ ежедневныхъ трудовъ, можетъ спокойно взглянуть на результаты своей годовой дѣятельности: въ это время онъ можетъ съ точностію опредѣлить какъ всѣ представлявшіяся ему препятствія къ болѣе успѣшному преподаванію, такъ и то, что именно нужно ему, чтобъ этихъ препятствій не существовало въ предстоящемъ учебномъ году. Съ этою цѣлью каждый изъ наставниковъ Тобольской гимназіи составилъ къ концу іюля 1862 г. и представилъ на разсмотрѣніе свои письменныя замѣчанія о томъ, что находитъ онъ нужнымъ для успѣшнаго преподаванія своего предмета. Замѣчанія эти, по мѣрѣ поступленія ихъ, разсматривались въ совѣтахъ до начала учебнаго курса и вмѣстѣ съ заключеніями совѣта печатались по порядку засѣданій въ мѣстныхъ вѣдомостяхъ“.

„Для печатанія журналовъ педагогическаго совѣта Тобольской гимназіи и отдѣльныхъ мнѣній его членовъ мы избрали органомъ „Тобольскія вѣдомости“, потому что какъ гимназія существуетъ для мѣстнаго общества, такъ и „губернскія вѣдомости“ должны служить органомъ и отголоскомъ всѣхъ мѣстныхъ событій и указателемъ мѣстныхъ же потребностей общества“.

На призывъ директора отозвались всѣ преподаватели, начиная отъ законоучителя и кончая учителемъ искусствъ. Они представили свои мнѣнія, которыя затѣмъ были напечатаны, о препятствіяхъ къ успѣшному преподаванію своего предмета и о желательныхъ улучшеніяхъ. Мнѣнія совѣта объ этихъ вопросахъ и правила, касающіяся учениковъ о ихъ занятіяхъ по преподаваемымъ предметамъ, были напечатаны для свѣдѣнія родителей и воспитателей. „Неисполненіе этихъ правилъ, прибавляетъ совѣтъ гимназіи, будетъ объяснено начальствомъ гимназіи какъ не желаніе самихъ родителей подчиняться требованіямъ школы и потому дастъ начальству гимназіи полное право на исключеніе ихъ дѣтей изъ гимназіи“. Дѣло, такимъ образомъ, въ гимназіи было поставлено на серьезную почву. Въ 50 № Тобольскихъ губернскихъ вѣдомостей за 1862 г. интересно мнѣніе учителя географіи Кузьмина о главнѣйшихъ причинахъ, препятствующихъ ходу преподаванія въ гимназіи, которыя были общи всѣмъ вообще русскимъ гимназіямъ. „Среди мѣръ, говоритъ Кузьминъ, способствующихъ улучшенію преподаванія и возможно тѣсной связи между семьей и школой, можно совѣтовать сближеніе педагоговъ для обмѣна живыхъ идей и наблюденій, почерпнутыхъ изъ педагогической практики, объединеніе взглядовъ, пріемовъ преподаванія и обращенія съ воспитанниками и болѣе общирное знакомство съ каждымъ отдѣльнымъ мальчикомъ, при чемъ можетъ быть достигнута болѣе справедливая оцѣнка занятіямъ воспитанниковъ,

государи, который съ самаго начала до конца этихъ испытаній, продолжавшихся около мѣсяца, постоянно присутствовалъ на всѣхъ этихъ испытаніяхъ и тѣмъ самымъ доказалъ искреннее сочувствіе нашему дѣлу.... Религіозное направленіе, трудъ и честность—вотъ три начала, которыя мы полагаемъ въ основу воспитанія. Да! мы требуемъ отъ дѣтей религіознаго направленія, потому что не вѣримъ, не думаемъ, чтобы воспитаніе могло ограничиться одними нравственными началами; мы требовали и требуемъ отъ дѣтей серьезнаго положительнаго труда, потому что мы не хотѣли бы дать обществу тѣхъ жалкихъ дѣятелей, которые пріучены дѣлать дѣло нехотя, на авось, какънибудь; мы были строги въ своихъ обличеніяхъ нечестныхъ побужденій, которыя, къ счастію, и представлялись намъ въ весьма немногихъ случаяхъ. Относительно такъ-называемыхъ дурныхъ поступковъ дѣтей мы были того убѣжденія, что собственно говоря не можетъ быть такихъ проступковъ, которые не могли бы быть изглажены одними нравственными мѣрами, однимъ разумнымъ правильнымъ образомъ дѣйствій со стороны воспитателя: нѣтъ такой смертельной язвы въ душѣ дѣтей, которая не могла бы быть исцѣлена внимательнымъ и любящимъ уходомъ за больнымъ дитятею со стороны педагога-воспитателя. Но исцѣленіе это не всегда совершается быстро и въ общественномъ заведеніи злокачественная болѣзнь, прежде чѣмъ она будетъ излѣчена, можетъ привиться къ другимъ здоровымъ организмамъ и только въ этомъ единственномъ и крайнемъ случаѣ, когда воспитатели не принимали на себя отвѣтственность за нравственное здоровье остальнаго дѣтскаго общества, когда, такъ сказать, заявляли они себя несостоятельными въ возможности исправить испорченную натуру, безъ вреда для другихъ натуръ, въ этомъ только случаѣ мы признаемъ необходимымъ отдѣлить больнаго изъ окружающей среды, отказать ему въ правѣ находиться въ заведеніи. Да, милостивые государи, смѣемъ завѣрить васъ, что общее нравственное собраніе воспитанниковъ гимназіи представляетъ добрыя начала и даетъ хорошіе результаты. Мы радуемся, что считаемъ себя въ правѣ заявить это нынѣ публично. Просимъ повѣрить наше убѣжденіе и, если мы ошибаемся, указать намъ нашу ошибку".

Изъ этихъ словъ мы ясно видимъ направленіе дѣятельности Филолога Васильевича. Одна эта рѣчь и сама по себѣ вполнѣ выражаетъ его симпатичную личность. Онъ въ тяжелое время учебнаго дѣла старался тѣсно связать между собою всѣхъ членовъ педагогическаго персонала гимназіи, возбудивъ въ нихъ неусыпную энергію и возвысивъ въ глазахъ общества, недовѣрчиво смотрѣвшаго на учебныя заведенія; а для большей пользы дѣла онъ старался привлечь вниманіе и контроль общества. Онъ уважалъ общественное мнѣніе, безпристрастной критики котораго не боялся. Это былъ истинный человѣкъ прогресса. „Мы должны ожидать строгой критики, сказалъ онъ при открытіи перваго публичнаго засѣданія, но не будемъ бояться ея; потому что чѣмъ строже критика, тѣмъ болѣе добра можно ожидать отъ нея".

Теперь посмотримъ, какова была судьба этихъ открытыхъ засѣданій

а справедливость сама по себѣ есть уже одно изъ первыхъ воспитательныхъ средствъ.—Другая важная мѣра, дополняющая первую, есть открытіе при губернскихъ вѣдомостяхъ особаго педагогическаго отдѣла для помѣщенія протоколовъ педагогическихъ совѣщаній и общія мѣсячныя вѣдомости, а также и отдѣльныя статьи педагоговъ. Польза этой мѣры та, что она будетъ содѣйствовать сближенію общества и родителей воспитпнниковъ съ гимназіей. Одна гимназія, безъ помощи родителей, не можетъ вполнѣ достигнуть своей цѣли.—Устроить особую библіотеку для воспитанниковъ и предоставить имъ право пользоваться фундаментальной библіотекой". (Кромѣ пансіонской для пансіонеровъ, другой для учениковъ тогда не существовало). И наконецъ „обсуждать методы преподаванія".

Кромѣ всего этого было обращено вниманіе и на нравственность учениковъ. По этому поводу инспекторъ гимназіи печатно заявляетъ: „г. директоръ Тобольской гимназіи предложилъ мнѣ и гг. преподавателямъ нѣсколько вопросовъ о преподаваніи и направленіи нравственности учениковъ гимназіи, чтобы по обсужденіи всѣхъ замѣчаній въ педагогическомъ совѣтѣ, составивъ правила для руководства, дружно идти по правильному пути къ разумному и всестороннему развитію ввѣренныхъ намъ дѣтей. Сочувствуя прекрасному желанію, гг. преподаватели съ полною готовностью исполнили волю г. директора: замѣчанія ихъ разсмотрѣны". При разсмотрѣніи этихъ замѣчаній весьма немногіе педагоги отстаивали умѣренное употребленіе розги, но большинствомъ эта исправительная мѣра была отвергнута. Директоръ въ особенности выразилъ ей свое несочувствіе и составилъ правила, посредствомъ которыхъ учителя безъ розги въ рукахъ должны были вліять на душу и сердце учениковъ и исправлять ихъ нравственность.

Всѣ сказанные вопросы обсуждались публично. Постороннія лица, имѣя полную возможность общественнаго контроля, не имѣли права подавать голосъ, или инымъ образомъ вмѣшиваться въ разсужденія педагогическаго совѣта. Но совѣтъ опредѣлилъ: „Дабы присутствіе постороннихъ лицъ, могущихъ иногда дать полезные совѣты не было безплодно для заведенія, предоставляется право каждому изъ присутствовавшихъ до засѣданія или впослѣдствіи заявить свои мнѣнія директору училищъ (или членамъ совѣта), который можетъ, если признаетъ то нужнымъ, предложить на обсужденіе совѣта эти мнѣнія. Если же кто не получитъ удовлетворенія своей просьбы, имѣетъ право заявить о томъ печатно, съ изложеніемъ своего мнѣнія". Послѣ нѣсколькихъ такихъ совѣтовъ, возбудившихъ интересъ въ мѣстномъ обществѣ и много разговоровъ, Филологъ Васильевичъ печатно заявляетъ: „Мы думаемъ и сознаемъ, что наше преподаваніе и наши педагогическія бесѣды далеко не достигли еще той степени совершенства, чтобы дѣйствительно заслуживали общее вниманіе. Да не сочтетъ никто наши слова за упрекъ, но пусть видитъ въ нихъ одно искреннее желаніе заведенія жить одною жизнью съ обществомъ: мы тогда только почтемъ свою задачу вполнѣ исполненною, когда каждый изъ членовъ здѣшняго общества будетъ говорить и думать о гимна-

зіи: „Это наше родное заведеніе, гдѣ воспитываются наши дѣти, гдѣ учатъ ихъ добру, гдѣ наставники не смущаются отъ нашего надзора, потому что честно и съ любовію исполняютъ свой долгъ, куда мы можемъ спокойно и свободно зайти во всякое время, встрѣтить тамъ искренній привѣтъ и своими глаза и увидѣть, какъ наставники цѣнятъ то довѣріе, которое мы оказали, поручивъ ихъ руководству своихъ дѣтей“.

Благодаря всѣмъ сказаннымъ мѣрамъ, Тобольскую гимназію въ короткое время нельзя было узнать. Не было прежней безалаберности и безпорядковъ. Успѣхи и поведеніе учениковъ замѣтно повышались. Ученики перестали отличаться очень неаккуратнымъ посѣщеніемъ уроковъ, чѣмъ преимущественно страдали до этого ученики старшихъ классовъ, и не являлись совсѣмъ безъ книгъ, какъ это бывало прежде очень многіе изъ нихъ себѣ позволяли. Для болѣе полнаго, на сколько это могла сдѣлать гимназія, развитія и облагороженія молодыхъ людей Филологъ Васильевичъ устроилъ при заведеніи мастерскую для токарныхъ и переплетныхъ работъ (тутъ же склеивали и геометрическія фигуры) и открылъ музыкальный классъ, на который сразу записалось 30 учениковъ, почти не имѣвшихъ понятія о музыкѣ. Съ такимъ большимъ музыкальнымъ классомъ трудно было управляться одному учителю, но успѣхъ не терпѣлъ ущерба, благодаря безмездной дѣятельной помощи одного ученика-музыканта изъ старшаго класса.

VII.

При такихъ благопріятныхъ условіяхъ можно было въ гимназіи работать съ успѣхомъ и возлагать на нее самыя лучшія надежды. Болѣе или менѣе въ томъ же направленіи онъ пробуждалъ дѣятельность и въ прочихъ заведеніяхъ губерніи. Вездѣ онъ взбудоражилъ давнишнюю плѣсень и старался постепенно снимать ее. Своей энергіей и преданностью своему дѣлу онъ возбудилъ къ себѣ общія симпатіи, а также и сочувствіе и вниманіе общества къ учебнымъ заведеніямъ, выразившееся на дѣлѣ и въ печатномъ словѣ. Въ губернскихъ вѣдомостяхъ стали появляться статьи педагогическаго содержанія, въ одной изъ которыхъ сказано слѣдующее: „Безъ нравственной поддержки мѣстнаго общества, среди котораго и для котораго существуетъ заведеніе, оно если и можетъ достигнуть возможно полнаго совершенства, то не легкимъ, тяжелымъ путемъ. Сочувствіе общества и его личное убѣжденіе относительно образа внутренней жизни заведенія облегчитъ трудъ педагоговъ, поддержитъ ихъ дѣятельность, поощритъ ихъ при исполненіи добрыхъ начинаній, предохранитъ ихъ отъ несправедливыхъ иногда упрековъ, а при случаѣ укажетъ имъ и ихъ ошибки и отступленія отъ раціональнаго пути“. Другая статья говоритъ: „При всѣхъ усиліяхъ правительства поднять уровень народнаго образованія, провести въ устроенныя и содержимыя имъ училища начала благородныя и гуманныя, мы никогда не дождемся перемѣнъ къ лучшему, пока само общество будетъ оставаться тупо равнодушно къ своимъ собственнымъ интересамъ. Рутина и невѣжество такъ сильны и живучи осо-

бенно въ захолустьяхъ, что одного начальственнаго контроля слишкомъ недостаточно для того, чтобы предотвратить грубыя уклоненія отъ началъ благородства и гуманности со стороны лицъ, завѣдывающихъ дѣломъ образованія. Въ этомъ случаѣ могутъ помочь только такія сильныя средства, какъ-печатная гласность и общественный судъ". Филологъ Васильевичъ и самъ указываетъ на это общественное сочувствіе, которое болѣе всѣхъ радовало его самого. Упомянувъ объ открытыхъ засѣданіяхъ педагогическаго совѣта, Филологъ Васильевичъ говоритъ: „Мы считаемъ не лишнимъ при изложеніи фактовъ, опредѣляющихъ степень сочувствія мѣстнаго общества къ учебнымъ заведеніямъ, указать на послѣдствія, вызванныя приглашеніемъ нашимъ всѣхъ желающихъ лично знакомиться со внутреннею жизнью заведенія и посѣщать во всякое время гимназію... Всѣхъ особъ, посѣщавшихъ гимназію съ 12 октября до первыхъ чиселъ декабря было 24 особы, въ числѣ которыхъ были 4 дамы. (На урокахъ было 29 посѣщеній, въ пансіонѣ 2, на педагогическихъ совѣщаніяхъ, которыхъ втеченіе этого времени было 3, общимъ числомъ было 25 посѣщеній).—Въ полномъ убѣжденіи, что высказанное тѣмъ или другимъ путемъ истинное сочувствіе членовъ общества къ довѣренному школѣ дѣлу воспитанія дѣтей не нуждается ни въ похвалахъ, ни въ благодарностяхъ, мы тѣмъ не менѣе думаемъ, что оно нуждается въ гласномъ заявленіи; по крайней мѣрѣ каждый членъ общества въ правѣ желать имѣть подъ рукою факты, на основаніи которыхъ онъ могъ бы самъ составить себѣ нѣкоторое понятіе о томъ, на сколько то или другое учебное заведеніе заслужило довѣріе общества. Съ этою цѣлью мы поставили себѣ обязанностью по временамъ сообщать публикѣ тѣ факты, въ которыхъ выразилось сочувствіе общества къ учебному заведенію. Мы будемъ сообщать только тѣ факты, которые, пройдя оффиціальнымъ путемъ, не нуждаются въ своемъ подтвержденіи и при томъ постараемся при изложеніи этихъ фактовъ, чтобы не впасть въ увлеченіе, воздержаться отъ всякихъ сужденій и выводовъ, предоставляя читающей нашу губернскую газету публикѣ самой дѣлать эти выводы". Приводя факты сочувствія общества школьно-образовательному дѣлу въ разныя заведенія дирекціи денежными пожертвованіями, лично внесенными жертвователями въ училища или добытыми посредствомъ устройства спектаклей, Филологъ Васильевичъ приводитъ интересный фактъ денежнаго пожертвованія однимъ лицомъ для открытія дѣтской публичной библіотеки въ Тюмени съ 1 января 1863 года. „Основаніе такой публичной дѣтской библіотеки, если не ошибаемся, новость въ русскомъ педагогическомъ мірѣ, прибавляетъ Филологъ Васильевичъ; у насъ есть и публичныя и дѣтскія библіотеки, но мы не помнимъ, были ли гдѣ устраиваемы публичныя библіотеки книгъ исключительно дѣтскаго чтенія". Этимъ заявленіямъ вполнѣ отвѣчаютъ слѣдующія слова изъ чьей то статьи „Отношенія между жителями и учебными заведеніями въ окружныхъ городахъ: (Тоб. губ. вѣд. № 4, 1864 г.) „Учебное вѣдомство утвержденіемъ въ городахъ Тобольской губерніи публичныхъ библіотекъ открыло мѣстнымъ жителямъ доступъ къ самообразованію; облегчило для простаго

народа путь къ разумной жизни и, полагая незначительную плату за право чтенія, сдѣлало удобнымъ для каждаго бѣдняка принятіе умственной пищи, безъ которой человѣкъ, по словамъ божественнаго учителя, „умираетъ съ голоду“. „Грѣшно жаловаться на несочувствіе передовыхъ людей нашего общества къ училищамъ послѣ того, какъ извѣстно всѣмъ, что всѣ женскія учебныя заведенія открыты и существуютъ теперь на пожертвованную сумму, да и другія въ пользу училищъ жертвованія, о которыхъ мѣстная наша газета приноситъ вѣсти, ясно рекомендуетъ сочувствіе общества“. Къ этому надо еще прибавить одно цѣнное доказательство сочувствія къ просвѣщенію, возбужденнаго Филологомъ Васильевичемъ среди мѣстнаго общества. Интересъ къ великому дѣлу просвѣщенія народа сталъ охватывать и учителей низшаго разряда школъ. Такъ въ 28 № Тобольскихъ вѣдомостей за 1863 г. появилась статья тюменскаго приходскаго учителя „О частныхъ училищахъ“, о которой редакція газеты заявляетъ: „Мы съ удовольствіемъ печатаемъ эту статью какъ видимое доказательство проявляющагося въ обществѣ участія къ дѣлу народнаго образованія. Если читатели обратятъ вниманіе на *содержаніе* и *форму* статьи, то едва ли могутъ возникнуть съ ихъ стороны возраженія противъ важнаго значенія приводимаго доказательства“. Форма статьи—простой безъискуственный разсказъ, содержащій одну только правду о недостаткахъ мѣстнаго начальнаго просвѣщенія. Авторъ пытается объяснить, почему многіе родители низшаго класса избѣгали приходскія училища и отдавали своихъ дѣтей для первоначальнаго обученія какому-нибудь полуграмотному и въ большинствѣ случаевъ пьяному чарошнику, бывшему писарю, солдату, дьячку и т. п. господамъ и кромѣ того, желаетъ „знакомить публику съ этими маленькими частными школами и ихъ малограмотными учителями, чтобы показать, какими средствами для образованія своихъ дѣтей обладаетъ общество“. „Если бы приходскія училища были хороши, говоритъ онъ, никто бы не сталъ отдавать своихъ дѣтей къ подобнымъ частнымъ учителямъ. Главная причина--*приходскія училища не хороши*. Кто основалъ училище?—правительство. Кто содержитъ училище?—общество. Почему оно содержитъ училище?—Потому что приказано. А если бы не было приказанія?—Не было бы и училищъ. Вотъ до какого результата можно дойти!... Общество должно понять, что училища вовсе не такія заведенія, до которыхъ ему нѣтъ никакого дѣла: вѣдь въ нихъ учатся и воспитываются ихъ собственныя дѣти. Они должны знать, какъ ихъ дѣти воспитываются. Не нужно много и знанія для этого: можно чувствовать, хотя и безсознательно, что это хорошо, а то худо. А если оно увѣрилось, что худо учатъ и воспитываютъ ихъ дѣтей, то не должно сидѣть сложа руки: оно должно дознаться отчего дѣтей нехорошо учатъ, должно постараться о томъ, чтобы хорошо учили... Итакъ, общество должно подумать во первыхъ, чтобы было столько училищъ, сколько нужно, дабы не имѣть необходимости отдавать дѣтей своихъ въ руки непрошенныхъ педагоговъ, если это происходитъ отъ недостатка въ училищахъ. Должно затѣмъ позаботиться, чтобы въ училищахъ были хорошіе учителя, а хорошіе учителя

даромъ не даются. Общество должно найти средства дать учителямъ такое вознагражденіе, за которое не отказался бы потрудиться хорошій учитель. И сдѣлавши все это, всетаки должно слѣдить, въ лицѣ своихъ представителей, все-ли идетъ хорошо. Для того, чтобы сдѣлать себѣ же доброе дѣло, нѣтъ надобности дожидаться приказаній начальства. Нужно и самому о себѣ подумать". (Въ этой статьѣ сказанный тюменскій педагогъ, описывая достоинства и пріемы обученія самозванныхъ учителей, говоритъ про одного портнаго, который „за ученіе больше рубля съ четвертью ассигнаціями въ мѣсяцъ не бралъ, а то 30, 35 копѣекъ только возьметъ. Училъ все больще по знакомству. Ему было вовсе запретили учить: квартальный приходилъ и запрещалъ; но онъ ходилъ куда-то и экзаменъ выдержалъ Дали ему какой-то листъ. „Вотъ, говоритъ, теперь я могу всякому запретить, у кого нѣтъ такого листа. Да Богъ съ ними! я не хочу ихъ хлѣба куска лишать". Этотъ учитель пользовался довѣріемъ своихъ учениковъ, которые помимо своихъ родителей обращались къ нему за разрѣшеніемъ взаимныхъ обидъ).

VIII.

Изъ всего нами сказаннаго вполнѣ явствуетъ, что въ нашей захолустной губерніи, все еще отличающейся отсталостью, неподвижностью, дикостью сибирскихъ нравовъ и нравовъ ссыльнаго элемента, а также разными безобразіями, подчасъ вопіющими, педагогическія идеи и умѣлая энергія Филолога Васильевича нашли себѣ благопріятную почву, въ которую они начали глубоко проникать. Какъ педагоги наши, такъ и общество начали переживать какую-то новую, не мало добраго обѣщающую будущему, педагогическую жизнь въ мѣстныхъ школахъ, очень запущенныхъ до этого времени. Филологъ Васильевичъ большую надежду полагалъ на открытыя педагогическія засѣданія и на распространеніе въ губерніи извѣстій о нихъ и педагогическихъ статей чрезъ посредство мѣстнаго органа печати. Конечно, то, что дѣлалось въ губернскомъ городѣ, могло служить примѣромъ и образцомъ для городовъ всѣхъ округовъ губерніи. Но надежды Филолога Васильевича на развитіе этого нововведенія, на пользу возможную отъ него и на возбужденіе интереса къ дорогимъ его сердцу воспитательнымъ вопросамъ, среди спячки, апатіи и испорченности мѣстнаго общества,—къ сожалѣнію не оправдались. Случилось вотъ что: „По приглашенію нашему, заявляетъ Филологъ Васильевичъ, дѣйствительно, въ первые мѣсяцы послѣ заявленія, засѣданія совѣта посѣщались посторонними лицами, но къ концу года стали замѣтно пустѣть, такъ что на многихъ уже не было ни одного посторонняго лица. Одинъ изъ членовъ общества заявилъ намъ, что мы не должны приписывать это охлажденіе общества къ интересамъ заведенія или одному увлеченію новизны, но единственно той неудобной формѣ, въ которой предположено было вносить на обсужденія совѣта мнѣнія посторонних лицъ. Педагогическій совѣтъ, руководствуясь убѣжденіемъ, что въ средѣ общества могутъ находиться люди, мнѣніе которыхъ весьма важно было бы слышать по многимъ вопросамъ, об-

ратился сперва къ разсмотрѣнію причинъ, вызвавшихъ первоначальное его постановленіе. Причины эти заключались въ томъ, что педагогическій совѣтъ опасался, что при живомъ интересѣ предлагаемаго на обсужденіе предмета между членами совѣта и посторонними лицами можетъ возникнуть споръ прежде чѣмъ всѣ члены совѣта—отвѣтственныя лица за его постановленія—передали и обсудили взаимно мнѣнія другъ друга и что споръ этотъ, при несоглашеніи членовъ совѣта съ мнѣніями постороннихъ лицъ, можетъ продолжаться иногда слишкомъ долго и замедлить теченіе дѣлъ, предлагаемыхъ совѣту. Въ видахъ устраненія этихъ неудобствъ со стороны совѣта и доставленіе возможныхъ удобствъ членамъ общества, педагогическій совѣтъ предположилъ повѣрить на опытѣ сдѣланное намъ заявленіе и произвести слѣдующее измѣненіе въ первоначальномъ постановленіи совѣта: открытыя засѣданія совѣта будутъ происходить по прежнему еженедѣльно, но вмѣсто прежняго порядка заявленія мнѣній посторонними лицами установляется слѣдующій: каждый изъ вопросовъ въ отдѣльности, предложенный на разсмотрѣніе совѣта его предсѣдателемъ, будетъ сперва обсуживаться исключительно членами совѣта и по окончаніи сужденій между членами, предсѣдатель обратится съ предложеніемъ къ присутствующимъ посторонимъ лицамъ, не желаютъ ли они сдѣлать какое-либо заявленіе по поводу выслушанныхъ ими мнѣній и заключенія, къ которому приходятъ члены совѣта. Если таковыя заявленія будутъ сдѣланы, тогда члены совѣта приступаютъ къ окончательному рѣшенію вопроса, удерживая за собою право или высказать свои возраженія, или принять мнѣніе, высказанное посторонимъ лицомъ, или, при окончательномъ убѣжденіи въ справедливости своего мнѣнія и ошибочности мнѣнія посторонняго лица, прекратить дальнѣйшія свои возраженія.... Мы въ особенности усерднѣйше просимъ посѣщать наши совѣты родителей учениковъ, какъ лицъ наиболѣе заинтересованныхъ въ общемъ нашемъ дѣлѣ". Но родители, по большей части чиновники, купцы, мелкіе лавочники и ремесленники, будучи заняты своими дѣлами и доходными статьями, почти не являлись на засѣданія. Были и такіе, которые стѣснялись присутствовать на такомъ непривычномъ для нихъ дѣлѣ или просто лѣнились. Приходилось ограничиваться только присутствіемъ людей, хотя не имѣвшихъ дѣтей въ гимназіи, но все-таки болѣе или менѣе интеллигентныхъ. Но и тутъ произошла неудача. Когда вѣсти дошли до высшаго начальства о томъ, что родители не посѣщаютъ открытыхъ засѣданій, велѣно было закрыть ихъ. „Что касается до отмѣны открытыхъ засѣданій педагогическаго совѣта, пишетъ Филологу Васильевичу главный инспекторъ училищъ, то эта мѣра вызвана была несовершеннолѣтіемъ Тобольскаго общества, для обсужденія такихъ важныхъ вопросовъ, каковы вопросы о воспитаніи и образованіи. Почти ни одинъ родитель или близкій родственникъ кого-либо изъ учащихся не принимаетъ участія въ засѣданіяхъ педагогическаго совѣта; въ нихъ являлись большею частію лица, желавшія выставить на показъ свои знанія и порисоваться оригинальностію своихъ мнѣній". На засѣданіяхъ не разъ присутствовалъ и губернаторъ. Лицъ, же-

лавшихъ мѣшать дѣлу, согласно постановленію совѣта, легко можно было остановить. Что же касается родителей и родственниковъ, то, если они сегодня не чувствовали интереса къ открытымъ засѣданіямъ, могли почувствовать къ нимъ стремленіе завтра, а въ особенности въ тѣ минуты, когда это могло по какимъ-нибудь важнымъ обстоятельствамъ касаться судьбы ихъ дорогаго дѣтища. Присутствуя тогда на совѣтѣ, они могли бы болѣе безпристрастно судить о своихъ дѣтяхъ и о справедливомъ къ нимъ отношеніи наставниковъ, чѣмъ можно было бы избѣжать множество заглазныхъ недоразумѣній и заставить родителей невольно чувствовать большій интересъ и вниманіе къ воспитанію и обученію. Филологъ Васильевичъ пробовалъ, въ видахъ пользы заведенія и педагогическаго персонала, отстаивать право данное обществу, но безуспѣшно. Тяжело было это обстоятельство для Филолога Васильевича, и главный инспекторъ послалъ ему слѣдующія успокоительныя слова: „Вы затрудняетесь публикаціей объ отмѣнѣ открытыхъ засѣданій, думая, что это можетъ унизить васъ въ глазахъ общества. Мнѣ кажется, вы въ этомъ ошибаетесь. Напротивъ, если кто вздумаетъ добиваться причинъ принятія такой мѣры, тотъ, конечно, обвинитъ не васъ, а то общество, которое не умѣло или не хотѣло воспользоваться предоставленнымъ ему правомъ. Вы можете напечатать въ мѣстной газетѣ, что, по распоряженію высшаго начальства открытыя засѣданія педагогическаго совѣта Тобольской гимназіи на нѣкоторое время отмѣняются“—и конечно съ тѣмъ, чтобы болѣе ихъ никогда не возобновлять. Къ этому мы должны прибавить, что общество, которое обвиняетъ главный инспекторъ, никогда не научится цѣнить такія и тому подобныя добрыя мѣры, если оно не будетъ пріучено къ нимъ и постепенно воспитано въ данномъ направленіи.

Такимъ образомъ, возможная при нашихъ условіяхъ живая и дѣятельная связь школы и общества рушилась. Гимназія была предоставлена самой себѣ въ ожиданіи новаго устава, и Филологу Васильевичу пришлось вести дѣло воспитанія, какъ дѣло, отчужденное отъ общества и семейной жизни, оффиціально—казеннымъ путемъ и по внушеніямъ своей чести и совѣсти. Въ высокомъ развитіи этихъ послѣднихъ качествъ въ Филологѣ Васильевичѣ ни на минуту нельзя было сомнѣваться никогда. Онъ и самъ въ глубинѣ души сознавалъ себѣ цѣну, но все-таки онъ не былъ гордъ въ своемъ сознаніи на столько, чтобы не понять, что всякому человѣку, будь у него хоть семь пядей во лбу, очень естественно иногда ошибаться, можно опуститься (сознательно или безсознательно или вслѣдствіе какой-либо болѣзни, какъ это и случилось съ его очень уважаемымъ предмѣстникомъ Ершовымъ) и что начальство, какъ оно зорко ни слѣди, не всякое и не всегда оно усмотритъ и не все пойметъ въ самомъ надлежащемъ видѣ. Если же у исполнителей своего священнаго долга, каковъ долгъ воспитателя юношества, нѣтъ искренняго источника тѣхъ качествъ, которыми обладалъ Филологъ Васильевичъ,—то много можно скрыть отъ общества и не менѣе того скрыть отъ начальства, которое тоже въ свою очередь состоитъ изъ людей со всѣми свойственными смертнымъ

недостатками, а подъ часъ и ложными взглядами. Всегда болѣе безпристрастія и правдиваго отношенія къ дѣятельности лица, которая на виду у всѣхъ или по крайней мѣрѣ у возможно большаго числа людей.

IX.

Идея воспитанія у Филолога Васильевича была всеобъемлющаго свойства, отъ которой не ускользали недостатки современнаго воспитанія. Если что-нибудь другое, то воспитаніе на Руси и въ Сибири, какъ и самые гг. воспитатели, нуждается въ постоянномъ контролѣ. Вѣдь, по правдѣ говоря, только благодаря отсутствію надлежащаго воспитанія и истиннаго просвѣщенія наше государство всегда жестоко страдало, а въ настоящее время въ особенности... Все это Филологъ Васильевичъ отлично понималъ и старался быть на высотѣ своего призванія. До какой степени онъ стремился къ дѣятельности, къ самоконтролю и до какой степени онъ ненавидѣлъ апатію и укрывательство дурныхъ сторонъ, видно изъ того, что онъ не стѣснялся говорить о своихъ ошибкахъ и объ ошибкахъ своихъ сослуживцевъ даже въ своихъ публичныхъ рѣчахъ. Такъ однажды, въ 1864 году, на второмъ году своего директорства, въ актовой рѣчи между прочимъ говоритъ: „Я коснусь нѣкоторыхъ обстоятельствъ, о которыхъ я, какъ первое отвѣтственное лицо по гимназіи, не хочу и не считаю себя въ правѣ умолчать. Не хвалебную рѣчь своимъ заслугамъ и достоинствамъ намѣрены мы сказать теперь (если что сдѣлано и дѣлается нами добраго, пусть общество само сознаетъ и оцѣнитъ). Нѣтъ! мы намѣрены говорить о нашихъ ошибкахъ и неудачахъ въ порученномъ намъ дѣлѣ Если гласность есть дѣйствительно средство противъ общественныхъ недуговъ, то недуги эти должны быть извѣстны вполнѣ. Конечно, тяжело сознаваться въ своихъ ошибкахъ вообще, а тѣмъ болѣе сознаваться публично. Можетъ быть другой на моемъ мѣстѣ счелъ бы болѣе удобнымъ умолчать: мы же желаемъ одного, хотя, можетъ быть, очень многаго, именно желаемъ, чтобы тобольское общество думало, что директоръ его гимназіи не захочетъ и не съумѣетъ обмануть общество, говоря о состояніи своего заведенія“. Говоря о своихъ „ошибкахъ и неудачахъ“, Филологъ Васильевичъ, во первыхъ, коснулся открытыхъ засѣданій, отмѣненныхъ высшимъ начальствомъ, и вѣжливо, но съ грустью упрекнулъ общество въ хладнокровіи къ этому учрежденію и нежеланіи пользоваться этимъ принадлежащимъ ему правомъ для пользы заведенія, въ которомъ учатся ихъ дѣти. Филологъ Васильевичъ во время отмѣны открытыхъ засѣданій былъ поставленъ въ неловкое положеніе и потому принужденъ былъ признать ихъ „своею ошибкой“, но мы выше сказали, что онъ безуспѣшно старался отстоять публичныя засѣданія и слѣдовательно всегда сознавалъ ихъ пользу. Во вторыхъ, Филологъ Васильевичъ въ той же рѣчи говоритъ, что рѣзкій и неприличный тонъ московскаго педагога, выступившаго въ журналѣ „Воспитаніе“ противъ статей, писанныхъ преподавателями Тобольской гимназіи, о чемъ уже сказано выше, охладилъ преподавателей къ продолженію печатанія такихъ статей. Ошибка,

по мнѣнію Филолога Васильевича, состояла въ томъ, что онъ предалъ мѣстной печати мнѣнія своихъ сослуживцевъ, первоначально написанныя для своего домашняго употребленія. Порядки и ученіе въ гимназіи тогда были иные; недостатковъ было много и тобольскіе педагоги въ своихъ статьяхъ, обсуждаемыхъ на совѣтѣ, начали съ того, что прежде всего бросалось въ глаза и требовало исправленія. Московскій критикъ не обратилъ вниманіе на то, съ какою цѣлью Филологъ Васильевичъ позволялъ печатать сказанныя статьи: онъ это дѣлалъ для пробужденія мѣстнаго общества и для возбужденія дѣятельности въ своихъ сослуживцахъ. Какъ бы предчувствуя послѣдствія, Филологъ Васильевичъ предостерегалъ и просилъ критика во имя пользы дѣла быть осмотрительнѣе въ своихъ выраженіяхъ, ибо онъ долженъ былъ имѣть въ виду первую добрую попытку педагоговъ. „Но отъ московскаго критика, прибавляетъ Филологъ Васильевичъ мы получили рѣзкій, чтобъ не сказать болѣе, отвѣтъ, что онъ не умѣетъ объясняться иначе и вмѣстѣ съ тѣмъ были совершенно извращены наши собственныя слова. Послѣ такого отзыва мы сочли неприличнымъ для себя продолжать дальнѣйшую полемику съ авторомъ обличительной статьи“. Чтобы наши слова не были бездоказательными, мы, въ подтвержденіе несправедливыхъ нападеній московскаго критика, приводимъ слѣдующія выписки изъ отвѣтной статьи Филолога Васильевича: „По поводу заявленія, сдѣланнаго однимъ изъ Тобольскихъ педагоговъ, что многіе ученики занимаются болѣе у того изъ учителей, который щедрѣе на отмѣтки, редакція журнала „Воспитаніе“ говоритъ: „Какъ-то больно слышать, что въ наше время есть наставники, торгующіе совѣстью и учебныя заведенія, въ которыхъ педагогическое сословіе терпитъ такую безнравственную игру въ щедрость“. Изъ этихъ словъ мы видимъ, поясняетъ Филологъ Васильевичъ, что редакція не поняла ъъ точности заявленнаго мнѣнія. Педагогъ, заявившій это мнѣніе, вовсе не являлся съ жалобой на несправедливость своихъ сослужицевъ, но выставилъ на видъ то, что одинъ и тотъ же отвѣтъ ученика, по разностороннему личному убѣжденію двухъ или нѣсколькихъ наставниковъ, признается заслуживающимъ то одного, то другаго балла. Сличая свои баллы, выставляемые имъ за успѣхи учениковъ и признавая ихъ строго справедливыми, онъ находилъ, что другіе наставники оцѣниваютъ отвѣтъ учениковъ слишкомъ снисходительно и потому, сравнительно съ его взглядомъ, поступаютъ несправедливо; но онъ указывалъ, что другой наставникъ въ своемъ мнѣніи наоборотъ можетъ считать болѣе справедливыми свои личныя, болѣе щедрыя отмѣтки. Итакъ, здѣсь рѣчь шла не о несправедливости, не о торговлѣ совѣстью, какъ говоритъ редакція, но о различіи взглядовъ и несогласіи убѣжденій, и это то разногласіе и представлялось на обсужденіе педагогическаго совѣта съ указаніемъ тѣхъ вредныхъ послѣдствій, какія происходили отъ этого разногласія.—По поводу же заявленія, сдѣланнаго на педагогическомъ совѣтѣ, что ученики высшихъ классовъ часто не ходятъ на уроки, редакція задаетъ себѣ вопросъ: „любопытно во многихъ отношеніяхъ узнать, не занесено ли въ Тобольскъ ясно-полянское повѣтріе?“ Филологъ Василье-

вичъ въ своей статьѣ отвѣчаетъ: „сознаемся, что мы не совсѣмъ понимаемъ, что разумѣла редакція подъ „ясно-полянскимъ повѣтріемъ“, хотя, по возможности, и читаемъ „Ясную Поляну“ и слѣдимъ за опытами ясно-поляпской школы... Дѣйствительно, редакція справедливо говоритъ, что въ школѣ должны быть требованія, которыя ученикъ долженъ исполнять; но укажите же намъ, что должны мы дѣлать, если мы требуемъ постояннаго и аккуратнаго посѣщенія учениками классовъ, а между тѣмъ нѣкоторые родители не наблюдаютъ за этими аккуратными посѣщеніями, не отвѣчаютъ на наши увѣдомленія о пропускаемыхъ учениками урокахъ, или отвѣчаютъ иногда, что ученикъ оставался дома по ихъ указанію, или по домашнимъ обстоятельствамъ?—Потомъ редакція находитъ страннымъ послѣ всего, что было писано въ педагогической литературѣ о безполезности преподаванія законовѣдѣнія въ гимназіяхъ, читать, что педагогическій совѣтъ Тобольской гимназіи причисляетъ его къ общеобразовательнымъ предметамъ и заботится о дополненіи курса посредствомъ пыльныхъ архивныхъ дѣлъ.... Мы совершенно соглашаемся съ этимъ заключеніемъ и признаемъ также законовѣдѣніе непринадлежащимъ къ числу общеобразовательныхъ предметовъ, но только тогда, если будемъ говорить о немъ въ томъ видѣ, какъ оно преподавалось въ большей части гимназій и излагалось въ существующихъ учебникахъ, т. е. въ видѣ сухаго, далеко не полнаго сборника однихъ постановленій законодательства, безъ всякихъ отношеній къ исторіи и теоріи права. Дѣйствительно, преподаваемое въ этомъ видѣ законовѣдѣніе обременяетъ лишь память ученика, не давая ничего для пищи его самодѣятельности, его уму и сердцу; но есть другая сторона законовѣдѣнія: это теоретическіе взгляды, на основаніи которыхъ могутъ быть повѣряемы существующія законоположенія, о которыхъ и было сказано нами печатно въ мѣстныхъ вѣдомостяхъ, что они могутъ дать жизнь преподаванію законовѣдѣнія и безспорно поставить его на ряду съ другими общеобразовательными предметами“. Филологъ Васильевичъ вполнѣ сознательно сказалъ эти слова. Онъ самъ втеченіи многихъ лѣтъ преподавалъ въ Томскѣ законовѣдѣніе. Читатели ниже увидятъ, на сколько содержательнымъ, живымъ и полезнымъ умѣлъ сдѣлать свой предметъ для учениковъ, которые съ постоянной благодарностью вспоминали о чтеніяхъ Филолога Васильевича по законовѣдѣнію. Что же касается до „пыльныхъ архивныхъ дѣлъ“, надъ которыми московскій критикъ хочетъ посмѣяться, то надо ему сказать, что это имѣлось въ виду дѣлать для практики учениковъ. Нашъ критикъ не знаетъ, какъ много цѣнныхъ документовъ пропало въ Тобольскѣ, касавшихся исторіи и разныхъ сторонъ мѣстной жизни и ставшихъ жертвой тобольскихъ мышей и невѣжества нашего. Продолжая возражать своему противнику, Филологъ Васильевичъ прибавляетъ: „Сознаемся откровенно, намъ не понравился и показался несоотвѣтствующимъ достоинству педагогическаго журнала тотъ рѣзкій (не скажемъ болѣе) тонъ, какимъ высказываетъ редакція свои взгляды на прямое, неподкрашенное, незамаскированное мнѣніе педагоговъ, которыхъ въ настоящемъ случаѣ, можетъ быть, можно иногда упрекнуть въ ошибочности

взглядовъ, но всѣ ошибочныя мнѣнія ихъ выкупаются истинно добрымъ ихъ намѣреніемъ и желаніемъ пользы ввѣренному имъ дѣлу.... Мы повторяемъ свою покорнѣйшую просьбу редакціи высказать съ полною откровенностію свои взгляды и замѣчанія на статьи педагоговъ гимназіи и съ искреннею благодарностью примемъ всякое дѣльное указаніе, но во имя пользы нашего дѣла желали бы видѣть, чтобы эти замѣчанія излагались болѣе спокойнымъ и умѣреннымъ топомъ.... Будемъ говорить о нашемъ общемъ дѣлѣ спокойно и безъ желанія выйти побѣдителемъ изъ сраженія перьями на бумажномъ полѣ... Если въ обыденной жизни довѣрчивое обращеніе къ кому либо за совѣтомъ и указаніемъ не встрѣчается никогда насмѣшкою, то тѣмъ болѣе несправедливо отвѣчать такимъ образомъ на мнѣніе педагоговъ, желающихъ при помощи совѣтовъ и указаній опредѣлить себѣ правила для честнаго и добросовѣстнаго выполненія своего дѣла. Что, если рѣзкіе отвѣты редакціи заставятъ въ другой разъ тѣхъ же педагоговъ болѣе замкнуться въ себѣ или высказать мнѣніе, подобное тому, что все обстоитъ благополучно, или что лучшаго порядка желать не надо? Что, если искренняго голоса не услышитъ отъ членовъ совѣта не только общество, не только педагогическіе журналы, но и само начальство гимназіи, чрезъ посредство котораго дѣлаются гласными взгляды педагоговъ?“ Такъ дѣйствительно и случилось. Послѣ отмѣненія открытыхъ засѣданій и подъ вліяніемъ сказаннаго критика, желавшаго обвинить безъ достаточно справедливаго отношенія къ дѣлу, педагоги Тобольской гимназіи замкнулись въ себя и не были уже такъ дѣятельно оживлены, какъ прежде, когда на глазахъ у общества начали стремиться къ большему совершенству. Все пошло съ тѣхъ поръ келейно-начальническимъ образомъ.

X.

Втеченіе двухъ лѣтъ Филологъ Васильевичъ ознакомился съ дѣлами дирекціи училищъ всей губерніи и обревизовалъ учебное дѣло въ восьми округахъ, т. е. за исключеніемъ девятаго, самаго отдаленнаго Березовскаго. Много безпорядковъ и несправедливостей онъ открылъ, но по возможности все постарался исправить и привести въ должный порядокъ. Ревизія Филолога Васильевича уѣздныхъ и приходскихъ училищъ каждаго округа была истиннымъ благодѣяніемъ въ смыслѣ интересовъ просвѣщенія и поддержки доброй учащей силы, гдѣ таковая была. Мы не говоримъ голословно, имѣя подъ руками документы, изъ которыхъ приведемъ слѣдующее выразительное письмо: „Нынѣшній годъ такъ счастливъ для Омскаго приходскаго училища и въ особенности для меня, что не нахожу словъ какъ выразить благополучіе, которымъ обязаны вашему высокородію училище и я. Не смѣю благодарить васъ ни за себя, ни за училище, потому что благодарность моя ничтожна въ сравненіи съ тѣмъ, что сдѣлали вы для здѣшняго училища. За отеческія заботы ваши объ улучшеніи подвѣдомственныхъ учебныхъ заведеній, за благотворно исполненныя вами предположенія нашего Великаго Монарха, только Онъ въ состояніи вознаградить васъ Монаршею своею внимательностію. На долю же облагодѣ-

тельствованныхъ вами училищъ и учителей остались только постоянныя мольбы ко Всевышнему о вашемъ благополучіи и совершенствованіи себя, чтобы быть достойными управленія такого начальника, какъ ваше высокородіе". А вотъ еще примѣръ того, какъ Филологъ Васильевичъ умѣлъ выводить на свѣтъ и нравственно поддерживать добрыхъ тружениковъ. Результатомъ произведенной въ 1864 г. главнымъ инспекторомъ ревизіи учебныхъ заведеній было между прочимъ то, что успѣхи учениковъ Тобольскаго уѣзднаго училища по русскому языку были найдены вполнѣ удовлетворительными. Зная же, что многіе изъ преподавателей этого предмета въ другихъ училищахъ затрудняются въ изысканіяхъ пріемовъ его преподаванія, Филологъ Васильевичъ просилъ учителя Тобольскаго училища Томашевскаго изложить письменно тѣ пріемы, которыхъ онъ держался въ преподаваніи. Написанная Томашевскимъ статья „о преподаваніи русскаго языка въ уѣздномъ училищѣ" была напечатана въ 38-мъ № Тобольскихъ Вѣдомостей, „какъ единственномъ пока средствѣ къ взаимному обмѣну взглядовъ между педагогами разныхъ заведеній", прибавляетъ Филологъ Васильевичъ при разрѣшеніи печатать статью. Ниже разъяснится, какой смыслъ въ устахъ Филолога Васильевича имѣло это слово „пока".

Поставивъ дѣло просвѣщенія сказанныхъ округовъ въ надлежащую норму, Филологъ Васильевичъ рѣшился посѣтить самыя отдаленныя изъ ввѣренныхъ ему училищъ. И вотъ спустя только два года послѣ своего назначенія въ Тобольскую дирекцію, онъ, будучи раньше задерживаемъ служебными обязанностями, поспѣшилъ отправиться въ Березовъ, чтобы лично обревизовать тамошнее трехклассное и приходскія мужское и женское училища. Его живо интересовало педагогическое дѣло въ этомъ отдаленномъ городѣ сѣвера, куда рѣдко, рѣдко заглядывалъ начальническій глазъ,—въ городѣ годномъ развѣ для ссылки важныхъ государственныхъ преступниковъ и для зимовки рыбопромышленниковъ. Мы упоминаемъ о Березовѣ для характеристики вообще ревизій Филолога Васильевича. Въ первую свою поѣздку туда онъ прожилъ тамъ полмѣсяца.—„Посѣщалъ каждый день классы, провѣрялъ занятіе г.г. педагоговъ и выслушиваніе лекцій (?) учениковъ. Послѣ классовъ благосклонно высказывалъ недостатки и ошибки, давалъ самые дружескіе совѣты всѣмъ педагогамъ, какъ вести дѣло преподаванія". Такъ говоритъ запись въ церковной памятной книгѣ Березовскаго Воскресенскаго собора. Обревизовавъ училища самымъ подробнымъ образомъ во всѣхъ частяхъ и статьяхъ, постарался исправить всѣ замѣченныя имъ неправильности и направить педагогическую часть училищъ на надлежащій путь. Окончивъ ревизію, Филологъ Васильевичъ составилъ общій педагогическій совѣтъ, на которомъ въ присутствіи всѣхъ березовскихъ учителей разобралъ открытыя ревизіей недостатки и упущенія. Онъ все это выяснилъ не въ формѣ строгихъ и отталкивающихъ начальническихъ замѣчаній, а въ видѣ серьезныхъ и вмѣстѣ съ тѣмъ отечески-дружескихъ разъясненій и совѣтовъ. Своимъ милостивымъ и дѣйствительно чисто отеческимъ обхожденіемъ такъ расположилъ къ себѣ березовскихъ педагоговъ, что они сами высказывали ему свои недостатки, свои недоразумѣнія и

причины ихъ. Педагоги этого отдаленнаго края, со страхомъ ожидавшіе ревизора, скоро почувствовали, что имъ не слѣдуетъ быть скрытными, какъ это бывало при прежнихъ строгихъ ревизіяхъ. Они видѣли, что этотъ начальникъ относится къ нимъ сочувственно, выслушиваетъ ихъ съ участіемъ и охотно выясняетъ ихъ недоумѣнія. Они не видѣли и намека ироніи или унизительной критики, которую они встрѣчали раньше; а на сказанномъ совѣтѣ, памятномъ для березовцевъ, Филологъ Васильевичъ съумѣлъ еще болѣе расположить къ себѣ всѣхъ. Своимъ обхожденіемъ Филологъ Васильевичъ сразу крѣпко захватилъ въ свои руки тамошнихъ учителей и тѣмъ успѣшнѣе могъ вліять на нихъ. Кромѣ того онъ имѣлъ много такту, чтобы не умѣть обращаться съ ними, такъ какъ не всякій согласится ѣхать на службу въ такую даль и жить тамъ при самыхъ неблагопріятныхъ условіяхъ. Матеріальныя средства учителей были ограничены, цѣны на предметы первой необходимости чрезчуръ дороги. Въ своихъ разговорахъ съ березовскими педагогами Филологъ Васильевичъ изъявилъ полное сочувствіе къ ихъ незавидному положенію. Вообще обстановка на крайнемъ сѣверѣ, среди которой они должны были служить, очень плачевна. Не менѣе важное значеніе также имѣетъ и отдаленность отъ всякаго оживляющаго центра. Березовъ даже отъ губернскаго города, ближайшаго къ нему, отстоитъ на 1066 верстъ при многихъ неудобствахъ сообщенія: почта изъ Тобольска въ Березовъ ходитъ только дважды въ мѣсяцъ, а во время распутицы сообщеніе прекращается болѣе, чѣмъ на два мѣсяца. Ревизіи бывали очень рѣдко, почти чрезъ каждые 10 лѣтъ, такъ что усовершенствованныя практическія методы преподаванія сюда не достигали. Все это Филологъ Васильевичъ съумѣлъ понять, прочувствовать и человѣколюбиво оцѣнить. По возвращеніи въ Тобольскъ, достойныхъ поощренія онъ представилъ къ наградамъ или перевелъ изъ Березова на лучшія мѣста, о чемъ раньше никто не могъ даже помышлять. Если же прежде переводили, то по какимъ нибудь особымъ непріятнымъ обстоятельствамъ или по постороннимъ ходатайствамъ. Всѣ эти обстоятельства пріятно волновали безжизненный Березовъ, составляя важныя городскія новости, чуть что не событія, и имя Рудакова не сходило у березовцевъ изъ устъ. Одинъ изъ нихъ написалъ даже статью подъ заглавіемъ: „Выдающаяся энергическая служба не должна оставаться втуне, а открыта въ примѣръ другимъ“, но не знаемъ, была ли она гдѣ нибудь напечатана. *) Кстати мы здѣсь скажемъ вкратцѣ объ остальныхъ двухъ поѣздкахъ

*) Въ статьѣ между прочимъ сказано: „Нельзя умолчать и о религіозной сторонѣ директора Рудакова. Въ бытность свою въ гор. Березовѣ не пропускалъ ни одной службы воскресной и праздничной, совѣтовалъ и обязывалъ педагоговъ, чтобы и они строго слѣдили за учениками въ исполненіи ими религіозныхъ обязанностей. Во время его присутствія въ классѣ опоздавшій ученикъ приходилъ въ классъ, то г. директоръ непремѣнно предварительно заставлялъ его помолиться передъ иконой и потомъ сѣсть къ товарищамъ“. „Съ законоучителями г. директоръ обращался съ особеннымъ почтительнымъ уваженіемъ и вниманіемъ. Онъ товарищески просилъ ихъ удерживать молодыхъ, только что изъ гимназіи опредѣленныхъ, педагоговъ отъ ихъ молодыхъ, неопытныхъ ошибокъ въ религіозномъ отношеніи и общественномъ кругѣ“.

Филолога Васильевича въ Березовъ. Спустя 4 года, въ январѣ 1869 года, онъ опять съѣздилъ туда. „Ждали и встрѣчали его не со страхомъ и трепетомъ, говорили березовцы, а съ неожиданнымъ терпѣніемъ и радостію“. Второю ревизіею онъ остался доволенъ, замѣтивъ значительныя улучшенія согласно его указаніямъ и при прощаніи похвалилъ и благодарилъ „за терпѣливую службу въ такомъ отдаленномъ краѣ, среди самаго суроваго климата, скудномъ удовольствіями, но обильномъ всякими лишеніями“. Пять лѣтъ спустя, въ 1874 году, утромъ 25 августа опять явился въ Березовъ, но на этотъ разъ какъ снѣгъ на голову. Училищная корпораціи и не думала, что ея директоръ пожалуетъ въ третій разъ къ нимъ. Всѣ разсуждали такъ: выслуживъ пенсію, Рудаковъ утвержденъ еще на пятилѣтнюю службу; слѣдовательно, по обыкновеннымъ разсчетамъ, надобности не было безпокоиться поѣздкой въ такой отдаленный край, тѣмъ болѣе, что въ этомъ году зимой и лѣтомъ свирѣпствовала тамъ эпидемическая болѣзнь, а главное то, что губернскія власти, управляющія отдѣльными частями, во время своей службы въ Тобольскѣ болѣе одного раза не посѣщали Березова, какъ по отдаленности края, такъ и по неудобствамъ сообщенія; рѣдко-рѣдко два раза, а болѣе двухъ разъ никто изъ начальствующихъ не ѣздилъ туда, какъ извѣстно изъ преданій и записей соборной памятной книги. Но Филолога Васильевича интересовалъ дальнѣйшій успѣхъ педагогическаго дѣла въ Березовѣ. Училищная корпорація была неожиданно обрадована, а потому всѣ спѣшили видѣться со своимъ любимымъ начальникомъ. Березовское же общество, давно уже съ нимъ знакомое, чтобы выразить ему свое высокое уваженіе, обратилось съ просьбой къ смотрителю училища устроить балъ въ училищномъ актовомъ залѣ въ честь третьяго посѣщенія Филологомъ Васильевичемъ Березовскихъ училищъ, въ которыхъ учатся дѣти обоего пола. Этотъ вечеръ съ особеннымъ радушіемъ былъ устроенъ и всѣ спѣшили на него. Балъ продолжался до 4-хъ часовъ утра, и всѣ остались вполнѣ довольными. Въ 8-мь часовъ утра Директоръ уже былъ въ училищѣ, чего вовсе не ожидали педагоги, и высидѣлъ въ III классѣ всѣ 4 урока. Послѣ этого, 13 сентября онъ сѣлъ на пароходъ, поблагодаривъ всѣхъ педагоговъ. Совѣтуя имъ помнить всю святость дѣла, которому они служатъ, прибавилъ, что онъ, вѣроятно, послѣдній разъ посѣтилъ Березовъ. Своей рѣчью онъ тронулъ ихъ сердца и замѣтилъ на лицѣ своихъ подчиненныхъ выраженіе глубокаго сожалѣнія.

XI.

Продолжаемъ въ изложеніи дальнѣйшихъ событій въ жизни и дѣятельности Филолога Васильевича.

Сильнымъ также средствомъ, поднявшимъ и оживившимъ дѣятельность учебнаго персонала низшихъ уѣздныхъ и приходскихъ училищъ, былъ педагогическій съѣздъ, который Филологу Васильевичу удалось устроить въ 1865 году, благодаря живому участію и содѣйствію бывшаго тогда Тобольскимъ губернаторомъ А. П. Деспотъ-Зеновича, о которомъ онъ сохранялъ всегда

самыя теплыя воспомпнанія. Въ какой степени заинтересовалъ этотъ съѣздъ младшихъ педагоговъ, можно судить уже потому, что они съѣзжались со всѣхъ концовъ обширной Тобольской губерніи и въ томъ числѣ изъ Березова, воспользовавшись только однимъ пособіемъ—правомъ безплатнаго полученія земскихъ лошадей для проѣзда. Такимъ образомъ учрежденіе этого съѣзда не стоило никакихъ расходовъ, ни правительству, ни учебнымъ заведеніямъ, тогда какъ въ Россіи на подобные съѣзды были ассигнуемы на это особыя суммы. Сказанный съѣздъ былъ открытъ слѣдующею рѣчью Филолога Васильевича, какъ его главнаго предсѣдателя: „Я постараюсь объяснить причины и цѣль новаго, не бывшаго до сихъ поръ въ Тобольской губерніи учрежденія—педагогическаго съѣзда. Мы могли бы, проэктируя программу съѣзда, ходатайствовать, чтобы вниманію вашему, милостивые государи, было представлено вмѣсто отдѣльныхъ отчетовъ г.г. смотрителей училищъ одно общее извлеченіе изъ этихъ отчетовъ; но мы не хотѣли, чтобъ предъ вами стушевались въ одно цѣлое тѣ отдѣльныя личности, которыя служатъ намъ первыми помощниками въ дѣлѣ просвѣщенія: а они еще въ первый разъ выступаютъ на судъ губернскаго общества. Итакъ, изъ получаемыхъ нами отъ г г. смотрителей отчетныхъ свѣдѣній и частію изъ личныхъ нашихъ наблюденій при ревизіи училищъ мы усмотрѣли съ одной стороны ненормальное состояніе многихъ изъ сельскихъ училищъ Тобольской губерніи, а съ другой стороны почти повсемѣстно заявленное сельскими жителями желаніе учить своихъ дѣтей. Наше дѣло было обратить вниманіе на оба эти обстоятельства. Послѣ неоднократныхъ частныхъ бесѣдъ объ этомъ предметѣ съ г. начальникомъ губерніи, о живомъ сочувствіи котораго дѣлу просвѣщенія вмѣсто меня говорятъ положительные факты, мы поручили г.г. смотрителямъ училищъ въ концѣ прошлаго гражданскаго года произвести самую подробную и основательную ревизію всѣхъ безъ исключенія сельскихъ училищъ Тобольской губерніи. Поученіе это было исполнено съ такимъ усердіемъ и добросовѣстностію, что я считаю обязанностію засвидѣтельствовать нынѣ объ этомъ предъ вами и присовокупить, что такихъ точныхъ и положительныхъ свѣдѣній ранѣе въ дѣлахъ дирекціи училищъ не было.—Всѣ эти свѣдѣнія въ подлинникѣ мы передали на разсмотрѣніе особо учрежденнаго г. начальникомъ губерніи для этой цѣли комитета, которому подлежитъ главнѣйшимъ образомъ надлежащее устройство административной и хозяйственной части сельскихъ училищъ, равно указаніе общихъ началъ учебнаго въ нихъ хода.—Но этою одною работою комитета дѣло не могло еще считаться завершеннымъ: нужно разсмотрѣть еще частные педагогическіе вопросы; нужно еще опредѣлить, какъ примѣнить къ дѣлу ученія въ сельскихъ училищахъ тѣ пріемы скорѣйшаго и разумнѣйшаго развитія дѣтей, которые по немногу, по мѣрѣ силъ и сознанія ближайшихъ дѣятелей, примѣняются нынѣ въ городскихъ училищахъ; нужно опредѣлить, какъ направить и поддержать правильную разумную дѣятельность самихъ наставниковъ. Всѣ эти вопросы требовали совокупнаго обсужденія и взаимнаго совѣщанія лицъ, на обязанности которыхъ лежитъ ближайшее наблю-

деніе за ходомъ сельскихъ училищъ. И вотъ для этой-то цѣли признаемъ полезною дополнительною мѣрой съѣздъ смотрителей училищъ; а такъ какъ этотъ съѣздъ учреждался для нуждъ земства, то и доставлена имъ возможность на счетъ земства же безплатнаго проѣзда для этой цѣли въ Тобольскъ и обратно къ мѣстамъ ихъ служенія. Одновременно съ переговорами съ г. начальникомъ губерніи о созывѣ смотрителей для обсужденія учебной части въ сельскихъ училищахъ, мы вели переписку и имѣли личные доклады съ достойнымъ нашимъ начальникомъ г. главнымъ инспекторомъ А. В. Поповымъ, нынѣ увы! уже навсегда успокоившимся отъ трудовъ своей служебной дѣятельности. Мы докладывали главному инспектору, что желали бы расширить программу занятій смотрителей училищъ, пригласивъ ихъ передать другъ другу и обсудить всѣ препятствія, недоразумѣнія, затрудненія и вопросы, встрѣчавшіеся и до сихъ поръ встрѣчаемые ими при исполненіи служебныхъ обязанностей, по уѣзднымъ женскимъ и городскимъ приходскимъ училищамъ, равно передать другъ другу свои личные удачные и неудачные опыты надъ устраненіемъ того или другаго затрудненія. Мы думали, что каждый изъ нихъ, обмѣнявшись съ другими своими наблюденіями, пріобрѣтетъ и самъ все то, что добыто было трудомъ, изученіемъ и опытами всѣхъ другихъ. Вотъ вторая цѣль съѣзда смотрителей училищъ. Далѣе, мы желали произвести такой взаимный обмѣнъ взглядовъ, пріемовъ преподаванія и методъ не между одними смотрителями только, но и между ближайшими исполнителями, т. е. самими преподавателями. Къ сожалѣнію, учебное вѣдомство Западной Сибири не имѣетъ въ своемъ распоряженіи суммъ, на счетъ которыхъ можно было бы доставить всѣмъ учителямъ возможность пріѣхать въ Тобольскъ и обратно. Но мы знали, по опытамъ произведенныхъ нами ревизій, что многіе изъ г.г. учителей искренно желали бы обмѣняться своими взглядами съ другими преподавателями; съ другой стороны думали, что старанія г. главнаго инспектора и наши оживить дѣятельность педагогическихъ совѣтовъ уѣздныхъ училищъ мало достигали цѣли оттого, что учитель всякаго отдѣльнаго предмета не находилъ сочувствія въ своихъ ближайшихъ товарищахъ по тѣмъ вопросамъ, которые интересовали лично его самого. Какое мнѣ дѣло, разсуждалъ, напр., учитель исторіи, до того, какъ добиться, чтобы ученики ясно понимали различіе между залогами и видами русскихъ глаголовъ: это—дѣло учителя грамматики; вотъ я такъ не знаю, какъ бы мнѣ достичь того, чтобы ученики хорошо знали среднюю исторію и т. п. Кажется, бывали и такого рода случаи, что подъ вліяніемъ самообольщенія учитель отдѣльнаго предмета не считалъ другихъ достаточно свѣдущими для того, чтобы судить о его предметѣ. Итакъ, желая доставить возможность обмѣняться взглядами и пріемами преподавателямъ одного и того же предмета, но въ разныхъ училищахъ, мы ходатайствовали о необязательномъ для учителей приглашеніи ихъ на съѣздъ, если на то позволятъ ихъ средства съ тѣмъ, чтобы не могущіе явиться на съѣздъ обмѣнялись своими взглядами письменно. Вотъ третья и особенная цѣль съѣзда г.г. учителей. Г. главный инспекторъ вполнѣ одобрилъ наши

предположенія и, собравши ослабѣвающія отъ тяжкой болѣзни силы, доложилъ проектъ программы съѣзда г. предсѣдательствовавшему въ совѣтѣ главнаго управленія и исходатайствовалъ его утвержденіе. Это былъ послѣдній его докладъ: кто знаетъ, можетъ быть, онъ самъ сознавалъ и предчувствовалъ это и тѣмъ самымъ, умирая, какъ бы оставилъ завѣщаніе своимъ младшимъ сослуживцамъ честно и добросовѣстно трудиться на пользу ввѣреннаго имъ дѣла... Вы видите, милостивые государи, исполняется ли это завѣщаніе. Предъ вами, кромѣ г г. смотрителей, 28 педагоговъ, пріѣхавшихъ сюда на свои скудныя средства: они пріѣхали сюда не веселиться, но работать и работать успленно. Въ эти двѣ недѣли имъ предстоитъ разсмотрѣть и обсудить 56 письменныхъ мнѣній. Судите сами, любятъ-ли они свое дѣло.—Еще два слова о педагогической выставкѣ. Обозрѣвая ввѣренныя намъ училища, мы видѣли, что учебныя пособія и руководства далеко неодинаковы во всѣхъ училищахъ и причина этой неодинаковостіи заключалась не въ томъ, чтобы преподаватель или училищный совѣтъ предпочиталъ одно руководство другому, но въ томъ, что другіе учебники и пособія оставались неизвѣстными; наши же училищныя средства такъ скудны, что нечего и думать, чтобы училища могли пріобрѣтать безъ разбору всѣ пособія, употребляемыя въ другихъ училищахъ. Съ этою цѣлію во время съѣзда для членовъ его устроена педагогическая выставка, на которой находится по одному экземпляру всѣхъ руководствъ и пособій, употребляемыхъ въ училищахъ. Выставка эта отчасти пополнена пособіями гимназіи по тѣмъ предметамъ, какіе преподаются и въ училищахъ; сверхъ того, мы встрѣтили сочувствіе нашему дѣлу въ Омскомъ кадетскомъ корпусѣ и въ здѣшнемъ военномъ училищѣ, которыя также прислали намъ нѣсколько экземпляровъ своихъ пособій на время выставки. Мы хотѣли пополнить выставку еще нѣкоторыми книгами и издѣліями изъ папьемаше по предметамъ училищнаго курса и съ этою цѣлію снеслись къ комитетомъ грамотности и съ художникомъ Гейзеромъ; но, къ сожалѣнію, утвержденіе программы съѣзда получено нами только въ маѣ мѣсяцѣ и слѣдовательно времени до начала съѣзда оставалось очень мало. Гейзеръ отвѣтилъ, что онъ не можетъ принять заказа на такой короткій срокъ, а отъ комитета грамотности мы и вовсе не получили никакого отвѣта". Послѣ этой рѣчи были прочитаны отчеты девяти смотрителей уѣздныхъ училищъ. Изъ этихъ отчетовъ можно составить себѣ точное понятіе о ходѣ и состояніи учебной части по всей Тобольской губерніи.

Съѣздъ усердно работалъ по программѣ, утвержденной генералъ-губернаторомъ. Онъ обсудилъ, во первыхъ, мѣры къ лучшему устройству учебной части въ сельскихъ училищахъ Тобольской губерніи; во вторыхъ,—мѣры къ лучшему устройству учебной части въ уѣздныхъ женскихъ и городскихъ приходскихъ училищахъ. Не маловажные результаты съѣзда, имѣвшіе въ виду подъемъ и улучшеніе народнаго просвѣщенія во всей губерніи, были представлены директоромъ-предсѣдателемъ на утвержденіе высшаго начальства,

но таковаго утвержденія не послѣдовало. *)

Съѣздъ произвелъ прекрасное и отрадное впечатлѣніе на всѣхъ. „Вообще, по заявленію мѣстной печати, во мнѣніяхъ членовъ съѣзда замѣтна значительная педагогическая опытность, знаніе своего дѣла и соприкасающихся къ нему мѣстныхъ обстоятельствъ и условій. Да, нельзя не сознаться, что выходя изъ гимназіи, мы вынесли съ собою много пріятныхъ думъ и свѣтлыхъ надеждъ на будущее нашего края. Дай Богъ только, чтобы подобные съѣзды, не лишась матеріальныхъ пособій со стороны начальства, продолжались и на будущее время аккуратно". Какъ для принимавшихъ въ немъ непосредственное участіе, такъ и для постороннихъ, съѣздъ вмѣстѣ со своей педагогической выставкой, на которой были выставлены и произведенія искусства нѣкоторыхъ учениковъ Тобольской гимназіи, былъ во многомъ поучителенъ и всѣ разстались съ добрыми пожеланіями успѣха и скорѣйшаго приведенія выработанныхъ добрыхъ и многообѣщавшихъ мѣръ. Послѣ обѣда у губернатора члены съѣзда разъѣхались, но утвержденія результатовъ съѣзда не дождались. Такъ ничѣмъ существеннымъ и кончились всѣ давнишнія хлопоты Филолога Васильевича, всѣ труды съѣзда и всѣ надежды, на него возлагаемыя. Другаго съѣзда съ тѣхъ поръ, конечно, не было.

За учрежденіе съѣзда Филологу Васильевичу была только объявлена признательность его высокопревосходительства генералъ-губернатора, на которую учредитель съѣзда отвѣчалъ слѣдующими словами: „Прошу принять увѣреніе, что, насколько достанетъ у меня силъ и умѣнья, постараюсь оправдать довѣріе, которымъ угодно было вашему высокопревосходительству меня удостоить... Радуюсь, что при настоящемъ случаѣ могу завѣрить ваше высокопревосходительство, что въ числѣ сослуживцевъ моихъ есть много личностей, которыя вполнѣ сочувствуютъ своему дѣлу и честно трудятся на пользу народнаго образованія. При ихъ содѣйствіи, поощряемый высокимъ вниманіемъ вашего высокопревосходительства, я надѣюсь, что дѣло образованія въ Тобольской губерніи будетъ идти правильнымъ путемъ и согласно надеждамъ, которыя правительство и общество возлагаютъ на учебныя заведенія". При содѣйствіи хорошихъ помощниковъ, преданныхъ своему дѣлу, Филологъ Васильевичъ могъ, конечно, съ успѣхомъ служить мѣстному просвѣщенію, но этого мало: безъ инспекторовъ народныхъ училищъ всетаки ему было очень трудно. Одному директору училищъ громадной губерніи, при неудобствахъ сообщенія, невозможно своевременно поспѣвать всюду. Сказанный съѣздъ среди многихъ другихъ затронутыхъ вопросовъ, естественно, могъ затронуть и очень

---

*) Утомлять читателей подробнымъ приведеніемъ мѣръ, выработанныхъ съѣздомъ, мы не будемъ; а чтобы дать хоть нѣкоторое понятіе о занятіяхъ съѣзда и о пользѣ, которую можно было ожидать отъ него, скажемъ только, что съѣздъ выработалъ: а) 13 пунктовъ по вопросу о преподаваніи Закона Божія; б) по обученію грамотѣ и русскому языку—20 пунктовъ; в) по преподаванію ариѳметики и геометріи – 14; г) по исторіи и географіи –20; д) по чистописанію, черченію и рисованію—7; е) по классной дисциплинѣ и вообще по устройству внутренняго быта училищъ—22 пункта.—При этомъ не были забыты и училища вѣдомства госу-

жгучій вопросъ для большей успѣшности дѣла просвѣщенія—институтъ инспекторовъ народныхъ училищъ не только для Тобольской губерніи, но и для всей Сибири. Филологъ Васильевичъ съ большимъ нетерпѣніемъ ожидалъ утвержденія этого необходимаго фактора народной школы. Въ 1876 году отъ одного изъ своихъ сослуживцевъ, бывшаго въ отпуску, получилъ изъ Петербурга слѣдующую телеграмму: „министръ финансовъ согласился на расходы сибирскихъ инспекторовъ, но дѣло будетъ окончено не ранѣе будущаго года". Филологъ Васильевичъ былъ очень обрадованъ этимъ извѣстіемъ, но инспекторовъ народныхъ училищъ и до сихъ поръ нѣтъ въ Западной Сибири. А на сколько было легко Филологу Васильевичу работать безъ такихъ помощниковъ, видно изъ слѣдующихъ его словъ, взятыхъ изъ письма къ одному вліятельному лицу въ Петербургъ: „Своею должностью я доволенъ, хотя вполнѣ сознаю, что, управляя самою обширнѣйшею въ Россіи дирекціею, не въ силахъ сдѣлать столько, сколько желалъ бы для своихъ училищъ, тѣмъ болѣе, что работы довольно и по одной гимназіи и хотя по этому былъ бы очень радъ, еслибъ представился случай переселиться въ другую дирекцію. Чтобы посмотрѣть одно только уѣздное училище въ Березовѣ (по дорогѣ нѣтъ ни уѣздныхъ, ни приходскихъ училищъ), чрезъ нѣсколько дней мнѣ надо будетъ совершить путешествіе болѣе 2000 верстъ и притомъ водою".

Втеченіе этихъ трехъ лѣтъ службы въ Тобольскѣ Филологъ Васильевичъ въ 1863 году за выслугу лѣтъ произведенъ въ чинъ коллежскаго совѣтника, въ 1864 году всемилостивѣйше пожалованъ орденомъ св. Станислава 2-й степени съ император. короною, а въ 1865 году правительство вспомнило о его полезной и очень добросовѣстной дѣятельности по тюремному вѣдомству въ Томскѣ, и по всеподданнѣйшему докладу президента общества попечительства о тюрьмахъ онъ Высочайше утвержденъ въ званіи директора Тобольскаго тюремнаго комитета.

Въ 1867 году 9 января Филологъ Васильевичъ получилъ 300 рублей изъ суммъ сбора за право ученія—въ награду за отлично усердную службу, а за выслугу лѣтъ 18 іюля 1868 года произведенъ въ чинъ статскаго совѣтника.

Въ ноябрѣ 1867 г. Филологъ Васильевичъ былъ командированъ учебнымъ начальствомъ въ Томскъ для ревизіи тамошней гимназіи.

XII.

19 января 1869 г. оканчивался обязательный срокъ службы, дающій

дарственныхъ имуществъ. При закрытіи съѣзда, какъ заявлено въ губернскихъ вѣдомостяхъ, „Предсѣдателемъ общаго присутствія съѣзда Крестьяновымъ былъ прочитанъ отчетъ о занятіяхъ членовъ съѣзда, состоявшаго въ числѣ 38 человѣкъ. Изъ него узнали, что мнѣній, преставленныхъ ими на разсмотрѣніе съѣзда, было 71 (а не только 56,—остальныя мнѣнія, вѣроятно, присланы позже) по преподаваемымъ въ училищахъ предметамъ. Мнѣній приходскихъ учителей и учителей женскихъ школъ—19. Педагогическая выставка состояла изъ 418 названій.

право на пенсію. Но Филологъ Васильевичъ въ отставку не вышелъ, такъ такъ приказомъ министра народнаго просвѣщенія, онъ, къ радости своихъ сослуживцевъ и мѣстнаго общества, былъ оставленъ на службѣ по министерству народнаго просвѣщенія, за выслугою 20 лѣтъ, еще на пять лѣтъ съ 19 января 1869 года и вслѣдъ затѣмъ, съ этого же числа, за прослуженіе по учебному вѣдомству 20 лѣтъ, назначено ему производить по 900 рублей пенсіи сверхъ получаемаго содержанія на службѣ. Въ 1870 году 27 февраля былъ Всемилостивѣйше пожалованъ орденомъ св. Анны 2-й степени съ император. коропою за отлично-усердную службу, а съ половины іюня того же года по распоряженію генералъ-губернатора онъ былъ командированъ въ С.-Петербургъ и Москву для ознакомленія съ состояніемъ учебныхъ заведеній министерства народнаго просвѣщенія, находящихся въ столицахъ и для посѣщенія всероссійской выставки учебныхъ пособій съ цѣлью пріобрѣтенія нѣкоторыхъ изъ нихъ для учебныхъ заведеній Западной Сибири. На этотъ разъ ему было отпущено вмѣсто денегъ, назначаемыхъ командируемымъ чиновникамъ, пособіе изъ спеціальныхъ средствъ гимназіи—400 рублей. Въ какой степени достаточна была эта послѣдняя сумма для командировки, продолжавшейся 4 мѣсяца, въ теченіи которой онъ исключительно занятъ былъ служебными дѣлами, говорить объ этомъ считаемъ излишнимъ.

Исполняя свои обязанности по командировкѣ, Филологъ Васильевичъ во время своего недолгаго пребыванія въ Петербургѣ хлопоталъ о нуждахъ своей дирекціи и нѣкоторыхъ сослуживцевъ, о чемъ давалъ извѣщенія въ Тобольскъ. Все это очень интересовало его подчиненныхъ и вотъ что писалъ ему замѣнявшій его инспекторъ гимназіи: „Письма ваши, многоуважаемый Филологъ Васильевичъ, для многихъ изъ вашихъ сослуживцевъ замѣняютъ теперь и русскую, и иностранную литературу. Періодическихъ изданій никто не беретъ изъ гимназической библіотеки: отзываются житьемъ въ деревнѣ, охотой, желаніемъ отдохнуть, но освѣдомляются о получаемыхъ отъ васъ извѣстіяхъ. Общая благодарность вамъ за участіе въ интересахъ вашихъ сослуживцевъ. Никто не забытъ вами, обо всѣхъ вы позаботились. Любовію высказываются нѣкоторые, какъ бы вы не наскучили въ департаментѣ чиновникамъ докуками о своихъ дѣлахъ, въ которыхъ они, по всей вѣроятности, мало принимаютъ участія. Общій нашъ хоръ поетъ одно, что вы плакатель дирекціи Тобольскія. Пусть это названіе—по праву—останется за вами". Этотъ сердобольный „плакатель" позаботился между прочимъ и о тяжеломъ матеріальномъ положеніи учителей дальняго Березова, богатаго всякими лишеніями и страшною дороговизной. Онъ хлопоталъ передъ товарищемъ министра объ увеличеніи содержанія тамошнимъ педагогамъ. Онъ не упустилъ случая изъ Петербурга для утѣшенія училищной корпораціи крайняго сѣвера послать три телеграммы, которыя изъ Тобольска въ Березовъ были отправлены почтой. Мы еще не сказали о заботахъ Филолога Васильевича облегчить матеріальныя нужды тобольскихъ педагоговъ. Съ этою цѣлью, по его иниціативѣ, при гимназіи была

учреждена ссудосберегательная касса, которая много принесла имъ добра, такъ что многіе изъ нихъ, при помощи этой кассы, выпутались изъ затруднительныхъ домашнихъ обстоятельствъ, иные имѣли возможность жениться, иные сдѣлали поѣздку въ столицу, а нѣкоторые завелись собственными домами.

По возвращеніи изъ командировки Филолога Васильевича всѣ тобольскіе сослуживцы обратились къ нему со слѣдующимъ адресомъ: „За вашу дѣятельную любовь къ ввѣреннымъ вашему управленію учебнымъ заведеніямъ, за ваше всегдашнее сочувствіе къ нуждамъ и интересамъ младшихъ сотрудниковъ вашихъ по службѣ, мы, нижеподписавшіеся, собравшись вмѣстѣ, нашли пріятнымъ для себя долгомъ выразить вамъ, милостивый государь, наши чувства высокаго къ вамъ почтенія и благодарности“. Что же касается до самого Филолога Васильевича, то онъ, кажется, не вполнѣ доволенъ былъ результатами командировки, такъ какъ „не удались всѣ его предположенія насчетъ учебныхъ заведеній“. Въ одномъ его письмѣ мы находимъ только намекъ на это, сути котораго не могли разъяснить за неимѣніемъ подробныхъ данныхъ. Филологъ Васильевичъ кому-то пишетъ въ Петербургъ, что „большой вредъ для дѣла произошелъ отъ молчанія министерства“ и что ему „приводится испытывать большія нравственныя страданія, ему, который не имѣлъ въ виду ничего, кромѣ пользы учебныхъ заведеній“.

Въ 1873 году Филологъ Васильевичъ, въ виду оканчивавшагося пятилѣтія, очень былъ озабоченъ ограниченностью своихъ средствъ, которыхъ ему нужно было не мало для содержанія своей многочисленной семьи. Такъ какъ онъ не намѣренъ былъ сидѣть сложа руки, получая пенсію, которой, какъ сказано, для него было очень недостаточно, онъ думалъ заблаговременно подготовить себя къ другой дѣятельности. Нѣкоторые петербургскіе знакомые, съ которыми онъ велъ очень дружескую переписку, писали ему: „Лучше, конечно, лучше тамъ у васъ на мѣстѣ добиваться чего-нибудь—или по университету, или по желѣзной дорогѣ, или наконецъ по судебной части, имѣющей, по всѣмъ вѣроятіямъ, скоро возникнуть и въ Сибири. (Только спустя 13 лѣтъ введены новыя судебныя учрежденія въ Сибири, да и то нѣчто въ родѣ переходной формы, сравнительно съ таковыми же учрежденіями въ Россіи). Вѣдь вы всюду пригодны, и пригодность ваша скорѣе, конечно, будетъ сознана тамъ, чѣмъ здѣсь: тамъ вы одни, а здѣсь на каждомъ шагу—профессора.... право такъ! Люблю сердечно и уважаю васъ глубоко. Я душевно желаю вамъ всякаго добра и полагаю, что Богъ благословитъ васъ на мѣстѣ лучше здѣшняго“. Но не отъ Филолога Васильевича зависѣло привести въ исполненіе свои богатыя идеи по этимъ вопросамъ, въ каждомъ изъ которыхъ онъ былъ весьма свѣдущъ. Въ другихъ письмахъ петербургскіе друзья совѣтовали ему „вникнуть хорошенько въ положеніе Тобольской губерніи и соприкасающихся съ ней округовъ: нельзя ли завести какую-нибудь мѣстную промышленность со сбытомъ въ Россію?“ Они предлагали Филологу Васильевичу вмѣстѣ съ ними сдѣлаться учредителемъ какого-нибудь дѣла, предоставляя

на это необходимыя средства и свои услуги. Когда Филологъ Васильевичъ выразилъ свое согласіе, обративъ вниманіе на мѣстныя нужды, ему отвѣчали: „хорошее, очень хорошее это дѣло и по вашему „политическому“ и семейному положенію, вашимъ способностямъ и вашей сознательной готовности трудиться. Вы должны продолжать и неустанно преслѣдовать предвзятыя намѣренія, принявъ за аксіому святое изреченіе: „толцыте и отверзется“. Можно съ увѣренностію сказать, что Филологъ Васильевичъ, будучи „всюду пригоденъ“, съумѣлъ бы оживить мѣстную промышленность и вызвать тѣ источники богатствъ, которые въ настоящее время пропадаютъ здѣсь почти даромъ.

Тѣмъ временемъ обстоятельства измѣнились, и 23 февраля 1874 года новымъ приказомъ министра народнаго просвѣщенія онъ оставленъ на службѣ еще на три года, съ 19 января 1874 года, и 20 іюня назначено произвести ему въ добавокъ пенсіи, получаемой на службѣ за 20 лѣтъ (900 руб.), еще одну пятую долю по 180 рублей, со дня выслуги двадцатипятилѣтняго срока.

XIII.

День 19 ~~февраля~~ января 1874 года остался очень памятнымъ для Филолога Васильевича и для его сослуживцевъ. Празднуя 25-ти-лѣтній юбилей своей педагогической дѣятельности, онъ былъ почтенъ общимъ сочувствіемъ и выраженіемъ самыхъ искреннихъ чувствъ друзей, знакомыхъ и подчиненныхъ всей губерніи—отъ десятилѣтняго гимназиста до самаго престарѣлаго сослуживца. Въ этотъ день Филологъ Васильевичъ получилъ нѣсколько адресовъ и телеграммъ. Были адресы изъ всѣхъ губернскихъ округовъ (нѣкоторые изъ нихъ опоздали ко дню юбилея). Въ общемъ адресѣ отъ тюменскаго уѣзднаго училища и тамошней женской прогимназіи сказано: „Съ первыхъ же дней вашей служебной дѣятельности вы всецѣло отдали себя на пользу плодотворнаго дѣла—воспитанія юношества. Ваша прежняя служба въ Томскѣ была признана начальствомъ многополезной. Вы достойно награждены за ваши труды назначеніемъ васъ директоромъ училищъ. Исполняя болѣе 10 лѣтъ возложенныя на васъ многотрудныя обязанности, вы вполнѣ оправдали довѣріе вашего начальства и заслужили всеобщее уваженіе вашихъ подчиненныхъ... Какъ начальникъ, вы всегда были справедливы; какъ человѣкъ, возможно снисходительны. Вы поощряли трудъ и усердіе и направляли на добрый путь тѣхъ, кто легкомысленно относился къ дѣлу.... Наше общее желаніе —видѣть васъ какъ можно долѣе въ средѣ нашей“. Какъ скромно Филологъ Васильевичъ относился къ своимъ заслугамъ, видно изъ отвѣта на адресъ Туринскихъ педагоговъ. „Душевно благодарю всѣхъ васъ, дорогіе друзья мои, за вашъ радушный привѣтъ по поводу исполнившагося 25-ти-лѣтія моей службы. Вниманіе ваше отношу я не къ заслугамъ моимъ (онѣ слишкомъ не велики), а единственно къ вашей любви ко мнѣ. Для меня радостно вѣрить и надѣяться, что это чувство будетъ живою связью между нами и на буду-

щее время, чтобы ни представилось впереди, въ этомъ будущемъ времени". Затѣмъ были адресы отъ преподавательскаго персонала и отъ ученицъ нашей женской Маріинской школы. Что же касается до учениковъ Тобольской гимназіи, то каждый классъ подносилъ свой адресъ отдѣльно. Ученики перваго класса торжественно заявляютъ, что Филологъ Васильевичъ „заботливымъ вниманіемъ, ласковымъ обращеніемъ и доступностью успѣлъ даже въ непродолжительное время воспитать въ нихъ чувства любви и уваженія, которыя и съ лѣтами не ослабѣютъ". Ученики III класса, въ которомъ Филологъ Васильевичъ былъ класснымъ наставникомъ, говорятъ: „Четверть столѣтія, проведенная вами на поприщѣ педагога, по истинѣ самомъ трудномъ, заставляетъ всякаго воздать вамъ должную честь, а насъ, вашихъ воспитанниковъ, отъ сердца поблагодарить за ваше объ насъ попеченіе. Счастливое то общество, которое имѣетъ подобныхъ вамъ членовъ; счастливые мы, имѣя васъ своимъ наставникомъ, и очень намъ желательно, чтобы ваша служебная дѣятельность продолжалась еще дольше на пользу нашу и всего общества". Ученики VII класса въ своемъ адресѣ говорятъ, что Филологъ Васильевичъ. воспитывая ихъ, „училъ и наставлялъ такимъ образомъ, чтобы изъ учениковъ вышли добрые и благонамѣренные граждане, способные выполнять всякъ свое назначеніе. Выполнивъ свое назначеніе. они помогутъ утвержденію благоденствія и всего государства. Вотъ въ чемъ заключается высокая цѣль воспитанія и образованія юношества.... Втеченіе 25 лѣтъ, а это не мало, вы, Филологъ Васильевичъ, приносили великую пользу и услугу не только юношеству, но и самому государству. Сколько сотъ молодыхъ людей вы выпустили въ свѣтъ, направивъ ихъ по тропѣ благонамѣренности. Никто не скажетъ, чтобы вы впродолженіи 25 лѣтъ погубили безвинно жизнь какого-нибудь юноши. Всегда вы старались юношу съ дурными качествами направить къ доброму пути, и всегда ждали его исправленія до послѣдней возможности. Въ томъ случаѣ, когда вы видѣли, что нѣтъ никакой возможности направить юношу къ добру, тогда только вы удаляли его изъ заведенія. Но и это вы дѣлали съ благимъ намѣреніемъ, такъ какъ юноша съ дурными и неисправимыми качествами могъ бы образовать изъ своихъ товарищей себѣ подобныхъ. и, давъ ему такимъ образомъ воспитаніе, вы сдѣлали бы вредъ, который произошелъ бы отъ дурной нравственности нѣсколькихъ юношей". Ученики VIII класса выразили слѣдующее: „Вы, какъ директоръ, пріобрѣли отъ насъ навсегда то истинное уваженіе и ту любовь, какія должны быть въ душѣ каждаго подчиненнаго къ своему начальнику. Сколько отрадныхъ чувствъ и воспоминаній проходитъ и будетъ проходить въ душѣ каждаго изъ насъ, когда мы вспомнимъ о времени ученія, проведенномъ подъ вашимъ руководствомъ! Кто не вспомнитъ ту кротость и доброту, которыя вы выказывали въ обращеніи съ нами впродолженіе своей службы! Кто позабудетъ тѣ отеческія ласки и мѣры, какія вы употребляли для исправленія нашихъ недостатковъ и для внушенія намъ тѣхъ чувствъ и благородныхъ стремленій, которыя долженъ имѣть всякій порядочный человѣкъ и полезный гражданинъ!

Кто не замѣчалъ на вашемъ лицѣ той заботливости и грусти, которыя тяготили ваше сердце при какомъ-либо непріятномъ случаѣ или поступкѣ, сдѣланномъ тѣмъ или другимъ изъ насъ! Ваше сердце принимало въ этомъ живѣйшее участіе: на сколько это было непріятно для того, съ кѣмъ случилось, на столько же (если еще не больше) и для васъ это было тяжело. Не даромъ же слышится о васъ добрый отзывъ тѣхъ, кто воспитывался подъ вашимъ начальствомъ! Не даромъ же они съ признательностію заочно благодарятъ своего благодѣтельнаго начальника за то, что вы дѣлали для нихъ, для образованія изъ нихъ хорошихъ слугъ отечеству и добрыхъ людей. За все это и за ваши долгіе и полезные труды отечеству на поприщѣ общественной дѣятельности желаемъ вамъ, многоуважаемый Филологъ Васильевичъ, многія лѣта и попросимъ Бога, чтобы было побольше такихъ начальниковъ не только въ нашей, но и во всѣхъ прочихъ гимназіяхъ нашего дорогаго отечества!" Одинъ ученикъ, Сарахановъ, подалъ адресъ даже на латинскомъ языкѣ. Остается сказать объ учителяхъ гимназіи. Во время поздравленій они поднесли юбиляру художественный вензель въ видѣ картины подъ рамкой съ изображеніемъ латинскими цифрами XXV, окруженный девизомъ: „Quiquid potuit, fecit", и пригласили на устроенный въ актовомъ залѣ гимназіи обѣдъ въ его честь. Какъ подчиненные оцѣняли его труды, Филологъ Васильевичъ, съ сердечнымъ удовольствіемъ и справедливою гордостію, могъ видѣть изъ того, что на этомъ обѣдѣ послѣ рѣчей, восхвалявшихъ его дѣятельность, устроили между собою подписку на учрежденіе въ Тобольской гимназіи стипендіи его имени. Подписной листъ съ большою готовностью былъ покрытъ подписями и въ скоромъ времени была собрана сумма болѣе 1000 руб. Остальная сумма была собрана впослѣдствіи, такъ что составился капиталъ въ 2000 рублей, на % котораго долженъ былъ воспитываться бѣднѣйшій, но способный ученикъ. Какъ начальникъ, голосъ котораго могъ производить извѣстное давленіе на подчиненныхъ, Филологъ Васильевичъ всячески уклонялся отъ всякихъ разговоровъ по этому предмету и избѣгалъ высказывать свое мнѣніе, предоставляя имъ дѣйствовать, какъ умѣютъ и какъ хотятъ. Педагоги сносились уже съ тогдашнимъ инспекторомъ училищъ Западной Сибири объ учрежденіи этой стипендіи еще въ то время, когда самъ онъ былъ директоромъ, но это ходатайство было тогда отклонено „и, по моему мнѣнію, сказалъ Филологъ Васильевичъ, благоразумно, потому что я состою еще начальникомъ того заведенія, при которомъ учреждается стипендія". Лишь въ концѣ 1881 года состоялось Высочайшее повелѣніе о принятіи пожертвованнаго педагогами капитала въ 2000 рублей и объ учрежденіи, на счетъ процентовъ съ этого капитала, стипендіи имени Филолога Васильевича въ Тобольской гимназіи. Это рѣдкій памятникъ, всегда говорящій объ особенномъ значеніи выдающейся личности, о вѣчной любви и уваженіи къ ней. „Спасибо бывшимъ моимъ сослуживцамъ, сказалъ Филологъ Васильевичъ, за то, что они оцѣнили мои труды и захотѣли выразить, какъ смогли и какъ съумѣли, свою мнѣ признательность". Кстати о стипендіяхъ.

Въ половинѣ семидесятыхъ годовъ привелось Филологу Васильевичу принять въ свои руки дѣла существующаго въ Тобольскѣ общества вспомоществованія бѣднымъ студентамъ изъ уроженцевъ Тобольской губерніи. Въ моментъ этого принятія въ дѣйствительности общество не существовало: не было ни членовъ, которые исполняли бы свои обязанности, а которые были, кажется человѣкъ шесть--тѣ носили это званіе только номинально, ни свѣдѣній о лицахъ. нуждавшихся въ пособіи общества, да и сами нуждавшіеся забыли уже о существованіи общества; получавшіе же пособіе отъ общества и обязанные возвратить это пособіе (по уставу пособіе выдается только заимообразно) были растеряны изъ виду и разбросаны по всему пространству имперіи, и мѣстопребываніе ихъ было неизвѣстно; членскихъ взносовъ уже нѣсколько лѣтъ не поступало ни копѣйки, и все, чѣмъ располагало тогда общество, заключалось въ жалкихъ процентахъ съ капитала (въ 1000 руб.), заключавшагося въ государственныхъ 5% бумагахъ. Къ этому, самый уставъ общества оказался на практикѣ недостаточно регулирующимъ какъ дѣятельность комитета, заправляющаго дѣлами общества, такъ и отношенія этого комитета къ членамъ общества и студентамъ, которымъ оказывалось пособіе. Когда упомянутые шесть—семь номинальныхъ членовъ общества уговорили Филолога Васильевича предсѣдательствовать въ распорядительномъ комитетѣ общества, то ему привелось начинать почти всѣ дѣла снова, чтобы возобновить не существовавшее на дѣлѣ общество. „Много трудовъ было положено на это дѣло--говоритъ Филологъ Васильевичъ—привелось исходатайствовать и новый уставъ и, слава Богу, мнѣ удалось поставить его на твердую ногу“. При отъѣздѣ Филолога Васильевича изъ Тобольска общество состояло почти изъ ста дѣйствительныхъ, а не номинальныхъ членовъ, и имѣло на своемъ попеченіи 12 или 13 студентовъ въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ. Общество почтило труды Филолога Васильевича избраніемъ его, кажется, въ 1877 году въ свой почетные члены.

Вслѣдствіе ходатайства главнаго инспектора чрезъ генералъ-губернатора Западной Сибири Государь Императоръ Высочайше соизволилъ въ 8-й день марта 1875 г. наградить Филолога Васильевича чиномъ дѣйствительнаго статскаго совѣтника.

XIV.

Въ 1877 г. вышелъ въ отставку начальникъ Филолога Васильевича г. Дзюба. Всѣ служащіе въ Тобольской дирекціи были убѣждены, что Рудаковъ будетъ главнымъ инспекторомъ училищъ Западной Сибири. Такъ всѣ ожидали на основаніи его заслугъ и выдающейся дѣятельности, но эти общія ожиданія не сбылись, хотя были вполнѣ справедливы. Конечно это зависѣло отъ генералъ-губернатора Казнакова, который, будучи въ Петербургѣ, вошелъ въ соглашеніе съ министерствомъ народнаго просвѣщенія, и главнымъ инспекторомъ былъ назначенъ Н. Я. Максимовъ. а Рудаковъ съ 26 февраля 1877

года былъ снова оставленъ еще на два года, считая срокъ новой службы съ 19 января 1877 года.

Втеченіе этихъ двухъ послѣднихъ лѣтъ службы, дѣятельность Филолога Васильевича по прежнему неустанно продолжалась. Въ это время онъ началъ усиленно работать въ пользу преобразованія Маріинской школы въ женскую гимназію. Вопросъ этотъ очень важенъ для мѣстнаго населенія, а потому мы и должны немного остановиться на немъ. Школа, со времени своего учрежденія, была первымъ женскимъ заведеніемъ во всей Западной Сибири и съ того времени съ честью оправдала свое первоначальное назначеніе быть разсадникомъ женскаго образованія не только въ Тобольской губерніи, но и за предѣлами ея, чему доказательствомъ служитъ то, что въ каждомъ изъ женскихъ заведеній этихъ мѣстностей въ преподавательскомъ составѣ непремѣнно числится хотя одна изъ бывшихъ воспитанницъ Маріинской Тобольской школы. Школа была принята Филологомъ Васильевичемъ еще въ 1862 г. въ видѣ заведенія безъ строго опредѣленнаго плана занятій, въ которомъ дѣти учились кое-чему и которое жило большею частію подачками даровато труда временно приглашенныхъ преподавателей и потому не дорожившихъ дѣломъ заведенія. Много пришлось Филологу Васильевичу потрудиться и на пользу этого разсадника женскаго образованія въ отдаленномъ краѣ и поднять его значеніе. Съ этихъ поръ въ школѣ все пошло лучше. За управленіе Филолога Васильевича школа поставлена была на степень благоустроенныхъ среднихъ женскихъ учебныхъ заведеній съ курсомъ одинаковымъ со второразрядными женскими институтами. Еще въ 1870 году началось ходатайство о преобразованіи старшаго отдѣленія школы въ гимназію; но въ 1877 году, согласно желаніямъ населенія, по разнымъ неудобствамъ и недостаточности образованія, получаемаго дѣвицами въ школѣ при ея теперешнемъ уставѣ, было найдено лучшимъ ходатайствовать о слитіи двухъ отдѣленій школы въ одно учебное заведеніе, съ преобразованіемъ перваго ея отдѣленія въ приготовительный классъ, и объ учрежденіи въ заведеніи особаго педагогическаго класса. Такимъ образомъ Маріинская школа, ставъ Маріинской гимназіей, могла служить солидную роль средняго учебнаго заведенія для дочерей лицъ, принадлежащихъ ко всѣмъ сословіямъ и потеряла бы нынѣшнее нѣсколько кастическое устройство, не соотвѣтствующее ни нашему времени, ни потребностямъ населенія. Послѣдній проэктъ такого преобразованія былъ выработанъ самимъ Филологомъ Васильевичемъ, но всѣ его старанія при его управленіи, къ сожалѣнію, не увѣнчались успѣхомъ. Все дѣло остановилось изъ-за недостававшихъ 3000 руб., отпускать которые ежегодно отказалось вѣдомство Императрицы Маріи за недостаткомъ средствъ. Осталась только одна надежда на пополненіе недостающей суммы иными какими-нибудь путями. Но этому Филологъ Васильевичъ съ самаго начала всегда ограничивался улучшеніями въ школѣ, возможными при прежней обстановкѣ. Зная высокое назначеніе женщины, онъ обратилъ, между прочимъ, серьезное вниманіе на преподаваніе педагогики и самъ даже преподавалъ ее въ школѣ втеченіе одного учебнаго

года. Замѣчая нѣкоторые недостатки въ современной программѣ этого предмета, Филологъ Васильевичъ хотѣлъ пополнить эти пробѣлы слѣдующимъ проектомъ: „Планъ преподаванія педагогики въ женскихъ учебныхъ заведеніяхъ не долженъ ограничиваться изложеніемъ однихъ только руководительныхъ правилъ при обученіи и воспитаніи дѣтей, находящихся въ томъ возрастѣ, который назначается для ихъ обученія, но долженъ заключать въ себѣ и тѣ правила, которыми должна руководствоваться взрослая дѣвушка и женщина, и въ этомъ послѣднемъ случаѣ преподаваніе должно выходить за предѣлы обыкновеннаго курса педагогики, вдаваясь въ область ученія объ обязанностяхъ человѣка. Это расширеніе необходимо для того, чтобы будущая гражданка еще въ заведеніи получила правильное понятіе объ обязанностяхъ женщины во всѣхъ положеніяхъ ея жизни, которое могла-бы впослѣдствіи и сама примѣнить къ дѣлу и распространить на окружающую среду, на своихъ и довѣренныхъ ей чужихъ дѣтей. Съ другой стороны курсъ этотъ долженъ быть значительно сокращенъ въ тѣхъ частяхъ, гдѣ говорится собственно о физическомъ воспитаніи дѣтей послѣ ихъ рожденія, такъ какъ предметъ этотъ значительною частію своею соприкасается къ области медицины: по крайней мѣрѣ онъ долженъ быть ограниченъ только указаніемъ на важнѣйшія требованія отъ матери новорожденнаго младенца.—Преподаваніе этого курса должно слѣдовать въ томъ естественномъ порядкѣ, въ какомъ должна начинаться и проходить жизнь дѣвушки, по выходѣ ея изъ заведенія. Итакъ, прежде всего должно быть разсмотрѣно *безбрачное состояніе взрослой дѣвушки*. Въ этомъ состояніи представляются два вида: жизнь внутри семьи и внѣ ея. *Внутри семьи* дѣвушка становится въ отношенія къ родителямъ и вообще къ восходящимъ родственникамъ, къ роднымъ братьямъ и сестрамъ и иногда къ людямъ постороннимъ, но вошедшимъ въ семью на правахъ родственниковъ (сиротъ—родственниковъ и пріемышей). Дальнѣйшею и какъ бы переходною ступенью къ жизни внѣ семьи служатъ отношенія дѣвушки къ дальнимъ родственникамъ и къ прислугѣ. На первомъ мѣстѣ стоятъ отношенія *къ матери*. Здѣсь должны быть разсмотрѣны и развиты обязанности дочери быть помощницею въ трудахъ и заботахъ матери, предпочтеніе ея общества всякому другому, принятіе отъ нея только тѣхъ заботъ и предложеній, которыя не разстраиваютъ семейнаго быта, незамѣчаніе нуждъ и лишеній семьи, незамѣчаніе недостаточнаго образованія матери, смягченіе любовію и нѣжными ласками вспыльчивости и раздражительности матери, предугадываніе ея желаній и исполненіе ея приказаній (о предложеніи жениховъ ниже), работа вещей для матери, исправленіе безпорядковъ въ домашней жизни, происходящихъ отъ недосмотра и неразвитости матери такъ, чтобы это исправленіе не могло быть для нея упрекомъ, незамѣчаніе слабостей матери и крайне осторожное сообщеніе ей объ этомъ своихъ и чужихъ мнѣній, стойкое запрещеніе другимъ отзываться оскорбительно о матери, безотлучное нахожденіе при больной матери, почтеніе ея памяти наружное, внутреннее и христіанское. (Указаніе достойныхъ подражанія образцовъ дочернихъ добродѣтелей

изъ всеобщей, русской, библейской исторіи и жизнеописаній святыхъ).—*Въ отношеніи къ отцу* излагаются тѣ же обязанности съ тѣмъ особымъ указаніемъ, что такъ какъ большею частію содержаніе семьи лежитъ на отцѣ, то наибольшая осторожность требуется отъ дочери, чтобы не быть ему въ тягость, а въ особенности не быть косвенною причиною его злоупотребленій, откуда обязанность точно знать средства семьи.—*Въ отношеніи къ братьямъ и сестрамъ* раздѣленіе заботъ матери и преимущественно о малолѣтнихъ, передача имъ знаній нравственныхъ и религіозныхъ началъ (порядокъ передачи ниже), вниманіе ко взрослымъ и стараніе быть для нихъ другомъ, предупрежденіе и отвращеніе въ нихъ дурнаго съ большею прямотою, чѣмъ относительно родителей.—*Въ отношеніи сиротъ—родственниковъ, принятыхъ въ семейство*, тѣ же обязанности—съ добавленіемъ, что родители по естественному чувству и при добромъ желаніи могутъ отличать своихъ дѣтей отъ чужихъ: дѣвушка должна пополнять этотъ недостатокъ.—*Въ отношеніи пріемышей* тѣ же обязанности, но съ сообщеніемъ правильнаго взгляда на незаконность рожденія". Продолженія этого интереснаго плана, касающагося тѣхъ внутреннихъ началъ, на которыхъ основана и правильно живетъ хорошая семья, мы, къ сожалѣнію, нигдѣ не могли отыскать. Жаль! но и такъ видно, что эти мысли Филолога Васильевича составляютъ всю душу преподаванія вполнѣ здравой педагогики въ женскихъ школахъ. Живой христіанскій духъ этой программы очевиденъ, и она принесла бы не мало пользы, будь она утверждена и самая школа преобразована... 22 іюля 1879 года, когда Филологъ Васильевичъ долженъ былъ разстаться со школою, оканчивалось 25-ти-лѣтіе существованія Маріинской школы. Втеченіе этого времени она дала не мало хорошихъ женъ, воспитательницъ и учительницъ въ женскихъ и сельскихъ школахъ Тобольской губерніи; Филологъ Васильевичъ и желалъ, чтобы этотъ день былъ днемъ основанія и началомъ новаго 25-ти-лѣтія для Маріинской женской гимназіи.—Еще въ 1867 г. 22 декабря Филологъ Васильевичъ Всемилостивѣйше былъ пожалованъ орденомъ св. Анны второй степени „за отлично-усердную службу по должности члена по учебной части школы", а 29 декабря 1879 г. былъ пожалованъ Владимірскимъ крестомъ третьей степени „за отлично-усердную службу и особые труды" въ той же школѣ. Это былъ послѣдній орденъ, который Филологъ Васильевичъ удостоился получить. Сверхъ всѣхъ вышепоименованныхъ знаковъ отличія, Филологъ Васильевичъ имѣлъ еще, на основаніи Всемилостивѣйшаго манифеста 26 августа 1856 года, медаль, учрежденную въ память войны 1853—1856 годовъ, темпобронзовую на Владимірской лентѣ, а по постановленію главнаго управленія общества попеченія о раненыхъ и больныхъ воинахъ отъ 3 іюня 1879 года пожалованъ Высочайше установленнымъ знакомъ краснаго креста.

XV.

Въ послѣдніе два года своей многополезной дѣятельности въ Тобольскѣ Филологъ Васильевичъ воздвигъ себѣ еще одинъ памятникъ. Кромѣ сказаннаго

общества вспомоществованія бѣднымъ студентамъ, онъ создалъ другое новое общество *музыкальное,* подъ именемъ *Отдѣленія Императорскаго Россійскаго музыкальнаго общества,* въ дирекціи котораго ему также привелось быть первымъ предсѣдателемъ. Это немаловажное дѣло доставило ему не мало огорченій и гораздо болѣе трудовъ, чѣмъ помощь бѣднымъ студентамъ. Здѣсь пришлось бороться и съ новостью дѣла, и съ предубѣжденіями противъ него, возникшими при самомъ основаніи общества, съ личнымъ самолюбіемъ, съ ограниченностью музыкальныхъ силъ и съ совершеннымъ отсутствіемъ всякихъ матеріальныхъ средствъ. Вкусъ и любовь къ музыкальному искусству въ мѣстной средѣ стали развиваться и кромѣ постоянныхъ двухнедѣльныхъ (иногда чаще) музыкальныхъ вечеровъ и концертовъ, въ зиму 1878—79 года удалось исполнить, хотя, конечно, не безъ погрѣшностей, музыкальное представленіе, на которомъ, при сценической обстановкѣ, исполнено было нѣсколько цѣльныхъ частей изъ русскихъ оперъ и, судя по полнотѣ музыкальной залы, какъ во время генеральной репетиціи, такъ и во время представленія, можно съ увѣренностію сказать, что желаніе публики было вполнѣ удовлетворено. Къ сожалѣнію, въ этотъ короткій періодъ Филологу Васильевичу не удалось поставить дѣла общества на болѣе твердую почву; тѣмъ не менѣе и въ эти два года имъ кое что было сдѣлано. Вотъ въ какомъ положеніи оставилъ Филологъ Васильевичъ это свое дѣтище. Тобольское Отдѣленіе музыкальнаго общества имѣло въ составѣ своемъ уже нѣсколько почтенныхъ ревнителей искусства, помогающихъ дѣлу усиленными взносами по званію дѣйствительныхъ членовъ; для ходатайства и предстательства о нуждахъ Тобольскаго Отдѣленія предъ главною дирекціею общества въ С.-Петербургѣ, состоялъ уполномоченнымъ Тобольскаго Отдѣленія высокопоставленное и сочувствующее интересамъ Тобольска лицо—сенаторъ В. А. Арцимовичъ; положено было начало вспомогательному и въ то время пока еще неприкосновенному капиталу, при помощи котораго могутъ быть въ будущемъ устранены крайнія нужды исполнителей, отличающихся трудами на пользу общества, и котораго состояло на лицо около 150 рублей; Отдѣленіе имѣло имущества болѣе, чѣмъ на 1200 рублей, а на будущее имѣлись вотъ какіе виды: „При содѣйствіи высокопочтеннаго нашего уполномоченнаго, говоритъ Филологъ Васильевичъ въ своемъ печатномъ прощальномъ письмѣ къ членамъ общества, можно дать движеніе давно желаемому ходатайству объ основаніи въ Тобольскѣ музыкальнаго училища, при существованіи котораго дѣло общества станетъ твердою ногою. Упоминать ли о томъ высокомъ покровительствѣ Августѣйшаго предсѣдателя общества, которое уже одно по себѣ есть ручательство, что дѣло общества не будетъ парализовано никакими внѣшними препятствіями? Остается пожелать, чтобы ревнители музыкальнаго просвѣщенія продолжали оказывать свою матеріальную помощь нашему почтенному дѣлу, а члены исполнители съ энергіей и любовію продолжали свои занятія, руководясь указаніями дирекціи и помня правило, что порядокъ есть душа всякаго общества и что отъ дружнаго дѣйствія и малыя дѣла становятся великими. Не

забудемъ, что мы служимъ не праздной прихоти, не мимолетному желанію убить свободное время, но служимъ высшему изъ искусствъ, облагораживающему и возвышающему духъ человѣка, отвлекающему его отъ низшихъ побужденій и облегчающему въ минуты душевныхъ невзгодъ". Однако эти добрыя пожеланія Филолога Васильевича не осуществились и до сихъ поръ: музыкальной школы нѣтъ въ Тобольскѣ, да и само общество можно сказать еле дышетъ. Одинъ изъ бывшихъ членовъ-исполнителей, отлично знавшій дѣятельность основателя музыкальнаго общества и его умѣніе толково вести общество къ дальнѣйшему развитію, писалъ Филологу Васильевичу изъ Омска: „съ оставленіемъ вами Тобольска, основанное вами и такъ хорошо веденное музыкальное общество можно теперь считать прекратившимъ свое существованіе. Оно держалось только вашей энергіей и любовью къ дѣлу".

Упоминаемъ еще, что въ эти послѣдніе два года Филологъ Васильевичъ, по званію домовладѣльца былъ избранъ гласнымъ Тобольской городской думы. Въ засѣданіяхъ думы онъ принималъ дѣятельное участіе: голосъ его выслушивали со вниманіемъ и къ его содѣйствію обращались въ особенно важныхъ дѣлахъ. Въ послѣдній годъ его проживанія въ Тобольскѣ, въ 1879 году, за которымъ должны были послѣдовать новые выборы, начали поговаривать въ разныхъ кружкахъ объ избраніи его, при этихъ новыхъ выборахъ, въ должность городскаго головы. Этотъ выборъ, кажется, непремѣнно состоялся бы, но Филологъ Васильевичъ уѣхалъ изъ Тобольска.

XVI.

Наконецъ, наступило 19 января 1879 года и Филологъ Васильевичъ долженъ былъ подать прошеніе объ отставкѣ. За свою тридцатилѣтнюю службу по учебной части въ Сибири, въ добавокъ къ получаемой имъ на службѣ пенсіи 1080 руб., онъ награжденъ еще пятою долею основной пенсіи (900 р.) —по 180 р. въ годъ. Филологъ Васильевичъ, обремененный семьей и не имѣя другихъ средствъ, кромѣ пенсіи, просилъ объ усиленной пенсіи на основаніи своихъ заслугъ. Кромѣ прочихъ заслугъ, слѣдующее обстоятельство можетъ быть вмѣнено ему въ заслугу, хотя и косвеннымъ образомъ. По существующему закону всѣ служащіе въ Сибири чиновники чрезъ каждые пять лѣтъ получаютъ на службѣ, вмѣсто обыкновенныхъ, увеличенные на одну четверть оклады, такъ что прослужившіе 20 лѣтъ получаютъ двойные оклады; но эта привиллегія на природныхъ сибиряковъ не простирается. Такимъ образомъ, еслибы Филологъ Васильевичъ не былъ уроженцемъ Сибири, то втеченіе его тридцатилѣтней службы въ Тобольскѣ онъ получилъ бы еще изъ казны, сверхъ полученнаго содержанія болѣе 13 тысячъ рублей; слѣдовательно, кромѣ прочихъ услугъ, онъ сберегъ еще правительству этотъ капиталъ своею службою.

Итакъ, Филологъ Васильевичъ ждалъ полученія приказа объ отставкѣ. Но вдругъ 17 января 1879 г., т. е. за два дня до истеченія полнаго срока на пенсію, онъ получаетъ телеграмму отъ управляющаго департаментомъ министерства народнаго просвѣщенія г. Брадке слѣдующаго содержанія: „Согласъ-

ны ли вы были бы принять должность главнаго инспектора Восточной Сибири въ случаѣ открытія вакансіи". Для Филолога Васильевича это было самою большою неожиданностью. Когда, какъ сказано, открылась вакансія на мѣсто главнаго инспектора Западной Сибири (почти тоже, что попечитель учебнаго округа въ Европейской Россіи), не смотря на свои заслуги, онъ былъ обойденъ, будучи ближайшимъ и достойнѣйшимъ кандидатомъ, а въ Восточной Сибири на тотъ же постъ онъ еще меньше могъ разсчитывать. Спросенный объ этомъ сюрпризѣ одинъ петербургскій другъ, который занималъ когда-то въ нашемъ краѣ видный постъ, отвѣчалъ: „Ни мнѣ и никому другому, а своей собственной личности и своимъ заслугамъ вы обязаны, что министерство предложило вамъ этотъ постъ. Я положительно не зналъ о сдѣланномъ вамъ предложеніи". Филологъ Васильевичъ далъ свое согласіе и получивъ утвержденіе на этой должности, сталъ думать о новой дѣятельности, для которой предвидѣлось болѣе средствъ и простора. Передъ отъѣздомъ онъ ко всѣмъ своимъ сослуживцамъ въ губерніи обратился со слѣдующимъ печатнымъ письмомъ: „Государю Императору благоугодно было приказомъ 20 іюня опредѣлить меня на должность главнаго инспектора Восточной Сибири и во исполненіе Высочайшей воли, нынѣ оставляю я управленіе учебными заведеніями Тобольской губерніи, которыми завѣдывалъ болѣе 17 лѣтъ. Оставляю эти заведенія съ весьма естественнымъ и понятнымъ чувствомъ грусти, тѣмъ болѣе, что посвятивъ этимъ заведеніямъ болѣе половины всей моей служебной дѣятельности, я видѣлъ въ большинствѣ своихъ сослуживцевъ истинныхъ и усердныхъ мнѣ помощниковъ, людей горячо преданныхъ своему дѣлу и понимающихъ всю его святость и важность. Душевно благодарю всѣхъ и каждаго изъ нихъ за труды, понесенные ими во время моего управленія, и сердечно желаю, да пошлетъ имъ Господь Богъ силы и разумѣніе для дальнѣйшаго продолженія честной ихъ дѣятельности на пользу дорогой намъ родины. Усердно прошу ихъ, какъ и прежде, воспитывать ввѣряемыхъ имъ юношей и дѣтей въ чувствахъ глубокаго благоговенія къ Богу, безпредѣльной преданности Августѣйшему Монарху, уваженія къ семьѣ и любви къ наукѣ и всякому честному труду. Всякое извѣстіе объ успѣшной дѣятельности моихъ бывшихъ сослуживцевъ и всякое вниманіе къ нимъ новаго ихъ начальства будетъ меня искренно радовать. Еще прошу прощенія у тѣхъ, для кого я не могъ или не съумѣлъ сдѣлать всего, въ чемъ нуждались, или на что имѣли они право, во время моего управленія. Позволю себѣ напомнить имъ памятныя для меня слова, которыя когда то угодно было моимъ сослуживцамъ сдѣлать моимъ девизомъ: „Quidquid potuit, fecit". Филологу Васильевичу привелось быть вторымъ, со времени учрежденія этой должности въ Восточной Сибири, и первымъ изъ коренныхъ сибиряковъ. Изъ этого письма и изъ газетъ узнавъ о несомнѣнномъ отъѣздѣ Филолога Васильевича, училища, бывшія подъ его управленіемъ, кромѣ писемъ и телеграммъ, прислали ему адресы, въ которыхъ, выражая свою грусть, что они лишаются такого начальника, прибавляютъ, что они считаютъ своимъ долгомъ отъ всего сердца

выразить искреннюю и глубокую благодарность за правдивыя къ нимъ отношенія по службѣ, всегдашнюю справедливую оцѣнку ихъ трудовъ, за истинно доброе, человѣколюбивое отношеніе къ нимъ и за его просвѣщенное руководительство. При общей радости по поводу его новаго назначенія, они съ крайнимъ сожалѣніемъ должны сказать, что потеря такого начальника весьма чувствительна и незамѣнима. Они увѣряютъ, что не только навсегда сохранятъ въ сердцахъ своихъ добрую память о немъ, но будутъ считать за большое счастье, если представится случай еще послужить подъ его начальствомъ. Заранѣе завидуютъ его будущимъ подчиненнымъ, что они удостоились имѣть такого начальника, имя котораго для всѣхъ будетъ дорого и отрадно. Въ одномъ адресѣ, наконецъ, сказано: „Государь воздалъ достойное достойному и благодѣтелю Западной Сибири". Одинъ смотритель училищъ, которому Филологъ Васильевичъ не разъ оказывалъ нравственную поддержку, прямо даже говоритъ въ своемъ письмѣ: „Я ни за что послѣ васъ не останусь, хотя бы привелось подать въ отставку". Смотритель скоро былъ переведенъ въ Восточную Сибирь. Не лишнимъ считаемъ привести отрывокъ изъ поздравительнаго письма отъ одного духовнаго лица: „Пишу это вамъ потому, говоритъ духовный отецъ, что вамъ и теперь, чрезъ 30 лѣтъ, весьма благодаренъ за свое моральное усовершенствованіе и потому еще, что мнѣ весьма пріятно было видѣть ваше благорасположеніе къ нашей святой обители (Абалацкой) и услаждаться вашею религіозностью, служащею примѣромъ для людей грубыхъ и необразованныхъ, каковой примѣръ весьма многоцѣненъ въ настоящее время, когда легкомысленное отношеніе къ религіи и холодное равнодушіе къ ней чуть-чуть не дѣлается модой даже среди простонародья. Мода эта —либеральничанье по отношенію къ религіи—самая гибельная для заражающихся ею... Дай Богъ, чтобы учебныя заведенія среднія, но особенно низшія и народныя, а также инородческія, подъ вашимъ управленіемъ, процвѣтали какъ можно лучше, такъ чтобы управленіе ваше составило цвѣтущую, благоплодную и навсегда пріятно-памятную эпоху въ исторіи просвѣщенія Восточной Сибири".

Тобольскіе мѣщане поднесли Филологу Васильевичу, хотя не совсѣмъ грамотный, но за то просто и искренно выражающій ихъ чувства, адресъ. Въ немъ между прочимъ сказано: „И мы, меньшая братія города Тобольска, чувствуя, что подъ чадолюбивымъ и непосредственнымъ наблюденіемъ вашимъ учились юныя дѣти наши и нравственно преуспѣвали, адресуемъ вашему превосходительству нашу глубокую благодарность. Вы оставляете по себѣ въ потомствѣ неизгладимую память неусыпнаго труженика. Благодаримъ васъ, что вы при томъ принесли много пользы городу своими просвѣщенными взглядами при сужденіи общественныхъ вопросовъ. Вы возстановили тотъ порядокъ, который требовался и достигалъ Высочайшихъ повелѣній. Едва ли будетъ замѣнено ваше отбытіе изъ среды состава гласныхъ. Примите отъ насъ „русское спасибо". Дай Богъ вамъ благополучно пронести новое назначеніе съ народнымъ отзывомъ благодарности". Мы приводимъ эти слова, какъ

свидѣтельство пониманія простыми людьми значенія и силы просвѣщенія, если оно ведется умѣлыми руками, а также и потому, что истинныя заслуги честнаго и любвеобильнаго человѣка всѣмъ понятны и памятны. Вѣдь обыкновенно у насъ то явленіе, что людей, высоко поставившихъ свой пьедесталъ, какъ-то не на всѣхъ ступеняхъ общественной жизни, къ сожалѣнію, замѣчаютъ. Скобелевы, съумѣвшіе своими высокими душевными качествами и національными стремленіями составить огромную популярность,—у насъ рѣдкость.

Музыкальное общество простилось съ Филологомъ Васильевичемъ очень задушевно и съ большою грустью. Оно устроило музыкальный вечеръ исключительно „въ честь отъѣзжающаго, всѣми любимаго, предсѣдателя“. Вечеръ состоялся изъ двухъ отдѣленій, въ которыхъ было сыграно и пропѣто 11 №№. По отъѣздѣ Филолога Васильевича, общество просило своего учредителя почтить его принятіемъ на себя званія почетнаго члена.

Тобольскіе сослуживцы въ честь Филолога Васильевича устроили обѣдъ по подпискѣ въ Общественномъ собраніи. На общія сердечныя изліянія онъ отвѣчалъ: „Есть минуты въ жизни человѣка, которыя оставляютъ на долго въ душѣ его самыя пріятныя воспоминанія, и одну изъ такихъ минутъ я испытываю въ настоящее время. Вашъ радушный привѣтъ, выраженіе котораго вижу въ настоящемъ обѣдѣ, даетъ мнѣ право надѣяться, что мы разстанемся не при однихъ только оффиціальныхъ отношеніяхъ, но со взаимнымъ искреннимъ сочувствіемъ, какъ братья и труженики по одному и тому же дѣлу. Да, г.г.! на сколько вы дорожите моимъ вниманіемъ, на столько же, если не болѣе, я дорожу вашею общею любовію ко мнѣ, пріобрѣсти которую составляетъ одну изъ главнѣйшихъ задачъ, предположенныхъ мною на поприщѣ служебной дѣятельности. Поднимемъ же этотъ бокалъ во имя взаимнаго сближенія между нами. Намъ нужно это сближеніе. Наше дѣло велико и свято: мы, можетъ быть сами не замѣчая того, полагаемъ основу благоденствія цѣлой жизни многихъ людей. Не повторимъ этого выраженія въ другомъ, холодномъ, несочувствующемъ намъ кружкѣ, гдѣ бы выраженіе это могло встрѣтить или насмѣшливую улыбку или упрекъ въ гордости и самохвальствѣ. Но и не легко выполнить наше дѣло: пожелаемъ же другъ другу всей энергіи, которая нужна для того, чтобы не остановиться на половинѣ дороги при исполненіи нашего труда, по видимому, мелочнаго, кропотливаго и не дающаго тотчасъ же окончательнаго результата, который выработывается въ дѣтяхъ, при помощи опытовъ жизни, уже въ послѣдствіи внѣ стѣнъ учебнаго заведенія. Впередъ, труженики науки и образованія!“

Со слезами на глазахъ провожаемый сослуживцами, учениками, знакомыми и своей семьей онъ уѣхалъ изъ Тобольска.

XVII.

17 лѣтъ пробылъ Филологъ Васильевичъ на своей должности въ Тобольскѣ. Кругомъ его въ это время по четыре и по пяти разъ смѣнялись губернскія власти и всѣ безъ исключенія начальники отдѣльныхъ частей. Одному ему

привелось оставаться безсмѣнно на своемъ посту и твердо исполнять порученное ему дѣло, идя по надлежащему пути, безъ всякихъ колебаній и перемѣнъ своей здравой педагогической системы.

Если бросить общій взглядъ на его дѣятельность въ Тобольской дирекціи, то мы должны сказать, что дѣло низшихъ учебныхъ заведеній значительно подвинулось отъ устроеннаго въ 1865 году педагогическаго съѣзда, котораго раньше никогда не бывало во всей Сибири и которые бывали лишь въ весьма немногихъ мѣстностяхъ внутреннихъ губерній Россіи. Еслибы не постоянный недочетъ въ преподавательскомъ составѣ, зависящій отъ того, что оканчивающіе курсъ Тобольской гимназіи ищутъ университетскаго образованія, тогда мы привели бы здѣсь, быть можетъ, не мало выдающихся фактовъ, указывающихъ на болѣе значительное движеніе впередъ уѣздныхъ училищъ подъ управленіемъ Филолога Васильевича.

Изъ существовавшихъ до 1885 года въ городахъ Тобольской губерніи 17 приходскихъ училищъ—3 открыты и устроены при управленіи Филолога Васильевича (и еще одно въ Омскѣ, которое отошло отъ завѣдыванія Тобольской дирекціи). Благодаря вниманію къ его ходатайству одного изъ начальниковъ губерніи, оклады жалованья приходскихъ учителей и законоучителей во всѣхъ этихъ городскихъ училищахъ, будучи до того времени самыми ничтожными—отъ 60 до 100 руб., были увеличены до 200 руб. и болѣе, т. е. до цифры, превышавшей тогда оклады жалованья приходскихъ учителей во многихъ училищахъ внутреннихъ губерній. Это подняло уровень знаній обучающихся въ приходскихъ училищахъ.

Кромѣ уѣздныхъ и приходскихъ училищъ, въ Тобольской губерніи существуютъ и сельскія училища вѣдомства государственныхъ имуществъ. Дѣло завѣдыванія послѣдними есть даровой трудъ, возложенный на директора и смотрителей училищъ Тобольской губерніи. Министерство государственныхъ имуществъ приплачивало управляющему и чиновникамъ хозяйственнаго отдѣленія Тобольской Казенной Палаты дополнительные оклады за завѣдываніе государственнымъ имуществомъ. Эти чиновники мало радѣли объ училищахъ, а директоръ и смотрители училищъ, которые въ дѣйствительности завѣдываютъ училищами государственныхъ имуществъ (кромѣ хозяйственной ихъ части), никакихъ дополнительныхъ окладовъ за это не получаютъ. Въ какой степени были хороши и производительны эти порядки, видно изъ тѣхъ печальныхъ открытій, которые обнаружились на педагогическомъ съѣздѣ. Въ какомъ положеніи вообще находилось дѣло сельскихъ училищъ до 1865 года, видно изъ того, что при открытіи педагогическаго съѣзда оказалось только въ одномъ округѣ (Ишимскомъ) 9 училищъ, а въ остальныхъ было по 4, по 2 и даже по 1-му, и даже вовсе не было. Многія училища оказались фиктивными и существовавшими только на бумагѣ, другія оказались предметомъ эксплуатаціи разныхъ неизвѣстныхъ личностей, принявшихъ на себя обученіе. По иниціативѣ Филолога Васильевича составленъ былъ начальникомъ губерніи времен. комитетъ по этому предмету и за исполненіемъ имъ своей работы началась уси-

ленная дѣятельность мѣстнаго учебнаго вѣдомства. Въ результатѣ упревленія Филолога Васильевича въ Тобольской губерніи имѣлось, не считая отошедшихъ въ завѣдываніе директора Акмолинской области, 193 довольно правильно сформированныхъ училищъ, ожидающихъ нынѣ подчиненія особыхъ инспекцій народныхъ училищъ.

Въ управленіе Филолога Васильевича открыто и организовано не безъ его личнаго старанія Петропавловское городское трехклассное училище,— заведеніе, которыхъ не было еще во всей Сибири и къ преобразованію въ которыя только еще готовятся уѣздныя училища.

Со вступленіемъ Филолога Васильевича въ завѣдываніе гимназіею совпало время реформъ и ломки въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ. Само министерство гласно признало прежніе порядки несостоятельными, а разнузданная печать подвергла осмѣянію и то, что было хорошаго въ заведеніяхъ. Ей вторило и общество: все было обругано, опозорено; старые порядки были гласно порицаемы, а новаго устава не было. Когда же этотъ уставъ вышелъ въ 1864 году, то вызвалъ новыя порицанія и наконецъ въ 1871 году, при значительной оппозиціи въ средѣ общественнаго мнѣнія, изданъ и приведенъ въ исполненіе окончательный новый уставъ. Филологъ Васильевичъ вынесъ на своихъ плечахъ это тяжелое время неурядицы. Онъ оставилъ Тобольскую гимназію какъ разъ въ тотъ годъ, въ который завершалась реформа 1871 года съ первымъ выпускомъ учениковъ ея съ полнымъ знаніемъ курса, положеннаго для классическихъ гимназій. Кромѣ дѣльныхъ учениковъ во время управленія Тобольской гимназіею, она дала изъ своего преподавательскаго состава трехъ лицъ, которыя съ учительскихъ должностей опредѣлены прямо на должности начальниковъ среднихъ учебныхъ заведеній.

Маріинскую школу онъ оставлялъ съ надеждами на скорое преобразованіе. Вступая въ управленіе дирекціей, Филологъ Васильевичъ засталъ уже въ пяти уѣздныхъ городахъ недавно передъ тѣмъ открытыя и не имѣвшія ни постоянныхъ средствъ, ни постоянныхъ преподавателей, женскія училища. При Филологѣ Васильевичѣ послѣдовало открытіе женскихъ училищъ и въ остальныхъ городахъ. При немъ же пять изъ этихъ начальныхъ училищъ преобразованы въ прогимназіи и получили свое самостоятельное управленіе, а остальныя три стоятъ пока на степени начальныхъ училищъ. Общественная благотворительность много помогла правильному устройству этихъ заведеній.

Общественная благотворительность коснулась и гимназіи. Такъ какъ городъ Тобольскъ и Тобольская губернія принадлежатъ къ числу мѣстностей, гдѣ многіе жители не имѣютъ матеріальныхъ средствъ для доставленія своимъ дѣтямъ образованія въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ, то, частью личными своими стараніями, частью вызваннымъ общественнымъ сочувствіемъ къ Тобольской гимназіи, учреждены при пансіонѣ во время управленія Филолога Васильевича одна за другою пять стипендій. Капиталъ на эти стипендіи пожертвованъ на вѣчныя времена и въ общей сложности простирается до 13½ тысячъ рублей. Готовилось еще учрежденіе двухъ стипендій въ гимназію и въ

высшее учебное заведеніе также не безъ его участія—стипендіи Александра II, о чемъ уже было заявлено правительству съ принесеніемъ для этой цѣли особаго капитала въ 10 тыс. рублей. Упомянемъ еще, что изъ 9-ти городовъ, въ которыхъ находятся уѣздныя училища, въ 5-ти городахъ большею частью находились и находятся почетные смотрители и блюстители училищъ, отъ которыхъ за управленіе Филолога Васильевича поступило на пользу учебныхъ заведеній ежегодныхъ взносовъ общимъ итогомъ не менѣе 5 тысячъ рублей.

За все время своей службы здѣсь отношенія его къ подчиненнымъ сослуживцамъ были всегда гуманны и въ высшей степени тактичны. Онъ умѣлъ объединить общество преподавателей и вносить жизнь и миръ въ ихъ среду. Возможные случаи сомнѣнія и недоразумѣній по тому или другому жизненному вопросу, встрѣчаемыя на первыхъ порахъ особенно молодыми преподавателями, находили разрѣшеніе въ его опытности и умѣньи прямо называть вещь ея именемъ. Всегда строгое и добросовѣстное отношеніе къ самому себѣ и своей обязанности невольно отражались и на его сослуживцахъ, а всегда разумное и трезвое слово отрезвляло отъ увлеченія. Награждая выдающихся, онъ поддерживалъ и посредственныхъ и доводилъ послѣднихъ до возможнаго подъема. Являлся онъ защитникомъ тѣхъ изъ своихъ сослуживцевъ, которыхъ чернила незаслуженно—намѣренно клевета и злостная ложь, и виновныхъ старался, по возможности, какъ говорится, исправить, хотя бы это послѣднее стремленіе иногда непріятно отзывалось на немъ самомъ. Непринужденно поэтому было желаніе его сослуживцевъ почтить въ свое время память его учрежденіемъ при гимназіи стипендіи его имени.

Къ воспитанникамъ онъ относился съ полнымъ вниманіемъ, заботливостію и уваженіемъ въ нихъ человѣческаго достоинства, словомъ отношенія его были чисто отеческія. Какъ и самъ отецъ, имѣвшій своихъ дѣтей въ гимназіи, онъ горячо принималъ всѣ нужды учащихся, а особенно не имѣющихъ родителей. Всегда слѣдилъ за успѣхами; тамъ, гдѣ требовалась мѣра строгости, онъ былъ строгъ, но строгъ разумно; гдѣ нужно было оказать снисхожденіе—оказывалъ, но безъ послабленія. Въ виду установившихся довѣрчивыхъ отношеній между нимъ, какъ начальникомъ заведенія, и воспитанниками бывали случаи, а такихъ бывало не мало, что провинившійся воспитанникъ самъ являлся съ своей повинною, добровольно каясь въ своемъ проступкѣ. И онъ никогда не злоупотреблялъ этою довѣрчивостію. Установить же подобныя отношенія между учащими и учащимися—это великое дѣло педагогики, потому что въ этомъ довѣрчивомъ отношеніи между воспитывающими и воспитанниками, въ этой, такъ сказать, душевной сдѣлкѣ двухъ противоположныхъ силъ и заключается весь секретъ успѣха воспитанія и обученія. И наоборотъ, когда воспитанники по упорству ли, по другой ли какой причинѣ не хотятъ сознаваться въ своемъ проступкѣ, не смотря ни на какія улики, то нужно было видѣть, какъ нравственно больно дѣйствовало на него подобное направленіе. Не даромъ отъ многихъ воспитанниковъ, занимающихъ уже теперь тотъ или другой постъ государственной службы не только въ Сибири,

но и въ Россіи, приходилось слышать слово благодарности при воспоминаніи о Филологѣ Васильевичѣ, о чемъ будетъ сказано ниже.

Нельзя сказать, что за все время управленія Филолога Васильевича гимназіей на горизонтѣ служебной дѣятельности не было ни одной тучки, чтобы не брошенъ былъ какой-либо упрекъ на него прямо или изъ-за угла. Въ такомъ важномъ дѣлѣ, какъ воспитаніе чужихъ дѣтей, какъ управленіе лицами, завѣдывающими этой важной функціей государственнаго строя, возможны и недовольство, и упреки, и порицанія, особенно отъ лицъ, мало знающихъ, хотя бы то и незаслуженно. Но надо помнить, что только тотъ свободенъ отъ упрека и порицаній, который ничего не дѣлаетъ, а онъ работалъ много и работалъ вполнѣ добросовѣстно.

XVIII.

Еще бодрымъ и энергичнымъ отправился Филологъ Васильевичъ въ Восточную Сибирь, но и здѣсь не привелось ему почивать на лаврахъ.

Чрезъ 4 дня послѣ его опредѣленія сгорѣлъ Иркутскъ, а съ нимъ почти всѣ учебныя заведенія.... По полученіи этого печальнаго извѣстія, Филологъ Васильевичъ долженъ былъ оставить свою семью въ Тобольскѣ и поспѣшилъ въ испепелившуюся столицу Восточной Сибири, чтобы какъ-нибудь устроить тамъ учебную часть, сильно потерпѣвшую отъ столь неожиданной громадной катастрофы. Это былъ печальный изъ печальнѣйшихъ сюрпризовъ Филолога Васильевича, до слезъ растрогавшій его. Онъ пріѣхалъ въ городъ, представлявшій груды развалинъ, и съ трудомъ нашелъ для себя одинокаго жилое помѣщеніе. Жить привелось при ужаснѣйшей дороговизнѣ на всѣ предметы. Въ надеждѣ на лучшее, въ 1880 году Филологъ Васильевичъ попробовалъ выписать сюда свою семью; но, при этой дороговизнѣ, оказалось жить здѣсь съ большою семьею невозможнымъ, и въ 1881 году онъ отправилъ снова семью въ Тобольскъ, а самъ остался жить здѣсь одинокимъ.

Взглянемъ на то, что Филологъ Васильевичъ засталъ въ Иркутскѣ, о чемъ онъ самъ подробно говоритъ въ своемъ отчетѣ г. министру: „Мало отраднаго представляли въ 1879 году и внѣшняя обстановка, при которой приходилось заниматься, и внутреннее содержаніе канцелярскихъ дѣлъ. Никакихъ общихъ сгруппированныхъ свѣдѣній, или правильныхъ статистическихъ данныхъ о положеніи учебныхъ заведеній, ни вообще такихъ, которыя всегда должны быть подъ рукою въ окружномъ управленіи, вовсе почти не было: были одни отрывочныя свѣдѣнія, разбросанныя по отдѣльнымъ дѣламъ, производившимся по частнымъ вопросамъ. Черновые отчеты за прежніе годы, изъ которыхъ однихъ можно было составить понятіе о положеніи учебнаго дѣла, представляли безобразную массу листовъ и лоскутковъ со вставками, сшитыхъ въ безпорядкѣ, написанныхъ или неразбираемымъ почеркомъ или полустершимся карандашомъ и при томъ по нѣскольку разъ перемаранныхъ, перечеркнутыхъ и потомъ вновь переправленныхъ,—такъ что одно прочтеніе ихъ составляло уже громадный трудъ. Не было въ канцеляріи ни общихъ формулярныхъ спи-

сковъ о всѣхъ служащихъ по заведеніямъ (хотя веденіе такихъ списковъ вмѣнено закономъ въ прямую обязанность главнаго инспектора), ни свѣдѣній о собственныхъ капиталахъ, принадлежащихъ заведеніямъ, и о правилахъ распоряженія ими, ни даже о самомъ числѣ учебныхъ заведеній. Было бы слишкомъ много сказать, что въ настоящее время всѣ эти свѣдѣнія вполнѣ собраны и приведены въ образцовый порядокъ; но на сколько то было возможнымъ при ничтожномъ числѣ канцелярскихъ силъ (о чемъ сейчасъ будетъ упомянуто); но преемнику главнаго инспектора (Филолога Васильевича) безъ затрудненій возможно нынѣ спокойно познакомиться съ положеніемъ ввѣряемой ему части и безъ усиленнаго труда продолжать начатое дѣло". Легко себѣ можно представить тотъ хаосъ, въ которомъ такъ нежданно—негаданно очутился Филологъ Васильевичъ. Удобныхъ помѣщеній для учебныхъ заведеній не было; канцелярія главнаго инспектора представляла нѣчто невообразимое. „Канцелярскія дѣла и бумаги, пишетъ Филологъ Васильевичъ въ своемъ послѣднемъ отчетѣ, четвертомъ по числу, написанномъ передъ отставкой, „открытыя для всѣхъ, лежали въ наваленныхъ грудахъ на полу и на окнахъ: шкафы для нихъ завести было не на что, да еслибъ и было, то поставить шкафы некуда. При такомъ безпорядкѣ можно вообразить, сколько тратилось напраснаго времени и труда въ случаѣ надобности извлечь какую-нибудь справку изъ дѣлъ прежняго времени".... „Главному инспектору не оставалось ничего болѣе, какъ самому исполнять половину труда, которая, при достаточномъ составѣ канцеляріи, могла бы быть возложена на секретаря".—Что касается инспекторской дѣятельности до Филолога Васильевича, то, какъ сказано въ отчетѣ, „прежде всего слѣдуетъ упомянуть, что до 1879 года всѣ учебныя заведенія, кромѣ находившихся въ Иркутскѣ, втеченіе нѣсколькихъ лѣтъ предмѣстниками главнаго инспектора училищъ ревизованы не были, а нѣкоторыя изъ среднихъ учебныхъ заведеній, какъ Енисейская мужская и женская и Якутская мужская прогимназіи, не были и вовсе ревизованы съ самаго ихъ основанія. Втеченіе 3-хъ лѣтъ своего управленія главному инспектору удалось обревизовать почти всѣ подвѣдомственныя ему учебныя заведенія (а лежащія по Московскому тракту по нѣскольку разъ), и преемникъ его, говоритъ отчетъ, найдетъ въ дѣлахъ учебнаго отдѣленія подробные и обстоятельные журналы объ этихъ ревизіяхъ и извлеченныхъ при ревизіи свѣдѣніяхъ. Въ 1882 году намѣчена была главнымъ инспекторомъ такая же ревизія Якутской прогимназіи и вообще заведеній, лежащихъ по Якутскому тракту. Но ревизія эта, къ сожалѣнію, не состоялась, по независящимъ отъ Филолога Васильевича обстоятельствамъ.

Такой дѣятельный надзоръ скоро началъ приводить къ успѣшнымъ результатамъ. Возвышеніе успѣшности учениковъ, какъ видно изъ отчета, объясняется совокупностью всѣхъ улучшавшихся благопріятныхъ условій, вліявшихъ на учениковъ, какъ-то: лучшимъ подборомъ преподавателей, большею ихъ дѣятельностью, усиленіемъ дѣятельности классныхъ наставниковъ, усиленіемъ надзора за исправнымъ посѣщеніемъ уроковъ учениками и т. п.

Въ педагогическомъ восточно-сибирскомъ мірѣ нашелъ Филологъ Васильевичъ почти повсемѣстный въ заведеніяхъ внутренній разладъ, почти всеобщее раздраженіе, всеобщее другъ на друга недовольство. Это было достаточно объяснено въ его отчетахъ: ему привелось тотчасъ же разбирать причины этихъ раздоровъ, однихъ педагоговъ усмирять, въ другихъ внушать и поддерживать бодрость духа, между всѣми установлять правильныя отношенія и проч. Тоже самое онъ и раньше всегда дѣлалъ, но тамъ, въ дальнемъ Иркутскѣ, при обширности и разнообразіи педагогическаго дѣла и порядочномъ хаосѣ, оставленномъ ему въ наслѣдство его предшественникомъ, при общемъ бѣдствіи послѣ страшнаго пожара,—было несравненно труднѣе. Но онъ, не смотря на свои лѣта, съ рвеніемъ юноши, не успѣвшаго еще потерять своихъ лучшихъ стремленій на терніяхъ многотруднаго поля жизни, всѣмъ сердцемъ и всей душой предался своему новому назначенію. Филологъ Васильевичъ постоянно и вездѣ старался, насколько могъ, растормошить мѣстную спячку и апатію. Вотъ и здѣсь, замѣтивъ всѣ недостатки на самомъ обширномъ полѣ своей новой дѣятельности, онъ, какъ и въ Тобольскѣ, хотѣлъ объединить, сблизить педагоговъ между собою, заставить ихъ прочувствовать силу и значеніе ихъ въ воспитаніи молодежи, подвергнуть ихъ самоконтролю и возможному общественному вниманію. Замкнутая среда педагогическаго міра должна была выступить яснѣе на свѣтъ Божій и дѣятельность ея подъ лучами этого свѣта могла обѣщать болѣе плодотворные и осязательные результаты. Живя такими идеями въ душѣ, Филологъ Васильевичъ всѣми силами старался приводить ихъ въ исполненіе. И вотъ онъ въ первомъ же году своего управленія, зимой, устроилъ въ Иркутскѣ для педагоговъ всѣхъ безъ различія учебныхъ заведеній педагогическое собраніе, которое возбудило живой интересъ какъ въ средѣ самихъ педагоговъ, такъ и въ мѣстномъ обществѣ. На этомъ первомъ общемъ собраніи онъ сказалъ слѣдующую рѣчь: „Первая моя задача есть желаніе возможнаго сближенія съ вами, мои почтенные сослуживцы. Я вполнѣ понимаю, что безъ вашей энергической дѣятельности въ довѣренномъ намъ дѣлѣ не можетъ быть достигнута и моя главная цѣль: быть руководителемъ и способникомъ въ самой отдаленной и вмѣстѣ съ тѣмъ самой обширной окраинѣ нашего дорогаго отечества, въ такой окраинѣ, гдѣ, по ея исключительному положенію, болѣе чѣмъ во всякой другой, основанное на разумныхъ началахъ образованіе и воспитаніе юношества можетъ и должно служить залогомъ какъ личнаго счастія воспитываемыхъ, такъ и пользы края. Да, положеніе наше исключительное. И въ самомъ дѣлѣ, гдѣ, въ какой мѣстности Россіи существуютъ тѣ огромныя разстоянія, уничтожающія возможность постояннаго, непрерывнаго общенія между руководителями и руководимыми, между контролирующими и исполняющими, какъ въ Восточной Сибири? Гдѣ каждому исполнителю, каждому слугѣ въ дѣлѣ народнаго образованія представляется столько затрудненій, столько помѣхъ, скажу болѣе, столько матеріальныхъ лишеній, какъ въ Восточной Сибири? Гдѣ, по неустановившемуся еще общественному мнѣнію, разумная педагогическая дѣятельность и строгое

и точное исполненіе лежащихъ на каждомъ изъ насъ обязанностей должны всего менѣе разсчитывать на внѣшнюю поддержку, на то, что общественное мнѣніе съ крайнею осторожностью будетъ относиться ко всѣмъ явленіямъ учебной жизни, какъ въ Восточной Сибири? А если такъ, то сколько нужно энергіи, сколько любви къ дѣлу, сколько собственнаго сознанія святости долга, чтобы педагоги могли безъ внѣшнихъ побужденій работать неустанно и идти неуклонно по той дорогѣ, какая указана лучшими умами. И вотъ, путемъ сближенія съ вами я разсчитываю пріобрѣсти въ васъ дѣльныхъ, достойныхъ и энергическихъ сотрудниковъ.—Вторая, не менѣе важная, задача, которую я имѣлъ въ виду, устроивая настоящее собраніе, это—содѣйствовать вашему взаимному между собою сближенію. Всякое дѣло легко, когда оно исполняется при общихъ дружныхъ усиліяхъ. Всякое дѣло обставлено хорошо тамъ, гдѣ съ одной стороны начальники могутъ съ довѣріемъ и уваженіемъ относиться къ своимъ подчиненнымъ, зная, что ихъ указанія будутъ исполнены, и гдѣ съ другой стороны подчиненные проникнуты еще большимъ уваженіемъ и довѣріемъ къ своимъ начальникамъ и убѣжденіемъ въ томъ, что они найдутъ себѣ въ своихъ руководителяхъ полную опору всѣмъ разумнымъ своимъ начинаніямъ и поддержку, что полагаясь на ихъ опытность и указанія они могутъ исправить свои ошибки и пополнить пробѣлы въ своей дѣятельности. Это-то взаимное уваженіе и довѣріе и желаю я видѣть въ васъ, мои дорогіе сослуживцы. Намъ нужно это общее, дружное стремленіе къ одной цѣли. Вы видите, что я пригласилъ въ настоящее собраніе всѣхъ своихъ сослуживцевъ, начиная съ лицъ, поставленныхъ во главѣ среднихъ учебныхъ заведеній, до младшихъ дѣятелей въ дѣлѣ начальнаго обученія. Этимъ я хотѣлъ высказать, что трудъ каждаго изъ насъ почтенъ, что каждый изъ насъ служитъ великую службу. Умъ и сердце довѣряемыхъ намъ дѣтей и юношей есть tabula rasa, бѣлая страница. Что впишемъ мы въ эту страницу, то останется въ ней надолго, а можетъ быть и на всю жизнь. Съумѣемъ ли мы вложить въ нихъ начала истины, добра, любви къ труду и честной дѣятельности, они вспомянутъ насъ добромъ и въ то время, когда насъ уже не будетъ. Не съумѣемъ—дадимъ отвѣтъ предъ Богомъ, Государемъ и собственною совѣстію. Итакъ, я буду глубоко радъ, если первымъ собраніемъ будетъ положено хотя начало вашему сближенію со мною и между собою и желаніемъ этимъ я оканчиваю настоящее разъясненіе. Можетъ быть вы захотите и найдете возможнымъ выработать такія условія, организовать такой постоянный педагогическій кружокъ, гдѣ, независимо отъ оффиціальныхъ отношеній, вы могли бы обмѣниваться вашими взглядами, вашими наблюденіями, всѣмъ, что влечетъ, тревожитъ и радуетъ каждаго изъ васъ“. Послѣ этого раза бывали нѣсколько разъ общія собранія. Они имѣли полуоффиціальный, получастный характеръ. На диспутахъ, происходившихъ на этихъ собраніяхъ, присутствующіе касались нѣкоторыхъ жгучихъ вопросовъ, соприкасавшихся съ жизнію школы. Эти публичные диспуты были начаты слѣдующими словами Филолога Васильевича: „Полагая начало нашимъ бесѣдамъ, позвольте мнѣ, почтенные сослу-

живцы, прежде всего высказать вамъ глубокую мою благодарность за то сочувствіе, съ какимъ встрѣчена была вами моя мысль объ устройствѣ въ нашемъ семейномъ кругу періодически возобновляющихся собраній для взаимнаго сближенія между нами путемъ обмѣна мыслей и взглядовъ по общимъ, всѣхъ насъ интересующимъ, вопросамъ. Буду глубоко радъ, скажу болѣе, счастливъ, если наши собранія станутъ на твердую почву. Вопросъ, который дѣлается нынѣ предметомъ первой нашей бесѣды „о развитіи въ школѣ религіознаго чувства и о внутреннихъ и внѣшнихъ къ тому препятствіяхъ“, весьма серьезенъ. Едва-ли можно было избрать для бесѣды предметъ болѣе важный, болѣе жгучій и современный и, прибавлю, болѣе обширный. И въ самомъ дѣлѣ онъ долженъ повести насъ къ изслѣдованію причинъ того растлѣнія нравственно-религіозныхъ началъ, какое видимъ мы въ современной окружающей насъ средѣ: изысканіе этихъ причинъ необходимо, чтобъ изыскать противъ нихъ и средства. Далѣе самъ собою явится вопросъ: какъ согласить условія сложившейся общественной жизни съ нашимъ желаніемъ быть истинными христіанами? На насъ, педагоговъ, и учащіеся, и родители ихъ смотрятъ, какъ на образцы для подражанія; такъ гдѣ же взять намъ ту нравственную мощь, чтобы, не смотря на насмѣшки и порицанія, не постыдиться и словомъ, и дѣломъ исповѣдать Сына человѣческаго?—Гдѣ добыть для себя и другихъ ту массу познаній, какая должна быть противопоставлена, можетъ быть, еще большей массѣ лжезнаній, нахлынувшихъ и охватившихъ современное намъ общество? Какъ возвысить женщину,—эту, по выраженію одного русскаго ученаго, воплощенную совѣсть мущины,—какъ возвысить ее до того идеала христіанской высоты и нравственной чистоты, который такъ присущъ ея натурѣ, но отъ котораго нынѣ нерѣдко, сознательно или безсознательно, она отказывается? Какъ оградить нашихъ дѣтей отъ губительнаго вѣтра отрицаній и порицаній, сохранивъ въ нихъ однакоже стремленіе къ познанію истины и добра? Какъ согласить въ нихъ и себѣ самихъ естественное и законное желаніе улучшенія своего матеріальнаго быта съ желаніемъ противустоять современному намъ стремленію къ наживѣ и распущенности? И много другихъ жгучихъ вопросовъ зашевелится въ душѣ нашей, если только съ искреннимъ желаніемъ мы возьмемся за разработку общаго поставляемаго нынѣ вопроса.—Не будемъ же смущаться, если разработка эта, по обширности предмета, окажется неполною: то, что окажется неконченнымъ, или потребуетъ отдѣльнаго разсмотрѣнія, можетъ быть окончено и разсмотрѣно когда-нибудь въ послѣдующихъ нашихъ собраніяхъ. Конечно, то, что окажется пригоднымъ для отдѣльныхъ заведеній, начальники этихъ заведеній перенесутъ въ другую, оффиціальную сферу – въ свои педагогическіе совѣты. Здѣсь же, въ нашемъ домашнемъ, семейномъ кругу, гдѣ только люди понимающіе другъ друга, не будемъ скрывать про себя нашихъ сомнѣній и недоразумѣній. Мы—искатели истины, а истина познается только путемъ разсмотрѣнія противорѣчій. Не будемъ только двоедушны: что признаемъ справедливымъ здѣсь, назовемъ справедливымъ и во всякой другой средѣ“.

На первомъ диспутѣ главный инспекторъ принялъ предсѣдательство на себя. Къ преніямъ приступили, когда былъ прочитанъ рефератъ законоучителя Успенскаго на тему: „Что можетъ сдѣлать школа для развитія въ учащихся религіознаго чувства?“ *) Второй рефератъ, составляющій вторую часть перваго, принадлежитъ законоучителю Дарскому, который ведетъ рѣчь на тему „о вредныхъ внѣшнихъ вліяніяхъ на школу“. **) На слѣдующихъ собраніяхъ были внесены вопросы на темы „о нравственно-религіозномъ воспитаніи женщины“ законоучителя Ѳ. Литвинцева ***) и М. Успенскаго „о мѣрахъ борьбы со стороны школы противъ распространяющагося невѣрія и расшатывающейся нравственности въ воспитывающемся юношествѣ“. ****)

*) Тезисы къ этому реферату были слѣдующіе: 1) Примѣръ жизни и дѣятельности педагоговъ, какъ лучшее воспитательное средство для поднятія въ учащихся религіознаго чувства, всегда для нихъ возможенъ. 2) Слѣдуетъ провести въ учащихся сознательное убѣжденіе, что въ Евангеліи они найдутъ отвѣтъ на всѣ могущіе тревожить ихъ въ жизни вопросы и сомнѣнія. 3) Всѣ преподаватели могутъ и должны, не отступая отъ прямыхъ своихъ обязанностей, укоренять въ учащихся истины христіанскаго вѣроученія. 4) Ухаживаніе преподавателя за учащимися, равно какъ и излишняя въ немъ снисходительность, прямо противорѣчатъ началамъ разумнаго религіозно-нравственнаго воспитанія. 5) Доставьте дѣтямъ одну только возможность молиться Богу и они будутъ молиться: дайте имъ возможность читать и слушать слово Божіе и они будутъ читать и слушать“.

**) Тезисы: 1) Порядки нашихъ школъ не идеальные, но зло все-таки больше отвнѣ. 2) На школу вредно вліяютъ: а) семейныя и общественныя условія, б) современная, въ значительной степени тенденціозная, беллетристика и в) quasi—научныя ученія противохристіанскаго направленія. 3) Къ устраненію вліянія семейныхъ и общественныхъ порядковъ школа почти не имѣетъ средствъ. 4) Значеніе идей современной беллетристики должно значительно ослабиться, если школа (особенно въ лицѣ о.о. законоучителей) будетъ уяснять учащимся ихъ лживость съ точки зрѣнія христіанской нравственности. 5) Борьба противъ крайнихъ выводовъ науки—дѣло всѣхъ учителей, потому что результаты каждой истинной науки отнюдь не противорѣчатъ вѣчнымъ истинамъ священнаго писанія. 6) Практическія мѣры: усиленіе ученическихъ библіотекъ произведеніями изящной словесности и научнымъ матеріаломъ по всѣмъ областямъ знанія, въ томъ числѣ непремѣнно и книгами религіозно-нравственными“.

***) Тезисы: „1) Дайте женщинѣ вмѣстѣ съ умственнымъ и религіозно-нравственное воспитаніе, тогда вполнѣ можно будетъ поручиться за правильное развитіе и ростъ будущаго молодаго поколѣнія. 2) Женщина сильна по преимуществу своимъ нравственнымъ вліяніемъ на судьбу человѣчества. 3) Воспитаніе дѣтей женскаго пола тогда только будетъ вполнѣ плодотворно, когда будетъ развивать въ нихъ одновременно всѣ силы духа—умъ, волю и преимущественно сердце. 4) Женская школа особенно должна заботиться о развитіи въ дѣтяхъ религіознаго и эстетическаго чувства. 5) Преподаватели нѣкоторыхъ наукъ могутъ содѣйствовать развитію въ дѣтяхъ эстетическаго чувства. 6) Вліяніе на развитіе въ дѣтяхъ женскаго пола религіознаго чувства—примѣровъ учителей и воспитателей, неуклоннаго присутствія при богослуженіи и упражненія въ чтеніи слова Божія и религіозно-нравственныхъ книгъ“.

****) Главнѣйшіе тезисы: „1) Воспитаніе сердца должно быть параллельно образованію ума. 2) Преподаваніе предметовъ образованія должно быть освѣщаемо религіозно-нравственнымъ характеромъ; при чемъ религія и нравственность должны являть живые примѣры для подражанія воспитанниковъ—въ самихъ воспитателяхъ. 3) Практическое воспитаніе дѣтей въ духѣ вѣры и благочестія: посредствомъ молитвы, исполненія важнѣйшихъ заповѣдей закона христіанскаго, частаго упражненія въ чтеніи и слушаніи св. Евангелія и предостереженія отъ чтенія литературы, расшатывающей нравственность. 4) Усиленіе школьной дисциплины“.

Громадная польза и вѣчная живучесть приведенныхъ вопросовъ сама собою очевидна. Филологъ Васильевичъ разомъ съумѣлъ затронуть до глубины и выставить на показъ всѣ недостатки современнаго общественнаго и домашняго воспитанія. Дальнѣйшая дѣятельность педагогическихъ собраній и печатаніе статей по обсуждаемымъ вопросамъ много могли бы содѣйствовать распространенію, примѣненію въ жизни и воспитаніи выработанныхъ педагогическихъ правилъ и постепенному излѣченію тяжкихъ нравственныхъ недуговъ, которыми русскій человѣкъ начинаетъ страдать съ малолѣтства; но, къ сожалѣнію, по разнымъ случайнымъ обстоятельствамъ, Филологу Васильевичу не удалось возобновить этихъ собраній въ слѣдующую зиму....

XIX.

Съ пріѣздомъ Филолога Васильевича въ Иркутскъ, замкнутая дѣятельность педагогическаго міра начала дѣлаться предметомъ общаго свѣдѣнія еще и другимъ путемъ. Съ этихъ поръ по примѣру учебныхъ округовъ Россіи началъ въ первый разъ во всей Сибири ежемѣсячно съ 1 января 1881 года издаваться подъ руководствомъ Филолога Васильевича оффиціальный органъ учебнаго округа, такъ называемый „Циркуляръ по Восточно-Сибирскимъ учебнымъ заведеніямъ“. Въ виду заявленій, сдѣланныхъ въ 1881 году главному инспектору училищъ педагогами нѣкоторыхъ восточно-сибирскихъ учебныхъ заведеній о желаніи ихъ имѣть свой отдѣльный органъ, при помощи котораго, путемъ печати, они могли бы обмѣниваться своими личными взглядами какъ между собою, такъ и съ мѣстнымъ обществомъ, и гдѣ бы могли они помѣщать свои личные труды въ увѣренности, что они поступятъ въ ту среду, которая наиболѣе ихъ можетъ понимать и сочувствовать, предположено было въ 1882 году издавать при циркулярѣ по учебнымъ заведеніямъ Восточной Сибири, по примѣру нѣкоторыхъ управленій учебныхъ округовъ, особо, разъ —въ два мѣсяца, неоффиціальный отдѣлъ, въ которомъ предполагается печатать исключительно труды педагоговъ восточно-сибирскихъ учебныхъ заведеній. Изданіе этого циркуляра. нѣтъ сомнѣнія, должно было придать болѣе стройности всему управленію округа и предупредить, хотя отчасти, попытки неоффиціальной печати извращать факты изъ внутренней жизни учебнаго заведенія.

Говоря о дѣятельности Филолога Васильевича въ Иркутскѣ, нельзя не упомянуть и о его стараніяхъ относительно инородческихъ школъ, которыя до сихъ поръ очень мало соотвѣтствовали своему назначенію. Въ Иркутскѣ существуетъ учительская семинарія, учрежденная собственно для инородцевъ, но таковые въ семинарію не поступаютъ, и въ ней по этому въ 1880 году было болѣе 70 вакансій. Это зависѣло отъ многихъ печальныхъ условій. Такъ, напримѣръ, за Байкаломъ вовсе не было училищъ, гдѣ бы инородцы могли основательно подготовиться ко вступленію въ семинарію, а экзамены для поступленія въ нее были очень строги. Вслѣдствіе этого у многихъ пропадала охота пытаться поступить въ это заведеніе, если они рисковали истратить

свои послѣднія средства на поѣздку въ Иркутскъ и вернуться ни съ чѣмъ; приготовительнаго же класса для плохо подговленныхъ не существовало. Въ результатѣ оставалось: семинарія существуетъ, а учениковъ въ ней нѣтъ—и цѣль учрежденія ея не достигается. На этомъ основаніи Филологъ Васильевичъ составилъ „проектъ измѣненій и дополненій къ дѣйствующимъ нынѣ правиламъ объ образованіи дѣтей забайкальскихъ инородцевъ“. Въ проектѣ, объ утвержденіи котораго высшимъ начальствомъ намъ ничего неизвѣстно, Филологъ Васильевичъ внушаетъ преподавателямъ выполнять ихъ главную задачу—достиженіе полнаго обрусенія инородцевъ путемъ вполнѣ основательнаго и сознательнаго изученія ихъ дѣтьми русской рѣчи, способности ясно и правильно выражаться на ней и наконецъ развитія въ нихъ любви къ чтенію русскихъ книгъ. Вѣдь страшенъ, право, тотъ извѣстный фактъ, что въ Якутскѣ русское населеніе окучивается, а не якутское просвѣщается русскою цивилизаціей.... Филологъ Васильевичъ настоятельно рекомендуетъ всѣми лучшими мѣрами способствовать уничтоженію этого зла и имѣть постоянно въ виду государственную идею—служеніе русскому Царю. Обращая вниманіе на все, Филологъ Васильевичъ хотѣлъ отучить инородческихъ дѣтей отъ крайней нечистоплотности устройствомъ при школахъ русскихъ бань, въ которыя совѣтовалъ водить дѣтей хоть однажды въ двѣ недѣли, а въ виду ихъ обычая никогда не перемѣнять бѣлье,—имѣть по числу учащихся нужное количество бѣлья, всегда чистаго, въ которое дѣти, умывшись, должны одѣваться предъ ученіемъ и оставаться въ немъ во все время уроковъ. Устройство пансіоновъ и общихъ квартиръ, подъ присмотромъ русскихъ наставниковъ, много могло способствовать оцивилизованію якутятъ.

Въ числѣ проектовъ Филолога Васильевича намъ извѣстенъ еще его проектъ основанія въ Иркутскѣ общества для вспомоществованія мѣстнымъ бѣднымъ студентамъ, который безъ всякихъ измѣненій былъ утвержденъ высшей властью, когда его авторъ былъ уже въ отставкѣ.

Такимъ образомъ Филологъ Васильевичъ не переставалъ трудиться, всей душой отдавшись служенію излюбленнаго имъ учебнаго дѣла и вырабатывать проектъ за проектомъ. Личная его добрая, талантливая инициатива и трудъ шли по назначенію и дожидались своего утвержденія. Казалось бы, что при такихъ условіяхъ нужно было ожидать какъ благодѣтельныхъ результатовъ для самаго учебнаго дѣла, такъ и подъема духа и нравственной силы въ немъ самомъ для дальнѣйшей дѣятельности; но неожиданныя тяжелыя обстоятельства и несчастія не легко отозвались какъ на учебномъ дѣлѣ въ Восточной Сибири, такъ и на самомъ Филологѣ Васильевичѣ.... Онъ не зналъ, какъ тяжелъ и безотраденъ будетъ для него день 25 мая 1883 года со всѣми предшествовавшими этому дню роковыми событіями, о чемъ скажемъ немного ниже.

Какъ разъ за годъ передъ этимъ того же самаго числа редакція изданія „Владимірскіе кавалеры“, каковымъ кавалеромъ былъ и Филологъ Василье-

вичъ, обратилась къ нему съ просьбой сообщить ей всѣ свѣдѣнія о многополезной его дѣятельности и не стѣсняться ихъ объемомъ. Почтенный редакторъ Вс. Н. Мамышевъ прибавляетъ: „Излишняя скромность и т. п. соображенія не должны здѣсь имѣть мѣста. Жизнь и служба замѣчательнаго дѣятеля—достояніе его семьи, потомства, родины, должны быть поученіемъ для сослуживцевъ и преемниковъ. Такъ я смотрю на свою задачу, такъ желалъ бы чтобы смотрѣли и другіе“. Отвѣтъ Филолога Васильевича былъ слѣдующій: „Не такъ легко исполнить желаніе редакціи... задача серьезная и трудная уже потому, что надо имѣть слишкомъ много безпристрастія къ самому себѣ и слишкомъ много здраваго критическаго взгляда, чтобы судить о своей личной дѣятельности; но задача эта становится еще труднѣе въ виду цѣли такой автобіографіи,—отпечатаніе въ сборникѣ, который долженъ служить впослѣдствіи матеріаломъ для безпристрастнаго суда потомства. Приближаясь уже къ грани между жизнію здѣшняго и того міра, желательно сказать о себѣ только сущую правду, желательно сказать все то, что могло бы служить добрымъ примѣромъ и назиданіемъ хотя не потомству, для котораго интересны и поучительны лишь крупные и выдающіеся подвиги, а по крайней мѣрѣ собственнымъ дѣтямъ, для которыхъ, въ видахъ ихъ личной пользы, важно знать, потрудился ли отецъ ихъ и насколько на пользу родной страны.—Въ виду этой цѣли, я не считаю себя вправѣ умолчать о нѣкоторыхъ свѣтлыхъ фактахъ въ моей жизни, которые или оставили во мнѣ отрадное впечатлѣніе, или которые, какъ мнѣ кажется, выдаются изъ ряда явленій, составляющихъ скромную, заурядную жизнь людей, посвятившихъ себя дѣлу народнаго просвѣщенія. Но я постараюсь вмѣстѣ съ характернымъ изложеніемъ фактовъ, воздержаться отъ критической ихъ оцѣнки: мнѣ одинаково будетъ больно какъ несправедливое самохваленіе, такъ и самоуниженіе; потому, говоря о фактахъ, постараюсь указать посторонній источникъ, при помощи котораго эти факты могутъ быть провѣрены и освѣщены надлежащимъ образомъ“.

XX.

Въ 1882 году произошли самыя главныя несчастія для Филолога Васильевича. Онъ зналъ, какое громадное значеніе въ краѣ имѣетъ его постъ, какъ главнаго инспектора училищъ. Край этотъ зналъ онъ отлично. По своему прекрасному и рѣдкому характеру, онъ умѣлъ ладить со всѣми элементами общества и въ нихъ онъ всегда нашелъ бы, какъ и прежде находилъ, опору для дальнѣйшихъ своихъ дѣйствій по народному образованію, недостигшемъ еще надлежащаго уровня въ нашей захолустной и какъ бы отверженной странѣ. Филологъ Васильевичъ умѣлъ быть справедливо-снисходительнымъ къ слабостямъ людскимъ, къ ихъ необразованности, отсталости, щадилъ ихъ самолюбіе. Мѣстное общество открывало и еще открыло бы ему большія средства для разсадниковъ образованія. Въ мѣстныхъ губернаторахъ онъ находилъ людей, сочувствующихъ всякому просвѣтительному дѣлу—оставалось только беречь свое здоровье во время громадныхъ разъѣздовъ для

ревизіи и ладить съ самымъ важнымъ человѣкомъ въ Восточной Сибири, съ ея генералъ-губернаторомъ г. Анучинымъ. Вотъ ему то, какъ на грѣхъ, не извѣстно почему, такой человѣкъ, какъ Филологъ Васильевичъ, не пришелся по сердцу....

Сознавая свои силы-способности,—чѣмъ онъ, какъ намъ извѣстно, никогда не хвастался и не выставлялъ на показъ,—сознавая пригодность своихъ лучшихъ намѣреній для края, Филологъ Васильевичъ зналъ, что онъ вполнѣ стоитъ на своемъ мѣстѣ и былъ увѣренъ, что много добрыхъ сѣмянъ посѣетъ на этомъ обширномъ полѣ, доставшемся ему въ руки. Среди такихъ стремленій и надеждъ онъ никогда и не предполагалъ встрѣтить то, что съ нимъ случилось при его самоотверженной преданности тому святому дѣлу, за которое онъ взялся.

Осмотрѣвши край, вникнувъ во всѣ дѣла и въ то направленіе, которое дано въ краѣ учебному дѣлу, и давши толчекъ въ дѣлѣ возстановленія учебныхъ зданій, потерпѣвшихъ отъ пожара, Филологъ Васильевичъ обратился съ просьбой къ генералъ-губернатору, чтобы послѣдній, по сношеніи съ министерствомъ народнаго просвѣщенія, командировалъ его въ Петербургъ по дѣламъ службы. Мотивовъ для этого у Филолога Васильевича было очень много. Ему необходимо было для пользы дѣла, для будущности и устойчивости своего личнаго положенія на службѣ, познакомиться съ г. министромъ, со всѣмъ центральнымъ управленіемъ, и представиться Его Величеству Государю Императору. Изучивши цѣли и стремленія своего министерства въ настоящее время и лично пріискавъ педагоговъ, которыхъ чрезъ выписку весьма ненадежно пріобрѣтать для Сибири, Филологъ Васильевичъ долженъ былъ быть послѣ этого самымъ дѣйствительнымъ и самымъ безукоризненнымъ исполнителемъ предначертаній высшей власти. Вѣдь постъ Филолога Васильевича весьма высокій и задача его была очень трудна, особенно въ минуту небывалыхъ въ исторіи ужасовъ, охватившихъ всю Россію... Г. Анучинъ отказалъ Филологу Васильевичу въ его важной просьбѣ. Какъ легко было Филологу Васильевичу вести свое дѣло при свойственной ему добросовѣстности, видно изъ слѣдующаго: „Въ лицѣ состоящаго при генералъ-губернаторѣ главнаго инспектора, говоритъ Филологъ Васильевичъ въ своемъ послѣднемъ отчетѣ, сосредоточены разнородныя, трудно-совмѣстимыя обязанности: и помощника попечителя округа, и лица управляющаго дѣлопроизводствомъ по учебному отдѣленію главнаго управленія, и лица обязаннаго инспектировать учебныя заведенія,—не говоря уже о тѣхъ дополнительныхъ работахъ, которыя возникаютъ для него по отсутствію тѣхъ органовъ, которые, при полномъ составѣ окружнаго управленія, составляютъ спеціальное дѣло тѣхъ органовъ: такъ, на главномъ инспекторѣ лежитъ обязанность разработывать и высказывать мнѣнія по тѣмъ вопросамъ министерства, которые въ другихъ учебныхъ округахъ возлагаются на попечительскіе совѣты; на немъ же лежитъ обязанность высказывать послѣднее слово по протоколамъ спеціальныхъ испытаній,

которые въ другихъ округахъ подлежатъ разсмотрѣнію испытательныхъ комитетовъ; на немъ же лежатъ обязанности директора по учебнымъ заведеніямъ Забайкальской области, гдѣ нѣтъ таковой должности, и нѣкоторыя другія.... Сумма всѣхъ этихъ обязанностей на столько велика, что для пользы дѣла необходимо облегчить трудъ главнаго инспектора училищъ учрежденіемъ ли должности его помощника, какъ проэктировалось ранѣе, или окружнаго инспектора, какъ ходатайствовалось въ послѣднее время, или наконецъ полноправнаго правителя канцеляріи попечителя, т. е. отдѣльнаго лица, завѣдывающаго учебнымъ отдѣленіемъ главнаго управленія и непосредственнаго докладчика г. генералъ-губернатору".

Если бы Филологъ Васильевичъ велъ свое великое дѣло народнаго просвѣщенія Восточной Сибири болѣе или менѣе халатно и безучастно, то столькновеній, быть можетъ, не было бы никакихъ, и г. Анучину легче было бы, и безъ того имѣющему необъятную массу обязанностей, изъ которыхъ народное образованіе, поставленное на надлежащую высоту, есть, прибавимъ, едва ли не первенствующая статья и правило каждаго правителя и закона государственнаго. Полнѣйшее сознаніе и глубокое пониманіе того значенія и той нравственной силы, какую имѣетъ просвѣщеніе массъ, не позволяло Филологу Васильевичу молчать. „Толцыте и отверзется", но для Филолога Васильевича это евангельское изреченіе оказалось неосуществимымъ. Онъ доказывалъ безотложность предлагаемыхъ мѣръ, необходимость которыхъ указала ему его зоркая наблюдательность и безошибочный опытъ. „Напрасно стали бы возражать, продолжаетъ Филологъ Васпльевичъ въ своемъ отчетѣ, противъ учрежденія какой-либо изъ упомянутыхъ должностей, основываясь на томъ, что число учебныхъ заведеній въ Восточной Сибири безъ всякаго сравненія меньше, чѣмъ въ другихъ учебныхъ округахъ. Тамъ если и возникаютъ какія-либо новыя предположенія, то они отливаются уже въ готовыя, старыя формы, полезность которыхъ провѣрена уже многолѣтнимъ или разнообразнымъ опытомъ и потому осуществленіе этихъ предположеній составляетъ иногда механическій трудъ младшихъ должностныхъ лицъ. Но Восточная Сибирь въ дѣлѣ учебномъ, какъ вообще страна новая и только развивающаяся, не имѣетъ за собою этого достаточнаго числа опытовъ и потому всякое новое предположеніе для своего осуществленія требуетъ особеннаго труда не однихъ младшихъ дѣятелей, но иногда полной разработки ихъ властію, которая стоитъ во главѣ окружнаго управленія. Но не въ одномъ механическомъ раздѣленіи обязанностей главнаго инспектора училищъ нуждается окружная администрація учебныхъ заведеній Восточной Сибири. И при настоящемъ положеніи дѣла оно можетъ быть улучшено нѣкоторыми дополненіями и измѣненіями въ существующемъ положеніи объ управленіи гражданскими учебными заведеніями Восточной Сибири!" Такими дополненіями для пользы дѣла могли бы быть нижеслѣдующія, которыя мы здѣсь приводимъ въ извлеченіяхъ. Въ сказанномъ отчетѣ Филологъ Васильевичъ, упомянувъ, вопервыхъ, объ отношеніи генералъ-губернатора, какъ попечителя громаднѣйшаго учебнаго округа, къ

своему помощнику, главному инспектору, онъ касается вопроса о довѣріи перваго къ послѣднему и прибавляетъ: „Довѣріе обусловливается индивидуальными качествами лицъ, входящихъ между собою въ отношенія: оно крѣпнетъ или колеблется не только вслѣдствіе этихъ личныхъ качествъ, но весьма часто и отъ постороннихъ, чисто внѣшнихъ обстоятельствъ. То и другое не должно имѣть мѣста въ служебныхъ отношеніяхъ: безграничное довѣріе можетъ повести къ произволу въ дѣйствіяхъ; лишеніе довѣрія повлечетъ за собою упадокъ значенія власти и ея безсиліе. Такого легальнаго дѣленія попечительской власти ни въ Западной (при существованіи тамъ генералъ-губернаторской власти), ни въ Восточной Сибири до нынѣ не существовало, а оттого не существовало и степени справедливой нравственной отвѣтственности за мѣропріятія, сдѣланныя тѣмъ или другимъ лицомъ. До нынѣ главный инспекторъ, подъ вліяніемъ тѣхъ или другихъ отношеній къ генералъ-губернатору, или въ своихъ распоряженіяхъ, можетъ быть по необходимости превышалъ предѣлъ своихъ полномочій, отдавая приказанія, зависѣвшія только отъ попечительской власти, или наоборотъ затруднялъ генералъ-губернатора, дѣйствительно обремененнаго множествомъ серьезныхъ дѣлъ по другимъ частямъ управленія, своими докладами по дѣламъ второстепенной важности, которыя, безъ ущерба генералъ-губернаторской власти, могли бы быть вполнѣ довѣрены главному инспектору училищъ, какъ его помощнику, и подъ личною отвѣтственностію послѣдняго. По этому, если дѣленіе попечительской власти признается необходимымъ въ учебныхъ округахъ, гдѣ попечитель не несетъ на себѣ никакихъ постороннихъ обязанностей, то оно тѣмъ болѣе необходимо въ Восточной Сибири, гдѣ управленіе учебными заведеніями составляетъ только малую часть обязанностей генералъ-губернатора.... Но такое дѣленіе должно быть обязательнымъ и строго и точно формулированнымъ“.

Излишняя централизація, какъ и чрезмѣрная децентрализація, всегда вредно отзывается въ той или другой сферѣ управленія. Все должно быть въ должной мѣрѣ, и каждый въ государственной іерархіи долженъ стоять на своемъ мѣстѣ, имѣя въ рукахъ достаточно средствъ для честнаго исполненія своего дѣла безъ промаховъ и ущерба, трудно поправимыхъ. Когда Филологъ Васильевичъ переживалъ въ Восточной Сибири эти мысли, тогда, быть можетъ, записалъ у себя на память слѣдующее: „Государство—та же фабрика или заводъ, гдѣ нужно поставить извѣстное число чернорабочихъ, извѣстное число мастеровъ и подмастерьевъ, извѣстное число хорошихъ управляющихъ дѣломъ. Избытокъ или недостатокъ тѣхъ или другихъ равно вредятъ дѣлу. А къ тому же—хозяйскій глазъ повсюду нуженъ“. Одинъ изъ такихъ „хорошо управляющихъ дѣломъ“ въ Восточной Сибири и своевременно всюду поспѣвающій былъ нашъ Филологъ Васильевичъ. Но вотъ трудности на его пути своевременныхъ дѣйствій, надлежащихъ распоряженій и справедливаго отношенія къ дѣлу, какъ видно изъ 2-го и 3-го пунктовъ предлагаемыхъ имъ мѣръ улучшенія: „Еще труднѣе, говоритъ отчетъ Филолога Васильевича, (пунктъ 2-й) положеніе главнаго инспектора училищъ и неопредѣленнѣе

положеніе сибирскихъ учебныхъ заведеній во время отлучекъ генералъ-губернатора изъ Иркутска для разъѣздовъ по сибирскимъ губерніямъ и областямъ, отлучекъ, продолжающихся, при огромности разстояній края, по нѣскольку мѣсяцевъ. При постоянныхъ отношеніяхъ генералъ-губернатора къ главному инспектору училищъ, какъ бы то ни было, вырабатывается постоянный общій ихъ взглядъ на дѣло управленія учебными заведеніями. Но при отлучкѣ генералъ-губернатора мѣсто его заступаетъ на нѣсколько мѣсяцевъ одинъ изъ губернаторовъ, иногда и не снабженный отъ генералъ-губернатора достаточнымъ полномочіемъ. Для губернаторовъ, временно заступающихъ мѣсто генералъ-губернатора, строй учебно-воспитательнаго дѣла въ заведеніяхъ совершенно чуждъ, потому что нельзя же признать основательнымъ знаніемъ дѣла тѣ мимолетныя, часто минутныя, впечатлѣнія, которыя нѣкоторые изъ нихъ получаютъ при весьма и весьма рѣдкихъ посѣщеніяхъ ими учебныхъ заведеній. При такихъ на короткое время переходахъ попечительской власти въ Сибири отъ генералъ-губернатора къ губернатору главный инспекторъ, дѣлаясь на это время докладчикомъ послѣдняго, крайне затрудненъ, выясняя то, что уже разъ выяснено и соглашая воззрѣнія губернатора не только съ сущностію дѣла, но и съ воззрѣніями отсутствующаго генералъ-губернатора. Отсюда—или шаткость и несвоевременность распоряженій, или опять превышеніе предѣловъ данныхъ полномочій". Затѣмъ въ третьемъ пунктѣ отчета сказано: „Если главный инспекторъ училищъ есть органъ министерства, состоящій при генералъ-губернаторѣ и долженъ таковымъ быть въ дѣйствительности, то органу этому должно принадлежать нѣкоторое право голоса по всѣмъ дѣламъ, касающимся учебной части, конечно подъ условіемъ, чтобы такое право не парализовало власти генералъ-губернатора, какъ лица, заступающаго мѣсто попечителя округа. По дѣйствующему нынѣ закону главный инспекторъ есть докладчикъ у генералъ-губернатора, но докладчикъ безмолвный. Мнѣнія его если и могутъ доходить до министерства, то въ томъ лишь случаѣ, когда на внесеніе его мнѣнія въ бумаги, отправленныя министру, послѣдуетъ приказаніе генералъ-губернатора. По мнѣнію же составителя настоящаго очерка (Филолога Васильевича) польза дѣла требуетъ, чтобы во всѣхъ представленіяхъ министерству обязательно излагалось и мнѣніе главнаго инспектора, будетъ или не будетъ оно принято генералъ-губернаторомъ, и чтобы такимъ образомъ это мнѣніе было вѣдомо министерству". Пропуская четвертый пунктъ отчета, приводимъ пятый: „На разсмотрѣніе и утвержденіе окружнаго учебнаго начальства поступаютъ отъ директоровъ среднихъ и низшихъ учебныхъ заведеній до 80-ти разрядовъ разнаго рода дѣлъ, по многимъ изъ которыхъ окружная власть, безъ особыхъ побудительныхъ причинъ, не можетъ дать иного отвѣта, какъ только свое безусловное согласіе. Если такой сложный порядокъ признается почему-либо необходимымъ во внутреннихъ округахъ Россіи, то уже одна огромность разстояній и трудность сообщеній между этими разстояніями въ Восточной Сибири, при которыхъ иногда и представленіе и разрѣшеніе по необходимости становится одною формально-

стію, должны говорить въ пользу расширенія власти директоровъ, хотя бы то въ видѣ изъятія изъ общаго правила, исключительно для восточно-сибирскихъ учебныхъ заведеній. Опытъ самаго министерства указалъ нѣсколько лѣтъ тому назадъ на необходимость расширенія власти попечителей округовъ. Подобный же опытъ и развивающаяся жизнь учебныхъ заведеній указываютъ нынѣ на необходимость увеличенія и власти директоровъ"... „Въ заключеніе, говоритъ отчетъ, можно сказать, что еслибы всѣ условія, изложенныя въ пяти вышеприведенныхъ пунктахъ въ совокупности, были бы приняты во вниманіе высшею властію, то на долгое еще время не представлялось бы во введеніе въ Восточной Сибири сложнаго и дорого стоющаго казнѣ механизма полнаго учебно-окружнаго управленія, о безотлагательномъ введеніи котораго ходатайствуетъ нынѣ г. генералъ-губернаторъ. Генералъ-губернаторская власть, сохраняя свои полномочія, являлась бы силою, поддерживающею и возбуждающею всѣ добрыя начинанія, а приданная на помощь ему власть главнаго инспектора являлась бы не только исполнителемъ распоряженій генералъ-губернатора, но и силою, направляющею ходъ учебныхъ заведеній согласно общимъ планамъ и предположеніямъ, указываемымъ министерствомъ".

XXI.

Изъ приведенныхъ пунктовъ видно, какого характера были тѣ улучшенія, о которыхъ Филологъ Васильевичъ, ради преуспѣянія дорогаго для него дѣла, ходатайствовалъ предъ генералъ-губернаторомъ, желая видѣть ихъ скорое осуществленіе, тѣмъ болѣе, что это возможно было сдѣлать, какъ сказано, лишь „нѣкоторыми дополненіями и измѣненіями" къ существующему порядку веденія дѣла главнымъ инспекторомъ. Ничего почти изъ этого онъ не могъ добиться во время своего управленія.

Отрицаніе мѣстной властью большей или меньшей автономіи отдѣльнаго административнаго лица, если оно вполнѣ компетентно и пригодно для порученнаго ему дѣла, есть въ порядочной степени заявленіе, дѣлаемое властью, что она не полагается на благоразуміе и добросовѣстность такихъ отдѣльныхъ лицъ, что лица эти не обладаютъ гражданскими доблестями, нужными для государства. Такое заявленіе власти относительно отдѣльныхъ лицъ, обладающихъ всѣми силами ума и характера для полезной государственной дѣятельности, унижаетъ въ нихъ духъ, оскорбляетъ ихъ самолюбіе и дѣлаетъ ихъ впослѣдствіи малоспособными и малодѣятельными. Въ этомъ сознаніи своего отдѣльнаго, такъ сказать, ничтожества растутъ и воспитываются цѣлыя поколѣнія, пріучаясь мыслить чужою головою и быть апатичными къ добрымъ проявленіямъ своей головы. Но Филологъ Васильевичъ не былъ такого характера: онъ при всякихъ обстоятельствахъ проявлялъ добрыя начала самобытности своей прекрасной натуры и свою даровитую инціативу. Въ жизни и развитіи учебнаго дѣла въ Восточной Сибири при Филологѣ Васильевичѣ возникало множество вопросовъ въ смыслѣ вышесказанныхъ пунктовъ, но въ болѣе частномъ видѣ. Докладывая объ этомъ и предлагая свое мнѣніе, Фило-

логъ Васильевичъ, не разъ бывало, не встрѣчалъ сочувствія въ своемъ начальникѣ; не разъ приходилось Филологу Васильевичу скромно, но энергически настаивать на какомъ-нибудь улучшеніи, но безъ успѣха, и намъ достовѣрно извѣстно, что покойный очень часто послѣ доклада приходилъ домой съ разстроенными нервами.

. . . . . .

Бываютъ начальники, которые желаютъ, чтобы всякія улучшенія и изліянія на своихъ подчиненныхъ всякихъ благъ земныхъ исходили или, по крайней мѣрѣ, казались исходящими отъ нихъ самихъ. Имѣя такую черту въ характерѣ, они не терпятъ совѣтовъ или мнѣній подчиненныхъ, ибо сами они, молъ, знаютъ все не хуже послѣднихъ.... У Филолога Васильевича всегда были на душѣ самыя чистыя и высокія стремленія, которыми онъ былъ проникнутъ насквозь, если такъ можно выразиться, и за которыя вездѣ высоко цѣнили его. Онъ никогда не ставилъ себя цѣлью унизить чей-либо авторитетъ, но, напротивъ, такому высокопоставленному начальнику въ краѣ, какъ генералъ-губернаторъ въ Восточной Сибири, онъ всячески готовъ былъ содѣйствовать, по крайней мѣрѣ по вопросамъ своей части, и возвышать его авторитетъ, оставляя себя въ сторонѣ. Онъ всегда былъ настолько скроменъ, что никогда не позволялъ себѣ хвастаться ни своимъ положеніемъ, ни своими знаніями, доказательствомъ чему служитъ слѣдующій фактъ. Однажды передъ своими собесѣдниками, выразившими ему въ Тобольскѣ свои искреннія чувства, Филологъ Васильевичъ сказалъ: „Въ наше время, время огромныхъ реформъ, производимыхъ правительствомъ, время прогрессивнаго движенія, время, полное опасеній и надеждъ, время преобладающаго отрицанія и пессимизма, вр мя неутолимой жажды и стремленій къ лучшему и совершеннѣйшему, въ наше время, говорю, отъ лица, поставленнаго на мой постъ, требуется много и силъ, и знаній, и умѣнья: а всего этого, чувствую, мнѣ не достаетъ“. Но всѣ достоинства и высокія душевныя качества Филолога Васильевича оставлялись, какъ видно, въ сторонѣ. Быть можетъ они понимались иначе или даже ничего не стоили передъ враждебнымъ чувствомъ къ нему, которое росло и искало выхода. Такія отношенія между этими двумя важными начальниками не могли уже долго продолжаться—случая только не представлялось къ полному разрыву; и онъ, наконецъ, подоспѣлъ, и при томъ какъ нельзя болѣе не кстати.

Приведемъ отрывокъ изъ частнаго письма къ намъ изъ Иркутска: „У насъ такъ много случилось новаго, что тебя это удивитъ. Прежде всего Филолога Васильевича у насъ не стало, какъ главнаго инспектора; онъ, бѣдняга, долженъ удалиться съ непріятностью, безъ согласія его, безъ звѣзды и т. п., а жалко, право, старика; онъ, вѣдь, работалъ честно, неустанно, зналъ свое дѣло, искренно ему былъ преданъ, и вдругъ грянулъ громъ и его какъ не было“....

. . . . . .

Велико было горе Филолога Васильевича. Кромѣ двухъ тяжелыхъ семейныхъ утратъ, послѣдовавшихъ одна за другой съ небольшими промежутками, онъ сильно опасался за безнадежное состояніе своей любимой дочери Анны,

которая въ этотъ послѣдній годъ была привезена къ отцу изъ Тобольска для поправленія здоровья. И вотъ при всемъ этомъ еще ударъ, самый неожиданный, за которымъ, какъ бы на придачу, послѣдовала смерть Анны Филологовны, любимицы всего Иркутска.

. . . . . .

Въ бумагахъ Филолога Васильевича мы нашли еще черновую съ благодарственнаго письма къ г. министру „за исходатайствованіе полной пенсіи за 35 лѣтъ („въ видѣ особой Монаршей милости за свыше 34-хъ-лѣтнюю службу по учебной части Министерства Народнаго Просвѣщенія, по 2240 руб. серебр. въ годъ“) и за причисленіе къ министерству“. „О первомъ, говоритъ Филологъ Васильевичъ, мнѣ объявленно формально чрезъ генералъ-губернатора Восточной Сибири, а о второмъ я знаю изъ газетъ. Первое кромѣ улучшенія моего матеріальнаго положенія свидѣтельствуетъ о томъ, что ваше высокопревосходительство признаете полезною прежнюю, завершенную уже мою службу, второе—о томъ, что вы ожидаете еще полезной отъ меня дѣятельности на будущее время. При полномъ и спокойномъ сознаніи, что ваше высокопревосходительство сдѣлали для меня все, что было возможно при отзывѣ, сдѣланномъ генералъ-губернаторомъ о прежней моей служебной дѣятельности, хотя мотивы и подробности этого отзыва и понынѣ мнѣ въ точности неизвѣстны,—сознаю и то, что слѣдовало бы мнѣ нынѣ лично явиться въ Петербургъ, для окончательнаго личнаго разъясненія предшествовавшихъ обстоятельствъ, которымъ, по всѣмъ вѣроятіямъ придана несоотвѣтствующая окраска. Я понимаю, что эти разъясненія привели бы меня къ сознанію или о необходимости принесенной въ лицѣ моемъ жертвы, или о томъ, что послѣдніе совершившіеся факты были естественнымъ раціональнымъ послѣдствіемъ предшествовавшихъ фактовъ, мнѣ неизвѣстныхъ, или мною не понятыхъ и не сознанныхъ. Не менѣе необходимо было бы получить отъ вашего высокопревосходительства личное указаніе о томъ, какого рода дѣятельность изволите вы возложить нынѣ на меня, какъ на причисленнаго къ министерству. ... Но отъ поѣздки для достиженія всѣхъ этихъ цѣлей по необходимости долженъ я отказаться, потому что не имѣю возможности выдѣлить изъ пожалованной мнѣ пенсіи часть, нужную для поѣздки въ Петербургъ“.

Послѣ всѣхъ сказанныхъ тяжелыхъ обстоятельствъ, огорченій и нравственныхъ потрясеній, доставленныхъ незаслуженнымъ отношеніемъ къ себѣ людей власть имущихъ, Филологъ Васильевичъ отправился въ Тобольскъ. „Самъ не знаю, какъ все это я могъ перенести: невыразимо тяжело было“, сказалъ онъ своимъ близкимъ друзьямъ. „Чѣмъ выше взберешься, тѣмъ больнѣе ушибешься при паденіи“ записано его рукой въ записную книгу. Да, онъ тяжело и больно ушибся, бѣдняга; а это имѣло для него и дальнѣйшія печальныя послѣдствія....

XXII.

Вотъ въ какомъ положеніи Филологъ Васильевичъ оставилъ свое дѣло при выѣздѣ изъ Иркутска домой: „Въ четырехлѣтній періодъ обстановка

администраціи учебнаго дѣла улучшилась; тяжелый трудъ совмѣщенія въ лицѣ главнаго инспектора училищъ разнородныхъ обязанностей по возможности исполненъ; число учебныхъ заведеній состоявшихъ въ его завѣдываніи и число учащихся въ нихъ возросло; педагогическій персоналъ въ этихъ заведеніяхъ улучшился и дѣятельность его усилена; процентъ успѣшности учившихся возвысился; учебныя заведенія, долгое время забытыя, обревизованы; якутскія училища остались не обревизованными не по нежеланію лица, отдающаго отчетъ (т. е. Филолога Васильевича); слѣды разгрома учебныхъ заведеній, происшедшаго отъ иркутскаго и красноярскаго пожаровъ, исчезли; пожертвованія на учебное дѣло сдѣланы ревнителями просвѣщенія въ размѣрахъ, не мыслимыхъ для многихъ мѣстностей имперіи; осуществленію предположеній къ улучшенію разнородныхъ учебныхъ заведеній положено начало; для соображеній будущаго руководителя дѣла предначертана программа дѣйствій для развитія и успѣшнаго хода дѣла".

Кромѣ сказанныхъ результатовъ, достигнутыхъ въ короткое время, Филологъ Васильевичъ, со временемъ, хотѣлъ достигнуть еще большаго. Онъ имѣлъ въ виду осуществить еще много плановъ, не посмѣйся надъ нимъ такъ зло и такъ жестоко его судьба. Изъ предположеній Филолога Васильевича относительно будущаго мы приведемъ только слѣдующее. Во 1-хъ, онъ думалъ о подчиненіи главному инспектору Восточной Сибири всѣхъ учебныхъ заведеній этого края, включая сюда заведенія Амурской и Приморской областей, ради чего нужно было выхлопотать себѣ помощника. Въ Россіи даютъ помощниковъ попечителямъ даже маленькихъ округовъ, а для такой обширной страны, какъ Восточная Сибирь, помощникъ болѣе чѣмъ необходимъ, и можно было ожидать, что назначатъ непремѣнно. Во 2-хъ, Филологъ Васильевичъ считалъ очень необходимымъ хлопотать объ учрежденіи въ Иркутскѣ реальнаго училища или въ крайности просить преобразовать тамошнее техническое училище въ реальное съ правами имъ присвоенными. Надъ таковымъ проектомъ не мало онъ потрудился. Для технической части, въ которой нуждается Сибирь, при реальномъ училищѣ могли быть учреждены высшіе курсы. Онъ имѣлъ въ виду и то, что для будущаго Сибирскаго университета едва ли не разрѣшатъ поступленіе въ него и изъ реальныхъ училищъ, что еще сильнѣе должно было вызвать необходимость учрежденія реальнаго училища въ Иркутскѣ. Въ 3-хъ, для женской гимназіи онъ находилъ необходимыми высшіе или педагогическіе курсы, но не такіе, которые уже существуютъ, кажется, въ Иркутскѣ, а непремѣнно такіе, въ коихъ главное было бы изученіе французскаго и нѣмецкаго языковъ. Въ Восточную Сибирь выписываютъ гувернантокъ сплошь и рядомъ не удающихся. На нихъ много тратится средствъ родителей, большая часть которыхъ, конечно, не въ состояніи имѣть россійскихъ столичныхъ гувернантокъ. Если языки французскій и нѣмецкій будутъ хорошо изучаться въ Иркутскѣ, то воспитаніе дѣтей конечно будетъ поручаться мѣстнымъ гувернанкамъ, а это оказало бы неоцѣненную услугу сибирскому юношеству, страдающему по преимуществу незнаніемъ новѣйшихъ языковъ. Гимназія

женская съ высшими курсами въ Иркутскѣ должна непремѣнно выпускать знающихъ и языки, хотя бы для того потребовалось учиться лишнихъ 2 или 3 года. „Достиженіемъ этого, говорили Филологу Васильевичу, вы поставите себѣ высокій памятникъ“. Въ 4-хъ въ Амурской области, какъ извѣстно, существуетъ классическая прогимназія, но неизвѣстно для чего тамъ латинскій и греческій языки и почему тамъ не обратятъ особеннаго вниманія на Манджурскій языкъ, который въ томъ отдаленномъ краѣ нуженъ болѣе всего. Стоитъ только вообразить, что тамъ съ давняго времени былъ единственный переводчикъ изъ пьяныхъ казачьихъ урядниковъ, къ тому же и языкъ то этотъ онъ зналъ весьма незавидно. Китайцы на Амурѣ насъ изучили хорошо; они всѣми силами стараются изучить русскій языкъ и, добиваясь этого, они прекрасно ведутъ съ нами свои дѣла: продаютъ намъ своихъ и нашихъ же произведеній на два милліона рублей, а мы сбываемъ имъ только едва-едва на двѣсти тысячъ рублей, остальное платимъ серебромъ и золотомъ. Чрезъ Амуръ съ китайцами Сибирь могла бы завязать выгодныя сношенія, но не завязываетъ ихъ потому, что не можетъ изучить ихъ по незнанію манджурскаго языка. Эти четыре мощные вопроса въ числѣ многихъ другихъ остаются еще безъ разрѣшенія.

Выѣзжая изъ Иркутска Филологъ Васильевичъ не разъ вспоминалъ предсказаніе, сдѣланное ему въ Томскѣ. Такъ какъ это интересный фактъ, не подлежащій сомнѣнію, то мы и рѣшаемся привести его здѣсь. Въ 1882 году лѣтомъ, Филологъ Васильевичъ поѣхалъ изъ Иркутска въ Томскъ, куда изъ Тобольска пріѣхала къ нему на пароходѣ его семья съ больною Анною Филологовною. Семейство Рудаковыхъ остановилось въ гостинницѣ, занявъ три комнаты. Послѣ пріѣзда всей семьи посѣтилъ ихъ одинъ изъ мѣстныхъ священниковъ, человѣкъ съ почтенными сѣдинами, Ѳеодоръ Васильевичъ Краснопѣвцевъ, который, кажется, служилъ по министерству народнаго просвѣщенія въ Томскѣ, когда тамъ служилъ и Филологъ Васильевичъ. Посидѣвъ немного въ первой комнатѣ, какъ-то порывисто со всѣми заговаривая, онъ также порывисто всталъ и прямо прошелъ во вторую, куда посторонніе обыкновенно не ходили. Тутъ онъ горячо помолился передъ иконами, положилъ три поклона и сталъ прощаться. При этомъ онъ благословилъ всѣхъ, за исключеніемъ Анны Филологовны. „А васъ, сказалъ онъ, благословитъ преосвященный Веніаминъ“. (Дѣйствительно такъ и случилось: ее отпѣвалъ и благословилъ въ Иркутскѣ сказанный владыка). За тѣмъ онъ растроганный вышелъ.... На городской площади Томска есть часовня въ честь Иверской Божіей Матери, гдѣ ежедневно служатъ много молебновъ. Во время своего недолгаго пребыванія въ Томскѣ Филологъ Васильевичъ зашелъ однажды туда и сталъ позади, такъ что не могъ видѣть его служившій молебенъ отецъ Ѳеодоръ. Вдругъ священникъ порывисто обернулся къ Филологу Васильевичу, посмотрѣлъ на него внимательно, поднялъ глаза вверхъ и произнесъ: „Господи! сохрани меня отъ гоненія начальства“, и затѣмъ, принявъ прежнее положеніе, продолжалъ свое дѣло. Пришедши домой, Филологъ Васильевичъ разсказалъ

этотъ случай своей женѣ, спрашивая: „что бы это значило?“ Въ другой разъ Анна Филологовна, прогуливаясь со вторымъ своимъ братомъ, зашла въ часовню, гдѣ опять случилось, что служилъ отецъ Краснопѣвцевъ. Послѣ чтенія Евангелія всѣ подходили прикладываться. Когда о. Ѳедоръ замѣтилъ подошедшихъ дѣтей Рудакова, сказалъ имъ: „берегите папу!“ Этого престарѣлаго священника, пользующагося общимъ уваженіемъ, всѣ знаютъ въ Томскѣ, который не разъ слыхалъ отъ него такія и т. п. предсказанія и объясненія.

XXIII.

Въ Тобольскъ Филологъ Васильевичъ пріѣхалъ въ іюнѣ 1883 г. и былъ встрѣченъ на пристани своей семьей и друзьями. Онъ вернулся уже не тѣмъ свѣжимъ и бодрымъ, какимъ его провожали четыре года тому назадъ. Душевныя волненія и нравственныя потрясенія всегда отзываются и на физическомъ состояніи человѣка, которое у Филолога Васильевича и такъ уже было поражено во время продолжительныхъ поѣздокъ зимой на ревизію. Въ теченіе своего недолголѣтняго пребыванія въ Восточной Сибири Филологъ Васильевичъ проѣздилъ 12057 верстъ. Во время этихъ неудобныхъ путешествій онъ получилъ катарръ кишокъ. При его крѣпкомъ организмѣ онъ могъ выздоровѣть, но всѣ послѣднія горести и испытанія очень подкосили его старость. Силы начали упадать и, надломленныя, требовали себѣ отдыха. Все это видимо наложило слѣдъ на лицѣ его. Только онъ одинъ зналъ, сколько душевныхъ силъ потрачено имъ во время четырехлѣтняго завѣдыванія учебными заведеніями Восточной Сибири при тѣхъ матеріальныхъ и нравственныхъ лишеніяхъ и невзгодахъ, какія имъ перенесены въ теченіе этого времени.

Теперь его ожидала тихая семейная жизнь. Но, послѣ первыхъ семейныхъ радостей, Филолсгъ Васильевичъ въ скоромъ времени почувствовалъ, что ему не достаетъ чего-то—полезной дѣятельности. Городъ, до истеченія срока службы городскаго головы, предложилъ ему званіе кандидата въ городскіе головы (имѣя въ виду, что это званіе будетъ только номинальное и что Филологъ Васильевичъ тотчасъ-же въ городскомъ самоуправленіи будетъ играть первенствующую роль, чему бывшій тогда городской голова нисколько не сталъ бы препятствовать), а музыкальное общество, которое поднесло ему грамоту на званіе почетнаго члена, полученную съ подписью Августѣйшаго Предсѣдателя Общества, желало опять имѣть его своимъ руководителемъ; но сказанный недугъ тревожилъ Филолога Васильевича, такъ что онъ принужденъ былъ отклонить отъ себя честь и обязанности, нарушающія его покой и необходимость постояннаго пребыванія дома. Тѣмъ не менѣе Филологъ Васильевичъ, надѣясь на выздоровленіе, не позволялъ себѣ сидѣть сложа руки. Жизнь безъ полезной дѣятельности была для него мученіемъ. Онъ прежде всего привелъ въ порядокъ всѣ свои бумаги и намѣренъ былъ предаться литературнымъ занятіямъ, къ которымъ уже, можно сказать, положилъ серьезное начало.

Въ это время городская дума выбрала Филолога Васильевича предсѣдателемъ комиссіи, состоящей кромѣ него и съ четырехъ членовъ, для разсмотрѣнія городской смѣты на 1884 годъ. Это обстоятельство надѣлало у насъ много шуму, такъ какъ, благодаря Филологу Васильевичу, въ первый разъ были опубликованы давнишнія безобразія и неустройство городской жизни Тобольска. Напечатанная объ этомъ записка комиссіи на четырехъ большихъ листахъ писчей бумаги есть трудъ Филолога Васильевича, такъ какъ члены комиссіи почти что не помогали ему въ этой работѣ, хотя всѣ вопросы, касающіеся этого предмета, обсуждались сообща. Комиссія встрѣтила большія затрудненія при этомъ предварительномъ ра смотрѣніи росписи городскихъ доходовъ и расходовъ на упомянутый годъ. Прежде всего роспись поступила на разсмотрѣніе комиссіи въ половинѣ января, т. е. въ то время, когда роспись уже должна была дѣйствовать и исполняться и когда, конечно, по необходимости она уже на дѣлѣ исполнялась городскою управою, не ожидая никакихъ утвержденій. Это обстоятельство заставляло комиссію спѣшить разсмотрѣніемъ росписи. Во вторыхъ, роспись передана въ комиссію безъ всякихъ документовъ или записокъ, ее объясняющихъ. Въ виду бездоказательности и неполноты представленной росписи комиссія потребовала отъ управы не одинъ десятокъ оправдательныхъ къ этой смѣтѣ документовъ. Городская управа не могла дать всѣхъ прямыхъ положительныхъ данныхъ не только для документальной повѣрки правильности разсчетовъ по второстепеннымъ статьямъ смѣты, но и для разсмотрѣнія основаній разсчетовъ по нѣкоторымъ крупнымъ статьямъ городскаго хозяйства. По такимъ статьямъ, слѣдовательно, комиссіи оставалось принять на вѣру цыфры ожидавшихся въ 1884 году приходовъ и расходовъ. Въ такомъ представленіи голой смѣты думѣ винить было некого, кромѣ самой себя. Въ третьихъ, комиссія встрѣтила еще и другія затрудненія: она должна была провѣрить правильность смѣтныхъ разсчетовъ, принимая въ основаніе среднюю цыфру городскихъ доходовъ и расходовъ за предшествующее ближайшее трехлѣтіе. За это-то трехлѣтіе нельзя было сдѣлать точнаго заключенія о степени правильности городскаго хозяйства, за непстребованіемъ думою отчетовъ отъ управы за это время. Правильно ли и согласно ли съ дѣйствительностью были показаны цыфры годовыхъ поступленій и расходовъ за минувшее трехлѣтіе, это было дѣло ревизіонной комиссіи по дѣятельности управы, а для комиссіи Филолога Васильевича это дѣло было неподсудно, да и представляло оно несвоевременную и продолжительную работу. Филологу Васильевичу оставалось сдѣлать заключеніе о степени основательности смѣтныхъ предположеній и потому онъ могъ касаться лишь тѣхъ данныхъ, какія усматривались изъ документовъ, долженствовавшихъ лечь въ основаніе городской смѣты. Что же касается фактовъ, подлежащихъ собственно разсмотрѣнію ревизіонной комиссіи, Филологъ Васильевичъ касался ихъ лишь на столько, на сколько они указывали правильность смѣтныхъ разсчетовъ, о чемъ въ своемъ докладѣ онъ не могъ пройти совершеннымъ молчаніемъ. Легко можно понять, какъ трудно было работать Филологу Васильевичу надъ этими хозяй-

ственно—городскими вопросами при такихъ неблагопріятныхъ условіяхъ. При первомъ взглядѣ на смѣту Филологъ Васильевичъ замѣтилъ, что итогъ непремѣнныхъ расходовъ (окладныхъ) далеко не покрывается, втрое меньше противъ итога такихъ же непремѣнныхъ, контрактныхъ (окладныхъ) доходовъ, и что общій балансъ (62296 р. 81 к. доходовъ и столько же расходовъ —копѣйка въ копѣйку) сведенъ искусственно, потому что цыфры неокладныхъ расходовъ, т. е. могущихъ измѣниться, и неокладныхъ же доходовъ подогнаны къ общему итогу расходовъ 62-хъ слишкомъ тысячъ. При дальнѣйшемъ разсмотрѣніи оказалось, вопервыхъ, что у многихъ какъ окладныхъ, такъ и неокладныхъ расходовъ смѣтной росписи выставлены чрезмѣрно вздутыя и далеко не соотвѣтствующія дѣйствительной потребности цыфры. Были и другія цыфры, дѣйствительность которыхъ не возможно было провѣрить, но, не смотря на все это, оказалось возможнымъ общую цыфру расходовъ сократить болѣе, чѣмъ на 11 тысячъ рублей. Нѣкоторыя статьи ничѣмъ не оправдываемыхъ произвольныхъ расходовъ городской управы Филологъ Васильевичъ предложилъ совсѣмъ исключить. Экстраординарные расходы были только поводомъ къ произвольному расходованію суммъ, уничтожающему силу закона, выраженнаго въ 144 ст. городоваго положенія. Вовторыхъ, по росписи о доходахъ хотя Филологъ Васильевичъ затруднялся сдѣлать точныя указанія о томъ, на сколько ожидаемый доходъ по разнымъ статьямъ могъ увеличиться, но, судя по даннымъ, отчасти извѣстнымъ, отчасти усматриваемымъ изъ вытребованныхъ изъ управы документовъ, можно было утвердительно сказать, что доходы эти могли быть болѣе исчисленныхъ по смѣтѣ. Онъ рекомендовалъ управѣ нѣкоторыя общія, по серьезныя указанія на увеличеніе доходовъ, которые должны были превысить расходъ. Эту сумму перевѣса вмѣстѣ съ другими экономіями дума могла бы причислить къ городскому запасному капиталу. Вообще Филологъ Васильевичъ замѣтилъ паденіе городскихъ доходовъ сравнительно съ предыдущими годами, а паденіе это увеличивалось долголѣтнимъ неплатежемъ недоимокъ, числившихся за нашими самыми богатыми купцами, городскими и отчасти иногородными пароходовладѣльцами. Къ 1 января 1884 года, начиная съ 1875 года, недоимокъ состояло за ними около 20 тысячъ рублей сер.—Сдѣлавъ свои замѣчанія и исправленія смѣты, представленной управою, комиссія Филолога Васильевича представила все это на утвержденіе думы, при чемъ испрашивала также разрѣшеніе послѣдней о томъ, чтобы всегда было постановлено управѣ въ обязанность включать въ смѣту и предположенія о доходахъ—процентахъ съ городскихъ капиталовъ и употребленіи этихъ процентовъ, о которыхъ до этого времени въ городскихъ смѣтахъ вовсе не упоминалось. А такихъ капиталовъ (запаснаго 17 тысячъ и пожертвованныхъ на нѣкоторыя филантропическія, благотворительныя и другія цѣли) въ Тобольскѣ было тогда 81 1/2 тыс.—Комиссія подъ предсѣдательствомъ Филолога Васильевича вообще открыла тѣ злоупотребленія и непорядки, которые общи всѣмъ городамъ имперіи. Филологъ Васильевичъ доказалъ, что въ нынѣшнемъ городскомъ самоуправленіи не такъ

виноваты самые порядки съ ихъ недостатками, какъ люди своимъ халатнымъ и не честнымъ исполненіемъ своего долга, у которыхъ безслѣдно на рукахъ таютъ самые лучшіе законы государства и общежитія. Въ 187* г. бывшій городской голова В. Д. Жарниковъ, о которомъ городъ всегда съ благодарностью вспоминаетъ, оставляя свою почетную должность, сдалъ городу болѣе 40 тысячъ сбереженій чистыми деньгами, а его преемники не только ничего не прибавили къ этому крупному сбереженію, но и этотъ капиталъ куда то истратили, какъ неумѣлые хозяева. Потому то Филологъ Васильевичъ въ своей запискѣ порицалъ безобразное веденіе городскаго хозяйства и злоумышленныя цыфры раскритикованной имъ росписи. Одинъ беззастѣнчивый архитекторъ, напримѣръ, представилъ смѣту на ремонтъ двухъ деревянныхъ взвозовъ и нѣсколькихъ таковыхъ же городскихъ мостовъ, большая часть которыхъ небольшихъ размѣровъ, и полицейскихъ зданій почти въ 10 тыс. рублей. Таковая цыфра для нашего города громадна. Управа готова была ассигновать половину этихъ денегъ, но такъ какъ и этого было много, то Филологъ Васильевичъ возсталъ и предложилъ совершенно исключить изъ смѣты эту статью расхода, предоставивъ управѣ внести въ думу особую дополнительную смѣту на этотъ предметъ, подкрѣпленную надлежащими актами свидѣтельства и прочими документами. Комиссія, между прочимъ, нашла также въ высшей степени страннымъ страхованіе полицейскаго зданія, внутри котораго всегда находится наготовѣ городская пожарная команда. Вотъ ~~на~~ такія и тому подобныя притязанія на городской пирогъ совершенно истощили матеріальныя силы нашего бѣднаго города, этой бывшей богатой древней столицы Сибири, который въ настоящее время для пополненія своихъ дефицитовъ пріискиваетъ статьи налоговъ на все, что только возможно обложить пошлиной, очень тягостной для бѣднаго люда, ощутительно высказывающаго свое неудовольствіе, такъ что скоро должно быть у насъ и воздухомъ, не смотря на всю его давнишнюю недоброкачественность, питающую много болѣзней,—нельзя будетъ дышать безпошлинно. Теперь понятнѣе намъ станетъ смыслъ адреса, поднесеннаго Филологу Васильевичу „меньшей братіей“ при его отъѣздѣ въ Иркутскъ. Заботы Рудакова о благодействіи города и воспитаніи юношества губерніи не могли остаться незамѣченными и отрадными.

XXIV.

Покончивъ этотъ трудъ съ комиссіей, который всетаки нѣсколько развлекъ его послѣ всего пережитаго и выстраданнаго въ Иркутскѣ, Филологъ Васильевичъ хотѣлъ привести въ исполненіе то, что еще задумалъ вскорѣ послѣ отставки: онъ хотѣлъ еще оглянуться на свое прошлое, обдумать результаты своей долголѣтней дѣятельности, выяснить нѣкоторые вопросы, имѣющіе общественное значеніе, а самое главное—онъ задумалъ весьма серьезный трудъ общественно-воспитательнаго характера. Обширная задача задуманнаго сочиненія состояла въ слѣдующемъ. Сравнивая умственно-моральное настроеніе и стремленія людей такъ-называемаго добраго стараго времени

русской жизни,—людей, исполненныхъ идеальными стремленіями, съ эгоистическими интересами новаго времени, Филологъ Васильевичъ находилъ, что мы, при нашемъ прогрессѣ, измѣнились къ худшему въ нравственномъ смыслѣ. Его поражала очень рѣзкая разница между тогдашнею молодежью, изъ которыхъ вышло много замѣчательныхъ людей, весьма сознательно стремившихся къ развитію и совершенству, и теперешними молодыми людьми, почти лишенными возвышенныхъ стремленій, индиферентными къ религіи, отличающимися безсердечіемъ и душевной пустотой, что часто заставляетъ ихъ ненавидѣть людей, ненавидѣть самихъ себя и не рѣдко оканчивать самоубійствомъ или пускаться во всѣ нелегкія, мутить мирную жизнь государства, проповѣдывать несбыточныя теоріи, вступая въ ряды революціонеровъ, этихъ непризванныхъ спасителей нашего отечества. Такія ужасныя явленія, трата и гибель ни за что молодыхъ непочатыхъ силъ, которыя, при другомъ состояніи нашего общества, могли бы составить нашу надежду на лучшее будущее, приводили въ содроганіе чуткое сердце Филолога Васильевича. Онъ душевно страдалъ, переживая ужасныя событія нашей государственной жизни послѣднихъ временъ, и глубоко скорбѣлъ о томъ, какъ наша молодежь, точно закружившись въ омутѣ, иногда совсѣмъ теряетъ свою голову и сбивается съ толку, будучи лишена здраваго смысла, истиннаго просвѣщенія и крѣпкихъ нравственныхъ устоевъ. Наша повременная печать представляла по этимъ вопросамъ болѣе или менѣе обстоятельныя, но всетаки, вообще говоря, бѣглыя статьи; Филологъ Васильевичъ еще обстоятельнѣе, на основаніи неоспоримыхъ документальныхъ данныхъ и данныхъ, представляемыхъ въ типахъ произведеній нашихъ лучшихъ писателей, намѣренъ былъ въ одной большой картинѣ изобразить послѣдовательное измѣненіе настроенія умовъ и упадокъ идеальныхъ стремленій въ современномъ обществѣ, вслѣдствіе чего и выработалось теперешнее шатаніе, пустота и эфемерность цѣлей людей нашего времени. Филологъ Васильевичъ желалъ объяснить свое время русской жизни, богатой такими небывалыми историческими событіями и превращеніями. Онъ поставилъ себѣ цѣлью выяснить тѣ моральныя пружины, которыми это знаменитое время въ своемъ постепенномъ развитіи жило да проявляло себя и всю теперешнюю прострацію этой жизни, касающую всѣхъ сферъ общественныхъ и слоевъ сословныхъ, не забывая при этомъ указать и на достоинства нашей русской жизни тамъ, гдѣ они были и есть.

Носясь въ своей головѣ съ этой обширнѣйшею идеей, о великомъ значеніи которой для каждаго русскаго человѣка и говорить нечего,—идеей, составляющей неразрѣшенный постулатъ переживаемаго критическаго момента внутренней жизни русскаго государства, Филологъ Васильевичъ сначала не могъ остановиться на какомъ-нибудь точномъ заглавіи, соотвѣтствующемъ глубокому смыслу его идеи. Разработка обширной идеи этой со временемъ нашла бы себѣ достойное названіе, по мѣрѣ выясненія общихъ и частныхъ вопросовъ; но такая громадная работа потребовала бы нѣсколько, по крайней мѣрѣ 10—15 лѣтъ, самаго усидчиваго труда. Филологу Васильевичу для этого

необходимо было много перечитать да обдумать, преодолѣть не мало важныхъ препятствій и не разъ съѣздить за Уралъ за источниками и матеріаломъ для будущаго историческаго труда, которыхъ у насъ здѣсь не достать. Принимая во вниманіе свой шестой десятокъ лѣтъ отъ роду, Филологъ Васильевичъ рѣшился нѣсколько съузить свою задачу, выбравъ для своего труда слѣдующее заглавіе: „Тяжелое время на Руси“, имѣя въ виду вполнѣ исчерпать всю свою идею въ случаѣ долголѣтія и благопріятныхъ обстоятельствъ.

Филологъ Васильевичъ обладалъ глубокимъ критическимъ умомъ, легко охватывающимъ истинную суть всякаго важнаго вопроса. Онъ не былъ также лишенъ таланта, благодаря которому онъ отличался яснымъ и прекраснымъ изложеніемъ своихъ мыслей и впечатлѣній. Эти достоинства вмѣстѣ съ его познаніями, долголѣтнею опытностью, знаніемъ жизни и людей, кажется, могли поручиться за то, что Филологъ Васильевичъ подарилъ бы насъ, быть можетъ, дѣйствительно очень замѣчательнымъ трудомъ, который былъ бы достоинъ имени своего автора. Быть можетъ, въ главахъ этого сочиненія мы, какъ въ зеркалѣ, увидѣли бы причины и всѣ стороны ранъ и душевныхъ недуговъ нашего общественно-государственнаго организма, и Филологъ Васильевичъ тѣмъ самымъ способствовалъ бы нашему самосознанію, такъ что мы легче нашли бы мѣры къ исправленію и уничтоженію зла, давно насъ губящаго неудержимо. Филологъ Васильевичъ еще разъ очень наглядно доказалъ бы ту неоспоримую истину, что воспитаніе—самое важное дѣло въ государствѣ, что наша будущность и исполненіе миссіи русскаго государства среди прочихъ державъ исключительно зависитъ отъ воспитанія и отъ принциповъ, исповѣдываемыхъ нами.

Такимъ образомъ, Филологъ Васильевичъ уже въ тишинѣ своего кабинета сталъ бы продолжать свое педагогическое дѣло на общую пользу. Послѣ того, какъ онъ почти втеченіе 35 лѣтъ всѣми силами старался просвѣщать обѣ половины обширнаго сибирскаго края, насколько это зависѣло отъ него и отъ современныхъ условій,—выйдя въ отставку, уже на склонѣ лѣтъ, посредствомъ своего сочиненія, быть можетъ, очень не мало содѣйствовалъ бы просвѣщенію и моральному подъему *всего* нашего государства. Филологъ Васильевичъ до конца жизни хотѣлъ и считалъ себя обязаннымъ служить развитію и просвѣщенію русскаго народа, крайне нуждающагося теперь болѣе чѣмъ когда-либо въ истинно просвѣщенныхъ людяхъ; въ нихъ то, не смотря на всѣ наши университеты, въ настоящее тяжелое время ощущается громадный недостатокъ. Газета „Недѣля“ однажды сказала: „Гдѣ тотъ новый крупный талантъ, который бы, такъ сказать, подвелъ художественный итогъ нашей современной жизни и освѣтилъ ее со стороны, теперь отъ насъ сокрытой? Если вы думаете, что такой стороны нѣтъ, то я вамъ скажу, что она даже не одна, а ихъ нѣсколько, и что никогда еще, можетъ быть, для крупнаго таланта не представлялось такого обильнаго и благодарнаго матеріала, какъ въ настоящее время. Сообразите хоть вотъ что: когда явились Гоголь и Грибоѣдовъ, имъ приходилось имѣть дѣло не съ жизнью, а съ отсутствіемъ

жизни, съ пустотой, и ихъ заслуга въ томъ именно и состояла, что они раскрыли весь ужасъ этой пустоты, игравшей роль жизни; теперь же передъ нами не пустота, а жизнь—часто въ уродливыхъ, порою въ ужасныхъ формахъ, но всетаки бьющая ключемъ, напряженная, страстная, кипучая. Возьмите хоть факты, раскрытые послѣдними политическими процессами. Вы увидите здѣсь мѣщанъ и крестьянъ, мужчинъ и женщинъ, молодежь и людъ зрѣлаго возраста, некончившихъ курса студентовъ и людей съ опредѣленнымъ общественнымъ положеніемъ, круглыхъ бѣдняковъ и стотысячныхъ капиталистовъ, словомъ, представителей всевозможныхъ общественныхъ слоевъ. У всякаго изъ нихъ были родные и знакомые, друзья и враги, всякій находился въ какихъ-нибудь отношеніяхъ съ окружающими, всякій прежде чѣмъ попасть на скамью подсудимыхъ жилъ и вращался въ обществѣ, среди насъ. Но знаемъ ли мы этихъ людей? Я говорю не о томъ, чтобы писатель изобразилъ передъ нами собственно *преступную* ихъ дѣятельность—хотя и она могла бы дать богатый художественно-психологическій матеріалъ талантливому писателю; но пусть онъ отнесется къ нимъ шире, *пусть нарисуетъ ихъ какъ отцовъ, какъ братьевъ и сестеръ, а самое главное какъ членовъ общества,* и мы получимъ картину колоссальнаго интереса, имѣющую, быть можетъ, еще больше значенія, чѣмъ имѣли въ свое время „Мертвыя души“ или „Горе отъ ума“. А эти женщины, толпами наполняющія всевозможныя аудиторіи? а эти самоубійцы, начиная съ городоваго, лишающаго себя жизни посредствомъ казеннаго револьвера, и кончая молодымъ блестящимъ генераломъ, пускающимъ себѣ пулю въ лобъ въ день своего рожденія? а эти Юханцевы и Узатисы, которыми, по видимому, мы столько занимались, но о которыхъ въ сущности не имѣемъ ни малѣйшаго понятія? это ли еще не жизнь! это ли не родникъ для крупнаго таланта! Сколько здѣсь типовъ, сколько всевозможныхъ страстей—любви и ненависти, надежды и отчаянія, добродѣтели и порока, доблестей и подлости! Если бы явился писатель, который отнесся бы къ этому матеріалу также искренно, какъ относится къ природѣ Куинджи, и освѣтилъ бы его тѣмъ же правдивымъ свѣтомъ, какимъ освѣщена его „Ночь на Днѣпрѣ“,—онъ произвелъ бы между нами спасительный переполохъ“. Такой крупный талантъ мы имѣли бы въ лицѣ Филолога Васильевича, который не въ формѣ беллетристическаго произведенія, а въ живомъ, картинномъ и послѣдовательномъ разсказѣ открылъ бы если не всѣ, то многія или вовсе, или не вполнѣ достаточно замѣчаемыя нами гибельныя стороны нашей жизни семейной и политической. Онъ былъ способенъ сказать доброе и цѣнное слово и оно осталось бы въ памяти потомства; но злая судьба рѣшила иначе.... Болѣзнь Филолога Васильевича шла медленно прогрессивно и какъ червь подтачивала его крѣпкое здоровье,—бодрость духа только не покидала его и ни въ чемъ такъ, какъ въ этомъ, онъ находилъ себѣ главнѣйшую поддержку. Этимъ онъ былъ особенно крѣпокъ, не смотря на физическія страданія. Болѣзнь свою онъ считалъ скоропреходящею, но онъ ошибался, и силы его чѣмъ дальше, тѣмъ болѣе слабѣли, а это стало уже отражаться на всемъ его

существѣ: Филологъ Васильевичъ сталъ худѣть и часто бывалъ въ очень невеселомъ настроеніи. Его попытки и порывы заниматься чтеніемъ и записываніемъ матеріаловъ, относящихся къ его будущему труду, еще болѣе ослабляли его, пока докторъ окончательно не запретилъ ему заниматься умственнымъ трудомъ, убѣждая его, что больной этимъ сильно препятствуетъ своему выздоровленію. Послѣдовавшія затѣмъ усложненія болѣзни съ сильными припадками сердцебіенія принудили его окончательно положить перо, только что хорошо размахнувшееся и, какъ ниже увидимъ, указавшее богатое широкое поле и просторную даль, до которой, къ несчастію, онъ не успѣлъ дойти. Къ такому безотрадному положенію начали присоединяться непріятности матеріальныхъ недостатковъ, благодаря которымъ Филологъ Васильевичъ, по необходимости, обратился къ министру со слѣдующимъ письмомъ: „Какъ чиновникъ, причисленный къ министерству народнаго просвѣщенія, позволяю себѣ обратиться непосредственно къ вашему высокопревосходительству съ прямою и откровенною просьбою. Недугъ, полученный мною при перенесенныхъ тяжелыхъ условіяхъ службы въ Восточной Сибири, не смотря на теперешній уходъ моей семьи и на всѣ старанія здѣшнихъ врачей, не только не оставляетъ меня, но въ послѣдніе мѣсяцы все болѣе и болѣе усиливается. Съ тѣмъ вмѣстѣ все затруднительнѣе становится для меня удовлетвореніе расходовъ, вызываемыхъ этою болѣзнію. И вообще, при возвысившихся на все цѣнахъ, крайне тяжело жить на одну лишь получаемую пенсію; но покрывать изъ нея же расходы на плату врачамъ, исполненіе ихъ указаній, медикаменты и проч. уже совершенно невозможно: я уже нажилъ себѣ долги, которые постепенно возрастаютъ, а средствъ для уплаты ихъ нѣтъ. Итакъ, не соблаговолите ли ваше высокопревосходительство назначить мнѣ по усмотрѣнію вашему изъ суммъ министерства какое-либо единовременное пособіе собственно на лѣченіе постигшей меня болѣзни, примѣры каковыхъ пособій не безъизвѣстны за время вашего гуманнаго управленія министерствомъ. Еслибы къ назначенію испрашиваемаго мною пособія потребовалось какое-нибудь юридическое основаніе, лежащее внѣ предѣловъ моей прежней службы, то позволяю себѣ почтительнѣйше доложить вашему высокопревосходительству, что послѣ причисленія моего къ министерству предпринятъ мною историческій трудъ „Тяжелое время на Руси 1849—1882 г.“ Двѣ главы этого труда кончены и кромѣ того, написано мною до 185 листовъ, заключающихъ матеріалы и замѣтки для этого труда. *) Трудъ этотъ, если Богу будетъ угодно дать мнѣ силы и здоровья для продолженія и окончанія его,—послужитъ фактическимъ доказательствомъ, что будучи и причисленнымъ къ министерству, я продолжалъ свою службу дѣлу народнаго просвѣщенія, стара-

*) Всѣ эти матеріалы и записки, какъ и всѣ документы, относящіяся къ этому нашему черку, хранятся въ Тобольскѣ у вдовы покойнаго, Ольги Петровны Рудаковой. Крайне желательно было бы, еслибы нашелся человѣкъ, желающій воспользоваться уже собраннымъ матеріаломъ для продолженія труда, недоконченнаго Филологомъ Васильевичемъ.

ясь, на сколько было то въ моихъ средствахъ, принести пользу своимъ посильнымъ трудомъ всегда дорогому для меня отечеству". Письмо это было подписано 28 февраля 1885 года. Въ это время онъ болѣлъ очень серьезно, и ему большаго труда стоило написать эти строки на-черно. Лѣчившій его врачъ, старый пріятель и сослуживецъ, началъ сомнѣваться въ благопріятномъ исходѣ болѣзни и подъ благовиднымъ предлогомъ отказался пользовать больнаго. Былъ приглашенъ другой врачъ, принявшій не менѣе энергичныя мѣры. Онъ отчасти измѣнилъ систему лѣченія и еще продолжилъ жизнь Филолога Васильевича, но и самъ потомъ заявлялъ о безнадежномъ положеніи своего пацієнта. Послѣдній просилъ врача не скрывать отъ него правды, такъ какъ смерти онъ не боялся, но врачъ не рѣшился открыть истины изъ боязни огорчить страдальца, которому хотѣлось окончить начатый историческій трудъ и этимъ „сослужить послѣднюю службу своему дорогому отечеству". Съ приближеніемъ мая мѣсяца Филологъ Васильевичъ чувствовалъ себя чрезвычайно тяжело, почти не вставалъ и по временамъ впадалъ въ какое-то полуоцѣпѣлое состояніе. Чтобы подышать свѣжимъ воздухомъ, по совѣту врача, выносили его на рукахъ и усаживали въ коляску. Обложивъ подушками, тихимъ шагомъ возили больнаго по городу, имѣвшаго видъ живаго скелета. Послѣ этихъ катаній Филологъ Васильевичъ всегда чувствовалъ себя утомленнымъ, пока не слегъ и уже совсѣмъ не вставалъ съ постели.... Тогда рѣшили увезти его въ деревню Алемасово, чего онъ и самъ желалъ, отличающуюся лѣснымъ здоровымъ воздухомъ, но и это не помогло. Филологъ Васильевичъ уже и самъ сознавалъ свое безнадежное положеніе, но не приходилъ въ страхъ или отчаяніе передъ угрожавшими ему холодными объятіями смерти. „Да будетъ воля Господа надо мной!" сказалъ онъ.

XXV.

О послѣднихъ минутахъ незабвеннаго Филолога Васильевича мы предоставляемъ разсказать намъ его старшему сыну, подпоручику, который пріѣхалъ въ отпускъ и былъ неотступно при отцѣ, послѣ кончины котораго уѣхалъ обратно на службу въ Варшаву. Описаніе послѣднихъ минутъ своего отца сдѣлано Иннокентіемъ Филологовичемъ для себя и мы ими очень кстати могли воспользоваться. Вотъ какъ молодой офицеръ описываетъ это важное событіе, случившееся въ его семьѣ: *„Послѣдніе дни жизни моего дорогаго отца.* Боже мой! какимъ я засталъ отца, когда прибылъ домой въ отпускъ, проѣхавъ слишкомъ 3 тысячи верстъ. Вѣдь и времени то прошло не Богъ знаетъ сколько--всего 4 года, но время не на всѣхъ одинаково накладываетъ свою печать: моя мать совсѣмъ почти не измѣнилась, отца же засталъ я на краю могилы. Я даже не могъ предполагать, что такая болѣзнь и огорченія могутъ сдѣлать человѣка неузнаваемымъ. Однимъ словомъ, я ужаснулся при видѣ отца, но во всякомъ случаѣ не ожидалъ скорой его смерти. Мнѣ все не вѣрилось, что онъ долженъ умереть отъ удручившей его болѣзни: мнѣ казалось, что она должна пройти и

даже очень скоро. Увѣренность моя въ благопріятномъ исходѣ болѣзни возросла у меня, когда отецъ, какъ мнѣ тамъ сказали, уже нѣсколько дней совсѣмъ не встававшій съ постели, въ день моего пріѣзда всталъ и, поддерживаемый подъ руки, пришелъ къ обѣденному столу и даже выпилъ бокалъ шампанскаго. Онъ самъ говорилъ, что чувствуетъ себя очень хорошо, но это было лишь отъ радости свиданія; первыя его слова при встрѣчѣ меня были: „наконецъ то, дружокъ, пріѣхалъ; я все ждалъ и боялся, что не дождусь“. Онъ даже высчитывалъ часы моего пріѣзда по посылаемымъ мною телеграммамъ. Недѣлю спустя послѣ моего пріѣзда, 26 мая, я отправился съ отцомъ въ деревню, лежащую за 7 верстъ отъ города. Онъ давно уже мечталъ объ этомъ переѣздѣ изъ города и видимо былъ радъ, что наконецъ онъ состоялся. Деревня эта была дѣйствительно съ цѣлебнымъ воздухомъ, но цѣлебнымъ не для него. Переѣздъ изъ города совершился по невозможно скверной дорогѣ довольно благополучно. Отецъ, утомленный дорогой, уснулъ почти здоровымъ сномъ. Мамочка и семейство, провожавшее его, уѣхали обратно въ городъ и изъ семьи, по его желанію, съ нимъ остался одинъ лишь я,— да иначе и невозможно было, потому что дѣти держали экзамены, которыхъ не какого было оставить. Для услугъ взята была служанка. На другой день надежда моя на его выздоровленіе еще болѣе возросла. Отецъ послѣ спокойно проведенной ночи проснулся совершенно бодрымъ и веселымъ и пожелалъ полежать немного на чистомъ воздухѣ. Погода была превосходная, цвѣты цвѣли, деревья зеленѣли, и я тотчасъ исполнилъ его желаніе. Съ трудомъ отвелъ я его въ садъ, прилегающій къ дому, и положилъ его подъ роскошно раскинувшейся въ полномъ цвѣту черемухой и сѣлъ рядомъ съ нимъ. Отецъ, поселившись въ деревнѣ, думалъ заняться садоводствомъ, для чего накупилъ сѣмянъ, самъ заранѣе выбралъ грядки и теперь, лежа подъ черемухой, просилъ меня начать читать ему книгу „о садоводствѣ“. Я, конечно, повиновался, но мнѣ не это было нужно: радуясь передъ этимъ его хорошому расположенію духа, я хотѣлъ поговорить съ нимъ по душѣ, а намъ было о чемъ побесѣдовать. Читать мнѣ пришлось не долго, отецъ скоро задремалъ и я остался около него, смотря на его довольное лицо и защищая его отъ нападавшихъ на него мошекъ и комаровъ. Но обоюдное наше удовольствіе продолжалось не долго. Черезъ какихъ нибудь 2—3 часа припадокъ болѣзни начался съ страшной силой и я едва при помощи хозяина внесъ въ домъ почти безжизненное, страдающее тѣло отца. Съ тѣхъ поръ отецъ мой уже не вставалъ съ постели и проводилъ время въ какой-то полудремотѣ, да и погода измѣнилась: пошли дожди, и солнышко не могло играть своими лучами въ комнатѣ отца. Бывали минуты, когда онъ оживлялся (это бывало обыкновенно утромъ) и въ это время я читалъ ему газеты или толковалъ съ нимъ объ устройствѣ водопровода въ той самой деревнѣ, гдѣ мы жили: жители пользовались болотной водой, между тѣмъ какъ недалеко былъ прекраснѣйшій желѣзистый ключъ. Надъ этимъ источникомъ чистой воды отецъ хотѣлъ поставить небольшой столбъ, обдѣланный въ видѣ миньатюрной часовни

съ шаромъ и крестомъ на ней. На лицевой сторонѣ столба—часовенки должно было вдѣлать заказанную уже отцемъ икону Христа Спасителя съ надписью на открытомъ Евангеліи: „Иже бо аще напоитъ вы чашею воды во Имя Мое, яко Христовы есте, аминь, глаголю вамъ, не погубитъ мзды своея". Эта мысль заняла старческую голову моего дорогаго отца и онъ хотѣлъ привести ее въ исполненіе во что бы то ни стало. Онъ даже прибѣгнулъ къ помощи архитектора, такъ какъ водопроводъ устроить было дѣйствительно трудно. Но для устройства водопровода отцу нужно было не только согласіе, но и руки крестьянъ. Онъ еще ранѣе моего пріѣзда призывалъ къ себѣ деревенское начальство и разговаривалъ съ ними на счетъ водопровода, но крестьяне, въ это время занятые страдой, не дали никакого отвѣта и вообще какъ будто бы не желали этого нововведенія. Такъ проводили мы время, живя съ отцомъ въ деревнѣ. Меня удивляло то, что отецъ, не смотря на свою болѣзнь, былъ очень мало требователенъ и еслибы могъ, то навѣрно обходился бы безъ посторонней помощи. Разскажу одинъ случай въ доказательство только что мною сказаннаго. Дня за три до смерти, утромъ часовъ въ 6-ть, когда я еще спалъ, услышалъ проснувшись голосъ отца, зовущаго меня. По всей вѣроятности онъ звалъ долго служанку, но не дождавшись, позвалъ меня. Я соскочилъ съ кровати и подошелъ къ нему. Онъ попросилъ приподнять его съ кровати и затѣмъ уложить какъ слѣдуетъ. Я сдѣлалъ все какъ умѣлъ, далъ ему напиться и, спросивъ, не надо ли ему еще чего-нибудь, ушелъ въ другую комнату и легъ спать. Не успѣлъ я заснуть, какъ опять услышалъ голосъ отца. Когда я подошелъ, онъ сказалъ, что ему дурно и просилъ дать лѣкарство; я подалъ и вызвался съ нимъ посидѣть—поболтать, пока съ нимъ сдѣлается лучше, но онъ отказался на отрѣзъ, сказавъ: „поди, голубчикъ, ложись спать" и прибавилъ, какъ бы про себя: „О, Боже мой! зачѣмъ Ты послалъ мнѣ такую болѣзнь, гдѣ не только я долженъ мучиться, но мучить и окружающихъ меня здоровыхъ, любимыхъ мною людей". Вообще, какъ видно было въ послѣднее время, надежда на выздоровленіе оставила его и онъ безъ страху ждалъ смерти. Однажды, когда пріѣхалъ докторъ и, сѣвъ возлѣ него, сказалъ, что погода прекрасная и что онъ надѣется, что отецъ будетъ въ скоромъ времени пользоваться этой погодой, отецъ улыбнувшись отвѣтилъ ему: „зачѣмъ вы, докторъ, насмѣхаетесь такъ зло надъ старикомъ?" Докторъ не нашелся, что сказать. Однажды, кажется, наканунѣ смерти, мамочка прислала отцу записку, въ которой объясняла, что ректоръ семинаріи, у котораго отецъ взялъ крытый экипажъ для катанья въ деревнѣ во время начавшихся дождей, не зная, что отецъ увезъ экипажъ въ деревню, посылалъ за коляской. Прочитавши записку, отецъ взволновался, велѣлъ мнѣ взять бумагу, съ его словъ написать извиненіе къ ректору и сейчасъ же отослать экипажъ въ городъ. Въ письмѣ къ ректору онъ писалъ, что сдѣлалъ невѣжество и даже подлость, которую никогда не дѣлалъ и что въ этомъ лишь виновата его болѣзнь и старость и просилъ ради Христа простить его. Затѣмъ просилъ написать мамочкѣ записку, чтобы она не ѣздила въ деревню по начавшейся

скверной погодѣ и отвратительной дорогѣ, а также, чтобы узнали отъ доктора, что ему дѣлать, такъ какъ онъ кромѣ лѣкарствъ ничего пить и ѣсть не можетъ. Я вызвался самъ съѣздить верхомъ въ городъ и лично переговорить съ докторомъ и онъ, хотя со страхомъ, какъ онъ останется одинъ, отпустилъ меня. Когда я вернулся часа черезъ три, онъ очень обрадовался и спросилъ, не растрясла ли меня лошадь и здоровы ли всѣ дома. О томъ, зачѣмъ онъ меня посылалъ, не спросилъ ни слова и я уже самъ разсказалъ совѣтъ доктора. Онъ слабо улыбнулся и сказалъ: „приготовь“. Приготовленное мною питье ему очень понравилось и онъ выпилъ довольно много. Въ этотъ день онъ хотя не вставалъ съ постели, но былъ очень веселъ и даже шутилъ, когда я ему разсказывалъ свою поѣздку. Затѣмъ онъ опять пожелалъ уснуть. Дремоту эту я приписываю принимаемому имъ лѣкарству, въ которое входило довольно большое количество опіума. Этого лѣкарства и въ особенности пріемовъ чистаго опіума онъ самъ побаивался, хотя, кажется, только это одно средство его успокоивало. День его смерти не изгладится изъ моей памяти никогда. Я видѣлъ въ первый разъ смерть и кромѣ того смерть столь близкаго и дорогаго мнѣ лица. Въ этотъ день съ утра погода стояла прекрасная; я отворилъ окно въ комнатѣ отца и мы опять разговорились на счетъ водопровода. Отецъ былъ въ особенно хорошемъ расположеніи духа и, сидя на кровати, шутилъ и смѣялся. Онъ позвалъ къ себѣ хозяина и завелъ съ нимъ разговоръ относительно огороднчества и водопровода. Поговоривъ немного и не добившись, по правдѣ сказать, отъ него никакого толку, онъ просилъ меня сходить съ хозяиномъ къ мѣсту, гдѣ предполагалось сдѣлать водопроводъ и снять для него крóки (скорый набросокъ карандашемъ), чтобы и онъ могъ судить объ этой мѣстности, чего не могъ сдѣлать изъ снятаго архитекторомъ плана. Я отправился съ хозяиномъ и набросалъ крóки, а также досталъ отъ него всѣ нужныя для меня свѣдѣнія. Когда я вернулся домой, отецъ лежалъ уже на кровати и когда я хотѣлъ показать ему снятые крóки, онъ просилъ меня отложить это дѣло до другаго раза и пожелалъ уснуть. Я безъ всякой боязни вышелъ изъ квартиры и пошелъ недалеко въ лѣсъ. Такъ время прошло до обѣда. Когда я пришелъ домой, отца засталъ еще спящимъ и, поти-хоньку пообѣдавъ, вышелъ опять въ лѣсъ. Часа черезъ два служанка наша вышла ко мнѣ и сказала, что отецъ зоветъ меня къ себѣ. Онъ усадилъ меня около себя и завелъ разговоръ на счетъ того, что̀ я думаю дѣлать, если онъ умретъ и какъ поступить съ оставшимся семействомъ. Мнѣ хотѣлось покончить этотъ тяжелый для насъ обоихъ разговоръ, тѣмъ болѣе, что я никогда не ожидалъ такъ близко стоящей смерти. Но отецъ настоялъ на своемъ, онъ продолжалъ разговоръ, надавалъ мнѣ нѣсколько весьма важныхъ совѣтовъ и въ одномъ отношеніи даже открылъ мнѣ глаза, сказалъ мнѣ то, чего онъ никому никогда по всей вѣроятности не говорилъ, да и виду не показывалъ. По большей части разговоръ шелъ о семьѣ и о близкихъ къ нему людяхъ. Разговоръ нашъ былъ прерванъ самымъ неожиданнымъ образомъ: замѣчаніемъ отца, что ему холодно. Я закуталъ его въ мѣховое одѣяло, но только что я

это сдѣлалъ, съ нимъ начался опять припадокъ болѣзни и, какъ обыкновенно, онъ просилъ меня выйти на свѣжій воздухъ, пока припадокъ не пройдетъ. Когда я вернулся черезъ нѣсколько минутъ, я нашелъ его безпомощно повалившимся на постели и чувствующимъ себя очень плохо. Я уложилъ его хорошенько, закуталъ и сѣлъ около него. Не прошло пяти минутъ, какъ онъ вынулъ изъ подъ одѣяла руку и, подавъ ее мнѣ, спокойно сказалъ: „посмотри, совсѣмъ холодная: смерть пришла!“ Я такъ испугался, что не зналъ, что̀ дѣлать, и помню, что я старался увѣрить его, что ему просто холодно. Также спокойно сказалъ онъ, чтобы я написалъ записку мамашѣ. Когда я сдѣлалъ это, онъ посадилъ меня около себя, просилъ взять Евангеліе, самъ назначилъ главу изъ Евангелиста и просилъ меня читать. Я началъ со словъ: „Пріидите ко Мнѣ вси труждающіеся и обремененніи и Азъ упокою вы“. Онъ нѣсколько разъ медленно перекрестился и затѣмъ сталъ внимательно слушать. Не знаю, долго ли я читалъ, помню только, что я не кончилъ главы, положилъ Евангеліе и сталъ около него. Далѣе въ порядкѣ не могу передать, такъ какъ самъ помню все какъ во снѣ. Онъ еще нѣсколько разъ перекрестился, прочелъ вслухъ „Отче нашъ“, „Нынѣ отпущаеши раба Твоего, Владыко“, и тихо спросилъ, послалъ ли я за мамашей. Замѣтивъ, что я потерялъ голову, онъ улыбнувшись сказалъ мнѣ: „не плачь обо мнѣ, голубчикъ! я сдѣлалъ все, что могъ; крестъ, данный мнѣ Богомъ, несъ терпѣливо и добросовѣстно; очистилъ себя посредствомъ таинства покаянія передъ выѣздомъ въ деревню, а потому смерти не боюсь и только прошу Господа дать мнѣ конецъ возможно менѣе мучительный“. Затѣмъ онъ заповѣдалъ мнѣ идти въ жизни всегда прямою дорогою, не смотря ни на какія препятствія. „Будь честенъ“, сказалъ онъ, благословивши меня. Послѣ этого начались предсмертныя страданія: онъ просилъ меня тереть въ своихъ рукахъ его холодныя руки, просилъ спустить его ноги съ кровати и подложить подъ спину подушку. Я сначала полагалъ, что это бредъ, но потомъ увѣрился, что онъ все время былъ въ памяти. Нѣсколько разъ онъ справлялся, не пріѣхала ли мамочка, и также спрашивалъ, отчего служанка, бывшая тутъ, не позволяетъ ему спустить на полъ ноги. Затѣмъ онъ началъ жаловаться, что ему душно, просилъ снять съ него все, отворить окошко, просилъ воздуха, говоря, что для него спасенья нѣтъ,— нужно только постараться облегчить его страданія. Во время страданій онъ все смотрѣлъ на образъ, висящій на стѣнѣ противъ его кровати. Наконецъ, онъ еще разъ спросилъ, не пріѣхала ли мамочка, и, получивъ отрицательный отвѣтъ, сказалъ: „скажи мамочкѣ, что я благословляю ее и дѣтей“. Затѣмъ, взглянувши послѣдній разъ на образъ, самъ безъ моей помощи, чего онъ раньше не могъ сдѣлать, повернулся лицомъ къ другой стѣнѣ, перекрестился, закрылъ глаза и сказалъ мнѣ: „не безпокой меня, дай мнѣ уснуть!“ и тяжело вздохнулъ.... Послѣ этого сдѣлалось такъ тихо, что я думалъ, не уснулъ ли онъ дѣйствительно. Долго ли все это продолжалось, не знаю: то, что я перечувствовалъ въ эти часы, не дай мнѣ Богъ испытать въ другой разъ. Мамочка, пріѣхавшая съ докторомъ, застала его уже бездыханнымъ. Отецъ умеръ 31-го

мая 1885 года въ 9 или 10 час. вечера. День этотъ не забуду я до конца моей жизни". Такая кончина по истинѣ блаженна, а по своей сознательности и христіанскому смыслу даже завидна. Лицо покойника, не смотря на предсмертныя страданія, было вполнѣ спокойно, пріятно и выражало какое-то возвышенное просвѣтлѣніе. Раннимъ утромъ 1 іюня тѣло его перевезено въ городъ. Въ гробу и на другой день лицо покойнаго сохраняло тоже выраженіе, которое въ минуту смерти было гораздо явственнѣе. Къ концу втораго дня черты лица уже нѣсколько осунулись, но не испортились на столько, чтобы исказить симпатичное выраженіе.

Смерть Филолога Васильевича очень огорчила всѣхъ. Какъ только вѣсть о его смерти распространилась по городу, то всѣ спѣшили поклониться праху усопшаго. Городскіе священники, движимые чувствомъ уваженія, по собственному побужденію приходили помолиться за его добрую душу и служили литіи. Губернаторъ тотчасъ извѣстилъ телеграммою Министра Народнаго Просвѣщенія, который разрѣшилъ выдать 300 руб. на похороны. 3 іюня вынесли тѣло въ Архангельскую церковь, которая стоитъ передъ самымъ домомъ Рудаковыхъ. Во время литургіи ректоръ духовной семинаріи П. Д. Головинъ произнесъ успокоительное для осиротѣвшей семьи слово, а послѣ отпѣванія директоръ гимназіи П. И. Пановъ произнесъ рѣчь, въ которой онъ охарактеризовалъ дѣятельность покойнаго. (Это была не первая заупокойная литургія по Филологѣ Васильевичѣ. Одинъ дальній родственникъ Филолога Васильевича, священникъ, пишетъ ему въ 1854 году: „Представьте, какое забавное происшествіе! Нашъ знакомый Евгеній Лазаревичъ Ф—въ, наслышавшись отъ кого-то о вашей смерти, извѣстилъ меня о семъ и я не умедлилъ отслужить четыре обѣдни о упокоеніи вашей души въ небесномъ чертогѣ. Чрезъ двѣ почты получилъ извѣстіе о противномъ, именно, что вы живы, здоровы и благополучны; и дай Господи! А за Богомъ молитва не пропадетъ". Съ тѣхъ поръ Филологъ Васильевичъ прожилъ еще 31 годъ). Похоронная процессія со множествомъ провожавшихъ представляла торжественный видъ, чему не мало способствовалъ прекрасный день: ясный, безоблачный и очень теплый, какихъ дней мало можно видѣть въ Тобольскѣ. Передъ гробомъ шли ученики губернской гимназіи, воспитанницы Маріинской школы, члены Тобольскаго городскаго управленія, члены Тобольскаго отдѣленія Императорскаго музыкальнаго общества, неся ордена покойнаго и роскошные вѣнки изъ живыхъ и искусственныхъ цвѣтовъ. Тогда еще не было запрещено нести вѣнки въ рукахъ и Филологъ Васильевичъ въ Тобольскѣ былъ послѣднимъ, которому выпала на долю эта честь. Вѣнковъ было нѣсколько: отъ гимназіи, отъ Маріинской школы, отъ городскаго общества, отъ музыкальнаго общества и отъ частныхъ лицъ. Тѣло покойнаго до могилы несли на рукахъ, а надъ могилой одинъ изъ учителей гимназіи произнесъ рѣчь, въ которой изобразилъ умершаго, какъ человѣка и семьянина. Послѣднія слова рѣчи были слѣдующія; „Преждевременная смерть похитила тебя у семьи, благодаря разнымъ невзгодамъ и тяжелымъ испытаніямъ. Но не одна только твоя семья осиротѣла; вмѣстѣ съ

ней осиротѣла и Сибирь, которой ты такъ честно и самоотверженно служилъ. Будь увѣренъ, что добрая и благодарная память о тебѣ въ нашихъ сердцахъ никогда не погибнетъ!“

Въ Губернскихъ Вѣдомостяхъ затѣмъ былъ напечатанъ некрологъ, въ которомъ сказано: „Во всѣхъ занимаемыхъ Филологомъ Васильевичемъ должностяхъ, какъ коронныхъ, такъ и общественныхъ, онъ выдавался, какъ хорошій администраторъ, опытный педагогъ и разумный хозяинъ. Служебнымъ обязанностямъ онъ предавался, можно сказать, до самозабвенія и, находясь уже въ отставкѣ, только не за долгое время до своей смерти отказался отъ занятій по дѣламъ городскаго общественнаго самоуправленія. Въ частномъ быту покойный былъ умный и пріятный собесѣдникъ, радушіемъ и хлѣбосольствомъ котораго до самой болѣзни его пользовалось все почти городское общество, безъ различія чиновъ и званій“.

Въ этомъ очеркѣ, кажется, довольно рельефно выступаетъ въ высшей степени симпатичный образъ Филолога Васильевича; намъ немного еще, но очень существеннаго, остается добавить. Какъ извѣстно, кромѣ недюжиннаго многосторонняго ума, солидной образованности, рѣдкаго педагогическаго таланта, онъ отличался еще и другими добродѣтелями, изъ которыхъ главныя, это—добрая инициатива и искреннее доброжелательство каждому не только на словахъ, но и на дѣлѣ. Его сердце было преисполнено любовью къ Богу, къ Царю, къ ближнему, а въ особенности къ тѣмъ, съ которыми его столкнула судьба. Это святое чувство и заставляло его тѣсно сближаться съ людьми, жить ихъ жизнью, сближать ихъ между собою, какъ членовъ одной семьи, и дѣлать ихъ лучшими, возбуждая въ нихъ общіе интересы, всѣмъ одинаково необходимые и оживляющіе отсталую жизнь этой отдаленной мѣстности, въ которой онъ подвизался.

Стремленіе къ полезной дѣятельности не покидало его до самаго конца жизни. Онъ уже умиралъ, а все-таки не переставалъ заботиться объ устройствѣ водопровода для алемасовскихъ мужиковъ. Желаніе служить ближнему у Филолога Васильевича проглядывало съ ранней молодости и затѣмъ постепенно выработывалось въ серьёзное убѣжденіе. Въ одной изъ ученическихъ тетрадокъ юноши—Филолога мы нашли его сочиненіе на заданную учителемъ Томской гимназіи тему „Объ успѣхахъ образованія въ Россіи“. Ученикъ Рудаковъ, будущій знаменитый сибирякъ, высказываетъ свой взглядъ на призваніе всякаго человѣка и на его первую обязанность—жить не для себя. Онъ разсуждаетъ такъ: „Образованнымъ человѣкомъ мы называемъ того, который, поступая по точнымъ и безошибочнымъ правиламъ жизни, достигъ той цѣли, для которой онъ сотворенъ Верховнымъ Существомъ, достигъ того назначенія, къ которому мы должны стремиться, повинуясь повелѣніямъ и законамъ Бога и Государя. Эта цѣль есть—быть полезнымъ другимъ; а полезными другимъ мы можемъ быть не иначе, какъ посвящая все время и всѣ труды на

поступки, заслуживающіе благодарности современниковъ и потомства. Если половина какого-либо народа достигла этой цѣли, то мы вовсе не можемъ ошибиться, назвавъ этотъ народъ образованнымъ. Слѣдственно, образованіе народа есть такая черта его, изъ которой мы видимъ, что всѣ члены его трудятся и приносятъ пользу другъ другу, а доставляя пользу другимъ, приносятъ пользу и себѣ, и такимъ образомъ доставляютъ счастіе и благоденствіе цѣлому государству". Такое прекрасное, данное съ раннихъ лѣтъ, направленіе принесло ожидаемый плодъ. И вотъ въ самомъ началѣ введенія къ своимъ „лекціямъ объ учрежденіяхъ", которыя онъ читалъ своимъ ученикамъ, когда уже былъ учителемъ въ воспитавшей его Томской гимназіи, вотъ что онъ говоритъ о цѣли существованія человѣка: „Всякій человѣкъ обязанъ заботиться о своемъ *физическомъ*, *умственномъ* и *нравственномъ* развитіи: это цѣль, для которой онъ созданъ Богомъ, цѣль, стремясь къ достиженію которой, онъ самъ по возможности приближается къ Божеству и становится въ дѣйствительности его образомъ и подобіемъ.—Въ самомъ дѣлѣ, заботясь о своемъ *физическомъ* развитіи, т. е. о пріобрѣтеніи и сохраненіи тѣлесныхъ силъ и крѣпости здоровья, онъ нѣсколько уже начинаетъ уподобляться Божеству—Существу, не знающему болѣзни, а тѣмъ болѣе смерти. Далѣе, заботясь о своемъ *умственномъ* развитіи, т. е. пріобрѣтая разнообразныя познанія въ наукахъ, искусствахъ и ремеслахъ, онъ пріобрѣтаетъ вмѣстѣ съ тѣмъ возможность производить много необходимаго, полезнаго, пріятнаго для себя самаго и подобныхъ себѣ, и такимъ образомъ онъ снова становится подобіемъ Божества, всевѣдущаго, всемогущаго и въ высшей степени разумнаго. Наконецъ, заботясь о своемъ *нравственномъ* развитіи, человѣкъ становится менѣе порочнымъ и болѣе добрымъ: вотъ новая и еще болѣе высшая степень подобія Божеству.—Но постоянно стремиться къ бо́льшему и бо́льшему всестороннему развитію человѣкъ можетъ только въ государствѣ. Только государство со своими учрежденіями можетъ доставить человѣку способы къ его развитію, да и существуетъ государство единственно только для доставленія этихъ способовъ". Такого рода плоды надлежащаго воспитанія и обученія продолжали зрѣть обильно въ теченіе всей жизни покойнаго. Если такъ, то про Филолога Васильевича можно въ наилучшемъ смыслѣ сказать слѣдующую русскую поговорку: каковъ въ колыбельку, таковъ и въ могилку,—потому что онъ съ юныхъ лѣтъ, хотя тогда онъ, конечно, не могъ еще отличаться полной самостоятельностью и прочностью мысли, и до самой гробовой доски, самобытно и уже вполнѣ сознательно совершая свой путь, придерживался этихъ взглядовъ и убѣжденій.

Исповѣданіе Бога православнаго и преданность Царю, государственной идеѣ, служенію которой онъ всегда готовъ былъ отдаться до самоотверженія, были самыми главными принципами его души, его жизни и дѣятельности. Видя въ другихъ шаткость понятій, отсутствіе тѣхъ нравственныхъ и религіозныхъ опоръ, [illegible] онъ самъ жилъ и дышалъ, Филологъ Васильевичъ понималъ и чувствовалъ, гдѣ причины непрочности и пороковъ переживаемаго

нами тяжелаго времени. Болѣе правильное воспитаніе и развитіе въ нашей имперіи, чѣмъ то, которое русскіе люди получаютъ въ настоящее время, могло бы намъ подать надежду на реформу нынѣшняго строя жизни и на нравственное возрожденіе наше въ скоромъ будущемъ. Этому много способствовали бы хорошія педагогическія силы. Потому то Филологъ Васильевичъ всѣми возможными мѣрами старался вездѣ вліять на подчиненныхъ ему педагоговъ, поставленныхъ въ нашемъ краѣ очень часто въ самыя неблагопріятныя условія, благодаря исторической жизни и теперешнему состоянію Сибири. Сибирскіе педагоги часто подпадаютъ вліянію недобрыхъ элементовъ, среди которыхъ вездѣ на всемъ пространствѣ восточной части нашей имперіи не мало ссыльнаго люда за всевозможныя преступленія и дурачества, дурно вліяющаго прежде всего на мѣстную молодежь. Будучи въ Иркутскѣ, Филологъ Васильевичъ имѣлъ въ рукахъ гораздо болѣе средствъ, чѣмъ въ Тобольскѣ, для моральнаго подъема учащихъ и учащихся. Зная, что исходный пунктъ, освящающій и направляющій всякую добрую дѣятельность человѣка, есть вѣра въ Бога Вѣчнаго и въ безсмертіе души, временно живущей на землѣ ради предварительнаго упражненія въ совершенствѣ, идеалъ котораго вѣрующіе найдутъ за гробомъ, Филологъ Васильевичъ на первомъ планѣ ставилъ религіозный вопросъ. Человѣкъ безъ вѣры не можетъ знать цѣли своего существованія и вѣчно будетъ блуждать, шататься, сбивая съ надлежащаго пути и другихъ. Громадное большинство педагоговъ нашего времени, включая сюда и извѣстныхъ въ педагогической литературѣ, всегда болѣе или менѣе вертятся вокругъ да около самаго основнаго вопроса для человѣка съ первыхъ лѣтъ его сознательной жизни, не задѣвая глубоко этого вопроса при изложеніи правилъ цѣлесообразнаго воспитанія и не приковывая къ нему воспитываемую по ихъ рецепту молодежь. Физическое и умственное развитіе у нихъ ведется и излагается по всѣмъ правиламъ науки и искусства, а развить и на всю жизнь согрѣть сердце и душу ребенка—это не входитъ въ задачу рекомендуемыхъ ими наставленій. А между тѣмъ эти вопросы для Филолога Васильевича составляли всю душу воспитанія и образованія человѣка. Вполнѣ сознавая въ себѣ высокую цѣну тѣхъ принциповъ, которыми онъ самъ руководился и которые, надо сказать, шли въ разрѣзъ съ эгоистическими убѣжденіями многихъ нашихъ современниковъ, онъ не могъ въ подвѣдомственной ему средѣ не открыть мирнаго похода противъ лжеученій вѣка, извращающихъ душу дѣтей, вселяющихъ въ нихъ отрицаніе и воспитывающихъ непадежныхъ сыновъ отечества. На скорую побѣду, конечно, разсчитывать нельзя было, но все-таки мѣстное общество педагоговъ хоть нѣсколько могло бы оглянуться на себя и лучше понять свое призваніе. Отличаясь самостоятельностью характера, Филологъ Васильевичъ имѣлъ кромѣ того не мало гражданскаго мужества (при тогдашнемъ настроеніи Иркутска) публично высказать свои задушевныя мысли о воспитаніи и совершенно открыть свою душу передъ всѣми. Вотъ почему однажды, на общемъ собраніи всѣхъ иркутскихъ педагоговъ, онъ въ слѣдующихъ словахъ картинно изобразилъ царящій нынѣ хаосъ

въ умахъ и убѣжденіяхъ русскаго общества:

„Предъ умственнымъ взоромъ моимъ постепенно исчезаетъ сословіе педагоговъ, среди которыхъ я имѣю честь присутствовать; исчезаетъ и вся окружающая насъ обстановка. Я переношусь мыслію куда-то далеко и предо мною начинаетъ обрисовываться иная, другаго рода, невеселая картина. Я вижу передъ собою огромную, безпорядочную, шумную, мятущуюся толпу. Въ ней вижу я полное разнообразіе костюмовъ, возрастовъ, половъ. Толпа, по временамъ, раздѣляется на отдѣльныя группы, но не надолго: группы эти то перемѣшиваются между собою, то нѣсколько отдѣльныхъ личностей переходятъ изъ одной группы въ другую. Общій хаосъ.

„Попробуемте для выясненія себѣ того, съ кѣмъ мы имѣемъ дѣло, сдѣлать этой толпѣ одинъ общій окликъ: „кто вы? какой вы вѣры?“ На этотъ вопросъ я слышу отвѣтъ изъ одной группы: „мы христіане“. Тотъ же отвѣтъ слышится и въ другихъ группахъ, но нѣкоторые высказываютъ этотъ отвѣтъ какъ-то неохотно, вполголоса, какъ будто боясь или стыдясь дѣлаемаго ими сознанія; кое-гдѣ начинаютъ дѣлать неясныя, какъ будто извиняющія ихъ дополненія къ этому опредѣленію и только немногіе отвѣчаютъ угрюмымъ молчаніемъ на предложенный вопросъ.

„Съ насъ довольно. Мы знаемъ, что всѣ члены этой толпы—христіане.

„ „Какіе они христіане!“ слышится вдругъ изъ отдѣльной группы въ обличеніе остальныхъ. „Они не исполняютъ почти ни одного изъ требованій христіянской религіи. Одно христіанское имя, данное имъ при крещеніи, еще не есть доказательство ихъ христіанства. Пусть докажутъ чѣмъ другимъ“.

„ „Не хотите ли вы, слышится желчный возгласъ другой группы, чтобы мы стали, подобно вамъ, доказывать наше христіанство большими крестами, земными поклонами, соблюденіемъ постовъ и т. п.? Фарисеи вы!“

„ „Нѣтъ, мы не фарисеи: мы вѣруемъ. Докажите вашу вѣру своими дѣлами, своимъ образомъ жизни.“

„ „А вашъ образъ жизни совершенно безупреченъ?“ слышится изъ третьей группы. За вами нѣтъ никакихъ грѣховъ? Они правду сказали, что вы—фарисеи.“

„Начинаются между спорящими взаимные попреки, обличенія въ разныхъ грязныхъ поступкахъ. Упреки и обличенія переходятъ въ рѣзкую брань.

„ „Мы не фарисеи“, еще разъ слышится возраженіе изъ толпы; „мы только согрѣшающіе христіане.“

„ „А мы стоимъ выше васъ по пониманію. Мы цѣнимъ христіанство только потому, что истины, которыя оно проповѣдуетъ, не противорѣчатъ началамъ общей нравственности; но самая нравственность выше христіанства, потому что въ ней нѣтъ никакихъ посторонніхъ примѣсей.

„ „Какія же это примѣси?“

„ „Ну, хоть ваше ученіе о чудесахъ. Чудесъ пѣтъ; одни изъ вашихъ чудесъ дѣло случая, другія мы объясняемъ законами природы, а въ дѣйствительность третьихъ мы не вѣримъ.“

„ „Почему же одни изъ чудесъ вы считаете дѣломъ неразумнаго случая, а не дѣломъ разумнаго Бога? Откуда взялись ваши законы природы? Чѣмъ докажете вы несуществованіе чудесъ? По вашему и весь видимый благоустроенный міръ—дѣло случая. Такъ значитъ Тотъ, Кого вы хульно называете случаемъ, Онъ то и есть высшій разумъ, Онъ то и есть Тотъ, Кого мы называемъ Богомъ".

„ „Что слушать ихъ? Они просто мрачные обскуранты".

„Новые взаимные попреки, новая усиленная брань.

„ „Какіе они проповѣдники нравственности!" налетаетъ съ шумомъ на спорящихъ новая толпа. „Какая у нихъ нравственность! У нихъ все позволено, все, что только на руку ихъ животнымъ инстинктамъ. Посмотрите, до чего они довели нашихъ женъ, нашихъ дочерей".

„ „Что же? возражаютъ нѣкоторые съ торжествующей чувственной улыбкой. Мы проповѣдники свободы и естественныхъ натуральныхъ отношеній. Naturalia non sunt pudenda".

„ „Да это языческое выраженіе".

„Одни изъ женщинъ въ толпѣ стараются улыбаться, другія со стыдомъ закрываютъ лица, третьи плачутъ.

„ „Мы желаемъ добра народу", говорятъ нѣкоторые хвастливымъ самодовольнымъ тономъ: „Мы желаемъ, чтобы не было ни богатыхъ, ни бѣдныхъ: давайте отберемъ у богачей ихъ богатство и подѣлимъ между остальными.— Вѣдь и Христосъ училъ дѣлиться богатствомъ съ бѣдными", прибавляютъ нѣкоторые съ насмѣшливымъ тономъ. Значитъ и Онъ"....

„ „Не смѣйте договаривать вашей хульной фразы, прерываютъ ихъ изъ другой толпы. Не приписывайте Христу вашихъ скверныхъ ученій. Онъ училъ не отбирать у другихъ, а говорилъ тѣмъ, кто желаетъ быть образцомъ совершенства, чтобы они по собственной волѣ дѣлили свое имущество съ бѣдными. Это ли ваше ученіе"

„Новые усиленные взаимные попреки въ любостяжаніи, въ желаніи жить на чужой счетъ, въ безчестной наживѣ, въ воровствѣ и грабительствѣ.

„ „Нѣтъ, раздается новый крикъ. Послушайте, что они сдѣлали изъ нашихъ дѣтей!"

„И какъ бы въ отвѣтъ на этотъ возгласъ слышится изъ толпы голосъ юношей, которымъ вторятъ и дѣти: „Мы хотимъ быть умнѣе нашихъ отцовъ. Давайте намъ положительныя знанія: всякій сапожникъ полезнѣе поэта!"

„Кто-то изъ взрослыхъ добавляетъ къ этому: „Да, дѣти только тогда должны уважать родителей, если родители были имъ полезны".

„ „Что за уваженіе? является новый возражатель. Все рутина!"

„Начинаются сличенія человѣка съ животными, приводятъ образцы любви животныхъ къ дѣтямъ.—Въ разныхъ мѣстахъ толпы слышатся скорбные вопли и стоны; нѣсколько матерей падаютъ въ обморокъ.

„ „Что дали вы намъ, вскрикиваютъ нѣсколько молодыхъ, но уже увядшихъ женщинъ, выдѣлившихся изъ толпы, что дали вы намъ взамѣнъ всего,

что принесли мы въ жертву вашему ученію? Гдѣ взять намъ душевное спокойствіе? Какая впереди у насъ будущность? Кому мы нужны, для кого мы дороги?"

„„Такъ умрите, коли ваше время прошло", слышатъ онѣ холодный отвѣтъ.—Новые вопли, стоны, раздирающіе душу. Раздаются выстрѣлы и нѣсколько женщинъ падаютъ жертвами самоубійства.

„„Умно сдѣлали", слышится злобный отвѣтъ на эти выстрѣлы.

„„Но они не имѣли права распоряжаться своею жизнію, являются возражатели. Всѣ авторитеты древняго и новаго міра учили терпѣнію въ несчастіяхъ".

. . . . . .

„Въ эту минуту предъ шумною, волнующеюся толпою показывается вдали чей-то свѣтлый образъ. Онъ тихо приближается и по мѣрѣ его приближенія вся толпа затихаетъ. Тяжелый, грубый крестъ Онъ несетъ на Своихъ плечахъ; руки и ноги Его носятъ на себѣ раны отъ пробитыхъ сквозь нихъ гвоздей; на челѣ Его струятся капли крови отъ втиснутаго на Его голову терноваго вѣнца; щека Его еще горитъ отъ чьего-то тяжкаго удара; на головѣ Его багровые рубцы отъ безчеловѣчныхъ ударовъ, нанесенныхъ Ему тростью. Онъ весь покрытъ ранами, но раны эти не умаляютъ, а возвышаютъ божественную красоту Его страдальческаго лица. Онъ весь—величіе и кротость. Божественный взоръ Его горитъ страданіемъ и безпредѣльной любовью ко всѣмъ, къ кому онъ обращается. По мѣрѣ приближенія Его, безпорядочная мятущаяся толпа затихаетъ. Приблизившись, Онъ такъ начинаетъ говорить:

„„Столько времени Я съ вами, а вы все еще не знаете Меня. Сколько разъ хотѣлъ Я собрать васъ, какъ птица собираетъ птенцовъ своихъ подъ крылья, а вы не захотѣли. Скорблю о васъ: вы точно овцы изнуренныя и разбросанныя, у которыхъ нѣтъ пастуха. О чемъ вы состязаетесь между собою?

„„Я не былъ врагомъ ученія и науки. Въ отроческомъ возрастѣ Я самъ сидѣлъ среди учителей, слушая ихъ и предлагая имъ свои вопросы, весь отдавшись этому ученію въ то время какъ родители мои со скорбію искали Меня, не зная, гдѣ Я. Въ зрѣломъ возрастѣ Я не уклонялся отъ разрѣшенія всѣхъ обращаемыхъ ко Мнѣ вопросовъ, которые называете вы нынѣ богословскими, государственными и соціальными. И теперь говорю вамъ: будьте мудры, какъ зміи, но и незлобивы, какъ голуби.

„„Но то, что называютъ истинами человѣческой науки, часто впослѣдствіи оказывалось и будетъ оказываться неистиннымъ. Но Я свѣтъ истинный, просвѣщающій всякаго человѣка. Я путь, и истина, и жизнь. Вложите себѣ въ уши эти слова. Истинно, истинно говорю вамъ: небо и земля перестанутъ существовать, слова же Мои останутся неизмѣнными. Я вамъ истину говорю, а вы не вѣрите Мнѣ. Кто изъ васъ обличитъ Меня въ неправдѣ? Если же Я говорю истину, почему вы не вѣрите Мнѣ? Почему не понимаете бесѣды

Моей? Не потому ли, что не хотите или не можете слышать слова Моего?-- Дайте дѣтямъ возможность приходить ко Мнѣ и не препятствуйте имъ: потому что имъ принадлежитъ царствіе Божіе. Да и сами вы, если не будете, какъ дѣти, не войдете въ царство небесное. Но помните слово, которое Я сказалъ вамъ: горе тому человѣку, который совратитъ хоть одного изъ дѣтей; лучше было бы, еслибы навѣсили ему на шею мельничный жерновъ и утопили въ морской глубинѣ.—Не Я ли говорилъ вамъ: не будьте какъ лицемѣры, которые любятъ въ общественныхъ собраніяхъ и на углахъ улицъ, останавливаясь, молиться, или во время поста принимать на себя мрачныя лица, чтобъ только показаться передъ людьми. Они выказываютъ себя праведниками передъ людьми; но Богъ знаетъ сердца ихъ и что высоко передъ людьми, то мерзость предъ Богомъ. Но Я же училъ васъ: безпрестанно молитесь и кто постыдится Меня или Моихъ наставленій передъ народомъ этимъ развратнымъ и грѣшнымъ, и Я постыжусь его предъ Отцемъ Моимъ. Горе вамъ, если затворивши царство небесное для людей, и сами не входите, и желающихъ войти не пускаете. Горе вамъ, если возлагаете на плечи людей бремена тяжкія и неудобоносимыя, а сами и пальцемъ не хотите двинуть ихъ. Не такъ училъ Я васъ: Приходите ко Мнѣ всѣ трудящіеся и обремененные и Я успокою васъ. Я кротокъ и смиренъ сердцемъ. Мое иго благо, Мое бремя легко. Вотъ Моя заповѣдь: любите другъ друга и по этому узнаютъ всѣ, что вы Мои ученики, если будете имѣть любовь между собою.— Берегитесь ученій съ закваскою фарисейскою. Берегитесь волковъ хищныхъ. надѣвающихъ на себя овечьи шкуры. Вы можете узнать ихъ по плодамъ ихъ ученій.—Не смущайтесь, если встрѣтите соблазны: соблазнамъ необходимо прійти. Но не спѣшите осуждать, чтобы судъ не былъ произнесенъ надъ самими вами. Вотъ женщина обвиняемая вами въ развратѣ. Такъ пусть тотъ изъ васъ, кто не виноватъ въ грѣхѣ, пусть онъ первый броситъ въ нее камень. Вы желаете свободы: если пребудете въ словѣ Моемъ, то познаете истину и истина сдѣлаетъ васъ свободными. Если Сынъ человѣческій освободитъ васъ, то истинно свободны будете.—Вы же, несчастные безумцы, налагающіе на себя руку въ тяжкія минуты, лучше бы вамъ не родиться. Зачѣмъ не припомнили вы тѣ минуты, когда въ саду Гефсиманскомъ душа Моя скорбѣла смертельно, когда затѣмъ подъ тяжкими страданіями на крестѣ Я взывалъ: Боже мой, зачѣмъ Ты Меня оставилъ? и наконецъ ту страшную минуту предсмертной агоніи, когда Я могъ выговорить только: „жажду“.—Ты же, малое избранное стадо, не бойся, потому что Отецъ вашъ благоволилъ дать вамъ царство. Бодрствуйте и молитесь, чтобы не впасть въ искушеніе. Кто не противъ насъ, тотъ за насъ. Если ученики Мои умолкнутъ, то камни возопіютъ. Да не смущается сердце ваше: вѣруйте въ Бога и въ Меня вѣруйте!“ —Но кто это незваный и невидимый ходитъ здѣсь между нами? Ужъ не Тотъ ли, чье имя мы неоднократно произносили и кто говорилъ, что если два или три человѣка соберутся во имя Мое, Я буду посреди ихъ? Ужъ не Тотъ ли, чьи слова я сейчасъ прочиталъ передъ вами?.. Не билось ли уча-

щеннымъ трепетомъ ваше сердце, когда вы слушали Его слова? Не чувствуете ли вы и теперь, не шевелится ли отъ благоговѣйнаго ужаса волосъ на головѣ вашей по мѣрѣ Его приближенія? Если такъ, Христосъ посреди насъ. Въ сознаніи Его божественнаго присутствія не встать ли намъ съ мѣстъ своихъ, намъ, взявшимся въ слѣпотѣ своей за рѣшеніе великой, обширной, но уже рѣшенной Имъ задачи, и не закричать ли Ему вмѣстѣ съ евангельскимъ слѣпцомъ: Іисусе, Сыне Давыдовъ, помилуй насъ!"

Право, послѣ этихъ словъ, по нашему мнѣнію, кажется, встрепенулось и умилилось бы и самое черствое сердце невѣрующаго педагога, служащаго ради жалованья и удовольствій. У него совѣсть пробудилась бы!.. Онъ примѣрилъ бы свою жизнь и дѣятельность къ услышаннымъ изъ устъ своего начальника евангельскимъ словамъ и сообразилъ бы въ своемъ умѣ плоды воспитанія имъ молодежи. Филологъ Васильевичъ съумѣлъ издалека подойти къ главному вопросу своей глубокой темы, исповѣданію Спасителя нашего и божественности Его ученія, безъ чего всегда будетъ царить и усиливаться нынѣшній хаосъ высшаго моральнаго міросозерцанія человѣчества. Филологъ Васильевичъ видимо разсчитывалъ на то впечатлѣніе, которое произведутъ его слова, но, къ сожалѣнію, нашлись же такія жесткія и каменныя сердца, которыя, выйдя изъ этого памятнаго собранія, улыбались словамъ Филолога Васильевича. Маститый ихъ начальникъ, видите ли, на старости лѣтъ пересталъ быть современнымъ практическимъ человѣкомъ (живущимъ ради желудочныхъ интересовъ—вѣроятно не добавили они) и ударился въ богомольство, въ ханжество. На эти слова почти не стоитъ отвѣчать. Кто этого не прочувствовалъ, тотъ, конечно, не пойметъ сказаннаго, но Филологъ Васильевичъ вѣровалъ въ Тріединаго Бога, вѣровалъ въ Сына человѣческаго и не стыдился исповѣдывать Его открыто. Будучи такимъ образомъ ученикомъ Христа, онъ съ убѣжденіемъ могъ сдѣлать у себя слѣдующую „христіанскую замѣтку": „Спаситель сказалъ: о семъ разумѣютъ вси, яко Мои ученицы есте, аще любовь имате между собою". А въ смутный періодъ либеральныхъ вѣяній всѣ и вся вступили въ борьбу между собою, всѣ пустились обличать другъ друга, всѣ озлобились одинъ на другаго. Изчезъ духъ любви на Руси, а вмѣстѣ съ тѣмъ исчезло довѣріе, а вслѣдъ затѣмъ и уваженіе къ власти.—„Гдѣ же въ насъ, русскихъ, восклицаетъ авторъ этой замѣтки, та отличительная примѣта, на которую указалъ Христосъ, какъ на такую, по которой можно сейчасъ же узнать Его учениковъ?" Что онъ не былъ ханжей, это замѣтно изъ нашего очерка, а здѣсь скажемъ, что пустосвятное ханжество не вызвало бы выраженныхъ въ письмахъ къ нему чувствъ, которыя и доказываютъ, что этотъ „духъ любви", нынѣ исчезнувшій на Руси, Филологъ Васильевичъ разливалъ всюду и всѣхъ безъ различія званія нравственно поддерживалъ. „Спасибо вамъ, пишутъ ему, больше—русское спасибо за ту нравственную поддержку, которую вы оказали намъ. Она неоцѣнима: ее не купишь ни за какія деньги, до гроба нельзя забыть ее!" А слѣдующее небольшое письмо П. Мелькова, тюменскаго приходскаго учителя, много намъ скажетъ. На такихъ

„мелкихъ сошекъ“, какъ Мельковъ, обыкновенно смотрятъ свысока, не смотря на то, что между ними попадаются и дѣльные. Мельковъ прислалъ изслѣдованіе о частныхъ школахъ грамотности. Статья оказалась интересною, потому что проливала нѣкоторый свѣтъ на затрогиваемое ею темное царство. Филологъ Васильевичъ велѣлъ напечатать ее въ губернскихъ вѣдомостяхъ и вознаградилъ автора. Послѣдній такъ благодаритъ его: „Сознавая вполнѣ ваше вниманіе къ моему труду, я не въ силѣ выразить на бумагѣ того чувства благодарности къ вамъ, которымъ наполнено мое сердце. Но вѣрьте, вѣрьте мнѣ, добрый мой начальникъ, что до тѣхъ поръ, покамѣсть будетъ биться сердце во мнѣ, я не забуду васъ! Вы обратили вниманіе на мой трудъ, вы вознаградили этотъ трудъ, вы обрадовали цѣлое семейство—старуха, мать моя, пролила не одну слезу благодарности и не одинъ поклонъ Всемогущему Богу воздастъ за васъ и семейство ваше вся семья бѣднаго учителя. Будьте же увѣрены, Филологъ Васильевичъ, что любовь къ наукѣ, терпѣніе и трудъ, для пользы ввѣренныхъ мнѣ дѣтей постоянно подкрѣпляли мои силы—теперь же тѣмъ болѣе я постараюсь не потерять вашего благосклоннаго вниманія ко мнѣ, которое всегда было для меня неоцѣнимо. Да вознаградитъ васъ Богъ, да пошлетъ вамъ и семейству вашему счастія и здоровья“.

На всемъ пути долголѣтней дѣятельности Филолога Васильевича вѣра въ Бога у него шла рука объ руку съ закономъ государственнымъ, преподаваніе котораго было его 13-ти-лѣтнею спеціальностію въ Томскѣ. Согласно своимъ вѣрованіямъ и взглядамъ на эти, всегда сохраняющіе свое важное значеніе, вопросы, онъ поучалъ и своихъ учениковъ. Вотъ убѣдительные образчики его лекцій по законовѣдѣнію, которое онъ умѣлъ сдѣлать вполнѣ содержательнымъ предметомъ. Оканчивавшимъ курсъ въ Томской гимназіи онъ, желая указать „ту дорогу, по которой они должны слѣдовать“, однажды сказалъ: „Преподаваніе законовѣдѣнія въ гимназіяхъ не имѣетъ другой цѣли, какъ приготовить изъ васъ полезныхъ гражданъ вообще и полезныхъ чиновниковъ въ особенности. Потому, думаю, что теперь, когда вы стоите уже одною ногою на порогѣ нашего заведенія, всего приличнѣе поговорить вамъ о тѣхъ отношеніяхъ, въ какихъ долженъ находиться каждый подданный къ своему государству, каждый служащій къ своему отечеству.

„Прежде всего хочу говорить съ вами объ обязанностяхъ каждаго гражданина, каждаго члена государства вообще.

„Первое мѣсто въ кругу этихъ обязанностей занимаютъ отношенія къ Богу. Вѣра въ Бога есть утѣшеніе въ горестяхъ земной жизни, когда сердце болѣзненно сжимается въ страданіяхъ міра. Эти горести должны существовать въ жизни, какъ средства сдѣлать человѣка лучшимъ. Религія, нравственность и законъ никогда не должны расходиться.

„Вторая обязанность заключается въ отношеніи къ верховному лицу, Государю. Идеи Запада, какъ вѣтеръ изъ зачумленной страны, разносятъ съ собою смерть и разрушеніе добрыхъ началъ. Западныя государства далеко ушли отъ насъ въ образованіи, но доказали на опытѣ, что и образованіе,

какъ все человѣческое, имѣетъ свою дурную сторону. Увлекшись мечтаніями о счастіи, они забываютъ, что нѣтъ на землѣ полнаго совершенства, что счастіе въ Богѣ. Самъ Спаситель училъ насъ обязанностямъ въ отношеніи къ царю, самъ Онъ, чистѣйшая истина, исполнялъ эти обязанности, какъ членъ государства. И такъ, еслибы кто-нибудь указалъ вамъ на республику, какъ на образецъ государства, то лучшимъ отвѣтомъ вашимъ пусть будетъ то, что Россія, какъ монархія, существуетъ спокойно почти тысячу лѣтъ, между тѣмъ какъ всѣ республики скоротечны. И не одна Россія, и республики безпрестанно колеблются.

„Начала чести пусть будутъ выше всего, и потому никто пусть не упрекаетъ васъ въ чемъ-либо безчестномъ. Будьте разборчивы въ честности способовъ пріобрѣтенія. Не поставляйте выше всего богатства. Матеріальное богатство есть Божій даръ, но онъ не долженъ быть злоупотребляемъ. Какъ употреблять его, васъ учитъ религія и попробуйте испытать удовольствіе благодѣянія, въ особенности втайнѣ: чѣмъ больше ваше пожертвованіе, тѣмъ выше наслажденіе.

„Наконецъ любовь чистая, христіанская любовь пусть будетъ неизмѣннымъ сопутникомъ вашей жизни.

„Исполняя эти обязанности, общія для всѣхъ членовъ государства, вы должны помнить, что вступая на государственную службу вы принимаете на себя новыя обязанности.

„Первая обязанность каждаго служащаго есть полное сознаніе своего долга. Не смотрите на службу и на получаемое по службѣ денежное вознагражденіе, какъ на средство пріобрѣтать деньги, богатство. Жалованье за службу не есть полное вознагражденіе: есть заслуги, которыя не могутъ быть оцѣнены деньгами—это есть только обезпеченіе существованія служащаго. Итакъ, доведите себя до такого состоянія, чтобы вы могли, положа руку на сердце, сказать, что вы служите не для денегъ и что, еслибы вы имѣли возможность служить безъ жалованья, то всетаки стали бы служить и безъ жалованья, что вы служите потому, что хотите быть полезны своему отечеству, потому, что хотите служить.

„Ревностное исполненіе возложенныхъ обязанностей и стараніе о государственной пользѣ должны составлять вторую вашу обязанность; напоминаю вамъ объ этомъ потому, что нѣкоторыхъ изъ вашихъ товарищей, уже находящихся на службѣ, начальники упрекаютъ въ недостаткѣ этой ревности; а вы знаете, что, по слабости человѣческой, дурное всегда болѣе бросается въ глаза, чѣмъ хорошее, и потому, судя по нѣкоторымъ нерадивымъ, заключаютъ о всѣхъ. Постарайтесь въ этомъ случаѣ чаще вспоминать слова клятвеннаго обѣщанія, которое вы будете давать, поступая на службу—вѣрно и нелицемѣрно служить и во всемъ повиноваться, не щадя живота своего до послѣдней капли крови.

„Проходя поприще гражданской службы, вы, со временемъ, можетъ быть, займете такія должности, гдѣ отъ васъ будетъ зависѣть участь другихъ лицъ,

между которыми могутъ иногда находиться и преступные злодѣи и невинно угнетенные. И здѣсь-то предстанетъ вамъ искушеніе, которое одолѣваютъ очень немногіе: говорю о страшномъ злѣ, которое до сихъ поръ тщетно старается уничтожить правительство—говорю о взяточничествѣ. Примѣры оправданія злодѣевъ нерѣдки. Оправдывающіе утѣшаются тѣмъ, что они сдѣлали ему добро. Жалкое оправданіе! Добро ли это, да если и добро для одного человѣка, то добро ли для государства, которому они служатъ? Да и что это за добро, которое дѣлается за деньги? Что касается до обвиненія невинныхъ, то я не знаю, какъ назвать людей, рѣшающихся на этотъ низкій поступокъ. Не хочу и думать, чтобъ вы были въ состояніи рѣшиться на такой поступокъ, но разскажу вамъ примѣръ, заслуживающій полнаго вашего презрѣнія. —Говоря объ этихъ искушеніяхъ, я приведу вамъ отрывокъ изъ одного письма лица, знаменитаго въ нашей Сибирской исторіи—Сперанскаго. „Христосъ есть глава и начало всякаго порядка естественнаго и гражданскаго. Воюя съ злоупотребленіями гражданскими, мы тѣмъ не менѣе воюемъ подъ Его знаменами, ибо врагъ нашъ есть одинъ и тотъ-же, князь тьмы вѣка сего, у коего всегда и вездѣ славно отнять хотя одно перо изъ чернаго крыла его. Мысль сія часто меня утѣшаетъ, нѣтъ средины: кто не Крестный Рыцарь, тотъ Донъ-Кишотъ на семъ свѣтѣ".

„Memento mori, сказалъ какой-то изъ древнихъ мудрецовъ. Вотъ лѣкарство, вотъ оружіе противъ зла. Говорятъ, что разставаться съ жизнью тяжело, что въ глазахъ нашихъ проходитъ все сдѣланное нами. И что же, если человѣкъ въ эту минуту сознаетъ, что онъ жилъ даромъ, не исполнилъ своего призванія, нисколько не достигъ своего назначенія. И вообще человѣку тяжело сознаваться въ своемъ ничтожествѣ, а въ эту минуту еще болѣе.

„Итакъ, наступила пора, когда оканчиваются о васъ заботы и попеченія правительства: до сихъ поръ оно старалось о васъ, не требуя отъ васъ ничего. Теперь пришла пора расплаты за всѣ эти старанія и пожертвованія. Съ любовію и надеждою обращаются на васъ взоры начальства; постарайтесь же оправдать его ожиданія и тѣмъ доставить честь нашему заведенію, честь самимъ себѣ, честь имени русскихъ!" Въ другое время такъ разсуждаетъ Филологъ Васильевичъ передъ своими томскими же учениками: „Назадъ тому два года, приступая къ преподаванію курса законовѣденія, я старался показать вамъ, что законы составляютъ силу верховной власти, посредствомъ которой устроивается и поддерживается порядокъ, существующій въ государствѣ. Исходя отъ верховной власти и имѣя обязательную силу для всѣхъ, законы указываютъ каждому кругъ правъ его и обязанностей.—Пробѣгите же въ мысляхъ вашихъ пройденныя вами части законовѣденія, и повѣрьте, какъ въ дѣйствительности подтверждается это значеніе законовъ. Излагая основные законы, я говорилъ вамъ, что верховная власть есть источникъ жизни для государства, есть душа его, безъ которой государство существовать не можетъ, —и вы видѣли, какимъ образомъ нашими основными законами ограждено постоянное существованіе государства: вы знаете, что верховная власть не

умираетъ, хотя олицетворена въ монархѣ, человѣкѣ смертномъ. Законы о престолонаслѣдіи показали вамъ, что въ самую минуту кончины монарха, власть его переходитъ къ наслѣднику: такимъ образомъ государство можетъ скорбѣть отъ понесенной потери, но оно живо, организмъ его цѣлъ. Если верховная власть есть душа государства, то въ ней должны соединяться всѣ способности цѣлаго государства, потому что организмъ и душа находятся между собою въ неразрывной связи и гармоніи,—и вы видѣли изъ основныхъ законовъ, какъ эта истина осуществляется въ примѣненіи ея къ Монарху россійскому. Права и обязанности россійскаго Самодержца вытекли изъ коренныхъ убѣжденій россійскаго народа. Мы сознаемъ, что Монархъ есть олицетвореніе идеи божества на землѣ, что онъ долженъ быть поставленъ надъ подданными, какъ Богъ надъ міромъ,—и вотъ основные Законы говорятъ намъ, что на землѣ нѣтъ высшей, а въ Россіи нѣтъ равной власти той, какая принадлежитъ россійскому Монарху. Какъ Императоръ, онъ стоитъ въ ряду первыхъ коронованныхъ особъ на землѣ, какъ Государь въ своей землѣ, онъ неограниченъ. Дѣйствія его, какъ лица самодержавнаго, не подлежатъ суду человѣческому, но единственно суду Божію, непосредственною рукою Котораго онъ, какъ помазанникъ, поставленъ на царство.—Далѣе, народъ русскій, въ которомъ лежитъ вся коренная могучая сила государства, уже около 900 лѣтъ исповѣдуетъ вѣру православную,—и вотъ основные Законы говорятъ намъ, что Государь россійскій не можетъ исповѣдывать другой вѣры, какъ православной: эту вѣру мы приняли отъ предковъ, въ ней рождены и воспитаны; въ ней находили мы силу переносить тяжесть монгольскаго ига: въ нѣдрѣ же православной церкви мы нашли возможность высказать нашъ восторгъ, когда Россія возвысилась могучимъ великаномъ въ то время, когда вся Европа была подавлена желѣзною волею Наполеона, когда всѣ мы, дѣйствительно, убѣждены были, что съ нами Богъ, потому что предъ нами покорилась и пала могучая сила, двигавшая народами, и потому-то славу эту мы приписывали не себѣ, а великому имени Бога православной земли русской. Такимъ образомъ основные законы упрочиваютъ жизнь государства въ самомъ его корнѣ и ограждаютъ спокойствіе и благосостояніе подданныхъ.—Но перейдемъ къ другимъ извѣстнымъ вамъ частямъ законовѣденія.

Учрежденія, указавъ вамъ организмъ посредствующаго государственнаго управленія (посредствующаго, говорю въ томъ смыслѣ, что оно истекаетъ отъ верховной власти), учрежденія показали вамъ, какимъ образомъ вліяніе верховной власти осязательнымъ образомъ разлито по цѣлому государству, чрезъ органы, изъ которыхъ каждый имѣетъ свое назначеніе, свое сообразное съ потребностями устройство, свою силу. Общая цѣль всѣхъ этихъ установленій —оградить права подданныхъ, упрочить ихъ благосостояніе, дать имъ возможность легко и свободно идти къ высокой цѣли существованія человѣка—всестороннему развитію. Вы знаете, что полицейскія мѣста постоянно смотрятъ за неприкосновенностію вашихъ правъ, судебныя—возстановляютъ нарушенныя права ваши и на основаніи разумныхъ началъ указываютъ каждому

предѣлъ его личной и имущественной свободы, наконецъ—казенныя доставляютъ государству матеріальныя средства, дающія возможность осуществлять предположенія, невозможныя для частнаго лица, мало того, невозможныя для цѣлыхъ совокупныхъ обществъ частныхъ лицъ и возможныя только въ государствѣ. Итакъ, учрежденія составляютъ силу верховной власти, приводящую въ движеніе весь государственный организмъ".

Такое вполнѣ осмысленное преподаваніе законовѣдѣнія не въ видѣ сухаго перечня разныхъ законоположеній, а какъ необходимое, имѣющее плоть и кровь, гражданское знаніе, кромѣ пользы ничего, конечно, не могло принести. Какъ дорогъ такой учитель! Онъ умѣлъ сдѣлать столь пригоднымъ предметъ, который впослѣдствіи былъ найденъ негоднымъ въ гимназіи и отмѣненъ! Это была тогда одна изъ лучшихъ сторонъ обученія и воспитанія, по крайней мѣрѣ, въ Томской гимназіи. А въ гимназіяхъ нашихъ дней что у насъ дѣлается? Хотя законъ Божій преподается въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ, однако связь его съ закономъ человѣческимъ, жизнью и наукой не поддерживается прочими преподаваемыми предметами. Филологъ Васильевичъ предусматривалъ могущія произойти отсюда аномаліи; дѣйствительно недостатковъ въ такомъ предусмотрѣніи съ его стороны не оставалось, и намъ вполнѣ понятны тѣ неподдѣльныя чувства, которыя питали къ нему его ученики, какъ видно изъ ихъ писемъ къ своему доброму наставнику. Филологъ Васильевичъ и отъ своихъ сослуживцевъ получалъ искреннія выраженія благодарности за то неотразимое нравственное вліяніе, которое онъ имѣлъ на нихъ. Слѣдующая выдержка изъ одного письма лучше объяснитъ наши слова: „Ваше благосклонное вниманіе ко мнѣ съ самаго начала моей службы заставило меня видѣть въ васъ, Филологъ Васильевичъ, не суроваго начальника, а втораго отца роднаго. Своимъ добрымъ и любящимъ сердцемъ вы заставите каждаго познать самого себя и кополнить въ себѣ то, чего не могъ человѣкъ пріобрѣсти,—словомъ, вы способны заставить его дѣлаться лучшимъ".

Мы видимъ, что Филологъ Васильевичъ на первыхъ же порахъ своей педагогической дѣятельности въ Томскѣ обладалъ уже драгоцѣннымъ талантомъ воспитанія и обученія молодыхъ умовъ и сердецъ. Въ теченіе 13-ти лѣтней службы въ Томской гимназіи онъ достаточно напрактиковался, чтобы съ честью вести свое дѣло въ Тобольской дирекціи. Тѣмъ не менѣе при назначеніи на новую должность болѣе широкихъ размѣровъ и болѣе отвѣтственную передъ Богомъ, онъ обратился за совѣтомъ къ своему давнишнему другу, который отвѣчалъ ему слѣдующее: „Вы были такъ скромны, что просили моего совѣта въ великомъ дѣлѣ воспитанія юношества. Да, дѣйствительно великое это дѣло и слишкомъ гордо и дерзко было бы человѣку надѣяться достигнуть цѣли его человѣческими средствами. Еслибы легко это было, въ такомъ случаѣ для исправленія людей (въ чемъ и состоитъ воспитаніе) не нужно было бы Сыну Божію сходить на землю и страдать за людей на крестѣ. Видно Богъ самъ не находилъ никакой методы, достаточной для воспитанія человѣчества естественными средствами. Отъ того-то, если изволите помнить,

мнѣ и казались смѣшными всѣ исключительныя методы съ гордыми увѣреніями, что они-то и преобразуютъ все человѣчество. Отъ того-то я и стоялъ всегда за тѣ методы, какія предлагаются церковію, на основаніи слова Божія. Итакъ, по моему, нужно, во первыхъ, самимъ воспитателямъ молиться, и непрестанно и усердно молиться, чтобы Самъ Господь Духомъ Своимъ Святымъ вѣрою просвѣтилъ питомцевъ и вложилъ въ сердца ихъ страхъ Божій, начало всякой премудрости; а во вторыхъ, самихъ воспитанниковъ больше всего располагать къ молитвѣ, стараясь въ то же время какъ можно чаще возводить сердца ихъ къ Богу возбужденіемъ въ нихъ страха Божія. Если все это въ нихъ будетъ, нравственность сама собою явится, какъ необходимое слѣдствіе. А безъ этого разсчитывать на нравственность значитъ разсчитывать на плоды безъ предварительнаго цвѣтенія. Но и тутъ на перевоспитаніе всѣхъ надѣяться нельзя, потому что широкимъ путемъ во дно адово всегда будетъ идти больше, чѣмъ тѣсными вратами въ царство Божіе. При донынѣшнихъ условіяхъ такова судьба падшаго человѣчества! Съ іюня мѣсяца (1862 г.) я занимаюсь воспитаніемъ язычниковъ. Чего бы кажется легче, какъ убѣдить какого-нибудь шаманца перемѣнить грубое суевѣріе на непреложную истину христіанства, а опытъ и тутъ говоритъ противъ нашей гордости и самонадѣянности. Да, не много нужно было мнѣ времени для того, чтобы всею душою прочувствовать всю глубину и силу словъ Господа: „никтоже можетъ прiити ко Мнѣ, аще не Отецъ пославый Мя привлечетъ его. Призывая на васъ, супругу и дѣтей вашихъ благословеніе Божіе, съ искреннею преданностію и любовію имѣю честь быть вашимъ покорнѣйшимъ слугою Веніаминъ, недостойный Епископъ Селенгинскій“. Послѣ всего сказаннаго, можно увѣриться въ томъ, что религіозное начало для Филолога Васильевича было основнымъ закономъ воспитанія юношества и отъ этого закона онъ никогда не отступалъ.

Онъ вѣрилъ, что человѣчество существуетъ для совершенства, идеалъ котораго—Верховное Существо, непостижимое теперь, но вѣроятно сколько нибудь доступное пониманію въ вѣчности; къ ней-то мы и должны готовить себя въ теченіе всей нашей жизни. О вѣчности онъ имѣлъ слѣдующее представленіе, какъ видимъ изъ его рукописнаго сборника упомянутыхъ „матеріаловъ:“ „Понятіе вѣчности не есть что либо условное, измышленное человѣческимъ умомъ; напротивъ, умъ, хотя съ ужасомъ и трепетомъ отступаетъ, когда захочетъ постигнуть вѣчность, или представить ее въ какихъ-либо доступныхъ пониманію образахъ,—но въ то же время умъ человѣческій не можетъ представить себѣ момента, въ который не существовало бы время, не можетъ отрѣшиться отъ понятія о времени, а слѣдственно, и отъ самой вѣчности. Атеисты могутъ отрицать существованіе Бога, безсмертіе души человѣческой и проч., но никакъ не могутъ, не съумѣютъ ни для себя, ни для другихъ доказать возможность несуществованія или уничтоженія времени, а слѣдовательно и вѣчности. Итакъ, вѣчность неизбѣжна, неотразима, несокрушима. И странно! это неопредѣленное, безконечное, непостижимое человѣческому уму, безпредѣльное протяженіе времени слагается изъ малыхъ частей времени,

легко укладывающихся въ нашемъ пониманіи.

Обыкновенно принято сравнивать и даже изображать символически вѣчность въ видѣ круга, потому что круговая фигура даетъ намъ понятіе о томъ, что не имѣетъ ни начала, ни конца. Но такое начертаніе только отчасти выражаетъ понятіе о вѣчности: движеніе по круговой линіи рано или поздно приведетъ движущійся предметъ въ ту же точку, въ какой онъ уже находился ранѣе; но ни одинъ мигъ вѣчности никогда уже не повторится. Назадъ тому часъ, или даже минуту я мыслилъ, чувствовалъ, страдалъ, любилъ, ненавидѣлъ. Всѣ эти мои впечатлѣнія могутъ повториться неоднократно въ будущемъ; но самый моментъ совершившихся во мнѣ чувствованій и страданій уже никогда, никогда не повторится. Онъ составляетъ мое прошедшее, о которомъ я могу вспоминать съ горькими или сладостными чувствами, но съ которымъ я уже никогда болѣе не встрѣчусь“. Изъ этого, слѣдовательно, тотчасъ вытекаетъ заключеніе: если такъ, то въ какой степени мы должны дорожить каждой минутой существованія ради нашего совершенства и добрыхъ дѣлъ! что и дѣлалъ Филологъ Васильевичъ въ теченіе всей своей жизни.

. . . . . .

Глубокая вѣра въ вѣчность Бога вызывала въ немъ вѣру въ Промыслъ Божій. Лучшимъ доказательствомъ этого есть письмо Филолога Васильевича, писанное къ старшему сыну въ 1880 году по поводу послѣдняго, одного изъ самыхъ трагическихъ политическихъ событій. Письмо это, къ сожалѣнію, намъ пришлось пропустить. Оно оканчивалось стихомъ нашего поэта

„Коль случай то создать все могъ,
Такъ случай—Разумъ, случай—Богъ!“

Затѣмъ, послѣ нѣсколькихъ словъ, Рудаковъ продолжаетъ: „Собственно говоря, можно бы сказать, что случаевъ въ жизни человѣка нѣтъ, потому что иногда ничтожныя, не имѣющія въ отдѣльности никакого значенія, событія такъ слагаются, что въ общемъ конечномъ результатѣ ихъ является уже разумная цѣль, иногда обнаруживающаяся по прошествіи долгаго періода времени (для Божества, всегда вѣчнаго, нѣтъ времени: оно для людей). Но мы, еслибы стали титуловать всякое ничтожное событіе проявленіемъ воли Божіей еще въ то время, когда не видимъ его разумныхъ послѣдствій, то или надѣли бы на себя маску ханжества, или отказались бы отъ данной тѣмъ-же Богомъ разумной свободы, которая должна управлять разными случайностями, или, наконецъ, оскорбили бы величіе Божіе, приписывая Его волѣ ничтожныя и можетъ быть порочныя событія, происшедшія отъ нашей собственной дурно направленной воли. Поэтому, если я, приготовляясь пить чай, по неосторожности столкнулъ и разбилъ налитую съ чаемъ чашку, или выходя изъ дома небрежно надѣлъ шапку и съ меня сорвало ее и унесло вѣтромъ,—то, конечно, я такіе факты назову случаемъ; но если въ послѣдствіи я узнаю, что въ разбитой мною чашкѣ былъ приготовленъ для меня ядъ, или что по шапкѣ сорванной вѣтромъ съ головы преступника нашли его самаго, то я въ правѣ уже назвать эти факты проявленіями воли Божіей.

„Въ заключеніе этого длиннаго и всетаки сокращеннаго трактата (который мы, какъ сказано, пропустили), разскажу тебѣ фактъ изъ собственной моей жизни.

„Это было давно, уже болѣе 25-ти пяти лѣтъ, когда я еще былъ холостымъ и служилъ учителемъ въ Томской гимназіи. Въ Томскѣ въ то время строился новый соборъ и сведенъ уже былъ куполъ этого собора. Такъ какъ соборъ строился на возвышенномъ мѣстѣ, обнесенъ былъ для всхода на него прекрасными, прочными и широкими лѣсами, а съ купола былъ прекрасный видъ на весь городъ, то много людей ходили на этотъ куполъ полюбоваться видомъ. Долго и я собирался сходить, но все какъ-то не удавалось. Наконецъ въ одинъ день (къ сожалѣнію, не помню дня и года) послѣ обѣда собрался и я идти на соборъ. Взялъ шапку и отправляюсь; но выйдя за ворота своего дома, встрѣчаю одного изъ товарищей, тоже учителя гимназіи. Случай, конечно. Узнавши, куда я пошелъ, онъ уговорился идти со мною вмѣстѣ; но предварительно воротились и зашли ко мнѣ покурить, да и побесѣдовали съ полчаса или около того времени, сколько нужно было, чтобъ пройти до собора. Вдругъ слышимъ страшный, потрясающій воздухъ гулъ и что же? черезъ нѣсколько минутъ узнаемъ, что куполъ собора, на который мы собирались идти, провалился. Конечно, этотъ фактъ для меня уже не случай, а проявленіе воли Божіей. Итакъ, если по прошествіи болѣе 25-ти лѣтъ я могу самъ или другіе заключать, что прожитая мною жизнь была для кого-нибудь полезна, скажу болѣе, если самыя мои заблужденія, ошибки и пороки могутъ быть для кого нибудь предостерегательнымъ примѣромъ, то въ фактѣ, что я не погибъ подъ развалинами собора, было проявленіе на мнѣ воли Божіей. Обдумывай событія собственной твоей жизни и—ты найдешь несомнѣнныя доказательства попечительности о тебѣ Провидѣнія. Dixi. Любящій тебя отецъ Ф. Рудаковъ. P.S. Можешь прочесть это письмо товарищамъ, съ которыми ты велъ свой диспутъ по этому вопросу и которымъ желаю всякаго добра“.

Дѣйствительно, такіе факты очень убѣдительны; хоть немного надо имѣть въ себѣ и разума, и вѣры, чтобы преклониться передъ Высшимъ Промысломъ и понять, что человѣкъ обязанъ поступать по волѣ Божіей, быть орудіемъ Ея широкаго проявленія на землѣ, въ жизни частной и общественно-государственной. Вотъ это-то и побуждало Филолога Васильевича быть строгимъ, во первыхъ, по отношенію къ самому себѣ. Его сослуживцамъ извѣстно самое точное и безупречное исполненіе своихъ обязанностей. Вотъ еще одно документальное доказательство, взятое изъ его дневника. „Сегодня мнѣ 30 лѣтъ, записываетъ Филологъ Васильевичъ 6 января 1857 года, слѣдовательно половина общаго срока человѣческой жизни. Я рѣшился записывать каждый день своей жизни съ цѣлью опредѣлить, въ какой мѣрѣ исполняю я лежащія на мнѣ обязанности христіанина, гражданина, должностнаго лица, наставника и семьянина“. (Дневникъ веденъ очень кратко и характерно. Первая тетрадь доведена до 6 мая того же года, а продолженія ея, къ несчастію, мы не нашли въ бумагахъ покойнаго). Во вторыхъ, это заставляло его съ тактомъ и энергіей

отвлекать людей отъ низшихъ побужденій, заботиться о цѣлесообразномъ просвѣщеніи молодаго поколѣнія, о точномъ исполненіи своего долга сослуживцами. Онъ старался уничтожать препятствія, мѣшающія педагогамъ исполненію ихъ обязанностей, возбуждалъ стремленіе къ самовоспитанію и направлялъ ихъ дѣятельность такъ, чтобы она не боялась самаго строгаго общественнаго контроля. Онъ желалъ, чтобы учебно-воспитательное дѣло, веденное только замкнуто-казеннымъ путемъ, не засорилось и не покрылось плѣсенью. Въ третьихъ, этимъ объясняется его доброта, доступность и стараніе тѣсно сближать семью со школой и жизнью. А такъ какъ, по выраженію Достоевскаго, вся наша судьба въ рукахъ добрыхъ женщинъ, то Филологъ Васильевичъ въ подвѣдомственныхъ ему женскихъ учебныхъ заведеніяхъ также прилагалъ не мало заботъ, чтобы способствовать развитію и образованію прекрасной половины рода человѣческаго, этой ископной и великой воспитательницы нашей. Въ своихъ ученикахъ онъ на первыхъ же порахъ старался развивать человѣчность, любовь къ Богу и Царю, напоминая имъ объ этомъ при каждомъ удобномъ случаѣ, которыхъ у него бывало не мало, какъ въ самихъ учебныхъ заведеніяхъ, такъ и у себя дома. Дома у него въ Тобольскѣ бывало вотъ что: по заведенному имъ обычаю въ главные дни царскихъ праздниковъ дежурный воспитатель являлся къ нему со старшими пансіонерами и учениками отъ старшихъ классовъ поздравить директора и пожелать Царю многихъ лѣтъ. Пользуясь случаемъ, Филологъ Васильевичъ не забывалъ сказать два слова объ уваженіи и преданности къ Главѣ государства и Вождю русскаго народа. Еще одинъ хорошій обычай былъ заведенъ директоромъ. Ежегодно оканчивающіе курсъ гимназіи, послѣ акта, приглашались къ нему на завтракъ. Филологъ Васильевичъ привѣтствовалъ ихъ какъ новыхъ гражданъ и прощаясь говорилъ имъ нѣсколько добрыхъ словъ, подобныхъ тѣмъ, которые у насъ сохранились отъ перваго публичнаго акта въ его управленіе дирекціей училищъ Тобольской губерніи: „Позвольте сказать вамъ нѣсколько словъ на прощанье съ вами, наши молодые друзья—новые граждане, которыхъ въ этотъ день даетъ обществу наше заведеніе. Приготовительный путь вашъ конченъ. Вотъ она передъ вами, широкая дорога жизни съ ея радостями и скорбями.... Я имѣлъ случай говорить вамъ, что на долю всякаго честнаго учителя преимущественно выпадаетъ тернистый неровный путь. Я старался предупредить ваше разочарованіе, высказывая заблаговременно, что и вамъ выпадетъ на долю своя чаша скорбей и лишеній. Теперь добавлю: не воображайте однако же, что васъ ждутъ одни скорби и лишенія; нѣтъ, въ жизни есть много свѣтлыхъ минутъ, много радостей. Вѣрьте и надѣйтесь! Прощайте, друзья! Идите съ Богомъ впередъ по пути чести и добра, который мы старались указать вамъ“.

Филологъ Васильевичъ помнилъ, что не только суду Божію, но также суду людей и закона положительнаго должны подлежать, какъ говорилъ онъ на диспутѣ Рязанова, только что сойдя со студенческой скамьи, должны подлежать человѣческія дѣйствія не такъ въ ихъ внѣшнемъ проявленіи, какъ во внутреннемъ, душевно-разумномъ началѣ, и что пытливость, стремленіе наше

отыскать это начало, этотъ источникъ нашихъ дѣйствій, врождено человѣку, хотя онъ иногда мало внимаетъ ему, и является безсознательно даже у людей необразованныхъ. Такимъ образомъ выходитъ слѣдующее твердое убѣжденіе, что душа человѣка, это внутреннее начало, есть важная цѣль нашей жизни. Мысль эта подтверждается словами Ушинскаго: „христіанство самую личность человѣка, его душу, сдѣлало цѣлью всей исторіи человѣчества.“ *) Раскрытіе и проявленіе ея лучшихъ сторонъ при воспитаніи было самой важной задачей Филолога Васильевича при его педагогической дѣятельности. Вотъ чѣмъ онъ великъ. Но его христіанскимъ идеямъ, которыя онъ проповѣдывалъ публично, какъ ученикъ Христа, можно назвать его не только воспитателемъ Сибири, но и просвѣтителемъ ея. Вотъ чѣмъ память его дорога и незабвенна. Онъ имѣлъ душу живу. Вотъ чѣмъ онъ служитъ прекраснымъ примѣромъ подражанія для людей нашего мятущагося времени, запутавшихся въ quasi—научныхъ теоріяхъ, но часто на половину или совсѣмъ не основанныхъ на христіанствѣ, этомъ самомъ дорогомъ для человѣчества достояніи всѣхъ вѣковъ всемірной исторіи. Невѣріе не даетъ истиннаго знанія, цѣны нашей жизни, отъ которой многимъ, какъ это очень обыкновенно въ наше время, ничего не стоитъ избавить себя посредствомъ самоубійства. Чѣловѣка этого сорта, очень вѣрно говорятъ, можно сравнить съ камнемъ, лежащимъ на скалѣ, но неприкрѣпленнымъ къ ней, какъ прикрѣплены между собою всѣ ея части въ одну прочную массу; какой-нибудь порывъ вѣтра или буря легко свалитъ этотъ камень въ бездну безвозвратно, а скала все прочно стоитъ, не боясь разрушенія. Такая твердая скала есть вѣра на бушующемъ, волнообъятномъ морѣ житейскомъ.

Филологъ Васильевичъ былъ человѣкъ новаго времени, свято сохранившій въ себѣ всѣ лучшія стороны стараго времени, начавшій свою дѣятельность за 12 лѣтъ до крестьянской реформы и переживъ ее дважды болѣе лѣтъ. Слѣдовательно, на его глазахъ прошло много годовъ деморализующей жизни и пустоцвѣтной дѣятельности людей, подвергшихся вліянію отрицательныхъ вѣяній новѣйшаго времени и не сохранившихъ компаса стараго завѣта нашихъ предковъ, которые во многихъ случаяхъ всетаки проявляли не мало христіанской человѣчности и самоотверженнаго патріотизма. Въ теченіе своей жизни, попавшей въ такую знаменитую эпоху отечественной исторіи, онъ могъ судить о людяхъ по ихъ дѣламъ и находить превосходство своихъ принциповъ.

Все содержаніе своей жизни и дѣятельности, все богатство моральнаго міросозерцанія онъ черпалъ въ идеалахъ истины, добра и красоты, основанныхъ на православной религіи, какъ исходной точкѣ, и всегда реализировалъ въ своей дѣятельности, честной, благородной, возвышенной. И если кого онъ замѣчалъ раздѣляющимъ его христіанскіе взгляды и стремленія, былъ невыразимо радъ. Добрыми примѣрами онъ пользовался для назиданія другихъ и не забывалъ ничьихъ заслугъ, никакого добраго дѣла, кѣмъ-либо сдѣланнаго. Иллюстраціей нашихъ словъ (иллюстраціей—даже въ буквальномъ смыслѣ

*) Человѣкъ etc. т. II, стр. 333.

этого слова) можетъ служить слѣдующій фактъ, который, пожалуй, способенъ вызвать улыбку на устахъ читателя, но всетаки говорящій въ пользу той благой мысли, которая руководила Филологомъ Васильевичемъ. Въ пансіонѣ Тобольской гимназіи существуетъ стипендія имени Горева, туринскаго исправника. Капиталъ на стипендію пожертвовала сестра послѣ его смерти. Горевъ былъ записанъ въ число благотворителей гимназіи, а портреты со всѣхъ такихъ благотворителей Филологъ Васильевичъ всегда вѣшалъ въ залѣ пансіона. Послѣ утвержденія стипендіи ни портрета, ни карточки Горева не могли достать. Тогда Филологъ Васильевичъ обратился съ просьбой къ туринскому смотрителю училищъ, чтобы послѣдній собралъ у мѣстныхъ жителей возможно точныя свѣдѣнія о физіономіи покойнаго и тамъ же заказалъ портретъ. Смотритель Лыткинъ (въ 1872 г.) отвѣчалъ: „Портретъ Горева, разумѣется, я не нашелъ, потому что здѣсь трудно найти портреты и болѣе замѣчательныхъ людей. Но, собравъ отъ старожиловъ подробныя свѣдѣнія, касающіяся физіономіи покойнаго, по этимъ даннымъ заказалъ портретъ по присланной мѣркѣ живописцу Силину. Знавшіе Горева и видѣвшіе этотъ портретъ говорятъ, что онъ имѣетъ много сходства“. Такимъ образомъ Филологъ Васильевичъ желалъ, чтобы, если никто другой, то чтобы хоть ученикъ, воспитывающійся на счетъ Горева, помнилъ своего благодѣтеля и имѣлъ даже наглядное о немъ представленіе. (Ежегодно 24 ноября, въ день празднованія годовщины гимназіи, по приказанію Филолога Васильевича, портреты эти развѣшивались въ актовомъ залѣ, гдѣ происходилъ молебенъ, на которомъ поминались всѣ русскіе государи, начиная съ Императрицы Екатерины II-й, основательницы Тобольскаго училища, преобразованнаго затѣмъ въ гимназію. Послѣ государей всегда, также съ колѣнопреклоненіемъ, поминались и благотворители всѣ поименно).

Пусть не думаютъ, что необыкновенная доброта и чрезвычайная мягкость характера мѣшала Филологу Васильевичу строго и неуклонно вести свое дѣло, или что онъ не умѣлъ поставить себя передъ всякимъ, какъ передъ младшимъ подчиненнымъ, такъ и передъ человѣкомъ, стоящимъ наравнѣ или выше него по своему положенію. Однажды по дѣламъ гимназіи Филологъ Васильевичъ послалъ Тобольскому губернатору пригласительное письмо, какъ къ частному человѣку, хотя на конвертѣ, конечно, должнымъ образомъ титуловалъ его превосходительство. Губернаторъ всетаки оскорбился этимъ и, на томъ же письмѣ написавъ нѣсколько словъ, отослалъ его обратно. Филологъ Васильевичъ тотчасъ написалъ отвѣтъ, въ которомъ доказалъ, что его превосходительство изволилъ увлечься. Послѣ подтвержденія фактами, онъ прибавляетъ: „Эту возможность увлекаться г. губернаторъ еще болѣе доказалъ своею надписью на приглашеніи директора. Поставивъ на первомъ мѣстѣ свое оффиціальное значеніе, онъ возвратилъ его съ надписью, которая въ существѣ своемъ ничто иное, какъ выговоръ лицу, ему не подчиненному. Для директора училищъ Тобольской губерніи начальникъ губерніи есть только начальникъ губерніи по гражданской части, подобно тому какъ есть такіе-же начальники по военной, духовной и другимъ частямъ; да собственно говоря директоръ

такой-же начальникъ губерніи, только по учебной части. До тѣхъ поръ, пока директоръ училищъ Тобольской губерніи не будетъ подчиненъ гражданскому губернатору, онъ обязанъ и будетъ отдавать ему все то почтеніе, которое принадлежитъ начальнику губерніи; но въ предѣлахъ своей власти директоръ можетъ и долженъ дѣйствовать самостоятельно, не позволяя парализовать свое значеніе какому бы то ни было лицу, хотя бы и заслуживающему всякое и всеобщее уваженіе, и принимая замѣчанія и выговоры только отъ своего непосредственнаго начальства. Ваше превосходительство! если слова, когда-то вами мнѣ высказанныя, что для пользы учебныхъ заведеній между нами должно существовать полное согласіе, не одни только слова, а плодъ истиннаго нашего убѣжденія, то вы найдете въ себѣ достаточно твердости, чтобы выслушать это прямое и, конечно, рѣзкое объясненіе: вы самолюбивы, умѣйте же уважать и самолюбіе въ другихъ. Если же это объясненіе разорветъ тѣ отношенія, которыя между нами существовали и могли бы существовать, то не я буду виновникомъ. Что же дѣлать? Какъ ни тяжело мнѣ будетъ отсутствіе вашей поддержки, я буду дѣйствовать, какъ съумѣю, одинъ. Во всякомъ случаѣ прошу васъ быть увѣреннымъ и не считать эти слова за обычную вѣжливость, что вы всегда будете видѣть во мнѣ человѣка, искренно и глубоко уважающаго васъ за то, что вы дѣлаете и хотите сдѣлать для вѣреннаго вамъ края". Это столкновеніе, какъ видно изъ писемъ, не помѣшало губернатору быть впослѣдствіи въ самыхъ лучшихъ отношеніяхъ съ Филологомъ Васильевичемъ.

Недоброжелатели, которые, подобно г. Анучину, не понимали бы Филолога Васильевича, были большою рѣдкостью. Такимъ господамъ онъ не дѣлалъ никакого зла и хотя внутренно страдалъ, такъ какъ всякая неправда слишкомъ болѣзненно отзывалась на немъ, но онъ не позволялъ себѣ болѣе или менѣе рѣзко относиться къ своему противнику, а тѣмъ менѣе мстить ему. Этимъ онъ достигалъ, хоть и не всегда скоро, полнаго раскаянія своего обидчика, который затѣмъ превращается въ искренняго почитателя, каковыми были всѣ кромѣ этихъ немногихъ, пока они не поняли своего заблужденія.

П. П. Пановъ въ своей надгробной рѣчи сказалъ: „Помяните наставниковъ вашихъ!"

Помни-й, Сибирь, своего воспитателя, по истинѣ, незамѣнимаго! Ему дорого стоило отстаивать твои насущныя педагогическія потребности, вызванныя современнымъ уровнемъ твоего развитія и самосознанія и требуемыя здравымъ смысломъ христіанскимъ. Служа тебѣ самоотверженно, не такъ онъ думалъ покончить свое поприще. Онъ оставилъ бы свой постъ съ отрадой въ сердцѣ, еслибы его планы были доведены до конца или хоть поставлены на пути къ этой цѣли. Тогда онъ еще съ большею рѣшимостью могъ бы сказать себѣ: Quid potui, feci et exegi monumentum, но, къ несчастію, онъ бывалъ останавливаемъ на этомъ пути. По принужденію подавая въ отставку преждевременно, до окончанія учебнаго года, онъ тѣмъ не менѣе нашелъ себя обязаннымъ представить отчетъ о своей дѣятельности, въ которомъ были изложены всѣ

свѣдѣнія относительно положенія педагогическаго дѣла за всѣ четыре года своего управленія учебными заведеніями Восточной Сибири. А чтобы совѣсть ни въ чемъ не могла упрекнуть Филолога Васильевича, въ своемъ послѣднемъ отчетѣ онъ, между прочимъ, сказалъ, что онъ хочетъ „высказать передъ высшею властью тѣ выведенныя изъ четырехлѣтняго опыта заключенія, которыя, по мнѣнію составителя отчета, могли бы быть въ виду правительства на будущее время.... Послѣднему слову лица, завершающаго свой служебный подвигъ, не можетъ быть дано иного значенія, какъ желанію сослужить послѣднюю службу излюбленному дѣлу".

Доброе начальство, подобное Филологу Васильевичу, невольно заставляетъ и подчиненнаго, и мѣстнаго гражданина призывать на него благословеніе Божіе и молить Творца о благоденствіи Царя, а неудачные и не христіански—справедливые представители высшей власти обезсиливаютъ эту власть и подрываютъ ея высокій авторитетъ! И Государя, и отечество можетъ возвысить и возвеличить только такой дѣятель-гражданинъ, какъ Рудаковъ. Онъ имѣлъ въ сердцѣ драгоцѣнный даръ христіанской любви. Воодушевлявшую его вѣру въ Бога онъ подтвердилъ и въ самыя послѣднія минуты своего разсчета съ жизнью, а также своимъ завѣщаніемъ, которое мы приводимъ ниже. Онъ былъ самый преданный слуга своему Царю. Его главная заслуга въ томъ, что онъ былъ даровитымъ иниціаторомъ въ нашемъ краѣ и самостоятельнымъ дѣятелемъ на своемъ великомъ поприщѣ, стоя на которомъ твердо и самоотверженно, онъ не хотѣлъ вертѣться, какъ флюгеръ, по капризному вѣтру, случайно налетѣвшему, а слѣдовалъ внушеніямъ своей совѣсти и Божьимъ велѣніямъ. Его дѣятельность, прекрасно начавшаяся въ Томскѣ, яркимъ пламенемъ стала разгораться въ Тобольской губерніи. Сдержанная нѣсколько въ Тобольской дирекціи училищъ, она затѣмъ еще ярче начала горѣть, просвѣщать и грѣть Восточную Сибирь, но, къ несчастью, не на долго. Тѣмъ не менѣе однакожъ, мы *видѣли* Рудакова, познали его и уразумѣли тотъ путь просвѣщенія, по которому необходимо идти честному русскому человѣку. Когда Филологъ Васильевичъ былъ назначенъ въ Тобольскъ, онъ очень плодотворно началъ очищать ту трясину, въ которой всѣ тогда завязли. Его дѣятельность, нашедшая себѣ мѣсто въ мѣстной печати, скоро стала извѣстна Томску, откуда его прежніе сослуживцы писали: „такая ваша дѣятельность возмутила нашу лѣнь, нашу спячку, какъ съ неба свалившійся камень возмущаетъ плѣсень загнивающаго болота. Все это, какъ и ваши статьи, возбудило много разнорѣчивыхъ толковъ и пересудовъ, особенно со стороны юридической, и встревожило нашихъ почтенныхъ лѣнтяевъ—консерваторовъ". Поживи онъ и послужи подольше на нашемъ востокѣ, тамъ онъ могъ бы произвести еще болѣе спасительное „возмущеніе плѣсени", пригодное при томъ, быть можетъ, не для одной только загнанной и отсталой Сибири....

Еслибы всѣ, хоть главные воспитатели юношества, были *Рудаковы*, отличающіеся такимъ же душевнымъ богатствомъ и умомъ-разумомъ, то Россія

не платилась бы такъ невыразимо горько и жестоко за всѣ свои педагогическіе промахи... Преждевременная смерть Филолога Васильевича тоже большой промахъ мѣстной власти. Ему и такъ не много оставалось до отставки, —всего только нѣсколько мѣсяцевъ. Зачѣмъ же нужно было такъ покарать его безъ вины? . . . . . .

Заканчиваемъ нашъ очеркъ завѣщаніемъ Филолога Васильевича, написаннымъ при свидѣтеляхъ еще въ 1873 году.

„Во имя Святыя, Животворящія и Нераздѣльныя Троицы, Отца и Сына и Святаго Духа. Аминь.

Я, нижеподписавшійся, симъ завѣщаю, что по смерти моей все мое имущество движимое и недвижимое, какое послѣ меня останется, должно поступить въ полную и неограниченную собственность женѣ моей Ольгѣ Петровнѣ Рудаковой, такъ какъ имущество это нажито общими нашими трудами и стараніями. На нее же возлагаю заботы и попеченія о дѣтяхъ нашихъ.—Благодарю ее за всегдашнюю любовь ко мнѣ. Благодарю сослуживцевъ моихъ близкихъ и дальнихъ, облегчавшихъ своими стараніями и добрыми ко мнѣ отношеніями мои посильные служебные труды.—Благодарю обучавшихся въ заведеніяхъ, находившихся подъ моимъ руководствомъ, если во время пребыванія въ заведеніяхъ они восприняли близко къ сердцу мои наставленія и не отринули моей любви и заботъ о нихъ.—Молю Господа Бога о благоденствіи Государя Императора съ потомствомъ и всей русской земли.—На жену, дѣтей и близкихъ моихъ призываю обильное благословеніе Божіе. Всѣхъ, предъ кѣмъ при жизни моей я былъ волею или неволею виновенъ, усердно прошу отпустить мнѣ вины мои предъ ними, какъ самъ я прощаю всѣмъ, кого при жизни считалъ передо мною виноватымъ. Затѣмъ всѣхъ и каждаго прошу и молю непрестанно о мнѣ молитися Христу Богу, да не изведенъ буду по грѣхомъ моимъ на мѣсто мученій, но да вселитъ мя, идѣже просвѣщаетъ свѣтъ животный“.

ПРИЛОЖЕНІЯ.

Помѣщаемъ здѣсь часть недокончепнаго труда Филолога Васильевича „Тяжелое время на Руси 1849—1882 года“, которая, вѣроятно, была бы еще болѣе обработана по мѣрѣ движенія сочиненія къ своему концу.

Сначала мы приводимъ нѣсколько словъ Филолога Васильевича, которыя онъ намѣренъ былъ, какъ видно, помѣстить въ предисловіи:

„Отвѣчая самому себѣ на вопросъ, чѣмъ можно и должно было бы мнѣ заняться во время моей отставки, я находилъ тотчасъ же весьма нетрудное рѣшеніе этого вопроса. Послуживши втеченіе всей моей некратковременной службы интересамъ общества и государства, естественно я имѣю полное право, а можетъ быть и обязанъ, свои послѣдніе труды, во время отставки, направить ко благу людей наиболѣе мнѣ близкихъ—моихъ собственныхъ дѣтей.— Какого же рода долженъ быть этотъ трудъ? Большинство людей, приготовляющихся уйти изъ здѣшняго міра и имѣющихъ время, охоту и возможность заботиться объ участи оставляемыхъ ими дѣтей, сосредоточиваютъ свои заботы на матеріальномъ ихъ благосостояніи: чѣмъ лучше обставленъ человѣкъ въ матеріальномъ отношеніи, тѣмъ болѣе возможно, тѣмъ болѣе для него легкимъ можетъ быть достиженіе и другихъ высшихъ, нравственныхъ духовныхъ цѣлей человѣческой жизни. Такъ разсуждаютъ въ наше время, въ нашъ матеріальный вѣкъ, не одни только производители матеріальныхъ богатствъ, не одни купцы, фабриканты, землевладѣльцы, ремесленники и прочій промышленный людъ, но и люди интеллигенціи, умѣющіе нынѣ свой духовный трудъ обращать, за совершеннымъ оскудѣніемъ звонкой монеты, въ кредитные рубли и въ процентныя бумаги. Такъ вѣроятно разсуждалъ бы и я, еслибъ предшедшею моею дѣятельностью былъ я обученъ этому искусству обращенія неосязаемаго, невещественнаго блага въ иное, при помощи котораго легко и удобно живется на бѣломъ свѣтѣ. Но, не говоря уже о самомъ неумѣньи моемъ наживать деньги, нельзя забывать, что возможность достиженія высшихъ цѣлей путемъ матеріальнаго благосостоянія все таки остается одною только возможностію, а отнюдь не непремѣннымъ условіемъ достиженія высшихъ цѣлей. Наоборотъ, при наиболѣе благопріятныхъ условіяхъ, т. е. при обладаніи богатствомъ, достиженіе высшихъ духовныхъ благъ дѣлается для его обладателя почти невозможнымъ. Эта истина высказана великимъ Учителемъ почти двѣ тысячи лѣтъ назадъ и даже для невѣрующихъ въ Его

ученіе подтверждается ежедневными примѣрами тѣхъ нравственныхъ безобразій, какія совершаются богатыми юношами—дѣтьми и не уступающими имъ въ безобразіяхъ старцами—родителями. И такъ, естественно, лучше всего оставлять дѣтямъ нѣкоторую возможную долю пріобрѣтеній невещественныхъ. Такимъ невещественнымъ пріобрѣтеніемъ должны быть для послѣдующаго поколѣнія тѣ заключенія, какія вытекаютъ изъ жизни и примѣровъ предшествовавшаго поколѣнія; для дѣтей такое же пріобрѣтеніе могутъ составлять результаты видѣннаго, слышаннаго, пережитаго, перечувствованнаго ихъ родителями. Эти наблюденія или выводы могутъ быть дѣлаемы каждымъ лицомъ изъ происшествій, мыслей и чувствованій собственной жизни, не выходящихъ изъ круга семьи и во всякомъ случаѣ поучительны для дѣтей. (Для ознакомленія моихъ дѣтей съ моею личностью уже кое-что сдѣлано, хотя и недодѣлано). *) Но еще болѣе можетъ быть поученъ и полезенъ для дѣтей, и можетъ быть не для однихъ дѣтей, разсказъ о событіяхъ, совершавшихся передъ глазами ихъ родителей, особенно если событія эти такого рода, что вызываютъ на особыя размышленія,—и вотъ на этотъ то второй пунктъ я и хочу направить главнымъ образомъ свои послѣднія работы.—Но время, въ которое я жилъ, какъ это уже теперь видно, имѣетъ огромное историческое значеніе въ жизни русскаго государства и въ окончательныхъ его результатахъ должно повести къ возрожденію, къ процвѣтанію, къ величію и благоденствію русскаго государства, или на оборотъ къ окончательному его разстройству и совершенному разложенію. Изучить событія прожитаго мною времени, на которыхъ допынѣ я вообще останавливался лишь, какъ на событіяхъ дня, задача весьма нелегкая. Достанетъ ли у меня времени, умѣнья и терпѣнія одолѣть этотъ трудъ—не знаю; но пусть дѣти мои, которые будутъ читать эти строки, примутъ желаніе за исполненіе.

Да, въ прожитое мною время совершилось поражающее событіе, поражающее превращеніе. 1-го марта 1881 г. въ русской столицѣ, среди бѣла дня, звѣрски убитъ русскій Императоръ, во все свое царствованіе старавшійся лишь благодѣять своему народу. И это преступленіе, наполнившее ужасомъ нашу душу, совершилось не въ какой-либо волнующейся, легко подвижной Франціи, не въ подавленной вѣчнымъ гнетомъ морскихъ испареній Англіи, не въ какой-нибудь сшитой изъ разнообразныхъ національныхъ лоскутковъ Австріи, не въ разлагающейся отъ гнета, застоя и чувственности Турціи, по среди русскаго народа, славившагося своимъ благочестіемъ и, какъ я видѣлъ на множествѣ примѣровъ въ своей жизни, какъ испыталъ и перечувствовалъ съ людьми мнѣ близкими,—среди такого народа, который всѣ лучшіе помыслы, всѣ радостнѣйшія надежды своей жизни сосредоточивалъ въ Царѣ своемъ, который не на словахъ, а на дѣлѣ готовъ былъ отдать все и самую жизнь за благо и счастіе своего Царя, среди народа, который сознавалъ всю силу, заключавшуюся въ этой нравственной, неразрывной связи и гордился

*) Рудаковъ здѣсь говоритъ о той краткой автобіографіи, которую онъ написалъ для изданія „Владимірскіе кавалеры“.

ею. И вдругъ.... Гдѣ же разгадка этого ужаснаго, потрясающаго явленія?

Поражаясь нравственными безобразіями, уже давно совершавшимися въ современномъ русскомъ обществѣ и выразившимися особенно въ рядѣ покушеній на цареубійство, увѣнчавшихся наконецъ успѣхомъ злодѣйскаго замысла, и въ параллель вспоминая время своей молодости, какъ время всякаго рода увлеченій, вспоминая кружокъ въ то время своихъ товарищей, наши въ то время мечты, чувствованія и желанія и сопоставляя современную нынѣшнюю молодежь,—я не разъ задавалъ себѣ вопросъ: „да что же такое случилось съ русскимъ народомъ, что онъ почти сразу, въ короткій промежутокъ времени, утратилъ тѣ качества, какія выработывались въ немъ втеченіе тысячелѣтней жизни? Еще не далекъ отъ насъ 1812 годъ, когда всѣ лучшія качества русскаго духа закалены были въ горнилѣ бывшаго тогда великаго испытанія. Казалось бы, пролитая тогда обильно русская кровь должна была на долгое время возрастить и укрѣпить добрые всходы и на русской умственной почвѣ. И что же теперь видимъ? Да и къ чему подниматься такъ далеко—до періода отечественной войны, когда достаточно припомнить пережитое нами время сороковыхъ годовъ, когда юноша былъ дѣйствительнымъ юношею, со всѣми добрыми и дурными качествами своего возраста, а въ старцахъ юноши искали и дѣйствительно умѣли находить добрыя и почтенныя качества. Откуда же эта неестественность, эта неискренность теперь? Откуда эти атеизмъ, самохвальство, отрицаніе авторитетовъ, отсутствіе патріотизма, утрата чувства стыда и проч. и проч.? Приписывать все это растлѣніе русскаго народа исключительно одному вліянію литературы едва ли справедливо. Безспорно, что печать распространяла заразу; но какъ поголовно заразились сами писатели? и отчего сдѣлался такъ воспріимчивымъ къ этой заразѣ русскій народъ, пережившій спокойно время первой французской революціи и послѣдовавшихъ событій извнѣ и періодъ либеральныхъ вѣяній, начавшихся еще съ Екатерины второй,—внутри? Очевидно, что причина не одна, а ихъ цѣлая совокупность и именно это—тѣ событія и явленія, которыя цѣлымъ рядомъ прошли черезъ минувшее царствованіе. Такихъ событій и явленій въ составленномъ мною перечнѣ, я насчитываю нынѣ 23. Одни изъ нихъ, возбуждая и высоко поднимая русское народное чувство, сразу парализовали этотъ подъемъ неожиданными оскорбительными для этого чувства послѣдствіями. Таковы были: восточная война съ севастопольскимъ сидѣньемъ и—парижскій трактатъ, славянскій съѣздъ съ войною за освобожденіе славянъ и берлинскій трактатъ и т. п. Другія, заключая въ себѣ блестящія реформы Александра II, доказывали своими послѣдствіями, что эти реформы были или преждевременны, или недостаточно обдуманы. Таковы, напр., реформа освобожденія крестьянъ и—раззореніе помѣщиковъ безъ обогащенія самихъ крестьянъ, уничтоженіе откуповъ и—акцизная система чуть не съ поголовнымъ пьянствомъ, гласный судъ и—оправданіе Вѣрочки Засуличъ и проч. и проч. А печать, при предварительной цензурѣ, дѣлавшая больше зла, чѣмъ при большей свободѣ и т. д.? И такъ мнѣ хотѣлось бы изучить и прослѣдить

развитіе каждаго изъ этихъ факторовъ, прослѣдить не на основаніи только личныхъ впечатлѣній и воспоминаній, которымъ невѣрующее нынѣшнее поколѣніе, конечно, и не увѣровало бы,—но, такъ сказать, по документамъ, по засвидѣтельствованію самой же печати, прямому или косвенному, вольному или невольному. Для этого много нужно прочитать изъ произведеній литературы за послѣдніе тридцать лѣтъ, а затѣмъ съумѣть все сгруппировать и сдѣлать общіе выводы. Можетъ быть, для того, чтобы сказать послѣднее слово, нужно перечитать заграничныя русскія изданія прежняго и подпольныя нынѣшняго времени.

И такъ, если Богу угодно будетъ благословить мой трудъ, это будетъ —исторія славнаго, но вмѣстѣ и тяжелаго времени на Руси, исторія развитія, но вмѣстѣ и развращенія русской мысли".

Первую главу авторъ хотѣлъ написать послѣ.

Вторая и третья слѣдующія:

ГЛАВА II.

Уничтоженіе крѣпостнаго состоянія.

„Осѣни себя крестнымъ знаменіемъ, православный народъ, и призови съ нами Божіе благословеніе на твой свободный трудъ, залогъ твоего домашняго благополучія и блага общественнаго“.

Изъ манифеста Александра II 19 февраля 1861 года.

Великою несправедливостью въ нашемъ государственномъ организмѣ представлялось существовавшее у насъ до шестидесятыхъ годовъ крѣпостное состояніе. Состояніе это немногимъ отличалось отъ существовавшаго у древнихъ грубыхъ народовъ рабства, хотя ни въ какихъ оффиціальныхъ документахъ и не называлось этимъ послѣднимъ именемъ. Милліоны русскихъ подданныхъ отданы были въ собственность своимъ помѣщикамъ—дворянамъ и душею, и тѣломъ, со всѣмъ имуществомъ и прибытками ихъ труда, со всѣми настоящими членами ихъ семей и со всѣмъ будущимъ въ роды родовъ ихъ поколѣніемъ. Законъ не давалъ помѣщикамъ только права на жизнь и смерть ихъ крѣпостныхъ людей; но воля помѣщика была источникомъ всѣхъ жизненныхъ радостей и страданій его крѣпостныхъ: дозволеніе крѣпостнымъ людямъ вступать въ бракъ по взаимному ихъ влеченію или же безъ всякаго вопроса о симпатіяхъ ихъ другъ къ другу, по одному лишь указанію помѣщика, или наконецъ прямое запрещеніе тому или другому изъ крѣпостныхъ вступать въ бракъ, возможность для отца и матери воспитывать при себѣ подростающихъ дѣтей или лишеніе ихъ этой возможности и отобраніе дѣтей въ личное распоряженіе помѣщика, доставленіе крѣпостнымъ возможности улучшить путемъ усиленнаго труда ихъ матеріальное благосостояніе или отобраніе отъ нихъ плодовъ этого труда, безконтрольный, безапелляціонный судъ и расправа помѣщика надъ его крѣпостными и т. п.—все это было дѣломъ полнаго произвола со стороны помѣщика, обусловливалось государственнымъ строемъ и дозволялось дѣйствовавшимъ тогда законодательствомъ.

Не изъ завоевательнаго какого либо права надъ покореннымъ народомъ и не изъ суроваго какого либо возмездія за нарушеніе тѣхъ или другихъ обязанностей возникло на русской землѣ крѣпостное состояніе—состояніе рабства. Оно вытекло изъ историческаго хода нашей жизни, какъ справедливое, въ свое время, вознагражденіе населенными землями отдѣльныхъ лицъ —дворянъ, и даже не всегда дворянъ, за понесенные ими на пользу государства труды, сопровождавшіеся иногда потерею ими крови, здоровья, жизни, а иногда и собственнаго имущества. [2]) Будучи такимъ образомъ справедливымъ вознагражденіемъ въ пользу однихъ, такое пожалованіе верховною властію лицамъ, оказавшимъ государственныя услуги, населенныхъ земель не представлялось, въ первопачальномъ своемъ видѣ, несправедливымъ нарушеніемъ правъ другихъ лицъ, т. е. тѣхъ, которые вмѣстѣ съ землями, на которыхъ они жили, поступали въ распоряженіе тѣхъ лицъ, которымъ они были пожалованы. Скорѣе можно сказать, что тягости, которыя первопачально несли крестьяне въ пользу владѣльца, которому они вмѣстѣ съ землями были пожалованы, были лишь однимъ изъ видовъ общенародныхъ тягостей, которыя несли и обязаны были нести на пользу государства его подданные. Населенныя земли жаловались не только за заслуженную уже государству службу, но и ради будущей службы тѣхъ же пожалованныхъ лицъ и подъ непремѣннымъ условіемъ таковой службы по первому призыву, по первой нуждѣ государства. [3]) Пожалованные кому либо крестьяне не были личною собственностію этого лица, и, оставаясь по прежнему государственными и слѣдовательно свободными людьми, они поступали лишь во временное распоряженіе пожалованнаго до той поры, пока онъ занималъ извѣстный служебный постъ, мѣсто въ ряду государственной іерархіи, или вообще пока оставался въ живыхъ. Крестьяне по прежнему несли на пользу государства и воинскую повинность, и всякаго рода личныя натуральныя и денежныя повинности; но посредникомъ между ними и государствомъ уже являлся ихъ владѣлецъ— помѣщикъ. Государство, при требованіи отъ крестьянъ исполненія этихъ тягостей, уже не знало ихъ самихъ, а знало ихъ помѣщика: отъ него лично правительство требовало поставки извѣстнаго числа рекрутъ къ такому-то сроку, доставки извѣстнаго числа подводъ, извѣстное количество съѣстныхъ или другихъ припасовъ, или денегъ; а способы исполненія этихъ требованій были уже дѣломъ личнаго усмотрѣнія помѣщика. Такимъ образомъ государство освобождало себя отъ всякаго труда по финансовому управленію и контролю государственныхъ доходовъ въ первопачальномъ ихъ источникѣ—въ пожалованныхъ кому-либо населенныхъ имѣніяхъ, не знало и издержекъ взиманія этихъ доходовъ. Освобождая себя, такимъ образомъ, отъ трудовъ по финансовой администраціи въ пожалованныхъ имѣніяхъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и отъ полицейскихъ мѣръ надзора и исполненія, или лучше сказать, дѣлая

---

[2]) Лакьера „О вотчинахъ и помѣстьяхъ", стр. 133 и слѣд.

[3]) Тамъ же, стр. 168, 184, 185, 197 и 198.

помѣщика своимъ органомъ для осуществленія всѣхъ этихъ финансовыхъ и административныхъ распоряженій, правительство облегчало себя иногда возложеніемъ на того же помѣщика суднаго разбирательства и примѣненія мѣръ исправленія въ пожалованныхъ ему имѣніяхъ, исключая важныхъ уголовныхъ дѣлъ, въ которыхъ судъ помѣщика уже признавался некомпетентнымъ и по которымъ право суда и расправы государство оставляло за собою. [4])—Дѣлая помѣщика такимъ образомъ своимъ органомъ для удовлетворенія государственныхъ нуждъ, усиливая его власть надъ крестьянами и предоставляя ему, въ вознагражденіе его прежнихъ, настоящихъ и будущихъ трудовъ, право полученія съ помѣстій, кромѣ доходовъ въ пользу казны, доходовъ и въ личную его собственность, безъ ограниченія размѣра этихъ послѣднихъ доходовъ и не назначая помѣщику никакого иного *жалованья*, правительство не предоставляло однакоже помѣщику первоначально полнаго права неограниченнаго распоряженія личностію и имуществомъ людей прикрѣпленныхъ къ той землѣ, какая ему пожалована—его крѣпостныхъ. Помѣщикъ не только не имѣлъ права отчуждать пожалованное ему помѣстье, или даже часть онаго, но обязанъ былъ такъ управлять помѣстьемъ, чтобы не только не истощать его и не обременять крестьянъ въ свою исключительную пользу, но, пользуясь доходомъ съ него, постоянно заботиться объ его улучшеніи, памятуя, что въ извѣстное время оно опять поступитъ въ распоряженіе правительства. Такъ помѣщикъ обязанъ былъ въ своихъ помѣстьяхъ разчищать и распахивать новыя земли, не обременять крестьянъ чрезмѣрными тягостями и налогами, дѣлаясь самъ отвѣтчикомъ передъ правительствомъ въ случаѣ побѣговъ крестьянъ съ земель отъ непомѣрныхъ тягостей; онъ обязанъ былъ не переводить крестьянъ съ одной земли на другія ему принадлежащія единственно изъ своихъ личныхъ разсчетовъ; онъ обязанъ былъ въ случаѣ надобности и при увеличившейся численности его крѣпостныхъ устроивать для нихъ новыя деревни и т. п. Однимъ словомъ, правительство требовало, чтобы помѣщикъ отнюдь „не запустилъ данныхъ ему помѣстій своимъ бездѣльнымъ житіемъ“, а если, не смотря на это требованіе, помѣстье, отъ небрежности или непомѣрныхъ налоговъ его владѣльца, приходило въ запустѣніе, оно отбиралось отъ него обратно, а излишне взысканные съ крестьянъ оброки возвращались въ ихъ пользу.“ [5])

Таковы были въ общихъ чертахъ первоначальныя условія помѣстнаго или крѣпостнаго владѣнія. Но рядомъ съ помѣстьемъ, временнымъ или пожизненнымъ владѣніемъ, возникало и развивалось, одновременно съ нимъ, и право наслѣдственнаго владѣнія такими землями, которыя пожалованы были тою же верховною властію за заслуги *отца* и потому переходили къ дѣтямъ, нося названіе ихъ вотчинъ („въ отца мѣсто“). Съ другой стороны и самыя помѣстья,

---

[4]) Передъ этимъ мѣстомъ на поляхъ авторъ сдѣлалъ слѣдующую замѣтку: „NB пропускъ цитаты“.

[5]) Лакьера. „О вотчинахъ и помѣстьяхъ“, стр. 170, 190 и 191.

жалованныя подъ условіемъ будущей службы, оставались иногда во владѣніи пожалованнаго, если онъ дѣлался неспособнымъ къ службѣ, а въ случаѣ его смерти оставались въ прожитокъ женѣ и дочерямъ, не имѣвшимъ другихъ средствъ къ существованію, или малолѣтнимъ сыновьямъ, и слѣдовательно помѣстья поступали къ такимъ лицамъ, которыя или вовсе не могли отправлять государственной службы, или могли отправлять ее только въ впослѣдствіи, по истеченіи значительнаго промежутка времени. Такое поступленіе вотчинъ и помѣстій въ пользу нѣсколькихъ лицъ, и иногда неспособныхъ къ службѣ, само собою породило и право раздѣла помѣстій, право перехода ихъ изъ однихъ рукъ въ другія, право перевода крестьянъ съ однихъ земель на другія, съ послѣдствіемъ его—правомъ раздаванія семействъ. Не рѣдки были случаи, когда и пожалованныя помѣстья, по особой монаршей волѣ, обращались въ вотчины, т. е. потомственныя владѣнія тѣхъ же лицъ. Понятія о вотчинномъ и помѣстномъ владѣніи, налагавшія на помѣщиковъ и управляемыхъ одинаковыя условія, взаимно и постепенно усложнялись, сглаживались и перепутывались одно съ другимъ,—такъ что существовавшее между ними существенное различіе и понятіе о временномъ помѣстномъ владѣніи стало исчезать, пока наконецъ само правительство въ 1714 году признало нужнымъ уничтожить существовавшее различіе и всѣ вообще недвижимыя населенныя имѣнія, не смотря на различіе первоначальныхъ способовъ ихъ пріобрѣтенія, слить въ одинъ общій видъ. [6]) Другими словами, съ понятіемъ недвижимыхъ населенныхъ имуществъ стало соединяться съ той поры то понятіе, какое прежде соединялось съ понятіемъ вотчинъ; понятіе же, соединявшееся съ названіемъ помѣстій, въ смыслѣ владѣнія временнаго, совершенно исчезло. Но по странной случайности изъ народнаго языка исчезло и затерялось названіе „вотчина“, а наоборотъ въ народномъ, а вскорѣ и въ оффиціальномъ языкѣ, укрѣпилось слово „помѣстье“, но съ тѣмъ уже понятіемъ, какое заключалось въ названіи вотчинъ, т. е. помѣстьями назывались уже населенныя имѣнія, переходившія по наслѣдству отъ отца къ дѣтямъ и дальнѣйшему потомству. Сообразно съ тѣмъ укрѣпилось и получило соотвѣтствующее значеніе названіе помѣщиковъ, какъ преемственныхъ владѣльцевъ переходящихъ въ ихъ родѣ населенныхъ имѣній.

Но съ историческимъ ходомъ русской жизни не только измѣнялось первоначальное понятіе о помѣстномъ владѣніи и объ отношеніяхъ владѣльца къ государству: измѣнялась и сущность взаимныхъ правъ и обязанностей владѣльца и крестьянъ. Помѣщики, отвѣчавшіе передъ правительствомъ за исправное отправленіе ихъ крестьянами всякаго рода государственныхъ тягостей и въ то же время старавшіеся и о соблюденіи собственныхъ выгодъ, естественно, при поддержкѣ правительственной силы, расширяли и усиливали свою власть надъ крестьянами. Такому расширенію власти помѣщиковъ, конечно, по временамъ содѣйствовали проявлявшіеся иногда между крестьянами гру-

---

[6]) Лакьера. „О вотчинахъ и помѣстьяхъ“, стр. 188, 210 и 223.

бость, неповиновеніе помѣщику, всякаго рода безнравственные ихъ поступки. Правительство должно было оказывать полную поддержку власти помѣщика и отсюда то развилось и выработалось право полнаго, безконтрольнаго, недопускавшаго никакихъ жалобъ суда и расправы и вообще полнаго распоряженія личностію и имуществомъ крестьянъ. Нельзя отвергать того, что эта неограниченная власть помѣщиковъ надъ крестьянами, требовавшая отъ нихъ труда и на пользу личную самихъ крестьянъ, и на пользу помѣщика, выработала въ бывшемъ крѣпостномъ сословіи, хотя бы и насильственно, множество крѣпостныхъ людей трудолюбивыхъ, искусныхъ въ дѣлѣ, честныхъ и строго охранявшихъ интересы своихъ помѣщиковъ. Нельзя отрицать и множества такого рода фактовъ, что при благоразумномъ и благородномъ образѣ дѣйствій многихъ помѣщиковъ, при сочувствіи ихъ къ нуждамъ и скорбямъ своихъ крѣпостныхъ, послѣдніе представляли иногда собою образцы полной. безграничной привязанности ихъ къ владѣльцамъ и затѣмъ образцы чисто патріархальныхъ отношеній помѣщиковъ къ своимъ крестьянамъ. Но нельзя не признавать дѣйствительными и тѣхъ многочисленныхъ примѣровъ, когда при неблагоразуміи, необразованности, жестокости и безнравственности многихъ помѣщиковъ, при неограниченной власти ихъ надъ крѣпостными, развивались иногда въ средѣ послѣднихъ всѣ безнравственныя качества: угодничество съ подлыми цѣлями, продажность, всякаго рода обманы и хищенія и потеря всякаго человѣческаго достоинства. Но нестолько возмущали чувство современныхъ мыслителей и правителей эти примѣры безнравственности, проявлявшіеся между крѣпостными людьми, сколько безнравственность, грубость и жестокость самихъ помѣщиковъ и ихъ управляющихъ помѣстьями, которые приносили личность своихъ крѣпостныхъ въ жертву своимъ алчнымъ интересамъ и разнузданнымъ страстямъ. Наиболѣе же возмущалось и оскорблялось чувство людей благомыслящихъ и всѣхъ филантроповъ при потрясавшихъ иногда душу случаяхъ, дозволявшейся первоначально закономъ или выработавшимся обычаемъ, продажи помѣщиками въ разныя руки ближайшихъ членовъ одной и той же крестьянской семьи, продажа крѣпостныхъ людей, хотя бы цѣлыми семьями, безъ земли, дозволявшаяся сначала гласно и публично на торговыхъ мѣстахъ, а потомъ подъ видомъ будто бы переселенія тѣхъ крестьянъ на другія земли. Такія явленія не могли не отражаться на сознаніи людей благомыслящихъ, какъ въ правительственной, такъ и въ общественной средѣ. Еще Петръ Великій старался прекратить эти безобразныя явленія, хотя, по тогдашнему положенію дѣлъ, какъ сейчасъ будетъ сказано, не могъ приступить къ окончательному уничтоженію крѣпостнаго сословія. Приведемъ здѣсь въ подлинникѣ слова одного изъ правительственныхъ дѣятелей Петрова времени, слова съ одной стороны характеризующія нравы тогдашнихъ помѣщиковъ, а съ другой—высказывающія воззрѣнія самого Петра Великаго. Въ 1721 г. кабинетъ-секретарь Макаровъ писалъ въ сенатъ слѣдующее: „Обычай былъ въ Россіи, который и *нынѣ есть*, что крестьянъ и дворовыхъ людей мелкое шляхетство продаетъ врозь, кто какъ хочетъ купить, какъ скотовъ, чего во всемъ свѣтѣ не водится,

а наипаче отъ семей, отъ отца или отъ матери дочь или сына помѣщикъ продаетъ, отъ чего не малый вопль бываетъ, и Его Царское Величество указалъ оную продажу людей пресѣчь, а *ежели невозможно того вовсе прссѣчь*, то бы хотя по нуждѣ продавали цѣлыми семьями, а не порознь". [7]) Итакъ само правительство тогда не находило еще средствъ уничтожить продажу крѣпостныхъ людей безъ земли, а заботилось только о томъ, чтобы предупредить такую продажу съ раздробленіемъ крестьянскихъ семей.

При Петрѣ Великомъ въ 1714 г., какъ сказано выше, уничтожено было различіе между вотчинами и помѣстьями и всѣ они слиты въ одно подъ общимъ названіемъ недвижимыхъ населенныхъ имѣній. Чрезъ восемь лѣтъ послѣ того, въ 1722 г., Петръ Великій издалъ такъ называемую „табель о рангахъ", т. е. распредѣленіе по разрядамъ—чинамъ всѣхъ государственныхъ служебныхъ должностей. Съ учрежденіемъ постояннаго регулярнаго войска и со введеніемъ табели о рангахъ, дворяне, достигшіе совершеннолѣтія, хотя по прежнему и даже болѣе, чѣмъ прежде, обязаны были отправлять тотъ или другой родъ государственной службы, но состоя на дѣйствительной службѣ дворяне—помѣщики уже не обязаны были, какъ прежде, содержаться на собственный счетъ, а получали изъ казны опредѣленное табелью жалованье. Такое установленіе опредѣленнаго жалованья за службу дворянамъ, вмѣсто прежняго кормленія ихъ отъ вотчинъ и помѣстій, при указанномъ выше несочувствіи Петра Великаго къ крѣпостному праву, могло бы служить для него достаточнымъ поводомъ къ совершенному уничтоженію этого права; но Петръ Великій, при громадныхъ производимыхъ имъ реформахъ въ государствѣ и при войнахъ, которыя привелось ему вести съ другими державами, постоянно нуждался и въ деньгахъ для расходовъ и въ людяхъ для службы. При быстромъ движеніи государственной жизни, и нужды въ деньгахъ и людяхъ возникли быстро и требовали не менѣе быстраго ихъ удовлетворенія: и вотъ—сословіе помѣщиковъ и само обязанное службою, и располагавшее денежными средствами и крѣпостными людьми и обязанное немедленно то и другое представлять по требованію государства, а въ прежнее время, какъ и въ послѣдующее, формировавшее собственными силами и средствами цѣлые отряды войскъ,—сословіе это было въ рукахъ Петра Великаго вѣрнымъ и надежнымъ средствомъ и силою для скорѣйшаго достиженія государственныхъ цѣлей. Независимо отъ обычнаго пользованія такою службою дворянства, Петръ Великій, не стѣснялся помѣщичьими правами этого дворянства, дозволилъ еще крѣпостнымъ людямъ безнаказанно оставлять своихъ помѣщиковъ для поступленія въ военную службу, а отъ помѣщиковъ требовалъ, чтобы они неопустительно и съ точностію платили государственные налоги по числу проживавшихъ въ ихъ помѣстьяхъ людей, были ли то крестьяне ихъ, или дворовые, или даже гулящіе люди. Затѣмъ Петръ требовалъ только, чтобы помѣщики не торговали своими крѣ-

---

[7]) Бартенева. Девятнадцатый вѣкъ, книга вторая. Записка о разныхъ предположеніяхъ по предмету освобожденія крестьянъ, стр. 170.

постными, какъ скотомъ, и не допускали себѣ, въ обращеніи съ ними, жестокихъ поступковъ,—зачѣмъ смотрѣть и обязывалъ губернаторовъ, требуя, чтобы за это жестокое обращеніе имѣнія отъ злоупотребляющихъ своею властію помѣщиковъ отбирались и продаваемы были ихъ родственникамъ. [8])

При преемникахъ Петра Великаго до Екатерины II-й включительно, царствованія которыхъ отличались вообще огромною силою и значеніемъ придворныхъ вельможъ и аристократіи, а слѣдовательно и дворянства, положеніе крѣпостнаго люда не только не было облегчено, но права помѣщиковъ на ихъ крѣпостныхъ еще болѣе укрѣплены и увеличены силою законовъ и повелѣній, исходившихъ отъ верховной власти. Такъ при Аннѣ Іоанновнѣ запрещено крѣпостнымъ людямъ вступать въ подряды, покупать земли и людей въ услуженіе. При Елизаветѣ Петровнѣ уже били плетьми и ссылали на заводы тѣхъ крѣпостныхъ, которые самовольно уходили отъ помѣщиковъ для поступленія въ солдаты; а помѣщикамъ, которыми могли быть только дворяне, дозволялось какъ покупать людей безъ земли, такъ и продавать ихъ для отдачи въ рекруты, отдѣляя родителей отъ дѣтей, мужа отъ жены, а также и ссылать крестьянъ, по волѣ ихъ помѣщиковъ, въ Сибирь. При Екатеринѣ II-й были подтверждены всѣ прежнія привиллегіи помѣщиковъ и, кромѣ права помѣщиковъ ссылать крестьянъ въ Сибирь и отдавать въ рекруты, дано помѣщикамъ еще право отдавать крѣпостныхъ въ каторжную работу. [9])

Но усиливая права помѣщиковъ надъ ихъ крѣпостными людьми, Екатерина II-я далеко не сочувствовала продолженію существовавшаго у насъ крѣпостнаго права; напротивъ она желала совершеннаго его уничтоженія, что прямо доказывается тѣмъ, что въ данномъ ею Наказѣ Комиссіи для составленія законовъ, она прямо обращаетъ вниманіе членовъ этой Комиссіи—депутатовъ на необходимость мѣръ противъ жестокаго обращенія помѣщиковъ съ крѣпостными, на необходимость дать крѣпостнымъ какую нибудь неприкосновенную и независѣвшую отъ воли помѣщика собственность, на вымираніе значительной части прироста въ крестьянскомъ сословіи, на нищету его и на опустѣніе многихъ земель, происходящее отъ непомѣрныхъ налоговъ и тягостей, возлагаемыхъ помѣщиками на крѣпостныхъ, на лѣнивыхъ властелиновъ и т. п.,—хотя въ то же время Екатерина II признаетъ невозможнымъ одновременное освобожденіе отъ рабства всего крѣпостнаго люда. [10]) Но высказывая такія человѣколюбивыя побужденія, Екатерина сознавала, что осуществленіе ея предположеній встрѣтитъ значительное противодѣйствіе, *какъ и доказали послѣдствія,* со стороны дворянства, а неизбѣжное оглашеніе ея воззрѣнія среди крѣпостнаго населенія вызоветъ, еще до рѣшенія возбуждаемаго ею вопроса, между крестьянами волненіе, смуту и нескончаемый рядъ жалобъ на помѣщиковъ, жалобъ, по которымъ власть пока еще безсильна будетъ произ-

---

[8]) Водовозова,—Очерки изъ русской исторіи XVIII вѣка, стр. 25 и 26.
[9]) Тамъ же, стр. 26 и 27.
[10]) Тамъ же, стр. 251 и 252.

нести свое правдивое слово. Поэтому Екатерина, подписавъ свой Наказъ въ 1766 году, почти одновременно, а именно въ слѣдующемъ 1767 году, издала указъ, по которому запрещены всякія жалобы крестьянъ на помѣщиковъ подъ страхомъ наказанія кнутомъ и ссылки въ вѣчную каторжную работу. [11])

Впрочемъ, нѣкоторое начало освобожденію крестьянъ было положено еще въ предшествовавшее хотя и кратковременное царствованіе тѣмъ, что Петръ III устранилъ церкви и монастыри отъ непосредственнаго управленія крѣпостными, проживавшими въ церковныхъ и монастырскихъ помѣстьяхъ, а изданіемъ указа о вольности дворянской, освобождавшаго дворянъ отъ обязательной службы, [12]) давалъ справедливый поводъ разсуждать, что если миновалась обязательная служба государству помѣщиковъ, то тѣмъ самымъ должно бы уничтожаться и право ихъ на крѣпостныхъ, данное имъ именно ради этой обязательной службы. Но ни этотъ указъ Петра III, ни подтверждавшіе и расширявшіе это право свободы дворянъ отъ обязательной службы, указъ Екатерины II и жалованная грамота дворянству 21 апрѣля 1785 г. не были поводомъ къ уничтоженію крѣпостнаго права. Поводъ этотъ совершенно не былъ въ виду, какъ верховной власти, издававшей эти законы, такъ и самихъ дворянъ, смотрѣвшихъ на эти новыя узаконенія исключительно, какъ на новыя себѣ льготы, новыя привиллегіи дворянства—и только. Между тѣмъ узаконенія эти должны были бы имѣть первостепенную важность въ дѣлѣ уничтоженія крѣпостнаго сословія. „Прикрѣпленіе крестьянъ, говоритъ Безобразовъ, было послѣдствіемъ государственнаго тягла, наложеннаго на дворянство: оно должно было обезпечивать его службу; отмѣна обязательной службы дворянъ, безъ отмѣны обязательной службы крестьянъ, была величайшею государственною несправедливостью и несообразностію“. [13]) – Крѣпостное право, говоритъ Стоюнинъ, „имѣло нѣкоторый смыслъ только тогда, когда отъ дворянства требовалась обязательная поголовная служба государства: дворянинъ могъ пользоваться даровымъ трудомъ крестьянина только на томъ основаніи, что онъ самъ обязанъ былъ работать на государство. Отношенія его къ государству и къ нему крестьянина были одинаковы. За всѣ вины оно точно также наказывало его, не исключая и ботаговъ, какъ онъ могъ наказывать своихъ крестьянъ, не отвѣчая ни передъ кѣмъ. Но какъ скоро дворянство было освобождено отъ обязательной службы, то, какъ прямое логическое послѣдствіе, и крестьянство должно было освободить отъ обязательнаго труда. Вольность дворянства вызывала и вольность крестьянства. Безъ этого же, при одной вольности дворянства, крѣпостное право должно было явиться въ самомъ отвратительномъ видѣ, какъ учрежденіе, уже потерявшее свой смыслъ и потому въ высшей степени безнравственное“. [14])—Но эти юридическія осно-

---

[11]) Водовозова.—Очерки изъ русской исторіи XVIII вѣка, стр. 275.

[12]) Тамъ же, стр. 231.

[13]) Безобразова. Аристократія и интересы дворянства. См. Русск. Вѣстникъ 1859 года книга I, стр. 115 и 116.

[14]) Стоюнина. Наша семья. См. Вѣстникъ Европы 1884 г. книга I, стр. 48.

ванія къ уничтоженію крѣпостнаго состоянія не были приняты ни въ какое соображеніе до самаго послѣдняго времени, предшествовавшаго этому освобожденію: о нихъ какъ будто забыли.

Въ учрежденной Екатериною II Комиссіи для составленія новаго Уложенія, какъ и ожидать должно было, при обсужденіи вопроса о крѣпостномъ правѣ возникли жаркіе споры. Отстаивавшіе крѣпостное право указывали, въ случаѣ освобожденія крестьянъ, на слѣдующія предвидимыя затрудненія и послѣдствія: 1) едвали освобожденнымъ крестьянамъ будетъ лучше подъ властію чиновниковъ, чѣмъ подъ властію помѣщиковъ; 2) было бы величайшею несправедливостью отобрать у помѣщиковъ земли и отдать ихъ крестьянамъ; 3) повинности крестьянъ, которыя бы они должны отбывать въ пользу помѣщиковъ за уступленныя ими земли, съ точностію исчислить невозможно; 4) освобожденный съ землею крестьянинъ при первой нуждѣ свою землю продастъ, а отъ этого размножатся безземельные и нищіе, которымъ помѣщики пособлять уже не будутъ; 5) повсюду ослабѣетъ духъ повиновенія и водворится вредное „умственное“ равенство; 6) добрые господа теперь лучшіе судьи въ разбираемыхъ ими дѣлахъ своихъ крестьянъ, чѣмъ какими будутъ судьи, выбранные изъ среды ихъ самихъ; 7) недостаточные дворяне не будутъ имѣть у себя ни повара, ни кучера, ни лакея. [15]) Въ общемъ же выводѣ всѣ эти доводы сводились къ тому, что освобожденіе крестьянъ будетъ забвеніемъ и оскорбленіемъ заслугъ русскаго дворянства передъ отечествомъ.—Конечно, въ средѣ членовъ Комиссіи были люди, стоявшіе за улучшеніе положенія крѣпостнаго сословія; но голосъ ихъ былъ слишкомъ слабъ, всѣ предположенія, клонившіяся къ освобожденію крестьянъ, значительнымъ большинствомъ голосовъ членовъ Комиссіи были отвергнуты и такимъ образомъ занятія Комиссіи не привели ни къ какому прямому удовлетворительному результату. Тѣмъ не менѣе, по свидѣтельству одного изъ нашихъ органовъ печати, лучшіе умы XVIII вѣка, какъ Радищевъ, занялись проэктами объ освобожденіи крестьянъ. [16])

Упоминая однакоже о воззрѣніяхъ лучшихъ умовъ XVIII вѣка на крѣпостное право, нельзя пройти молчаніемъ и противоположныхъ воззрѣній представительницы высокаго ума и образованія во времена Екатерины II—княгини Дашковой, воззрѣній, высказанныхъ ею въ разговорѣ съ тогдашнимъ свѣтиломъ западно-европейскаго ума и образованности—Дидро (Дидеротомъ), гостившимъ въ ту пору въ Россіи. Дидро въ разговорѣ съ Дашковою сильно настаивалъ на необходимости освобожденія русскихъ крестьянъ въ интересахъ образованія ихъ и развитія народнаго богатства въ Россіи. Со своей стороны княгиня Дашкова горячо отстаивала крѣпостное право и на замѣчанія Дидро возражала, между прочимъ, слѣдующими доводами: „Богатство и счастіе нашихъ крестьянъ составляютъ единственный источникъ нашего собственнаго благосостоянія и нашихъ доходовъ; при такой аксіомѣ *надо быть*

---

[15]) Водовозова. Очерки изъ русской исторіи XVIII вѣка, стр. 258—273.

[16]) Русскія Вѣдомости 1884 года № 50.

сумасшедшимъ, чтобы истощать родникъ нашего личнаго интереса.—Вы извините меня,—продолжала княгиня,—если я замѣчу, что вы смѣшиваете дѣйствіе съ причиной: образованіе ведетъ за собой свободу, а не сводоба творитъ образованіе. Свобода безъ образованія непремѣнно вызоветъ безначаліе и смуту. Когда низшіе классы моихъ соотечественниковъ будутъ просвѣщены, тогда они сдѣлаются достойными свободы, потому что *будутъ умѣть пользоваться ею*, не вредя своимъ согражданамъ и не нарушая необходимой во всякомъ цивилизованномъ обществѣ подчиненности". [17])

Итакъ, ни табель о рангахъ Петра Великаго, установлявшая особое жалованье за службу, ни грамота Екатерины, освобождавшая дворянъ отъ обязательной службы, не послужили достаточнымъ основаніемъ для прекращенія крѣпостнаго состоянія. Напротивъ, по замѣчанію одного изъ изслѣдователей нашего историческаго быта, грамота Екатерины, освобождавшая дворянъ отъ прежней обязательной службы, послужила только поводомъ еще къ большему отягощенію судьбы крѣпостныхъ. Прежде помѣщикъ, обязанный службою, внѣ своихъ помѣстій не имѣлъ ни времени, ни возможности входить въ непосредственныя отношенія къ своимъ крестьянамъ и въ столкновенія съ ихъ личными интересами. Теперь, пользуясь дарованнымъ дозволеніемъ служить или не служить, дворяне удалились въ свои деревни и здѣсь, при безграничныхъ своихъ правахъ на крѣпостныхъ, при бездѣятельной жизни, при низкомъ умственномъ и нравственномъ своемъ развитіи, дали полную свободу своимъ алчнымъ и всякаго рода несправедливымъ и порочнымъ притязаніямъ къ личности и вообще человѣческимъ правамъ своихъ крѣпостныхъ. [18])— Образцы такого дикаго пониманія своихъ правъ въ отношеніи крѣпостныхъ, хотя можетъ быть и нѣсколько въ преувеличенномъ видѣ, представилъ Фонъ-Визинъ, писатель Екатерининскаго вѣка, въ выведенныхъ имъ на сцену въ „Недорослѣ" помѣщикахъ Скотининѣ и Простаковой. Приведемъ нѣсколько словъ изъ этой комедіи:

Простакова. Ну! Теперь то я дамъ зорю канальямъ своимъ людямъ. Теперь то я всѣхъ переберу по одиночкѣ. Нѣтъ мошенники! Нѣтъ воры! Вѣкъ не прощу этой насмѣшки.

Правдинъ. А за что вы хотите наказывать людей вашихъ?

Простакова. Ахъ, батюшки, что это за вопросъ? Развѣ я не властна и въ своихъ людяхъ?

Правдинъ. А вы считаете себя въ правѣ драться тогда, когда вамъ вздумается?

Скотининъ. Да развѣ дворянинъ не воленъ поколотить слугу, когда захочетъ?

Правдинъ. Когда захочетъ! Да что за охота? Прямой ты Скотининъ. Нѣтъ, сударыня, тиранствовать никто не воленъ.

---

[17]) Бартенева. Осьмнадцатый вѣкъ, книга I, стр. 346 и 347.

[18]) В. Стоюнина. Наша семья. См. Вѣстн. Европы 1881 г. январьская книжка, стр. 37.

Простакова. Не воленъ! Дворянинъ, когда захочетъ, и слуги высѣчь не воленъ! Да на чтожъ данъ намъ указъ—отъ о вольности дворянства? [19]) и т. д.

Будемъ думать однакоже, что примѣры подобнаго звѣрскаго обращенія помѣщиковъ съ крѣпостными были весьма не часты. Благодарное воспоминаніе о нѣкоторыхъ помѣщикахъ, бывшихъ и въ то время и въ послѣдствіи попечительными отцами о своихъ крѣпостныхъ, остается еще и въ народной памяти и отчасти въ литературѣ. [20]) Приведемъ еще разсказъ объ одномъ вельможѣ того же Екатерининскаго вѣка, изъ котораго отчасти видно гуманное отношеніе его къ крѣпостнымъ, отчасти пониманіе имъ высшаго блага—человѣческой свободы.

„Разъ управляющій имѣніями графа Кирилла Григорьевича Разумовскаго пришелъ ему объявить, что нѣсколько сотенъ изъ его крестьянъ бѣжали въ Новороссійскій край. „Можно ли быть до такой степени неблагодарными!“ добавилъ управляющій. „Ваше сіятельство—истинный отецъ своихъ подданныхъ.“—„Батько хорошъ“, отвѣчалъ Разумовскій, „да матушка свобода въ тысячу разъ лучше. Умные хлопцы: на ихъ мѣстѣ я бы тоже ушелъ“. [21])

Въ какой степени страстно ожидалъ русскій крѣпостной людъ освобожденія отъ помѣщичьей власти, всего нагляднѣе доказываютъ событія, сопровождавшія бунтъ Пугачева: простой, безграмотный, грубый казакъ, дерзнувшій принять на себя имя Императора Петра III, съумѣлъ взволновать все государство ничѣмъ инымъ, какъ объявленіемъ воли крѣпостнымъ людямъ, огромными массами становившимся на его сторону. Послѣ пораженій, которыя ему наносили войска правительства, у него, какъ изъ земли, выростало новое войско. Дошло до того, что опасность отъ Пугачева грозила самой столицѣ и даже сама Императрица рѣшалась было лично предводительствовать войсками для отраженія простаго разбойника и окружавшей его сволочи. [22])—Но еще долго привелось крѣпостному люду ожидать своей желанной свободы.

Съ Екатерины Второй медленно подвигалось впередъ дѣло облегченія участи крѣпостнаго сословія, но всетаки подвигалось. Императоръ Павелъ I издалъ указы, чтобы помѣщики не заставляли крестьянъ работать въ праздничные дни, а барщина, т. е. работа на помѣщика, была ограничена тремя днями въ недѣлю; въ Малороссіи же и совсѣмъ было запрещено продавать крестьянъ безъ земли. Имѣнія помѣщиковъ, которые не кормили своихъ крестьянъ во время голода, Императоръ приказывалъ безъ всякихъ разсужденій брать въ опеку. [23]) Преемникъ его Александръ I, съ самаго вступленія своего на престолъ, открыто и часто осуждалъ существовавшее въ Россіи рабство, какъ противное законамъ Божескимъ и человѣческимъ,—такъ что между низшими классами распространилась молва, что скоро послѣдуетъ освобожденіе

---

[19]) Фонъ-Визина. Недоросль, дѣйствіе V, явленіе III.

[20]) Напримѣръ, Бердовскаго: Павелъ Михаиловичъ Волконскій.

[21]) Бартенева. Осьмнадцатый вѣкъ, книга II, стр. 626.

[22]) Мордовцева. Политич. движенія русскаго народа, т. I. стр. 16, 18, 105, 186 и друг.

[23]) Водовозова. Очерки русской исторіи XVIII вѣка, стр. 541.

крестьянъ. „Русскіе крестьяне, писалъ онъ одному высшему сановнику государства, по большей части рабы; мнѣ нечего распространяться объ униженіи и несчастіи такого положенія. Поэтому я далъ себѣ обѣтъ не увеличивать числа ихъ и принялъ себѣ за правила никогда не давать крестьянъ во владѣніе". [24]) Черезъ два года по вступленіи на престолъ, воспользовавшись тѣмъ, что одинъ изъ значительныхъ помѣщиковъ—графъ Румянцевъ изъявилъ желаніе отпустить на волю нѣкоторыхъ изъ своихъ крестьянъ, надѣливъ ихъ при томъ участками земель. Александръ I разрѣшилъ графу Румянцеву, а вмѣстѣ съ тѣмъ и другимъ желающимъ помѣщикамъ такое увольненіе, а изъ всѣхъ уволенныхъ такимъ образомъ съ землею крестьянъ учредилъ особый разрядъ сельскаго сословія подъ названіемъ свободныхъ хлѣбопашцевъ. Вслѣдъ затѣмъ онъ воспретилъ дѣлать объявленія о продажѣ людей безъ земли и совершать *купчія крѣпости на рекрутскія квитанціи*. Кромѣ того Александръ I обращалъ постоянное вниманіе на предупрежденіе и прекращеніе случаевъ злоупотребленія помѣщичьей власти. [25]) Подобнымъ образомъ Императоръ Александръ I-й воспользовался заявленіями дворянства Остзейскихъ губерній, желавшаго улучшить положеніе своихъ крѣпостныхъ. Результатомъ совокупныхъ стараній и совѣщаній этого дворянства и административныхъ властей, изъ которыхъ послѣднія руководились указаніями и настояніями Государя, были выработаны и утверждены въ 1816, 17 и 19 годахъ особыя для каждой изъ этихъ трехъ губерній положенія о мѣстныхъ крестьянахъ. Сущность этихъ положеній въ общихъ чертахъ заключалась въ томъ, что личное крѣпостное право отмѣнялось, дворянство сохраняло право собственности на землю, а отношенія между помѣщиками и крестьянами опредѣлялись особыми по каждому имѣнію контрактами; на введеніе же этого порядка опредѣлялся переходный срокъ до 14-ти лѣтъ. [26]) Само собою разумѣется, что вліяніе Государя, сочувствовавшаго дѣлу освобожденія, и разумное пониманіе правъ человѣческой личности не могли не отражаться и въ средѣ образованныхъ помѣщиковъ великороссійскихъ губерній. Подъ этими вліяніями въ 1820 году многіе богатые помѣщики составленнымъ ими актомъ обязывались освободить своихъ крѣпостныхъ крестьянъ. Къ подписанію этого акта приглашались всѣ, раздѣлявшіе ихъ мнѣніе, а потомъ предполагалось образовавшемуся такимъ образомъ обществу избрать комитетъ для составленія проэкта положенія, который чрезъ министра внутреннихъ дѣлъ представить на Высочайшее утвержденіе. Но Императоръ Александръ I встрѣтилъ холодно это стремленіе и отстранилъ совокупную дѣятельность общества предоставленіемъ каждому лицу составлять свой проэктъ и представлять его министру внутреннихъ дѣлъ. Тѣмъ это дѣло и кончилось. Извѣстно только, что въ составленіи предположеній объ учрежденіи этого общества участвовали и нѣкоторые изъ главныхъ

[24]) Лакроа. Исторія жизни и царствованія Императора Николая I, томъ I, выпускъ I, стр. 150 и 24—25. Н. Шутяы. Обозрѣніе жизни и царствованія Императора Александра I.

[25]) См. Вартенева. Девятнадцатый вѣкъ, книга I, стр. 431.

[26]) Тамъ же, стр. 471 и 472.

участниковъ сформировавшагося въ послѣдніе годы царствованій Александра I тайнаго революціоннаго общества, разразившагося въ послѣдствіи декабрьскими событіями 1825 года. [27]) Что было причиною этого отказа, сдѣланнаго Императоромъ Александромъ I, отказа, который конечно долженъ былъ огорчить начинателей этого дѣла, опредѣлить трудно. Было ли это холодное отношеніе къ сдѣланнымъ заявленіямъ уже началомъ того охлажденія къ окружавшимъ и подозрительности, которыя начали обнаруживаться въ послѣдніе годы царствованія Александра I, повліяли ли на него доводы противъ уничтоженія крѣпостнаго сословія, высказанные въ запискѣ Карамзина о древней и новой Россіи, не надѣялся ли Государь на полученіе благотворныхъ результатовъ отъ дѣятельности проэктируемаго общества, возбуждали ли его противъ проэкта недостатки, обнаружившіеся на опытѣ въ утвержденныхъ уже положеніяхъ для остзейскихъ губерній,—остается неизвѣстнымъ.

Итакъ, начиная съ Екатерины II, и верховная власть, и лучшіе государственные умы сознавали необходимость уничтоженія крѣпостнаго состоянія; но въ виду высказываемыхъ величайшихъ тревогъ и опасеній за будущія судьбы Россіи послѣ этого уничтоженія вопросъ этотъ надвигался грознымъ вопросомъ. Екатерина II отступила предъ этою реформою, Александръ I также не рѣшался приступить прямо къ разрѣшенію этой грозной задачи и думалъ, что, прежде чѣмъ дать свободу народу, должно обучить его, и потому старался покровительствовать распространенію образованія во всѣхъ слояхъ русскаго общества. Но общественное мнѣніе о скорѣйшей необходимости уничтожить крѣпостное состояніе, поддерживаемое надеждами на осуществленіе его болѣе чѣмъ въ теченіе пятидесяти лѣтъ, распространялось все болѣе и болѣе и начинало все громче высказываться. Уже въ 1819 году юноша—поэтъ А. С. Пушкинъ, со свойственнымъ юношескому возрасту увлеченіемъ, въ такомъ видѣ нарисовалъ картину помѣщичьей деревни и помѣщичьей власти:

Не видя слезъ, не внемля стона,
На пагубу людей избранное судьбой,
Здѣсь барство дикое, безъ чувства, безъ закона,
Присвоило себѣ насильственной лозой
И трудъ, и собственность, и время земледѣльца.
Склонясь на чуждый плугъ, покорствуя бичамъ,
Здѣсь рабство тощее влачится по браздамъ
Неумолимаго владѣльца.
Здѣсь тягостный яремъ до гроба всѣ влекутъ;
Надеждъ и склонностей въ душѣ питать не смѣя,
Здѣсь дѣвы юныя цвѣтутъ
Для прихоти развратнаго злодѣя;
Опора милая старѣющихъ отцовъ,
Младые сыновья, товарищи трудовъ,

---

[27]) См. Бартенева. Девятнадцатый вѣкъ, книга I, стр. 473.

Изъ хижины родной идутъ собою множить
Дворовыя толпы измученныхъ рабовъ.
О, еслибъ голосъ мой умѣлъ сердца тревожить! [28])

Императоръ Николай I, еще будучи великимъ княземъ и не имѣя въ то время никакихъ видовъ на престолъ, часто бесѣдовалъ съ исторіографомъ Карамзинымъ о необходимости уничтожить въ Россіи крѣпостное состояніе и зная, что державный братъ его Александръ I глубоко сочувствуетъ дѣлу освобожденія крестьянъ, молилъ Бога о возможно долгайшемъ царствованіи Александра, выражая при томъ надежду, что онъ довершитъ предполагаемую крестьянскую реформу. [29])—При такихъ воззрѣніяхъ Императора Николая I и напряженномъ состояніи умовъ, ожидавшихъ скорой крестьянской реформы, естественно было бы ожидать, что по крайней мѣрѣ эта реформа осуществится въ его царствованіе. Но печальныя событія 14 декабря 1825 года, которыми ознаменовалось вступленіе его на престолъ и которыя заставили его принести въ жертву не малое число людей, принадлежавшихъ къ лучшимъ аристократическимъ фамиліямъ и при томъ отличавшихся высокимъ образованіемъ, событія эти, обнаруживъ, что революціонное западно-европейское движеніе уже готово ворваться въ Россію, заставили его прежде всего сосредоточить всѣ усилія, всю энергію, чтобы не допустить развитія революціи въ Россіи. Освобожденіе крестьянъ, при которомъ неизбѣжно могли быть затронуты неудовлетворенные интересы или дворянства, или крѣпостнаго сословія, конечно, могло быть однимъ изъ могущественныхъ рычаговъ, которые могли бы вызвать революціонное движеніе. Поэтому Николай I, какъ сейчасъ будетъ сказано, не оставилъ задушевной мысли своихъ предшественниковъ и собственной объ освобожденіи крестьянъ, но дѣйствовалъ въ этомъ дѣлѣ съ крайнею осторожностію. Извѣстно, что главные виновники декабрьскаго возмущенія, за которыми навсегда осталось и въ исторіи и въ памяти народной названіе декабристовъ, люди эти главною цѣлью своего возмущенія поставили ограниченіе верховной власти Русскаго Монарха; но конечно и освобожденіе крѣпостнаго сословія было одною изъ самыхъ видныхъ, намѣченныхъ ими второстепенныхъ цѣлей. Извѣстно, что всѣ декабристы сочувствовали дѣлу освобожденія, хотя, какъ и должно было ожидать, не имѣли при этомъ никакого общаго опредѣленнаго плана и потому, естественно, расходились между собою въ опредѣленіи средствъ для этой реформы. [30]) Одинъ изъ историковъ разсказываетъ, что Императоръ Николай I, во время производившагося надъ арестованными декабристами слѣдствія, пожелалъ самъ видѣть нѣкоторыхъ изъ нихъ и предложить имъ нѣсколько вопросовъ. [31]) Былъ слухъ, что между прочимъ кто-то изъ декабристовъ при этомъ свиданіи высказалъ Государю, что цѣлію ихъ

---

[28]) Сочиненія А. С. Пушкина, изд. Ефремова, томъ I, стр. 222.

[29]) Лакроа. Исторія жизни и царствованія Николая I, томъ I, стр. 150.

[30]) Бартенева. Девятнадцатый вѣкъ, книга I, стр. 361.

[31]) Изъ слышанныхъ мною въ 40-хъ годахъ разсказовъ. На чемъ былъ основанъ этотъ разсказъ и въ какой степени справедливъ, ничего сказать не умѣю.

возмущенія было, между прочимъ, достигнуть тщетно ожидаемаго освобожденія крестьянъ „А знаете ли вы“, отвѣчалъ съ горькимъ упрекомъ Государь, „что вы своимъ безумнымъ вмѣшательствомъ отодвинули осуществленіе этого благодѣтельнаго дѣла, можетъ быть, на цѣлыя пятьдесятъ лѣтъ? [32]) И дѣйствительно, какъ показалъ опытъ, реформа эта совершилась впослѣдствіи только черезъ 35-ть лѣтъ.

Усмиривъ возмущеніе, возникшее при вступленіи его на престолъ и по возможности уничтоживъ вредныя его послѣдствія, Императоръ Николай I въ первый же годъ своего царствованія далъ движеніе всѣмъ ранѣе составленнымъ проэктамъ по крѣпостному вопросу. Всѣ эти проэкты были переданы имъ на разсмотрѣніе въ особо утвержденный имъ 6 декабря 1826 года комитетъ для обсужденія важнѣйшихъ государственныхъ дѣлъ. Комитету этому вмѣнялось въ обязанность изыскать мѣры, какія должны быть приняты для улучшенія положенія крѣпостныхъ поселянъ и дворовыхъ людей и для достиженія небыстрыми, но вѣрными и безопасными средствами совершеннаго освобожденія ихъ отъ рабства. [33]) Занятія этого комитета непрерывно продолжались до 1830 года, когда заключенія комитета, вмѣстѣ съ состоявшимися по другимъ порученнымъ ему вопросамъ, внесены были въ Государственный Совѣтъ. Заключеніе Государственнаго Совѣта,— сущность котораго состояла въ томъ, чтобы всѣ предположенія, клонящіяся къ улучшенію государственнаго строя, приводились въ исполненіе по частямъ и безъ излишней поспѣшности,— было представлено въ томъ же году на благоусмотрѣніе Государя, который, сдѣлавъ по представленнымъ проэктамъ свои замѣчанія, потребовалъ отъ предсѣдателя Государственнаго Совѣта дополнительныя объясненія. Были ли эти объясненія представлены Государю, неизвѣстно, и затѣмъ другихъ свѣдѣній о дальнѣйшей участи этого дѣла нѣтъ. Но такъ какъ въ то же время совершилась революція во Франціи, а потомъ Польскій мятежъ, то можно предполагать, что событія эти остановили исполненіе великихъ предначинаній къ измѣненію крѣпостнаго состоянія въ Россіи. Остановка эта продолжалась до 1839 года. Съ этого времени начинается рядъ утверждавшихся одинъ за другимъ уже секретныхъ комитетовъ, занимавшихся разсмотрѣніемъ вопросовъ относительно крѣпостнаго состоянія, рядъ, продолжающійся почти до конца царствованія Императора Николая I. Послѣдній изъ этихъ комитетовъ, шестой по счету, состоялъ подъ личнымъ предсѣдательствомъ бывшаго тогда Государя Наслѣдника Александра Николаевича и продолжалъ свои дѣйствія почти до начала великой Крымской войны, поглотившей все вниманіе какъ Государя, такъ и его подданныхъ. [34]) Всѣ эти комитеты, правда, не привели къ прямому и окончательному результату; но крѣпостной вопросъ былъ въ нихъ выясненъ со всѣхъ сторонъ, выслушаны и разсмотрѣны разныя мнѣнія

---

[32]) Лакроа. Исторія Николая I, томъ I, выпускъ II. стр. 176—178.
[33]) Бартенева. Девятнадцатый вѣкъ, книга II, стр. 158 и 159.
[34]) Тамъ же, стр. 159—208.

о способахъ уничтоженія крѣпостнаго состоянія, проведены по подлежащимъ министерствамъ воззрѣнія и намѣренія правительства по этому вопросу, съ воззрѣніями этими начали и подчиненныя власти сообразовать свой образъ дѣйствій. Хотя эти комитеты работали секретно, тѣмъ не менѣе свѣдѣнія объ этихъ работахъ проникли въ среду общества: общественное мнѣніе было подготовлено къ скорой предстоящей реформѣ. Убѣжденіе въ скорости предстоящей реформы проникло и въ среду крестьянскаго сословія, которое выработало себѣ собственное сознаніе о томъ, какимъ способомъ правительство вырѣшитъ крѣпостной вопросъ: правительство, думали они, освободивъ крестьянъ изъ-подъ власти помѣщиковъ, взамѣнъ крестьянскихъ повинностей, смотря по доходамъ помѣщиковъ, будетъ производить имъ изъ казны царское жалованье.[35])

Со временемъ существованія послѣднихъ комитетовъ, учреждавшихся Императоромъ Николаемъ I-мъ для разсмотрѣнія вопросовъ о крѣпостномъ состояніи, совпадаютъ нѣкоторыя явленія въ нашей литературѣ, о которыхъ слѣдуетъ упомянуть, во первыхъ какъ о такихъ, при помощи которыхъ поддерживалось враждебное чувство противъ продолжавшаго существовать крѣпостнаго права. Въ 1846 году Гоголь издалъ послѣднее свое произведеніе „Переписку съ друзьями“, въ которой онъ касался многихъ сторонъ русской жизни и въ которой есть нѣсколько строкъ и о крѣпостномъ бытѣ. Извѣстный критикъ того времени Бѣлинскій, находившійся ранѣе въ самыхъ пріязненныхъ отношеніяхъ къ Гоголю, а въ это время больной, озлобленный и противъ всѣхъ и всего раздраженный, находясь въ Зальцбруннѣ, куда онъ поѣхалъ лѣчиться, написалъ въ 1847 году Гоголю въ отвѣтъ на эту „Переписку“ ругательное письмо.[36]) Письмо это въ цѣломъ своемъ видѣ никогда не было напечатано, да и не можетъ быть напечатано даже при самой снисходительной цензурѣ, хотя, вѣроятно, напечатано въ заграничныхъ изданіяхъ революціонной печати; но оно ходило, а иногда и нынѣ показывается, по рукамъ въ рукописи. Въ письмѣ этомъ Бѣлинскій, извращая, преувеличивая и перетолковывая по своему слова Гоголя о крѣпостномъ бытѣ, упрекаетъ Гоголя въ томъ, что онъ въ ту пору, когда русское правительство озабочено уничтоженіемъ крѣпостнаго права, „является съ книгою, въ которой во имя Христа и Церкви учитъ варвара—помѣщика наживать отъ крестьянъ побольше денегъ, ругая ихъ неумытыми рылами“. Далѣе Бѣлинскій упрекаетъ Гоголя за его понятіе о національномъ русскомъ судѣ и расправѣ, „идеалъ котораго Гоголь нашелъ будто бы въ словахъ глупой бабы въ повѣсти Пушкина, по разуму которой нужно пороть и праваго, и виноватаго“.[37]) Это озлобленное, несправедливое и придирчивое отношеніе Бѣлинскаго къ Гоголю, по поводу нѣсколь-

[35]) Безобразова. Аристократія и интересы дворянства. См. Русск. Вѣстникъ 1859 года первая книжка, стр. 115.

[36]) Болѣе подробно объ этомъ письмѣ Рудаковъ намѣренъ былъ говорить въ особой главѣ о движеніи литературы.

[37]) Сличи сочиненій Гоголя, третье изданіе его наслѣдниковъ, томъ IV, стр. 682—689.

кихъ совѣтовъ его русскому помѣщику, равно и то обстоятельство, что обвиненія, изложенныя въ письмѣ Бѣлинскаго, были восприняты молодымъ поколѣніемъ на вѣру, безъ справки съ подлинными словами Гоголя, указываетъ на то, какъ озлобленно смотрѣли тогда многіе на права русскаго помѣщика. Другой замѣчательный шагъ въ области нашей литературы былъ тотъ, что въ 1847 году Тургеневъ началъ печатать свои „Записки Охотника", заключавшія въ себѣ вѣрное, картинное описаніе разныхъ сценъ и случаевъ изъ крѣпостнаго быта. Нынѣ на это произведеніе Тургенева различные органы русской печати противоположнаго направленія смотрятъ различно. Такъ называемая либеральная печать смотритъ на „Записки Охотника", какъ на сочиненіе, написанное Тургеневымъ *натурально* съ извѣстнымъ политическимъ тенденціознымъ оттѣнкомъ, который однакоже весьма искусно былъ скрытъ Тургеневымъ отъ преслѣдованій тогдашней строгой цензуры, и только въ послѣдствіи былъ замѣченъ и вызвалъ административную кару на Тургенева—ограниченіе предѣловъ его мѣстожительства. Объясняя этою-то искусною маскировкою истинное направленіе Тургенева и непониманіе его русскою молодежью, одинъ изъ нашихъ либеральныхъ писателей, не безъ злорадства и насмѣшки, указываетъ на то, что администрація только тогда замѣтила направленіе Тургенева, когда всѣ его „Записки Охотника" уже давно пропустила въ печать тогдашняя цензура. [38]) Противоположная, консервативная часть русской прессы видитъ въ произведеніяхъ Тургенева не преднамѣренную тенденціозность, а только простое, вѣрное изображеніе дѣйствительности, безъ всякой задней мысли. Но мѣрѣ того, какъ въ обществѣ предчувствовалось приближеніе эпохи упраздненія крѣпостнаго права, это предчувствіе сказывалось и въ произведеніяхъ Тургенева—въ его „Запискахъ Охотника". Но мѣрѣ того, какъ въ русскомъ обществѣ, проявлялись смутныя, неопредѣленныя порыванія къ чему то новому, казавшемуся лучшимъ и какія то томительныя ожиданія, эти порыванія и томленія рисовались въ образахъ, снимаемыхъ съ натуры Тургеневымъ. [39])— Которое бы изъ этихъ воззрѣній печати на Тургенева ни было вѣрно, для насъ важно то, въ чемъ сходятся обѣ стороны,—именно, что „Записки Охотника" были не плодъ праздпаго вымысла, а рисунки съ натуры, и потому, можетъ быть, независимо отъ воли автора, производилъ возбуждающее и раздражающее впечатлѣніе и должны были поддерживать въ сознаніи людей мыслящихъ убѣжденіе о необходимости и безотлагательности крестьянск. реформы.

Скончался Императоръ Николай I-й, не успѣвши сдѣлать послѣдняго рѣшительнаго шага въ дѣлѣ освобожденія крестьянъ. Черезъ нѣсколько времени затихли и громы Севастополя. Парижскій трактатъ 1856 г., наложившій на Россію тяжелыя условія, оскорбилъ наше народное чувство, унизилъ значеніе наше въ собственныхъ глазахъ и въ глазахъ иностранныхъ державъ. Нужно было усиленное средство, нужно было событіе, не меньшей, чѣмъ

[38]) Газета „Новости" 1883 года № 225, статья Боборыкина, подъ заглавіемъ „О чемъ говорятъ".

[39]) Московскія Вѣдомости 1883 года №№ 247 и 254.

законченная война, государственной важности. Такимъ событіемъ, при помощи Божіей, должно было сдѣлаться уничтоженіе крѣпостнаго состоянія.

Начало этому по истинѣ великому дѣлу положено было Императоромъ Александромъ II въ 1857 году. Дворянство губерній виленской, гродненской и ковенской, пересматривая дѣйствовавшія въ этихъ губерніяхъ инвентарныя правила и руководясь нѣкоторыми указаніями министерства, признало необходимымъ освободить крестьянъ отъ крѣпостной зависимости, сохранивъ неприкосновенными права помѣщиковъ на землю,—о чемъ и вошло со всеподданнѣйшимъ ходатайствомъ чрезъ генералъ-губернатора этихъ губерній. Отвѣтомъ на это ходатайство былъ Высочайшій рескриптъ, данный генералъ-губернатору 20 ноября 1857 года. Въ рескриптѣ этомъ Государь прямо и положительно высказалъ, что намѣренія дворянства этихъ губерній соотвѣтствуютъ его видамъ и желаніямъ и потому Государь повелѣлъ въ каждой изъ этихъ губерній открыть составленные изъ мѣстныхъ дворянъ особые комитеты для предварительнаго составленія въ нихъ проэктовъ положенія о крестьянахъ, выходящихъ изъ крѣпостной зависимости, при чемъ Государь высказалъ и главныя основанія для составленія этого положенія. Существеннѣйшимъ изъ этихъ основаній было, что съ прекращеніемъ всякой личной зависимости крѣпостныхъ людей отъ помѣщиковъ, хотя за помѣщиками должно быть сохранено право собственности на всю землю, но крестьянамъ должны быть оставлены ихъ усадьбы съ тѣмъ, чтобы крестьяне въ теченіе опредѣленнаго срока пріобрѣли эти усадьбы въ собственность посредствомъ выкупа отъ помѣщиковъ. (Подъ усадьбами этими понимались избы, въ которыхъ крестьяне живутъ, съ дворомъ и принадлежностями, съ огородомъ и землею подъ оными). Кромѣ того помѣщики должны оставить въ пользованіе крестьянъ, необходимое для обезпеченія ихъ быта, количество пахатной и другой земли; за эту землю, поступающую въ пользованіе крестьянъ, послѣдніе обязываются платить помѣщику оброкъ, или отбывать въ пользу его извѣстныя работы. Поручивъ такимъ образомъ дворянамъ выработать на указанныхъ началахъ въ ихъ губернскихъ комитетахъ проэкты положенія и высказывая свою увѣренность, что дворянство вполнѣ оправдаетъ довѣріе Государя, оказываемое призваніемъ самого дворянства къ участію въ этомъ великомъ дѣлѣ, Государь возложилъ на генералъ-губернаторовъ и начальниковъ поименованныхъ трехъ губерній обязанность оказывать всевозможное содѣйствіе къ успѣшному окончанію возложенныхъ на дворянство занятій. Выработанные дворянствомъ проэкты положенія должны быть въ особой комиссіи сведены въ одно общее для этихъ губерній положеніе, которое затѣмъ и должно быть представлено на Высочайшее утвержденіе. Одновременно съ этимъ рескриптомъ Государь повелѣлъ министру внутреннихъ дѣлъ дать губернскимъ комитетамъ болѣе подробныя указанія началъ, которыя должны быть приняты дворянствомъ къ исполненію при возложенной на него работѣ. [40])

[40]) Скребицкаго. Крестьянское дѣло въ царствованіе Императора Александра II, томъ I, введеніе, стр. I—IX.

Приступая такимъ образомъ къ совершенію великой государственной реформы, Императоръ Александръ II не только указывалъ начала справедливости, которыя должны быть соблюдены относительно помѣщиковъ, теряющихъ права на своихъ крѣпостныхъ людей, но вмѣстѣ съ тѣмъ предупреждалъ возможность сформироваться изъ среды освобожден. крестьянъ классу бездомовныхъ людей, бобылей, не имѣющихъ никакой собственности, который могъ бы быть еще горшимъ зломъ для государства. Замѣтимъ только, что Государь съ тревогою относился къ тому переходному времени, когда державная воля его о предрѣшенномъ освобожденіи крестьянъ будетъ уже вѣдома всему народу, а между тѣмъ положеніе о крестьянахъ, выходящихъ изъ крѣпостной зависимости, еще не будетъ выработано. По этому какъ въ приведенномъ рескриптѣ 20 ноября 1857 года, такъ и въ послѣдующихъ по тому же предмету рескриптахъ Государь постоянно напоминалъ, что предположенія губернскихъ комитетовъ могутъ быть приведены въ исполненіе „не иначе, какъ постепенно, дабы не нарушать существующаго нынѣ хозяйственнаго устройства помѣщичьихъ имѣній и что начальники губерній обязаны строго наблюдать, чтобы крестьяне, впредь до завершенія предположенной реформы, оставаясь въ полномъ повиновеніи помѣщиковъ, не внимали никакимъ злонамѣреннымъ внушеніямъ и лживымъ толкамъ“. [41])

Министръ внутреннихъ дѣлъ, сообщивъ генералъ-губернатору виленской, гродненской и ковенской губерній подробныя указанія о предстоящей дѣятельности губернскихъ комитетовъ по крестьянскимъ дѣламъ, вслѣдъ затѣмъ сообщилъ копіи, какъ съ Высочайшаго рескрипта, такъ и съ этого своего отношенія къ генералъ-губернатору, всѣмъ начальникамъ губерній. Это сообщеніе однакоже не имѣло формы обязательнаго предписанія, но состоявшіяся по виленскому генералъ-губернаторству распоряженія сообщались начальникамъ губерній, какъ писалъ министръ въ своемъ циркулярѣ, только *на случай, еслибы дворянство вверенныхъ имъ губерній изъявило подобное же желаніе* освободить своихъ крестьянъ, какъ заявило это желаніе дворянство поименованныхъ трехъ губерній. [42]) Слѣдовательно и въ остальныхъ губерніяхъ починъ этому великому дѣлу какъ бы представлялся усмотрѣнію самого дворянства. Но державная воля Монарха уже ясно и положительно была высказана и, конечно, дворянство всѣхъ губерній поспѣшило сдѣлать свои заявленія, согласныя съ Высочайшею волею. Такимъ образомъ, не далѣе какъ черезъ пятнадцать дней по оглашеніи этой воли, первымъ откликнулось на призывъ Монарха, какъ и ожидать должно было, дворянство с.-петербургской губерніи. Отвѣтомъ на заявленіе этого дворянства о готовности заняться улучшеніемъ быта крѣпостныхъ людей этихъ губерній, на началахъ указанныхъ верховною властію, былъ подобный же благосклонный рескриптъ Государя о дозволеніи открыть въ петербургской губерніи губернскій комитетъ по крестьянскимъ

[41]) Скребицкаго. Крестьянское дѣло въ царств. Импер. Александра II, томъ I, введеніе, стр. II, III.

[42]) Тамъ же, стр. IX.

дѣламъ, сопровождавшійся подобными же указаніями министра внутреннихъ дѣлъ. Но, имѣя въ виду появившіеся уже въ средѣ народа толки неблагонамѣренныхъ людей и ложные слухи, распространяемые между крестьянами и помѣщиками, министръ настоятельно требовалъ отъ всѣхъ начальниковъ губерній преслѣдованія всякихъ толкованій, несогласныхъ съ Высочайшими указаніями и предупрежденія всякихъ случаевъ неповиновенія крестьянъ своимъ помѣщикамъ; для большаго же успокоенія помѣщиковъ присовокупилъ, что начальники губерній не должны употреблять никакихъ настояній или внушеній дворянству, кромѣ тѣхъ, которыя положительно были указаны Высочайшею волею. [43]) Между тѣмъ одно за другимъ поступали къ министру внутреннихъ дѣлъ заявленія дворянства прочихъ губерній, такъ что въ теченіе полугода такія заявленія поступили изъ всѣхъ губерній, гдѣ дворяне—помѣщики составляли организованныя дворянскія общества и имѣли свое внутреннее управленіе. По мѣрѣ поступленія этихъ заявленій, исходили отъ Государя отвѣтные рескрипты и повелѣнія объ открытіи мѣстныхъ губернскихъ комитетовъ. Въ виду такого всеобщаго заявленія дворянства, состоялось уже прямое Высочайшее повелѣніе о составленіи мѣстныхъ коммиссій для предварительнаго составленія проэктовъ объ улучшеніи быта крестьянъ въ тѣхъ губерніяхъ, гдѣ помѣщики не составляли организованныхъ дворянскихъ обществъ (какъ въ губерніяхъ и областяхъ сибирскихъ, области бессарабской и др.) и откуда слѣдовательно не могло поступить коллективныхъ заявленій дворянства, равно и въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ находились помѣстья и крѣпостные люди, не принадлежавшіе лицамъ дворянскаго сословія (какъ монастырямъ, церквамъ, заводамъ и т. п.). Такимъ образомъ вопросъ объ уничтоженіи крѣпостнаго состоянія на началахъ, указанныхъ верховною властію, поднятъ повсемѣстно на всемъ пространствѣ Имперіи. [44])

Говоря о всеобщемъ заявленіи, сдѣланномъ русскимъ дворянствомъ объ его готовности освободить своихъ крѣпостныхъ, нельзя однакоже, по долгу справедливости и безпристрастія, умолчать о нѣкоторыхъ отдѣльныхъ фактахъ, хотя и немногочисленныхъ, бросающихъ нѣкоторую тѣнь на частныхъ лицъ и нѣкоторыхъ помѣщиковъ въ отдѣльности. Въ то время, когда заявлено было во всеуслышаніе велѣніе верховной власти о томъ, что освобожденіе помѣщичьихъ крестьянъ можетъ состояться подъ непремѣннымъ условіемъ, чтобы во владѣніи ихъ осталась усадебная осѣдлость и въ пользованіи ихъ крестьянскія пашни, нѣкоторые помѣщики пытались до той поры, пока состоится окончательное освобожденіе крестьянъ, поставить ихъ въ такое положеніе, чтобы вся земля, которою крестьяне были надѣлены, могла вполнѣ поступить, по освобожденіи крестьянъ, въ собственность помѣщиковъ. Такое обезземеленіе крестьянъ прямо противорѣчило видамъ правительства, желавшаго не только видѣть крѣпостныхъ людей свободными, но вмѣстѣ съ тѣмъ и

---

[43]) Скребицкаго. Крестьянское дѣло въ царствов. Импер. Александра II, томъ I, введеніе, стр. XV.

[44]) Тамъ же, стр. XVIII—XXII.

имѣющими свою прочную осѣдлость, свою поземельную собственность. По этому въ 1858 году послѣдовали нѣкоторыя Высочайшія повелѣнія, имѣвшія цѣлью ограждение заявленныхъ уже правительствомъ намѣреній отъ такого противодѣйствія. Такъ помѣщикамъ были воспрещены: перечислять крестьянъ въ дворовые люди, выдавать имъ отпускныя на волю безъ согласія самихъ увольняемыхъ, сдавать крестьянъ въ рекруты съ зачетомъ въ счетъ будущихъ наборовъ, освобождать крестьянъ на волю безъ земли въ тѣхъ помѣстьяхъ, которыя заложены въ государственныхъ кредитныхъ установленіяхъ, покупать крѣпостныхъ людей безъ земли, если покупающій не имѣетъ достаточнаго для надѣла тѣхъ крестьянъ количества удобной земли, переселять помѣщичьихъ крестьянъ съ удобныхъ земель на неудобныя и т. п. [45])—Нельзя также съ грустію не замѣтить, что въ это время, когда польская шляхта убѣдилась, что Россія окончательно совлекаетъ съ себя позоръ землевладѣнія, шляхта эта немедленно усилила свои революціонные замыслы, а затѣмъ подняла и знамя мятежа,—подобно тому, какъ она поступила такимъ же образомъ при либеральныхъ стремленіяхъ русскаго правительства въ 1830 году. По поводу этого факта, одинъ изъ изслѣдователей нашей старины справедливо замѣчаетъ: „Истинная свобода, т. е. равенство передъ закономъ, всего страшнѣе тѣмъ, кто, по видимому, распинается за свободу“.. [46])

Одновременно съ оглашеніемъ воли Государя объ уничтоженіи крѣпостнаго состоянія, выраженной въ рескриптѣ 20 ноября 1857 года и послѣдующихъ, равно и во весь періодъ дѣятельности губернскихъ комитетовъ, начали поступать на разсмотрѣніе правительства проэкты и мнѣнія по крестьянскому вопросу отъ отдѣльныхъ лицъ, а въ печати появлялись статьи, подвергавшія обсужденію историческія и юридическія основанія существовавшаго у насъ крѣпостнаго права, равно и экономическія условія, при которыхъ могла бы быть совершена предстоявшая реформа.—Для всесторонняго обсужденія всѣхъ поступавшихъ изъ губернскихъ комитетовъ проэктовъ положеній о крестьянахъ, выходящихъ изъ крѣпостной зависимости, равно для таковаго же обсужденія и соображенія какъ отдѣльныхъ письменныхъ мнѣній, такъ и литературныхъ статей по крестьянскому вопросу, Государь, по предыдущей своей дѣятельности близко знакомый съ возможностію отдѣльныхъ вопросовъ по крестьянской реформѣ, еще въ началѣ 1858 года учредилъ подъ личнымъ своимъ предсѣдательствомъ главный комитетъ по крестьянскому дѣлу. [47]) Въ послѣдствіи, при усложнившейся работѣ и огромной массѣ матеріаловъ, подлежавшихъ соглашенію и окончательной разработкѣ, равно и при выработавшемся въ сознаніи правительства убѣжденіи о необходимости помочь денежными средствами крестьянскому сословію въ дѣлѣ выкупа ими отъ помѣщи-

---

[45]) Скребицкаго. Крестьянское дѣло въ царств. Импер. Александра II, томъ I, введеніе стр. XVII и LII—LV.

[46]) Бартенева, Девятнадцатый вѣкъ, книга вторая, стр. 176.

[47]) Скребицкаго, томъ I, стр. XXXIII, XXXIX и LXXV.

ковъ крестьянскихъ земель,—чего первоначально не предполагалось,—при главномъ комитетѣ были учреждены, подъ руководствомъ лицъ, облеченныхъ довѣріемъ Государя, особыя редакціонныя и финансовыя комиссіи. [48]) Не ограничиваясь обсужденіемъ въ этихъ комиссіяхъ какъ общихъ заключеній, къ какимъ приходили губернскіе комитеты, такъ и несогласныхъ съ этими общими заключеніями отдѣльныхъ мнѣній, высказывавшихся въ этихъ комитетахъ, Государь повелѣлъ пригласить въ столицу, въ два призыва, депутатовъ отъ всѣхъ губернскихъ комитетовъ. Депутатамъ этимъ предлагались на разсмотрѣніе вырабатывавшіеся въ редакціяхъ проэкты какъ общаго для всего государства положенія о крестьянахъ, выходящихъ изъ крѣпостной зависимости, такъ и дополнительные проэкты нѣкоторыхъ мѣстныхъ положеній, объусловливавшіеся какими либо обстоятельствами, въ какихъ находились помѣщики и крестьяне извѣстныхъ отдѣльныхъ мѣстностей. Оба раза, по пріѣздѣ этихъ депутатовъ въ Петербургъ, Государь принималъ ихъ лично и оба раза, въ произнесенныхъ къ депутатамъ рѣчахъ высказывалъ свое убѣжденіе, что крестьянская реформа, при всѣхъ стараніяхъ устроить ее на началахъ взаимной справедливости, не можетъ обойтить безъ нѣкоторыхъ пожертвованій со стороны дворянства, но что Государь вполнѣ убѣжденъ и глубоко довѣряетъ своему дворянству въ томъ, что оно покажетъ себя въ этомъ дѣлѣ достойнымъ своего высокаго призванія. При этомъ Государь называлъ себя первымъ дворяниномъ земли русской и заявлялъ, что онъ гордится тѣмъ, что считаетъ себя принадлежащимъ къ этому сословію. [49]) — Такія слова Государя, конечно, не могли остаться безъ вліянія на дворянъ и невольно побуждали ихъ къ возможнымъ уступкамъ, клонившимся къ обезпеченію будущаго быта освобожденныхъ крестьянъ.

И такъ съ конца 1857 года началась и въ теченіе двухъ послѣдующихъ лѣтъ продолжалась на всемъ пространствѣ имперіи кипучая дѣятельность въ средѣ русскаго дворянства, обсуждавшаго свои кровные интересы и вмѣстѣ съ тѣмъ созидавшаго, такъ сказать, изъ освобождаемаго крестьянскаго люда какъ бы новый классъ гражданъ русскаго государства. Этому новому нарождавшемуся классу нужно было дать не только свободу личную, но и правильное органическое устройство: надо было научить его обладать собственностію, которой онъ дотолѣ не имѣлъ, и распоряжаться ею такъ, чтобы не могло возникнуть для свободнаго крестьянина возможности поддаться какимъ либо минутнымъ увлеченіямъ и побужденіямъ; нужно было такъ обставить ихъ новую общественную администрацію и домашній сельскій крестьянскій судъ, чтобы они находились въ гармоніи съ общимъ государственнымъ строемъ и не могло быть мѣста произволу и корыстнымъ, личнымъ побужденіямъ, нужно было установить на новыхъ началахъ добрыя отношенія между бывшими рабовладѣльцами и бывшими рабами, дѣлавшимися нынѣ равноправ-

---

[48]) Скребицкаго, томъ I, стр. XLVII, LXIII, LXV.

[49]) „Русск. Вѣстн.“ 1859 г. вторая августовская книжка, стр. 444 и 445 и „Соврем.“ 1860 г., апрѣль, стр. 466.

ными свободными гражданами и не напомнить новымъ устройствомъ ихъ быта пережитыхъ ими въ прежнее время тяжелыхъ, мрачныхъ дней; нужно было въ то же время поддержать въ глазахъ освобождаемаго крѣпостнаго люда значеніе бывшихъ ихъ помѣщиковъ и сохранить на первое время нѣкоторую часть вліянія ихъ на освобождаемыхъ людей, и т. п. Заботы не малыя и работа не легкая, и вся эта работа легла на губернскіе комитеты. Не менѣе кипучая дѣятельность шла и въ главномъ комитетѣ и состоящихъ при немъ коммиссіяхъ: нужно было разрѣшать отдѣльные вопросы и сомнѣнія, возбуждавшіеся въ нѣкоторыхъ губернскихъ комитетахъ; нужно было сверхъ общихъ указаній на основанія реформы, выраженныхъ въ Высочайшихъ рескриптахъ, дать подробную программу вопросовъ, подлежавшихъ обсужденію комитетовъ; наконецъ, когда комитеты выработали и представили свои отдѣльные проэкты, составить какъ на основаніи этихъ проэктовъ, такъ и отдѣльныхъ мнѣній, одинъ общій имъ сводъ, одно общее для государства положеніе, устраняя при этомъ все, что не согласовалось съ положительно выраженною волею Государя. О громадности и трудности этой работы достаточно свидѣтельствуетъ то, что одни матеріалы, на основаніи которыхъ составлялось общее положеніе, составили въ послѣдствіи, по отпечатаніи ихъ, 18 громадныхъ томовъ. [50])

Въ 1859 году была завершена дѣятельность всѣхъ губернскихъ комитетовъ. Предварительныя заключенія этихъ комитетовъ сначала въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ подвергались полной гласности путемъ припечатанія ихъ въ губернскихъ вѣдомостяхъ и другихъ повременныхъ изданіяхъ; но потомъ въ виду того, что эти заключенія комитетовъ не получили еще окончательнаго утвержденія высшей власти и притомъ могли быть измѣняемы даже самими комитетами при послѣдующихъ ихъ работахъ,—что могло вносить смуту въ среду сословій въ этомъ дѣлѣ заинтересованныхъ,—такое преждевременное оглашеніе распоряженіями министра внутреннихъ дѣлъ было воспрещено и дозволено было печатать отдѣльными оттисками или литографировать только тѣ постановленія губернскихъ комитетовъ, продолжающихъ свои работы, которыя необходимы для внимательнаго разсмотрѣнія и соображенія самихъ членовъ комитетовъ при дальнѣйшихъ ихъ работахъ, и притомъ въ числѣ экземпляровъ соотвѣтствовавшемъ числу членовъ этихъ комитетовъ. [51]) Нѣкоторые изъ губернскихъ комитетовъ, завершая свою дѣятельность, сопровождали это событіе особыми оваціями. Такъ въ Харьковѣ окончательное положеніе о крестьянахъ было подписано особыми бронзовыми перьями съ шифромъ „А. II“ и съ надписью: „23 марта 1859 г., Харьковъ“. Всѣ подписавшіеся унесли эти перья съ собою на память, а нѣкоторые изъявили намѣреніе внести ихъ на храненіе въ приходскія церкви. Въ Твери предсѣдателю комитета, члены поднесли серебряный кубокъ, изображающій кресть-

[50]) Скребицкаго, томъ I, стр. CXLIX.

[51]) Тамъ же, стр. XLIII и XLIV.

янина, съ низкимъ поклономъ подносящаго хлѣбъ и соль, въ знакъ благодарности за свободу и землю. [52])—Современная періодическая печать свидѣтельствовала, что ко времени завершенія занятій комитетовъ „мысль объ освобожденіи крестьянъ сдѣлалась господствующею, голоса за крѣпостное право умолкли и перевелись, исчезли люди имъ сочувствовавшіе, точно какъ вымерли; а если гдѣ нибудь въ захолустьи и прозябаютъ, то смѣшны сдѣлались какъ аномаліи". [53])—Въ августѣ 1859 г. и въ февралѣ 1860 г. Государь, какъ упомянуто выше, принималъ прибывшихъ въ Петербургъ депутатовъ отъ губернскихъ комитетовъ, а въ октябрѣ того же 1860 г. редакціонныя комиссіи, окончивъ свои занятія, были закрыты и затѣмъ всѣ составленные комиссіями проэкты, въ порядкѣ въ законахъ указанномъ, поступили на разсмотрѣніе въ государственный совѣтъ. Послѣ этого разсмотрѣнія, Государь въ седьмую годовщину своего восшествія на престолъ, именно 19 февраля 1861 г., подписалъ актъ величайшей государственной важности—манифестъ объ освобожденіи крѣпостныхъ людей и, приложенныя къ манифесту и относящіяся къ этому великому предмету, законоположенія о правахъ и обязанностяхъ людей, выходящихъ изъ крѣпостной зависимости. Опубликованіе же этого манифеста и законоположеній, день подписанія которыхъ Государемъ совпадалъ въ 1861 году съ однимъ изъ дней масляницы, и слѣдовательно со временемъ шумнаго, а подчасъ и буйнаго народнаго разгула, какъ ходилъ слухъ, по совѣту московскаго митрополита Филарета, Государь повелѣлъ произвести на первой недѣлѣ великаго поста. [54])

Сущность этой великой реформы, оповѣщенной государству въ манифестѣ Государя и приложенныхъ къ нему общемъ и мѣстныхъ положеніяхъ о крестьянахъ, выходящихъ изъ крѣпостной зависимости, вкратцѣ заключалась въ слѣдующемъ: „Крѣпостное право помѣщиковъ какъ на крестьянъ ихъ и дворовыхъ людей, такъ и на приписанныхъ къ ихъ заводамъ и фабрикамъ мастеровыхъ и рабочихъ людей навсегда отмѣняется. Помѣщики сохраняютъ свои права на всѣ принадлежащія имъ земли, но обязаны уступить крестьянамъ въ постоянное пользованіе какъ усадебную крестьянскую осѣдлость, такъ и достаточное для обезпеченія ихъ быта количество полевой земли и другихъ угодій. За таковую уступку крестьяне обязываются отправлять въ пользу помѣщика опредѣленныя въ положеніяхъ повинности. Вмѣстѣ съ тѣмъ крестьянахъ дается *право*, на основаніи тѣхъ же положеній, выкупить отъ помѣщика свою усадебную осѣдлость, а *съ согласія помѣщика* пріобрѣсти тѣмъ же путемъ выкупа и отведенныя имъ въ постоянное пользованіе полевыя земли и угодья. О томъ, на какихъ именно условіяхъ состоится между помѣщикомъ и крестьянами это соглашеніе о выкупѣ земли, равно и объ условіяхъ пользованія этою землею крестьянами до выкупа, должно быть съ точностію обозначено въ особой уставной грамотѣ, которая должна быть состав-

---

[52]) Отеч. Зап. 1859 г., май, стр. 8.

[53]) Тамъ же, стр. 7.

[54]) Изъ личныхъ моихъ воспоминаній.

лена особо по каждому имѣнію и введена въ дѣйствіе не далѣе какъ въ теченіе двухъ лѣтъ. Для доставленія крестьянамъ возможности скорѣйшаго выкупа этихъ земель, правительство оказываетъ имъ пособіе, заключающееся въ томъ, что правительство, по просьбѣ крестьянъ, уплачивало помѣщикамъ выкупную сумму пятипроцентными государственными билетами, которую крестьяне обязывались возвратить правительству малыми частями въ теченіе сорока девяти лѣтъ, уплачивая ежегодно по пяти процентовъ съ этой суммы. Съ таковымъ пріобрѣтеніемъ крестьянами въ собственность опредѣленнаго количества земли прекращаются всякія обязательныя отношенія ихъ къ помѣщику; но въ теченіе девяти лѣтъ, какимъ бы путемъ ни была пріобрѣтена крестьянами помѣщичья земля, они не имѣли права отчуждать ее въ другія руки. Дворовые люди и вообще крѣпостные, не пользовавшіеся землею помѣщика, получая, по изданіи манифеста и положеній, всѣ права личныя и на находившееся въ ихъ обладаніи движимое имущество, обязываются еще въ теченіи двухъ лѣтъ отправлять въ пользу помѣщика тѣ же работы, или платить тотъ же оброкъ, какими они обязаны были до изданія манифеста; по истеченіи же этихъ двухъ лѣтъ также прекращались всякія обязательныя ихъ отношенія къ помѣщикамъ. [55])—По прекращеніи обязательныхъ отношеній между помѣщикомъ и людьми, вышедшими изъ крѣпостной зависимости, помѣщику предоставляется вотчинная полиція въ сельскихъ крестьянскихъ обществахъ, право надзора за порядкомъ и безопасностью въ селеніяхъ, право ходатайства и заступничества по дѣламъ крестьянъ. Но вмѣстѣ съ объявленіемъ положеній всѣ населенныя имѣнія помѣщиковъ распредѣляются губернскимъ начальствомъ не долѣе какъ въ теченіи полугода на волости и сельскія общества, въ которыхъ, чрезъ посредство избранныхъ самими крестьянами изъ среды себя людей устроивается ихъ общественное управленіе и сельскій судъ и вмѣстѣ съ тѣмъ установляются для нихъ тѣ же отношенія къ губернскимъ и земскимъ властямъ, какія вообще существуютъ для свободныхъ сельскихъ обывателей. [56])

Не говоря о великости реформы, совершенной Императоромъ Александромъ II, самый манифестъ его, которымъ объявлялась эта реформа, долженъ былъ произвести глубокое впечатлѣніе на весь русскій народъ и могучимъ образомъ повліять на подъемъ народнаго духа. Въ манифестѣ этомъ Государь напоминалъ, что русское благородное дворянство, которому поручено было начало этого дѣла, вполнѣ оправдало довѣріе своего Государя. Объявляя дворянству, какъ отъ своего имени, такъ и отъ имени всего отечества, свою признательность, Государь торжественно объявилъ, что Россія никогда не забудетъ о томъ, что русское дворянство добровольно, побуждаясь только

---

[55]) Маниф. 19 февр. 1861 г. Пол. о крестьян. ст. 1, 3, 6, 11, 12, 37 и др., Пол. об устр. двор. люд. ст. 3, 9, 10 и др., Пол. о выкупѣ ст. 4, 29, 66 и др.

[56]) Пол. о крестьян., вых. изъ крѣп. зав. ст. 148, 149, 155, 156 и др.—Имен. Выс. указъ правит. сенату 19 февр. 1861 г.

увѣженіемъ къ достоинству человѣка и христіанскою любовію, отказалось отъ упраздняемаго крѣпостнаго права и положило основаніе новой хозяйственной будущности крестьянъ. Высказывая увѣренность, что каждый владѣлецъ въ предѣлахъ своего имѣнія довершитъ свой гражданскій подвигъ, устроивъ быть водворенныхъ на землѣ его крестьянъ и вспоминая примѣры щедрой попечительности владѣльцевъ о благѣ крестьянъ и признательности крестьянъ къ благодѣтельной попечительности владѣльцевъ, Государь обращался и къ здравому смыслу своего народа. Онъ напоминалъ освобождаемому народу, что всякій свободно пользующійся благами общества взаимно долженъ служить благу общества исполненіемъ своихъ обязанностей, что христіанская религія требуетъ повиновенія предержащимъ властямъ, что законно пріобрѣтенныя помѣщиками права не могутъ быть отъ нихъ взяты безъ приличнаго вознагражденія и что было бы противно всякой справедливости пользоваться отъ помѣщиковъ землею и не нести за это соотвѣтственной повинности. По этому Государь высказывалъ надежду, что сами освобождаемые поймутъ важность пожертвованія, сдѣланнаго дворянствомъ для улучшенія ихъ быта, и свою обязанность благонамѣренно пользоваться дарованными имъ правами и докажутъ это своимъ неослабнымъ трудомъ, благоразуміемъ, строгою бережливостію и честною въ страхѣ Божіемъ жизнію. „Осѣни себя крестнымъ знаменемъ, православный народъ,“—такъ заключалъ Государь свой манифестъ,—„и призови съ нами Божіе благословіе на твой свободный трудъ, залогъ твоего домашняго благополучія и блага общественнаго“. [57])

Восторженно привѣтствовала Россія совершившееся великое государственное дѣло. Манифестъ читался на всемъ ея пространствѣ въ церквахъ, въ общественныхъ собраніяхъ и въ частныхъ домахъ. Вездѣ видѣлись слезы радости и умиленія; вездѣ, по слову Государя, народъ осѣнялъ себя крестнымъ знаменіемъ: вездѣ возсылались горячія молитвы о здравіи Государя, къ имени котораго литература, безъ всякаго указанія, но какъ бы по взаимному уговору, стала присовокуплять названіе „Царя-Освободителя“. Русская лира, въ лицѣ достойныхъ своихъ поэтовъ, въ радостныхъ и глубоко-симпатичныхъ стихотвореніяхъ радостно привѣтствовала яркій свѣтъ, озарившій Россію. [58]) Русская живопись, кромѣ изображенія частныхъ сценъ радости и умиленія, вызванныхъ манифестомъ, выражала въ аллегорическихъ картинахъ то глубоко-симпатичное чувство, какимъ проникнуты были русскія сердца. Надпись на одной изъ такихъ гравюръ, разошедшейся въ тысячѣ экземпляровъ, гласила: „Братья! будемъ любить другъ друга и трудиться на пользу общую“! И дѣйствительно благословеніе Божіе и животворящій всепрощающій духъ любви вѣялъ надъ русскою землею. Приведемъ здѣсь отрывки изъ двухъ

---

[57]) Манифестъ 19 февр. 1861 г.

[58]) Укажемъ на нѣкоторыя стихотворенія по этому поводу: Майкова—Посмотри: въ избѣ мерцая, Розенгейма—Христосъ воскресъ, Аксакова—День встаетъ багрянъ и пышенъ, Плещеева—Трудились, бѣдные, вы, отдыху не зная,—Ахъ ты, воля моя, воля и др.

стихотвореній, написанныхъ по поводу освобожденія крестьянъ.—Одно изъ нихъ картинно изображаетъ личныя впечатлѣнія крестьянской семьи при домашнемъ чтеніи манифеста; другое выражаетъ душевное настроеніе русскаго народа послѣ манифеста и отношеніе его къ прошедшему и будущему.

Изъ стихотворенія Майкова „Картина“

Посмотри: въ избѣ, мерцая,
Свѣтитъ огонекъ;
Возлѣ дѣвочки—малютки
Собрался кружокъ:
И съ трудомъ, отъ слова къ слову
Пальчикомъ водя,
По печатному читаетъ
Мужичкамъ дитя.
Мужички въ глубокой думѣ
Слушаютъ, молчатъ;
Развѣ крикнетъ кто, чтобъ бабы
Уняли ребятъ.
Бабы суютъ дѣтямъ соску,
Чтобы ротъ сомкнуть,
Чтобъ самимъ хоть краемъ уха
Слышать что-нибудь.
Даже съ печи не слѣзавшій
Много, много лѣтъ,
Свѣсилъ голову и смотритъ,
Хоть не слышитъ, дѣдъ.
Что жъ такъ слушаютъ малютку—
Аль ужъ такъ умна?...
Нѣтъ! Одна въ семьѣ умѣетъ
Грамотѣ она.
И пришлося ей, младенцу,
Старикамъ прочесть
Про желанную свободу
Дорогую вѣсть!
Самой вѣсти смыслъ покамѣстъ
Теменъ имъ и ей;
Но всѣ чуютъ надъ собою
Зорю новыхъ дней....
Вспыхнетъ, братцы, эта зорька!
Тьма идетъ къ концу!
Наши дѣтки ужъ увидятъ
Свѣтъ лицомъ къ лицу!

Изъ стихотворенія И. Аксакова, „На освобожденіе крестьянъ:“

Съ сонныхъ вѣждъ стряхнувъ дремоту,

Бодрой свѣжести полна,
Вышла, съ Богомъ, на работу
Пробужденная страна.
Такъ торжественно—прекрасно
Блещетъ утро на землѣ;
На душѣ свѣтло и ясно,—
И не помнится о злѣ,
Объ истекшихъ дняхъ страданья,
О потратѣ многихъ силъ
Въ скорбныхъ мукахъ ожиданья,
Въ безвременности могилъ!...
Пусть почіютъ мирно гробы
Тщетно ждавшихъ столько лѣтъ!
Память имъ.... Но въ сердцѣ злобы,
Ни вражды, ни мести нѣтъ.
Все проститъ онъ безъ разсчета,
Устоявшій въ дни тревогъ,
Онъ, чей духъ годину гнета
Пережилъ и перемогъ.
Слышишь, новому онъ лѣту
Пѣсню радости поетъ:—
Благо всѣмъ, идущимъ къ свѣту,
Братьямъ, съ братьевъ снявшимъ гнетъ!
Людямъ—миръ, благоволенье!
Долгихъ мукъ изчезнетъ слѣдъ....
Дню вчерашнему—забвенье,
Дню грядущему—привѣтъ!

Остановимся на этихъ торжественно-отрадныхъ минутахъ, которыя переживалъ русскій народъ, и не будемъ пока омрачать ихъ воспоминаніями о нѣкоторыхъ грустныхъ явленіяхъ... Перейдемъ къ изложенію другихъ событій, вліявшихъ на жизнь Россіи въ разсматриваемый нами періодъ.

ГЛАВА III.

Крымская война.

„Что бы мы ни дѣлали, мы никогда не заставимъ полуфеодальную и полуреволюціонную Европу искренно признать своими людей, чуждыхъ ей отъ самой колыбели. Что бы мы ни дѣлали, мы никогда не разувѣримъ ее на счетъ пугающаго ее призрака“.

Фадѣевъ. Вооруж. силы Россіи, стр. 38.

При самомъ началѣ своего царствованія Императоръ Николай I-й былъ поставленъ обстоятельствами въ печальную необходимость подавить энергическими мѣрами вспыхнувшее въ декабрѣ 1825 года возмущеніе. Произведенное разслѣдованіе объ этомъ возмущеніи обнаружило существованіе въ Россіи широко раскинувшагося политическаго заговора, имѣвшаго цѣлію ниспровергнуть существовавшій государственный порядокъ. Съ того времени почти въ теченіе 25-ти лѣтъ революціонные замыслы и стремленія не угрожали своимъ проникновеніемъ въ Россію: Государь неусыпно и зорко слѣдилъ за всякимъ возникновеніемъ противныхъ государственному строю Россіи идей и тотчасъ же принималъ мѣры противъ ихъ распространенія. При такомъ сознаніи внутренней силы и могущества Россіи, благопріятныя войны наши въ теченіе этой четверти столѣтія внушили и другимъ государствамъ убѣжденіе въ нашемъ могуществѣ: Государь высоко держалъ знамя Россіи и, при его высоко-честномъ рыцарскомъ характерѣ, слово его считалось почти равносильнымъ рѣшенію всѣхъ европейскихъ державъ. Это спокойное, величественное отношеніе русскаго Государя къ европейскимъ державамъ и ко всѣмъ событіямъ, совершавшимся на западѣ, было нѣсколько встревожено тѣмъ революціоннымъ потокомъ, который, начавшись въ 1848 году во Франціи, хлынулъ съ неудержимою силою по Европѣ и почти достигъ до самыхъ предѣловъ нашего государства. Это революціонное движеніе было такъ сильно, что короны заколебались на головахъ европейскихъ монарховъ: незадолго передъ тѣмъ Карлъ-Людовикъ, герцогъ Луккскій, вслѣдствіе враждебныхъ манифестацій и вынужденныхъ ими уступокъ своимъ подданнымъ, отказался отъ престола, перешедшаго къ великому герцогу Тосканскому; [1]) а въ 1848 году,

---

[2]) Гарнье-Паже. Итальянская революція, стр. 16.

вслѣдствіе революціонныхъ мятежей и народныхъ безпорядковъ и кровопролитій, одинъ за другимъ сложили съ себя короны: Людовикъ Филиппъ, съ отреченіемъ котораго отъ престола Франція была объявлена республикой, затѣмъ король Баварскій Лудвигъ, отказавшійся отъ короны въ пользу сына своего Максимиліана II, и наконецъ императоръ Австрійскій Фердинандъ V, отказавшійся отъ престола въ пользу племянника своего Франца-Іосифа. [2]) Такое положеніе дѣлъ не могло не встревожить Императора Николая I. Со свойственною ему твердостію и мужествомъ объявивъ въ манифестѣ 14 марта 1842 г. своимъ подданнымъ объ угрожающей государству опасности, Государь повелѣлъ придвинуть къ западнымъ границамъ свои войска, чтобы быть наготовѣ къ отраженію всякаго революціоннаго движенія, которое могло бы угрожать Россіи.

Между тѣмъ новый австрійскій императоръ Францъ-Іосифъ, едва прошло три мѣсяца по его воцареніи, въ сознаніи слабости собственныхъ силъ Австріи къ подавленію разгорѣвшагося въ ней венгерскаго мятежа, обратился къ Николаю I-му съ просьбою объ оказаніи ему военной помощи для усмиренія мятежныхъ Венгровъ. Императоръ Николай I-й не отказалъ въ этой помощи, но, не связывая себя никакими обѣщаніями ни о размѣрахъ, ни о способахъ этой помощи, прямо объявилъ, что русскія войска только тогда явятся на помощь Австріи, если будутъ дѣйствовать въ Австріи отдѣльно отъ австрійцевъ и слѣдовательно внѣ всякой зависимости отъ австрійскихъ генераловъ. [3]) Конечно такія условія, какъ выраженіе недовѣрія къ способности австрійскихъ властей были нѣсколько обидны для австрійскаго правительства, но нужда заставила его согласиться на эти условія. Въ маѣ 1849 года русскія войска вступили въ австрійскіе предѣлы и рядъ блестящихъ побѣдъ, одержанныхъ ими надъ мятежными венгерскими войсками,—хотя съ этими побѣдами иногда не гармонировали ошибочныя и неудачныя дѣйствія австрійскихъ войскъ,—скоро убѣдили полководца венгерскихъ войскъ Гергея въ невозможности продолжать дальнѣйшее сопротивленіе русскимъ войскамъ. Первоначально Гергей пытался вести переговоры съ нашими войсками на правахъ воюющей стороны и выговорить для венгерскихъ войскъ нѣкоторыя облегчающія условія при капитуляціи,—о чемъ и обратился 29 іюля съ предложеніями къ нашему генералу графу Ридигеру. Этотъ послѣдній просилъ указаній фельдмаршала Паскевича, отъ котораго полученъ былъ суровый отвѣтъ, для передачи Гергею, что императорско-россійская армія вступила въ Венгрію не для переговоровъ, а для военныхъ дѣйствій, и что если Гергей желаетъ вести переговоры, то можетъ обращаться съ ними къ австрійскому главнокомандующему барону Гайнау. [4]) Прошло еще два дня послѣ передачи этого отвѣта Гергею и графъ Ридигеръ

---

[2]) Гарнье-Паже. Французская революція, ч. II, стр. 128—138 и Русская Исторія Устрялова, ч. II. стр. 471—473.

[3]) Исторія Устрялова, ч. II, стр. 477.

[4]) Изъ находящейся у меня рукописной записки Ив. Дроздова, бывшаго адъютантомъ при начальникѣ штаба корпуса графа Ридигера.

снова получилъ отъ него письмо, въ которомъ Гергей писалъ, что „онъ со всею своею арміею безусловно слагаетъ свое оружіе передъ войсками Его Величества Императора Всероссійскаго, но торжественно при этомъ объявляетъ, что скорѣе подвергнетъ весь свой корпусъ истребленію въ отчаянной битвѣ противъ сильнѣйшаго противника, чѣмъ рѣшится безусловно сложить оружіе предъ австрійскими войсками.“ [5]) Графъ Ридигеръ тотчасъ же послалъ къ Гергею нѣсколько довѣренныхъ приближенныхъ къ себѣ лицъ условиться лишь на счетъ времени, мѣста и самаго церемоніала сдачи венгерскихъ войскъ и сложенія ими оружія. Временемъ для этой сдачи былъ назначенъ слѣдующій же день, а мѣстомъ ближайшая равнина около деревни Шеллошь, куда и должны были придвинуться русская и венгерская арміи. Самый же обрядъ сложенія венгерскими войсками ихъ оружія,—по описанію одного изъ нашихъ офицеровъ, очевидцевъ событія,—происходилъ слѣдующимъ образомъ: „Среди самаго полдня въ 1-е августа, подъ раскаленными лучами солнца, двѣ враждующія арміи въ стройномъ безмолвіи сошлись не съ тѣмъ, чтобы помѣряться силами въ кровавой борьбѣ,—но чтобы изумить свѣтъ необычайно великимъ событіемъ!!!—(Впрочемъ ни солдаты, ни частные командиры нашихъ войскъ не знали о предстоящемъ событіи: всѣ готовились къ бою и съ нетерпѣніемъ только ожидали приказа идти и ударить на врага). Ровно въ часъ Гергей, сопровождаемый своимъ блестящимъ штабомъ, быстро мчался къ намъ на своемъ прекрасномъ, золотисто-гнѣдомъ конѣ. Остановивъ штабъ свой въ почтительномъ отъ насъ разстояніи, онъ, съ поникнутой головой, приблизился къ графу Ридигеру и открылъ торжественный актъ сложенія оружія продолжительнымъ объясненіемъ и въ заключеніе подалъ графу рапортъ о числѣ сдаваемыхъ войскъ и оружія. Потомъ, возвратясь къ своему штабу, онъ передалъ ему привѣтствіе графа, на которое венгерцы, потрясая въ воздухѣ своими киверами и шляпами, отвѣчали громкимъ возгласомъ: „да здравствуютъ Русскіе!“—Затѣмъ Гергей приказалъ, чтобы войска складывали оружіе и въ туже минуту весь штабъ его, съ мѣста въ карьеръ,—каждый понесся къ своей части, для исполненія приказа своего вождя. Около 5-ти часовъ вечера началось совершеніе горестнаго дѣла. По отданіи чести, пѣхота грустно снимала съ себя боевую аммуницію и ставила ружья въ козлы. Солдаты, прощаясь, плакали и цѣловали знамена своихъ полковъ. Гусары, оставляя своихъ коней, обнимали ихъ и рыдая прощались съ ними. Столь же горестно прощались они и съ своимъ оружіемъ. Затѣмъ графъ Ридигеръ, сопровождаемый своимъ штабомъ, приблизился къ войскамъ Гергея и, привѣтствуя ихъ, началъ осмотръ. Невыразимо трогателенъ былъ видъ этого войска, стройнаго, сильнаго и бодраго, которое за нѣсколько мѣсяцевъ было такъ страшно для Австріи; а въ ту минуту—оно стояло обезоруженное, покорное и, какъ бы обреченное на казнь, ожидало исполненія своего приговора! Грустнымъ взглядомъ провожали насъ солдаты; а офицеры, поникнувъ головами, плакали.—По удаленіи графа,

---

[5]) Исторія Устрялова, ч. II, стр. 480.

Гергей подъѣхалъ къ рядамъ своихъ войскъ и тотчасъ же былъ окруженъ офицерами и солдатами. Онъ началъ было говорить имъ послѣднее привѣтствіе, но не могъ произнести ни одного слова: глухое рыданіе вырвалось изъ груди его,—и вся армія, огласивъ воздухъ крикомъ: „да здравствуетъ Гергей!“—отвѣчала слезами искренней преданности своему вождю. Одинъ изъ офицеровъ вышелъ было впередъ, чтобы отъ лица всѣхъ сказать нѣсколько словъ бывшему своему генералу; но, не въ силахъ будучи удержаться отъ рыданій, онъ могъ только произнести: „прощай, Гергей!“ „Прощай, Гергей!“ повторилось въ рядахъ всей арміи.—Между тѣмъ, около 8-ми часовъ вечера наша кавалерійская дивизія стройно подошла къ фронту венгерской арміи и приступила къ принятію военноплѣнныхъ. Потомъ, предъ самыми уже сумерками, обезоруженныя колонны потянулись безмолвно въ плѣнъ за любимымъ вождемъ своимъ, подъ конвоемъ нашей кавалеріи, по направленію къ Гроссъ-Вардейну;—и вскорѣ мракъ ночи покрылъ эту трогательную картину непроницаемою завѣсою. [6]) Вслѣдъ за этою сдачею войскъ Гергея начали постепенно и безпрекословно сдаваться русскимъ войскамъ и другіе отряды венгерскихъ войскъ и занятыя ими крѣпости. Мятежъ въ Венгріи былъ усмиренъ; русскія войска, покрытыя новою славою, возвратились въ отечество, и Императоръ Николай въ новомъ своемъ манифестѣ всенародно благодарилъ ихъ за совершенные въ эту компанію подвиги. [7])

Но, какъ показали послѣдствія, не дешево обошлась Россіи слава, пріобрѣтенная въ эту компанію. Своимъ вмѣшательствомъ, какъ говорится, въ чужія дѣла, мы пріобрѣли себѣ въ лицѣ Венгровъ враждебную къ себѣ націю, съ которою ранѣе мы не имѣли никакихъ столкновеній. Сдача венгерскихъ войскъ русской арміи и ходатайство Россіи за виновныхъ Венгровъ не вызвало однакоже полнаго великодушія къ нимъ Австріи и, по усмиреніи мятежа, многіе члены лучшихъ венгерскихъ фамилій, по распоряженію австрійскихъ властей, какъ участвовавшіе въ мятежѣ, подвергнуты позорной казни. Эта сдача не была однимъ изъ случайно сложившихся послѣдствій войны, иногда тупо и апатично принимаемыхъ даже тѣми лицами, на которыхъ эти послѣдствія отражаются, но она была плодомъ тяжелой, сознательной внутренней борьбы сдававшихся, плодомъ безъисходнаго сознанія въ непреодолимости внѣшней, давящей, посторонней силы, а сила эта была—русская. Не пріобрѣли мы искренняго, преданнаго друга и въ Австріи, хотя своимъ вмѣшательствомъ въ ея внутреннія дѣла спасли самое ея существованіе. Не легко было, конечно, Австріи сознаться въ собственномъ безсиліи и обратиться къ намъ съ просьбою о помощи; непріятно ей было и принять эту помощь съ устраненіемъ всякихъ распоряженій собственныхъ ея генераловъ. Но высшее нравственное оскорбленіе, послѣдній тяжелый ударъ, который разсчитанно нанесъ ей Гергей, это—сдача его русскимъ войскамъ при торжественномъ заявленіи, что

---

[6]) Изъ записки Дроздова.

[7]) Исторія Устрялова, ч. II, стр. 481.

онъ предпочелъ бы смерть и гибель всего корпуса такой же сдачѣ австрійцамъ,—это всемірное оскорбленіе, косвенною причиною котораго была Россія, Австрія никогда намъ не забудетъ.

Прошло четыре года. Французская республика снова превратилась въ имперію. Вновь избранный ея императоръ Людовикъ Наполеонъ III хотя былъ признанъ въ этомъ званіи всѣми европейскими государями, но признаніе это было сдѣлано Россіею безъ особенной поспѣшности и позже другихъ государствъ. Это обстоятельство, нѣкоторая заносчивость новаго императора и спокойный отпоръ, данный Николаемъ I, излишнимъ его притязаніямъ, не поселили особенной пріязни между русскимъ и французскимъ императоромъ, хотя и не ставили ихъ въ открытыя враждебныя отношенія. Но императоръ французовъ искалъ случая чѣмъ нибудь выдвинуться въ глазахъ своихъ подданныхъ и такой случай доставило ему возникшее между Россіей и Турціей столкновеніе по поводу передачи ключа отъ главныхъ дверей Виѳлеемскаго храма отъ православнаго духовенства къ католическому. Это маловажное столкновеніе, какъ и полагать должно было, уже улажено было путемъ дипломатическихъ сношеній; но Наполеонъ III своими интригами снова успѣлъ раздуть это дѣло и оно уже получило характеръ оскорбленія достоинства русскаго императора въ его законныхъ требованіяхъ. Когда новые дипломатическіе переговоры не привели къ соглашенію, то въ маѣ 1853 г. послѣдовалъ разрывъ между Россіею и Турціею; посолъ нашъ выѣхалъ изъ Константинополя и война Россіи съ Турціею сдѣлалась неизбѣжною. [8]) Война эта при своемъ возникновеніи мало встревожила русское общественное мнѣніе, да и вообще мало его интересовала. Многіе не понимали и самаго повода къ войнѣ, или понимали весьма смутно. „Какой-то ключъ отъ какой-то церкви“, отвѣчали на разспросы о причинахъ войны Сознавали и твердо убѣждены были лишь въ одномъ, что Императоръ нашъ отстаиваетъ честь Россіи, или хотя чужое, но правое дѣло. Еще менѣе разговоровъ было о вѣроятномъ исходѣ войны: „Турку столько разъ и постоянно колотимъ мы во всѣхъ войнахъ; конечно, поколотимъ и теперь, и тѣмъ война и кончится!“ [9]) Болѣе чутко относился къ возникшему столкновенію Императоръ Николай I, хотя и въ половину не предвидѣлъ того оборота, какой можетъ принять это столкновеніе. Зная только, кто былъ истиннымъ виновникомъ неудавшагося миролюбнаго соглашенія между Россіею и Турціею, Императоръ Николай I полагалъ возможнымъ, что въ возникшемъ между ними столкновеніи можетъ принять активное участіе и стать на сторону Турціи только одна Франція, но ни одна держава болѣе. Если же Франція приметъ такое участіе въ войнѣ противъ насъ, то, думалъ онъ, въ такомъ случаѣ естественно сблизятся съ нами вѣковые соперники французовъ—англичане. Австрія, послѣ венгерской войны, на столько обязана Россіи, что мы можемъ разсчитывать только на дружественное

---

[8]) Богдановича. Восточ. война 1853—1855 г.г., изд. 2-е, томъ I, стр. 15, 31 и 32.

[9]) Изъ моихъ личныхъ воспоминаній.

ея намъ содѣйствіе, а по меньшей мѣрѣ на полный съ ея стороны нейтралитетъ. Пруссія, по своему географическому положенію, и ранѣе не принимала участія въ дѣлахъ востока, а къ тому же и связана съ Россіею близкими родственными связями своихъ монарховъ. [10])

Какое горькое разочарованіе ожидало насъ впереди!... Авторъ исторіи Восточной войны генералъ Богдановичъ такъ описываетъ положеніе нашей арміи предъ началомъ этой войны: „Вооруженіе нашей арміи было весьма недостаточно: въ то время, когда пѣхота иностранныхъ армій была вооружена ударными нарѣзными ружьями, у насъ въ нѣкоторыхъ частяхъ войскъ все еще существовали кремневыя ружья. Обученіе пѣхоты ограничивалось чистотою и изяществомъ ружейныхъ пріемовъ, точностію пальбы залпами; кавалерія была парализована столь же красивой, сколько и неловкою посадкою; артилерія болѣе отличалась быстротою движеній, нежели мѣткостію выстрѣловъ. Маневры, производимые въ мирное время, были эффектны, но мало поучительны. Продовольствіе нижнихъ чиновъ было весьма скудно и зависѣло отъ большаго или меньшаго довольства жителей, у которыхъ доводилось стоять войскамъ. Имѣя въ изобиліи селитру, мы, вступивъ въ борьбу съ коалиціей Европы, терпѣли крайній недостатокъ въ порохѣ.—Къ тому же знаменитые вожди наши: Воронцовъ, Паскевичъ, Ермоловъ, при открытіи Восточной войны, уже были на закатѣ своей жизни.“ [11])

Другой изслѣдователь по части нашей военной исторіи, генералъ Фадѣевъ, вспоминая событія Восточной войны, говоритъ: „Ненормальное положеніе нашихъ дѣлъ разрѣшилось тогда всѣмъ памятной катастрофой: на второй годъ Восточной войны у насъ состояло 2,200,000 людей на казенномъ пайкѣ, а подъ Севастополемъ, гдѣ рѣшалась участь гигантской борьбы, едва ли было на лицо въ рядахъ болѣе ста тысячъ штыковъ. Половина вины въ этомъ случаѣ можетъ пасть на бездорожье и спѣшность вооруженій, потребность которыхъ не предвидѣли заранѣе; но другая половина падаетъ на тогдашнюю систему, или лучше сказать, безсистемность военныхъ учрежденій.“ [12])

Итакъ, по мнѣнію этихъ двухъ спеціалистовъ въ военномъ дѣлѣ, армія наша ни по внѣшнему, ни по внутреннему, такъ сказать, устройству, не была готова къ тому, чтобы вступить въ борьбу съ коалиціей Европы. Рождается вопросъ: сознавалъ ли Императоръ Николай I, приступая къ войнѣ, такое невыгодное положеніе нашей арміи? По всей вѣроятности полагать можно, что онъ своимъ зоркимъ и внимательнымъ взглядомъ видѣлъ и сознавалъ эти недостатки если не вполнѣ, то, по крайней мѣрѣ, наибольшую ихъ часть; но, будучи самъ рыцаремъ безъ страха и упрека, онъ оставался при твердомъ убѣжденіи, что Россія въ войнѣ не будетъ имѣть другихъ соперниковъ, кромѣ турокъ и французовъ, которыхъ и надѣялся онъ одолѣть не смотря на слабыя, такъ сказать, внѣшнія средства Россіи. Но не такъ случилось.

---

[10]) Богдановича. Томъ I, стр. 91.

[11]) Тамъ же, стр. 93 и 94.

[12]) Фадѣева, Вооружен. силы Россіи, стр. 26 и 27.

14 іюня 1853 г. послѣдовалъ Высочайшій манифестъ о занятіи русскими войсками подвластныхъ Турціи славянскихъ княжествъ. 2 іюля Порта отвѣчала на это занятіе протестомъ, обращеннымъ къ европейскимъ державамъ. Тогда конференція изъ уполномоченныхъ Англіи, Франціи, Австріи и Пруссіи въ Вѣнѣ составила проэктъ ноты, которою устранялось столкновеніе между Россіею и Турціею, и 20 іюля отправила этотъ проэктъ на разсмотрѣніе въ Петербургъ. Въ сознаніи ли несвоевременности войны для Россіи, по миролюбивому ли настроенію, по желанію ли выказать полное сочувствіе державамъ посредницамъ,—тѣмъ болѣе, что интересы Россіи удовлетворялись этою нотою,—Императоръ Николай I изъявилъ на эту ноту свое безусловное согласіе, на что, вѣроятно, нѣкоторыя изъ державъ посредницъ и не разсчитывали. Итакъ, можно было думать, что опасенія войны миновались и миръ снова будетъ возстановленъ, такъ какъ Россія изъявила свое безусловное согласіе на ноту, составленную самими же европейскими державами; но когда затѣмъ эта нота была передана для той же цѣли Турціи, то, подъ косвеннымъ вліяніемъ англійскаго посла лорда Редклифа, Турція такого же безусловнаго согласія не изъявила, а проэктировала сдѣлать въ ней нѣкоторыя измѣненія, которыя и сообщила вѣнской конференціи. Вмѣсто того, чтобы настоять на безусловномъ принятіи Портою проэктированной ими же первоначальной ноты, державы измѣнили эту ноту согласно съ желаніями Турціи и вновь отправили ее къ Императору Николаю, приглашая его опять изъявить согласіе на эту измѣненную ноту. Уже первая нота европейскихъ державъ могла бы быть разсматриваема, какъ непрошенное вмѣшательство ихъ въ чужія дѣла, до нихъ не относившіяся; но коль скоро Императоръ Николай своимъ безусловнымъ на нее согласіемъ блистательно доказалъ и свое миролюбіе, и свое уваженіе къ голосу европейскихъ державъ, то естественно было ожидать,—хотя бы проэктированная нота была равносильна съ первою, чего однако же на дѣлѣ не было,—естественно было ожидать, что Императоръ Николай не по волитъ смотрѣть на себя, какъ на игрушку въ рукахъ европейскихъ державъ, какъ на владѣтеля, которому можно предлагать одно за другимъ цѣлый рядъ условій, одно другому противорѣчащихъ, и предлагать въ полной увѣренности, что эти всѣ условія будутъ приняты. Естественно было ожидать, что Императоръ Николай откажетъ въ своемъ согласіи на эту ноту,—на каковой отказъ, можетъ быть, и разсчитывали Франція и Англія, желавшія войны съ Россіей и ея униженія. И дѣйствительно Императоръ Николай согласія своего на измѣненную ноту не изъявилъ, а только повторилъ уже данное разъ согласіе на первоначальную ноту. Дѣлая такой отказъ однакоже Императоръ Николай, въ сознаніи выдвигающейся опасности и въ желаніи заручиться тѣсными союзами съ императоромъ австрійскимъ и королемъ прусскимъ, обмѣнялся въ сентябрѣ съ ними личными визитами въ Ольмюцѣ и Санъ-Суси; но и эта политическая вѣжливость не привела къ желанному миролюбивому результату. Правда, послѣ этого визита, австрійское правительство послало прочимъ державамъ ноту, высказывающую увѣренность

Австріи въ миролюбивыхъ и справедливыхъ требованіяхъ русскаго императора; но, судя по послѣдствіямъ, нота эта вовсе не была плодомъ искренней увѣренности Австріи въ правотѣ дѣла Россіи, а только однимъ исполненіемъ обязательной вѣжливости, вызванной личнымъ визитомъ императора. Какъ бы то ни было, ольмюцкая нота Австріи не имѣла никакихъ результатовъ.

Въ то время, какъ Императоръ Николай, путемъ личныхъ свиданій, старался сблизиться съ императоромъ австрійскимъ и королемъ прусскимъ, императоръ Наполеонъ, въ томъ же сентябрѣ мѣсяцѣ, предлагалъ великобританскому правительству, въ предупрежденіе завоевательныхъ замысловъ Россіи, послать въ Босфоръ англо-французскую эскадру. Въ виду такого ободренія Порта 14 сентября объявила войну Россіи. Парижскій же и лондонскій кабинеты отреклись отъ одобренной ими самими ноты и признали справедливыми измѣненія, сдѣланныя въ ней Портою, а 8 октября оба кабинета предписали находившимся въ Безикѣ своимъ флотамъ прибыть въ Босфоръ, что ими и исполнено. Но прежде чѣмъ эти флоты могли оказать какое нибудь существенное содѣйствіе Турціи, война съ нею Россіи уже началась и 18 ноября совершилось весьма важное событіе: вице-адмиралъ Нахимовъ одержалъ блистательную морскую побѣду надъ турецкимъ флотомъ при Синопѣ. Изъ всей турецкой эскадры только одинъ пароходъ успѣлъ спастись и достигнуть Константинополя съ вѣстью о гибели остальныхъ судовъ. Ликовала вся Россія при вѣсти о Синопской побѣдѣ: но озлобленіе и зависть западныхъ державъ и въ особенности Англіи и Франціи, которыя не могли своимъ вмѣшательствомъ предупредить гибель турецкаго флота, были еще болѣе возбуждены. Послѣ запальчивыхъ подчасъ личныхъ объясненій между уполномоченными Россіи, Франціи и Англіи и послѣ дипломатической между ними переписки, выяснилось, что Франція и Англія имѣютъ въ виду не только защищать турокъ отъ нашихъ нападеній, но и препятствовать свободному плаванію русскихъ судовъ на Черномъ морѣ,—съ каковою цѣлію французскіе и англійскіе корабли и вошли въ Черное море. При этомъ уполномоченные Франціи и Англіи объясняли, что Синопскую побѣду они считаютъ личнымъ оскорбленіемъ, нанесеннымъ Россіею достоинству ихъ державъ.

Въ январѣ 1854 года еще разъ произошло безуспѣшное письменное объясненіе по этому предмету уже непосредственно между императорами французскимъ и русскимъ: а затѣмъ уже Императоръ Николай въ манифестѣ своемъ 9-го февраля прямо объявилъ своему народу: „Итакъ противъ Россіи, сражающейся за православіе, рядомъ съ врагами христіанства, становятся Англія и Франція". Дипломатическія соглашенія обѣихъ сторонъ были разорваны. Въ виду этого разрыва съ Франціею и Англіею, Россія тогда же обращалась къ Пруссіи и Австріи съ приглашеніемъ заключить съ Россіею вооруженный нейтралитетъ. Но берлинскій кабинетъ отказался отъ участія въ этомъ нейтралитетѣ изъ опасенія *подвергнуться такимъ случайностямъ, послѣдствія которыхъ нельзя предвидѣть;* австрійскій же императоръ отвѣчалъ, что *онъ обязанъ руководиться единственно пользами и достоинствомъ своей*

имперіи. [13]) Такъ рушились надежды Императора Николая на чей либо союзъ съ Россіею въ войнѣ противъ Турціи и ставшихъ на сторону Турціи двухъ западныхъ державъ; но полное разочарованіе, полное испытаніе предстояло Россіи еще впереди.—Прервавъ дипломатическія сношенія съ Россіею, Франція и Англія потребовали отъ нея, чтобы къ 30 апрѣля русскія войска очистили занятыя ими дунайскія княжества, и, получивъ отказъ, заключили между собою 10 апрѣля военный союзъ противъ Россіи,—о чемъ Императоръ Николай того же 11 апрѣля объявилъ новымъ манифестомъ,—а затѣмъ онѣ обратились къ тѣмъ же берлинскому и вѣнскому кабинетамъ съ предложеніемъ поддерживать требованія ихъ объ очищеніи Россіею дунайскихъ княжествъ. Австрія и Пруссія, хотя и не прямо, но изъявили на то согласіе: не приступая прямо къ союзу съ Англіей и Франціей противъ Россіи, Австрія и Пруссія заключили между собою тогда же союзный трактатъ, по которому, въ виду опасностей, угрожающихъ ихъ общему спокойствію, Австрія должна была потребовать отъ Россіи очищенія княжествъ, а Пруссія поддержать это требованіе; въ случаѣ же сопротивленія Россіи, обѣ державы обязывались приступить къ наступательнымъ дѣйствіямъ и, съ этою послѣднею цѣлію, тотчасъ же увеличить составъ своихъ армій и распоряжаться ими по мѣрѣ надобности и по общему соглашенію. [14]) Россія же, въ виду сложившихся обстоятельствъ, приняла въ началѣ 1854 года слѣдующія мѣры: а) усиленный рекрутскій наборъ по 9-ти человѣкъ съ тысячи, б) окраины европейской Россіи объявлены на военномъ положеніи, в) увеличенъ составъ всѣхъ частей арміи, такъ что общая численность нашей арміи увеличилась въ полтора раза, г) приглашены на службу отставные нижніе чины, съ особыми для нихъ преимуществами и д) объявленъ въ четырехъ губерніяхъ вызовъ охотниковъ для сформированія изъ нихъ дружинъ морскаго ополченія.

Такъ приготовлялась Россія открыть и продолжать свои военныя дѣйствія съ наступленіемъ весны 1854 г.

Еще въ февралѣ мѣсяцѣ 1854 г. Императоръ Николай, въ письмѣ къ главнокомандующему князю Горчакову, такъ отзывался о тогдашнихъ обстоятельствахъ: „Почти съ каждымъ днемъ положеніе дѣлъ дѣлается для насъ грознѣе чрезъ неслыханную неблагодарность императора австрійскаго“. Уже въ этомъ письмѣ Императоръ Николай высказывалъ свое опасеніе, что „вѣроломство Австріи можетъ дойти до рѣшительнаго наступленія на насъ“, и потому Государь, указывая князю Горчакову на мѣры, которыя должны быть приняты въ этомъ случаѣ, требовалъ отъ него возможно скорѣйшей переправы нашихъ войскъ за Дунай и, какъ на конечную задачу нашихъ военныхъ дѣйствій, въ 1854 году указывалъ ему на необходимость обложить и взять турецкую крѣпость Силистрію. [14]) Дѣйствительно переправа чрезъ Дунай и занятіе и очищеніе береговъ его отъ турецкихъ второстепенныхъ укрѣпленій

---

[13]) Богдановича, томъ I, стр. 262 и 263.

[14]) Тамъ же, томъ II, стр. 11—15.

совершены были нами быстро и съ полнымъ успѣхомъ въ слѣдующемъ же мартѣ мѣсяцѣ,—что чрезвычайно обрадовало Государя, и для всей Россіи было подтвержденіемъ общаго мнѣнія, что исходъ начатой войны не можетъ быть для насъ иной, какъ только самый благопріятный. Въ этой увѣренности русское народное мнѣніе не смущалось сложившеюся противъ насъ коалиціею и тѣмъ, что противъ насъ рядомъ съ Турціею выступили двѣ сильныя державы—Франція и Англія; напротивъ это участіе ихъ вызывало въ тогдашней современной поэзіи только одну насмѣшку надъ собою. Вотъ отрывокъ одного изъ такихъ стихотвореній:

„Вотъ въ воинственномъ азартѣ
Воевода Пальмерстонъ [15])
Поражаетъ Русь на картѣ
Указательнымъ перстомъ.
Вдохновенъ его отвагой
И Французъ за нимъ туда-жъ
Машетъ дядюшкиной шпагой
И кричитъ: „allons courage!“
Полно братцы! на смѣхъ свѣту
Не останьтесь въ дуракахъ.
Мы видали шпагу эту
И не въ эдакихъ рукахъ.
Альбіонъ—статья иная:
Онъ еще не раскусилъ,
Что за машина такая
Наша Русь и въ сколько силъ“
и проч.

Подобнымъ образомъ и современная тогдашняя живопись изображала въ каррикатурномъ видѣ выступившихъ противъ насъ союзниковъ: то изображала она англійскаго адмирала Непира въ видѣ рыболова, задумавшаго удить рыбу въ Балтійскомъ морѣ; то изображала она представителей враждебныхъ намъ трехъ державъ безуспѣшно лѣзущими на шестъ, на вершинѣ котораго сидитъ двуглавый орелъ [17]) и т. п. Такое настроеніе народнаго духа поддерживалось и получавшимися съ разныхъ пунктовъ войны извѣстіями о примѣрахъ выдающейся личной храбрости, выказанной то тѣмъ, то другимъ изъ нашихъ маленькихъ, заурядныхъ военныхъ дѣятелей. Тамъ священникъ Пятибоковъ съ крестомъ въ рукахъ и въ епитрахилѣ подъ непріятельскими выстрѣлами всходитъ самъ и ведетъ за собою солдатъ на приступъ на валъ турецкой крѣпости Тульчи, ограждая себя на всѣ стороны отъ града летящихъ пуль осѣняющимъ крестомъ въ его рукахъ,—при чемъ часть святаго креста вы-

---

[15]) Пальмерстонъ—бывшій тогда первый англійскій министръ.

[17]) См. критич. отзывъ о каррикатурныхъ альбомахъ, помѣщенный въ Отеч. Зап. 1855 г. книжка 2-я, стр. 164.

стрѣломъ оторвана, епитрахиль и ряса на этомъ священникѣ во многихъ мѣстахъ пострѣлены, но самъ онъ остается невредимымъ. [18]) Тамъ рядовой мушкатеръ Ревлюкъ, раздѣвшись донага, подъ градомъ непріятельскихъ пуль. кидается въ рѣку, достигаетъ вплавь до судна, везпаго подкрѣпленія туркамъ, прикрѣпляетъ къ нему канатъ и тѣмъ даетъ возможность своему отряду не допустить это судно до непріятельскаго берега и захватить его съ грузомъ, какъ русскую добычу. [19]) Тамъ около Одессы молоденькій, едва начавшій службу прапорщикъ Щеголевъ съ 4-мя пушками и 28 человѣками прислуги, находившимися на его баттареѣ, впродолженіи шести часовъ сражается противъ девяти непріятельскихъ судовъ, съ которыхъ подъ конецъ боя гремитъ до 350-ти орудій. [20]) Тамъ, подъ стѣнами Соловецкаго монастыря, въ продолженіи девятичасовой бомбардировки, производившейся съ двухъ англійскихъ пароходовъ, инвалиды и волонтеры мужественно отстрѣливаются изъ 8-ми шестифунтовыхъ пушекъ, да двухъ монастырскихъ орудій, а между тѣмъ настоятель архимандритъ Александръ безстрашно совершаетъ крестный ходъ кругомъ монастыря. [21])

Эти и подобныя событія, о которыхъ получались извѣстія со всѣхъ осаждаемыхъ непріятелемъ нашихъ окраинъ, начиная съ Балтійскаго моря и кончая Великимъ океаномъ, поддерживали наше народное мужество, заставляли насъ безстрашно смотрѣть на военныя дѣйствія нашихъ противниковъ, а для нихъ были наглядпымъ указателемъ той высокой нравственной силы нашихъ войскъ, съ которою они вступили въ борьбу и которой впрочемъ предстояло высказаться во всемъ своемъ величіи еще впереди—подъ стѣнами Севастополя.

При такомъ настроеніи духа въ дѣйствующихъ нашихъ войскахъ и народѣ, оставалось войскамъ нашимъ быстро и съ успѣхомъ занявшимъ славянскія, подвластныя Турціи, княжества. такъ же быстро и энергично приступить къ обложенію и взятію турецкой крѣпости Силистріи. Но здѣсь-то и начинаетъ со стороны главнокомандующаго выказываться медленность и нерѣшительность, вызывавшіяся какъ появленіемъ союзнаго флота на черномъ морѣ, такъ и постояннымъ опасеніемъ враждебныхъ демонстрацій со стороны Австріи. Въ виду этого Государь замѣнилъ нерѣшительнаго князя Горчакова другимъ главнокомандующимъ--княземъ Варшавскимъ. Но дѣло отъ того не много выиграло: князь Варшавскій не былъ уже прежній рѣшительный и энергичный полководецъ. Мѣсто прежней отваги и энергіи заступила въ немъ старческая излишняя осторожность. Въ опасеніи войны съ Австріею, Паскевичъ, уже вслѣдъ за принятіемъ главнаго начальства, въ апрѣлѣ мѣсяцѣ доносилъ Государю, что лучше бы намъ добровольно очистить занятыя нами княжества; и только рѣшительное требованіе Государя продолжать начатыя дѣйствія по первоначально принятому плану и немедленно приступить къ

---

[18]), [19]), [20]) и [21]) См. критич. отзывъ о карикатурныхъ альбомахъ, помѣщенный въ Отеч. Зап. 1855 г. книжка 2-я, томъ II, стр. 30, 45, 124 и 230.

осадѣ Силистріи удержали Паскевича отъ какихъ либо обратныхъ движеній. [22]) Итакъ въ концѣ мая было предпринято общее наступленіе главныхъ силъ нашего осаднаго корпуса къ Силистріи; но одновременно съ тѣмъ главнокомандующій Паскевичъ отъ полученной имъ маловажной контузіи тяжко захворалъ и, передавъ начальство надъ арміей нерѣшительному князю Горчакову, выѣхалъ для лѣченія въ наши границы, хотя сохранялъ званіе фельдмаршала и передавалъ Горчакову важнѣйшія свои распоряженія. Такимъ образомъ по распоряженію князя Горчакова уже были сдѣланы всѣ приготовленія къ штурму Силистріи, какъ въ самую ночь наканунѣ предполагавшагося штурма прискакалъ къ Горчакову отъ князя Варшавскаго адъютантъ съ приказаніемъ не только немедленно снять осаду Силистріи, но и перевести наши войска обратно за Дунай. Историкъ восточной войны генералъ Богдановичъ объясняетъ это неожиданное событіе такимъ образомъ. Уступая настояніямъ и тревожнымъ опасеніямъ князя Варшавскаго, „Императоръ Николай разрѣшилъ снять осаду Силистріи, но только въ такомъ случаѣ, еслибы осадный корпусъ не могъ взять Силистріи, не подвергаясь опасности быть атакованнымъ превосходными силами прежде окончанія осады. Такой опасности не было и даже весьма вѣроятно, что еслибы мы не потеряли напрасно цѣлый мѣсяцъ и своевременно овладѣли Силистріей, то и Австрія была бы сдержаннѣе въ своихъ домогательствахъ, и англо-французы, будучи заняты непосредственною защитою Турціи, не рѣшились бы предпринять крымскую экспедицію". Паскевичъ же, получивъ упомянутое разрѣшеніе Государя, передалъ его князю Горчакову, вообще боявшемуся отвѣтственности за всѣ свои дѣйствія, совсѣмъ въ иной формѣ, именно въ видѣ разрѣшенія Государя „снять осаду Силистріи, ежели до полученія письма Силистрія не будетъ взята, или совершенно нельзя будетъ опредѣлить, когда будетъ взята". Само собою разумѣется князь Горчаковъ тотчасъ же остановилъ предположенный штурмъ за четверть часа до его начала и, снявъ осаду, началъ отступленіе. Но „никогда еще", говоритъ Богдановичъ, „вѣстникъ самаго бѣдственнаго событія не былъ встрѣченъ такъ непривѣтливо, какъ встрѣтили наши офицеры и солдаты фельдмаршальскаго адъютанта, привезшаго распоряженіе о снятіи осады. Они, не помышляя о себѣ, изъявляли сожалѣніе о товарищахъ своихъ, павшихъ впродолженіи осады и не отмщенныхъ покореніемъ Силистріи". [23]) Между тѣмъ, по словамъ послѣднихъ турецкихъ плѣнныхъ, Силистрія сильно страдала отъ осады и, по недостатку продовольствія и большому числу больныхъ, черезъ два или три дня принуждена бы была сдаться на капитуляцію. „Слѣдовательно", говоритъ Богдановичъ, „мы могли овладѣть Силистріею, и еслибы даже пришлось намъ очистить крѣпость, то всетаки мы успѣли бы взорвать и срыть главныя ея укрѣпленія". [24]) Неожиданное

[22]) См. крит. отзывъ о карикатурныхъ альбомахъ, помѣщенный въ Отеч. Зап. 1855 года книжка 2-я, томъ II, стр. 37—39.

[23]) Тамъ же, т. II, стр. 98—100.

[24]) Тамъ же, т. II, стр. 102.

отступленіе нашихъ войскъ поразило ужасомъ окрестныхъ жителей—болгаръ, опасавшихся мщенія со стороны силистрійскаго гарнизона за выказанную ими преданность русскимъ. [25]) Самъ же Императоръ Николай, по поводу этого событія, въ іюнѣ такъ писалъ князю Горчакову: „Сколько мнѣ грустно и больно, любезный Горчаковъ, что мнѣ надо было согласиться на настоятельные доводы князя Ивана Федоровича (т. е. Паскевича) объ опасности, угрожающей арміи отъ спасенной нами Австріи, и, снявъ осаду Силистріи, возвратиться за Дунай, истощa тщетно столько трудовъ и потерявъ безплодно столько храбрыхъ,—все это мнѣ описывать тебѣ не зачѣмъ: суди объ этомъ по себѣ.... Боюсь только, чтобъ это отступленіе не уронило духъ въ войскахъ. Думаю, что теперь всѣ усилія союзниковъ обратятся на десанты въ Крымъ или Анапу, и это не меньше изъ всѣхъ тяжкихъ послѣдствій нашего теперешняго положенія". [26]) Къ сказанному историкъ Богдановичъ прибавляетъ: „Положеніе Австріи, желавшей съ одной стороны сохранить дружественную связь съ западными державами и освободить отъ занятія русскими войсками дунайскія княжества, а съ другой—избѣжать войны съ Россіей, было крайне затруднительно: но изъ дипломатической переписки не трудно вывести заключеніе, что со стороны Австріи, въ іюлѣ 1854 года, нельзя было намъ ожидать явнаго разрыва, а тѣмъ паче внезапнаго открытія военныхъ дѣйствій. Стало быть—не было никакой основательной причины торопиться очищеніемъ княжествъ, дальнѣйшее занятіе которыхъ заставило бы англо-французовъ вести войну на Дунаѣ, гдѣ были у насъ сосредоточены значительныя силы.—Еслибы наша армія осталась еще нѣкоторое время въ княжествахъ, то союзники были бы принуждены отсрочить экспедицію въ Крымъ, и какъ вскорѣ наступила бы глубокая осень, то война могла бы принять совершенно иной оборотъ.—Но по мѣрѣ выступленія въ августѣ нашихъ войскъ изъ дунайскихъ княжествъ подвигались впередъ турецкія войска и тогда же перешли границу Валахіи австрійскія войска, которыя, по соглашенію союзныхъ державъ съ турецкимъ правительствомъ, и смѣнили турокъ и заняли княжества. Прибытіе австрійскихъ войскъ было встрѣчено жителями сихъ областей весьма холодно и вскорѣ возбудило общее неудовольствіе. Австрійцы вообще распоряжались такъ, какъ будто бы дунайскія княжества имъ были уступлены на вѣчное время". [26])

Таковъ былъ грустный конецъ нашей экспедиціи въ дунайскія княжества. Вслѣдъ за очищеніемъ ихъ русскими войсками, въ концѣ того же августа союзный флотъ направился для высадки своей арміи къ Евпаторіи. Съ этого времени война наша съ союзниками въ глазахъ народа получаетъ совершенно иной характеръ. До сихъ поръ, по народному воззрѣнію, война была ведена нами за какой то смутно понимаемый народомъ, почти неопре-

---

[25]) См. критич. отзывъ о карикатурныхъ альбомахъ, помѣщенный въ Отеч. Зап. 1855 года книжка 2-я, стр. 101.

[26]) Тамъ же, томъ II, стр. 105, 113, 115 и 139.

дѣленный принципъ; ходъ войны, по народному вѣрованію въ свою силу и могущество, не могъ быть иной, какъ самый благопріятный: блистательныя побѣды нашихъ войскъ на сушѣ и на морѣ, быстрое и несопряженное съ большими для насъ потерями занятіе турецкихъ крѣпостей; та же участь, т. е. паденіе предъ русскими войсками, по народному мнѣнію, несомнѣнно ожидала и осажденную нами турецкую крѣпость Силистрію. И вдругъ—мы безъ боя, послѣ продолжительнаго ожиданія, сами снимаемъ осаду Силистріи, не почитавши даже военнаго счастія, сами, никѣмъ не преслѣдуемые, никѣмъ не пораженные, быстро и почти безславно уходимъ изъ занятыхъ нами княжествъ. Оскорблено было уже этимъ однимъ наше народное чувство, но оно возмутилось до глубины души во всѣхъ общественныхъ слояхъ русскаго народа, отъ высшихъ до низшихъ, когда вслѣдъ за безславнымъ выходомъ нашимъ изъ дунайскихъ княжествъ соединенныя силы нашихъ враговъ высадились уже на нашу родную землю—на берегъ Чернаго моря. Чѣмъ болѣе усиливались для насъ опасности, чѣмъ страшнѣе становились силы и средства нашихъ противниковъ, тѣмъ болѣе и болѣе разгоралось русское патріотическое чувство. Война приняла уже чисто народный характеръ. По царскому слову, сформировались дружины ополченцевъ и, съ крестомъ на ихъ шапкахъ, подобно крестоносцамъ среднихъ вѣковъ, дружины эти двигались къ мѣсту, гдѣ отстаивалась русская народная честь—въ Крымъ, берега котораго заняты были вражескими войсками. На всемъ пространствѣ Россіи открылись благотворительные комитеты въ пользу раненыхъ и семействъ убитыхъ воиновъ. Пожертвованія полились щедрою рукою изъ всѣхъ слоевъ общества; почти въ каждомъ семейномъ домѣ и въ каждомъ семейномъ общественномъ собраніи щипали корпію и приготовляли бинты для раненыхъ, шили имъ бѣлье и все это отправлялось къ мѣсту военныхъ дѣйствій. Такъ продолжалось во все время войны. Когда же затѣмъ рѣшеніе войны, ея исходъ поставлены были въ зависимость отъ обороны Севастополя, когда на Севастополѣ сосредоточились всѣ наши надежды, вѣрованія и страданія, когда боевая служба въ этомъ мѣстѣ славы и страданій сдѣлалась на столько почти сверхъестественна, что послѣдовало Высочайшее повелѣніе считать мѣсяцъ этой службы за годъ, [27]) когда возглашенъ былъ призывъ Св. Синода всѣхъ на защиту отечества,—то, по выраженію одного изъ іерарховъ нашихъ, „чуть вся Русь поголовно не сдвинулась со своихъ мѣстъ". [28]) Такъ начиналась война не менѣе знаменитая, чѣмъ война двѣнадцатаго года. Если тамъ исторія видитъ на первомъ планѣ великую всенародную жертву, принесенную Россіей—ея первопрестольную столицу въ пламени и развалинахъ, то и здѣсь не менѣе сильно бьется русское сердце при воспоминаніяхъ о славныхъ, хотя и разрушенныхъ, твердыняхъ Севастополя, насквозь пропитанныхъ кровью своихъ

---

[27]) См. критич. отзывъ о карикатурныхъ альбомахъ, помѣщенный въ Отеч. Зап. 1855 года, книжка 2-я, т. III, стр. 189.

[28]) Поученіе Никанора еписк. Херсонск., напечатан въ 25 № газеты „Гражданинъ" 1884 г., стр. 4.

защитниковъ, безстрашно сражавшихся и геройски умиравшихъ. Но прослѣдимъ ходъ этой войны по разсказамъ историка ея и вмѣстѣ съ нимъ переживемъ при воспоминаніяхъ о ней тѣ торжественныя минуты, какія переживалъ тогда русскій народъ.

Не одни Паскевичъ и Горчаковъ желали возможными уступками съ нашей стороны отвратить тяжелую для Россіи борьбу. Еще въ январѣ 1854 г., слѣдовательно за четыре мѣсяца до снятія нами осады Силистріи, князь Воронцовъ выражалъ подобное же желаніе въ сознаніи беззащитнаго положенія почти всего черноморскаго побережья и невозможности противостоять нападеніямъ и высадкамъ союзнаго флота. Вотъ что тогда писалъ онъ Государю: „Больно мнѣ, какъ русскому и какъ русскому, совершенно преданному Вамъ, Всемилостивѣйшій Государь, говорить о нѣкоторыхъ уступкахъ въ справедливыхъ требованіяхъ, нами прежде объявленныхъ; но, по вѣрноподданническому долгу, я долженъ сказать, что потеря и варварская потеря укрѣпленій нашихъ на восточномъ берегу, съ истребленіемъ ихъ гарнизоновъ, вполнѣ заслуживаетъ нѣкоторыхъ пожертвованій. Балтійскіе берега и Кронштадтъ могутъ быть защищены; но въ Черномъ морѣ противъ сильныхъ непріятельскихъ флотовъ защиты нѣтъ; а паденіе всего, что мы имѣемъ на этомъ берегу, будетъ имѣть самое пагубное слѣдствіе для могущества Россіи на Кавказѣ и для вліянія Россіи въ Европѣ“. [29]) Но Государь въ своемъ отвѣтѣ рѣшительно отвергъ всякую мысль объ уступкахъ, высказывая, что требованія Россіи заключаютъ въ себѣ только требованіе исполненія существующихъ трактатовъ и потому всякая уступка и немыслима и не согласна съ честью Россіи. Соболѣзнуя же о предвидимой потерѣ черноморскихъ фортовъ и ихъ гарнизоновъ, Государь видѣлъ въ этой потерѣ необходимую жертву для достиженія главныхъ цѣлей. [30]) Въ іюнѣ 1854 года князь Меньшиковъ писалъ князю Долгорукому: „въ настоящее время Крымъ существенный пунктъ, на которомъ долженъ рѣшиться вопросъ о нашемъ вліяніи на дѣла Востока“; [31]) а въ сентябрѣ мѣсяцѣ онъ донесъ уже Государю, что въ виду Евпаторіи появился многочисленный англо-французскій флотъ и что вслѣдъ затѣмъ значительное число непріятельской пѣхоты съ частью кавалеріи высажена на берегъ около Евпаторіи и что наши войска, по неудобству мѣстности, не могли воспрепятствовать этой высадкѣ, а ожидаютъ встрѣчи съ непріятелемъ на выгодной позиціи на р. Альмѣ. [31])—Военный историкъ восточной войны генералъ Богдановичъ, прослѣдившій въ своемъ сочиненіи въ подробностяхъ весь ходъ этой войны, разбираетъ критически каждый изъ ея эпизодовъ и, при такомъ разборѣ, во многихъ случаяхъ приписываетъ неудачу нашихъ дѣйствій какой то нерѣшительности, медлительности, излишней осторожности въ дѣйствіяхъ главныхъ военачальниковъ. Такимъ же образомъ генералъ

---

[29]) Богдановича, томъ II, стр. 141.
[30]) Тамъ же, томъ II, стр. 142.
[31]) Тамъ же, томъ III, стр. 6 и 7.

Богдановичъ высказываетъ свой протестъ и противъ допущенія нашею крымскою арміей безпрепятственной высадки англо-французскихъ войскъ и противъ совершенной почти неподготовки мѣстности на Альмѣ къ предполагавшейся встрѣчѣ русской арміи съ войсками союзниковъ. [32]) Мы не имѣемъ въ виду ни повторять подобныхъ критическихъ взглядовъ г. Богдановича, ни тѣмъ болѣе вдаваться въ ихъ оцѣнку, предоставляя это усмотрѣнію спеціалистовъ. Наша задача—изложить въ точности, хотя и въ сжатомъ видѣ, событія, происходившія въ Россіи въ то или другое время, и затѣмъ прослѣдить вліяніе этихъ событій на русскій народъ, и тѣ перемѣны, которыя должны были произойти во взглядахъ, въ убѣжденіяхъ, въ нравственномъ организмѣ народа, какъ результатъ этихъ событій.

8 сентября произошло на р. Альмѣ предполагавшееся сраженіе русской арміи съ англо-французскимъ дессантомъ; но по двойной почти численности союзныхъ войскъ противъ нашихъ, по лучшему вооруженію иностранныхъ войскъ и по недостаточной подготовкѣ самой мѣстности для боя, а частію и вслѣдствіе другихъ нашихъ ошибокъ, русскія войска должны были на другой день послѣ битвы, т. е. 9 сентября, хотя и въ полномъ порядкѣ и нанеся значительный уронъ непріятелю, отступить къ Севастополю. [33]) Но такъ какъ одновременно съ движеніемъ союзной арміи по сухому пути происходило движеніе прикрывавшаго ее непріятельскаго флота, то, чтобы преградить этому флоту возможность движенія къ самому Севастополю, главнокомандующій Горчаковъ отдалъ суровое и страшное приказаніе—затопить при входѣ въ севастопольскій рейдъ нѣйсколько кораблей русскаго военнаго флота и тѣмъ лишить непріятельскій флотъ возможности подступить къ Севастополю. Это, по истинѣ страшное для нашихъ моряковъ и суровое, приказаніе едва не вызвало сопротивленіе со стороны получившаго его вице-адмирала Корнилова и только подтвержденіе этого приказанія княземъ Меньшиковымъ и при томъ сопровождавшееся строгимъ предупрежденіемъ, что Корниловъ при дальнѣйшемъ неисполненіи получитъ другое назначеніе, заставило стараго моряка поднять руку на собственныхъ своихъ друзей и дѣтищъ. Рѣшено было утопить семь русскихъ кораблей. До самой послѣдней минуты моряки медлили исполненіемъ этого убійства, питая слабую надежду, не будетъ ли еще отмѣненъ этотъ смертный приговоръ. Наконецъ эта тяжелая минута наступила и—шесть кораблей, отъ прорубленныхъ въ подводныхъ ихъ частяхъ отверстій, пошли ко дну; но седьмой корабль, не смотря на такія же отверстія, не хотѣлъ почему то тонуть. Тогда одному изъ оставшихся въ живыхъ товарищу этого обреченнаго на смерть корабля приказано было сдѣлать по нему нѣсколько выстрѣловъ ядрами и—такимъ образомъ и эта седьмая жертва была принесена... Такъ 11 сентября положено было начало истребленію русскаго черноморскаго флота. [34]) Между тѣмъ союзная армія подвигалась

---

[32]) Богдановича, томъ III, стр. 12—14.

[33]) Тамъ же, томъ III, стр. 20, 31 и 39.

[34]) Тамъ же, т. III, стр. 40—44.

къ Севастополю и своею численностію превосходила почти вчетверо численность защитниковъ Севастополя: такихъ защитниковъ въ это время считалось только 16 тысячъ, а враговъ было 60 тысячъ. Но главный начальникъ севастопольскихъ войскъ вице-адмиралъ Корниловъ и самъ былъ убѣжденъ, и, ободряя войска, въ рѣчи своей къ нимъ прямо заявилъ имъ заранѣе, что отступленія отъ Севастополя не будетъ. „Помните же, говорилъ онъ, не вѣрьте отступленію. Тотъ измѣнникъ, кто протрубитъ ретираду, и, если я самъ прикажу отступать, коли меня.“ [35]) Въ это же время выступаетъ на сцену доселѣ незамѣтная, заурядная повидимому личность, но которой суждено было стать въ числѣ славнѣйшихъ защитниковъ Севастополя и связать свое имя съ вѣчными воспоминаніями объ этой русской твердынѣ. Говоримъ о бывшемъ тогда въ чинѣ подполковника—инженерѣ Тотлебенѣ. Подъ его руководствомъ начались усиленныя работы на бастіонахъ, окружавшихъ Севастополь. При работахъ этихъ „многія изъ женщинъ копали и носили землю и даже дѣти таскали лопаты.“ [36]) Непріятели, подступивъ къ Севастополю, двинулись 5 октября на приступъ, при чемъ корабли союзнаго ихъ флота дѣйствовали противъ нашихъ береговыхъ укрѣпленій. Хотя англійская артиллерія дѣйствовала успѣшно, но „цѣль этого бомбардированія, состоявшая въ совершенномъ ослабленіи обороны Севастополя, ни мало врагами нашими не была достигнута. Потери, понесенныя англо-французами были напрасны, и положеніе ихъ, послѣ усиленнаго бомбардированія 5 октября, сдѣлалось затруднительнѣе прежняго. Русскіе увѣрились на опытѣ въ возможности успѣха борьбы съ сильнымъ противникомъ, а союзники были принуждены приступить къ медленному способу дѣйствій—формальной осадѣ Севастополя.“ [37]) Около 1250 челов. выбыло въ день 5 октября изъ числа защитниковъ Севастополя (французовъ же и англичанъ около 900 человѣкъ); но едва ли не самою чувствительною для насъ потерею была въ этотъ день геройская смерть главнаго начальника севастопольскихъ войскъ вице-адмирала Корнилова, который, послѣ объѣзда нашихъ войскъ во время самой канонады,—объѣзда, который онъ сдѣлалъ потому, что „въ такой торжественный день“, какъ говорилъ онъ, „онъ имѣлъ душевную потребность видѣть нашихъ героевъ на полѣ ихъ отличія,“—самъ онъ былъ раненъ ядромъ въ ногу у самаго живота, отчего вскорѣ и умеръ, призывая благословеніе Божіе на Россію и Государя и моля о дарованіи побѣды надъ врагами. [38]) Такъ сдержалъ этотъ севастопольскій герой торжественно данное имъ слово, что онъ „не отступитъ отъ Севастополя“ и легъ подъ стѣнами его въ числѣ первыхъ славныхъ жертвъ за честь имени русскаго.

---

[35]) Богдановича, томъ III, стр. 62 и 63.

[36]) Тамъ же, томъ III, стр. 64.

[37]) Тамъ же, томъ III, стр. 97 и 98.

[38]) Тамъ же, томъ III, стр. 86, 87, 96. Замѣтить должно, что во все время осады Севастополя войска обѣихъ сторонъ постоянно пополнялись вновь прибывающими силами. Такъ ко дню бомбардированія Севастополя 5 октября у союзниковъ было 85 тысячъ, а у насъ—65 тысячъ войска.

Подъ впечатлѣніемъ успѣшнаго противодѣйствія нашего севастопольской бомбардировкѣ, мы сдѣлали вслѣдъ затѣмъ наступательное движеніе на непріятелей при Балаклавѣ, гдѣ союзники понесли значительный уронъ, послѣ котораго стали они сомнѣваться въ успѣхѣ осады, а русскіе еще болѣе убѣдились въ возможности бороться съ сильнымъ противникомъ. Другаго рода послѣдствія вызвалъ происходившій затѣмъ бой при Инкерманѣ. Сраженіе это было нами проиграно и потеря наша въ $2^1/_2$ раза превышала уронъ противниковъ: мы потеряли 10 т., а враги наши 4 т. воиновъ. Подъ вліяніемъ этого неудачнаго боя, главнокомандующій князь Меньшиковъ въ письмѣ къ Государю высказывалъ свои сомнѣнія въ успѣшной оборонѣ Севастополя; но Государь въ отвѣтномъ ему письмѣ прямо высказалъ, что даже помышлять о томъ, чтобы бросить Севастополь, было бы постыдно и значило бы не быть русскими и что лучше пасть съ честью, но не сдавать и не бросать.—Сраженіе при Инкерманѣ, происходившее 24 ноября, хотя и было нами проиграно, но заставило нашихъ противниковъ на долгое время отказаться отъ атаки на Севастополь, или лучше сказать на Малаховъ курганъ, служившій главнымъ прикрытіемъ Севастополя,—такъ что до февраля послѣдующаго года почти не происходило съ обѣихъ сторонъ никакихъ рѣшительныхъ дѣйствій: враги наши готовились къ осадѣ и штурму Севастополя, мы—къ защитѣ и отраженію.—Изрѣдка только дѣлали мы небольшія вылазки изъ осаждаемаго Севастополя, сопровождаемыя иногда блестящими результатами. Изъ событій, совершившихся въ промежутокъ между Инкерманскимъ сраженіемъ и февралемъ 1855 года, слѣдуетъ упомянуть о происшедшей 2 ноября на Черномъ морѣ страшной бурѣ, разбросавшей, между прочимъ, приготовленную нами на севастопольскомъ рейдѣ преграду изъ затопленныхъ нами своихъ кораблей. Поэтому вице-адмиралъ Нахимовъ, испросивъ Высочайшее дозволеніе, въ февралѣ 1855 г., затопилъ при входѣ въ рейдъ еще шесть военныхъ судовъ. [39])

Эти мѣсяцы, т. е. время между Инкерманскою битвою и февральскими событіями, были временемъ усиленнаго общественнаго движенія и разгара нашего народнаго патріотизма: все и вездѣ готовилось къ защитѣ противъ враговъ, или къ оказанію помощи раненымъ нашимъ воинамъ и ихъ семействамъ. Въ университетахъ и другихъ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ шло обученіе военнымъ пріемамъ и когда министръ народнаго просвѣщенія объявлялъ студентамъ отъ имени Государя, что можетъ быть имъ приведется сослужить службу Россіи въ рядахъ русскихъ воиновъ, то заявленіе это было принято молодежью съ восторгомъ и увлеченіемъ. Кромѣ пожертвованій въ пользу воиновъ и ихъ семей устроивались повсемѣстно общественныя собранія и концерты, гдѣ патріотическое чувство, наряду съ европейскими знаменитостями чествовало рядовыхъ исполнителей изъ русскихъ воиновъ. Сформировалась община сестеръ милосердія и сестры эти съ полнымъ безстрашіемъ дѣлали перевязки раненымъ на перевязочныхъ пунктахъ, хотя бомбы то и дѣло летали

---

[39]) Богдановича, томъ III, стр. 123, 125—185, 250.

кругомъ ихъ. Профессоры Пироговъ и Гюббенетъ, въ сопровожденіи молодыхъ врачей, а впослѣдствіи и студенты—медики старшихъ курсовъ отправились въ Крымъ для помощи раненымъ. На всемъ пространствѣ Россіи трудились женщины, приготовляя корпію, бинты и холстъ для военныхъ госпиталей. Были случаи, что шести-и-четырехлѣтнія дѣти отказывались отъ ожидаемыхъ ими подарковъ и игрушекъ, съ тѣмъ, чтобы деньги за нихъ были отосланы на нужды нашихъ воиновъ. Массы просьбъ поступали отъ желавшихъ поступить въ дѣйствующія войска и ополченія. Въ церквахъ возносились молебствія о дарованіи побѣды надъ врагами. Вездѣ, во всѣхъ большихъ и малыхъ общественныхъ собраніяхъ, предметомъ общаго вниманія и разговоровъ были разсказы о событіяхъ съ театра войны. Наконецъ самъ Государь Николай I въ манифестѣ своемъ 14 декабря 1854 года высказалъ свои будущія намѣренія о начатой войнѣ въ слѣдующихъ словахъ: „Буде нужно, мы всѣ, царь и подданные, повторяя слова Императора Александра, произнесенныя имъ въ подобную нынѣшней годину искушенія, съ желѣзомъ въ рукахъ, съ крестомъ въ сердцѣ станемъ передъ рядами враговъ на защиту драгоцѣннѣйшаго въ мірѣ блага: безопасности и чести Отечества.“ [40])

Императоръ Николай I вообще не терпѣлъ бездѣйствія и медлительности, а въ особенности въ военныхъ операціяхъ; зимнее время онъ считалъ особенно удобнымъ для дѣйствія нашихъ войскъ и потому настоятельно требовалъ отъ главнокомандующаго болѣе рѣшительныхъ дѣйствій. Уступая этимъ настояніямъ, князь Меньшиковъ въ началѣ февраля 1855 года рѣшился на штурмъ занятой непріятелями Евпаторіи; но штурмъ этотъ кончился полною неудачею съ нашей стороны: мы потеряли около 800, а противники наши около 400 чел. Донесеніе князя Меньшикова Государю объ этомъ неудачномъ штурмѣ,—въ каковомъ донесеніи онъ испрашивалъ разрѣшенія Государя на новое затопленіе трехъ нашихъ судовъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ просилъ объ освобожденіи его по болѣзни отъ должности главнокомандующаго,—было получено, когда Императоръ Николай I-й находился уже на смертномъ одрѣ, и на письмо это, по порученію и отъ имени умиравшаго Императора, отвѣчалъ князю Меньшикову, за три дня до смерти Николая I, бывшій тогда наслѣдникомъ престола Александръ Николаевичъ. Въ письмѣ этомъ Государь выразилъ князю Меньшикову свое неудовольствіе и огорченіе на значительную потерю, понесенную нашими войсками и безъ всякаго результата. Упрекая князя въ томъ, что онъ пропустилъ три мѣсяца благопріятнаго времени, Государь отвергнулъ испрашиваемое новое затопленіе нашихъ кораблей, высказавъ, что тѣмъ самымъ мы сами уничтожаемъ свой флотъ и Высочайше уволилъ князя Меньшикова отъ званія главнокомандующаго, назначивъ на его мѣсто князя Горчакова. [41]) Это было уже послѣднее распоряженіе Николая I относительно военныхъ дѣйствій.

---

[40]) Отечеств. Записки 1855 г. кн. 2-я стр. 26 и 162 и 1859 г. кн. 1-я стр. 67; Моск. Вѣдом. 1883 г. № 317 и Богдановича томъ III, стр. 210, 213, 214 и 234—236.

[41]) Богдановича, томъ III, стр. 216—230.

Нельзя сомнѣваться въ томъ, что хотя Императоръ Николай I-й съ послѣднихъ чиселъ января и былъ болѣнъ отъ сильной простуды, которою къ тому же онъ пренебрегалъ, но болѣзнь эта, при крѣпкой его натурѣ, не получила бы такого злокачественнаго характера, еслибы ей не сопутствовали сильныя душевныя волненія и огорченія, испытываемыя Императоромъ. 12-го февраля онъ получилъ телеграфическую депешу о неудачномъ ходѣ дѣла подъ Евпаторіей и съ того времени здоровье его не поправлялось, а 18 его уже не стало. Въ какой степени Государь страдалъ душею отъ неудачнаго хода нашихъ дѣлъ, видно отчасти изъ тѣхъ послѣднихъ словъ, какія сказалъ онъ своему наслѣднику: „Ты знаешь, что всѣ мои попеченія, всѣ усилія стремились къ благу Россіи; я хотѣлъ продолжать трудиться такъ, чтобы оставить тебѣ государство благоустроенное, огражденное безопасностію извнѣ, совершенно спокойное и счастливое внутри; но ты видишь, въ какое время и при какихъ обстоятельствахъ я умираю. Видно, такъ угодно Богу. Тяжело тебѣ будетъ.“ [42])

Съ кончиною Императора Николая I многіе ожидали перемѣны въ нашихъ внѣшнихъ отношеніяхъ, ожидали и немедленнаго окончанія кровавой войны; но никакихъ перемѣнъ въ этомъ отношеніи не послѣдовало и Александръ II продолжалъ неуклонно слѣдовать въ этомъ дѣлѣ системѣ своего отца.

7 марта 1855 года не стало доблестнаго защитника Малахова кургана—вице-адмирала Истомина, который впрочемъ предчувствовалъ и заранѣе высказывалъ увѣренность въ томъ, что онъ будетъ убитъ. И дѣйствительно, когда въ этотъ день объѣзжая подъ непріятельскими выстрѣлами наши люнеты, едва онъ высказалъ окружающимъ, что все равно, отъ ядра не спрячешься, какъ налетѣвшее ядро, какъ бы подтверждая его слова, оторвало ему голову. Такъ погибъ славный защитникъ передоваго севастопольскаго укрѣпленія—Малахова кургана. Это было наканунѣ прибытія въ Севастополь новаго главнокомандующаго—князя Горчакова. Войска наши, по словамъ генерала Богдановича, приняли князя Горчакова и его увѣреніе скораго изгнанія непріятеля изъ Крыма „съ ледянымъ равнодушіемъ“, потому что, при всѣхъ хорошихъ качествахъ князя, не ожидали отъ него ничего рѣшительнаго. [43]) И дѣйствительно, время шло въ незначительныхъ стычкахъ и перестрѣлкахъ до самой Пасхи, бывшей въ томъ году 27 марта. Осаждаемые шутили и опасностями, и самою жизнію. Разсказываютъ, что одинъ нашъ бомбардиръ раскрасилъ къ первому дню Пасхи двухпудовую бомбу на манеръ пасхальнаго яйца и, съ разрѣшенія своего командира, похристосовался этимъ яичкомъ съ непріятелями, отправивъ его мѣткимъ выстрѣломъ въ ихъ лагерь. На это поздравленіе и непріятель не замедлилъ отвѣтить огромною начиненною бомбою. На второй день Пасхи началось всеобщее бомбардированіе Севастополя, продолжавшееся по 6-е апрѣля. Въ теченіе этихъ 10-ти дней на нашей оборонительной линіи,

---

[42]) Корфа. Послѣдніе часы жизни Императора Николая I-го.

[43]) Богдановича, томъ III, стр. 257, 258 и 260.

въ отвѣтъ на непріятельскіе пушечные выстрѣлы, нашими войсками выпущено болѣе 80 тысячъ зарядовъ, союзники же издержали болѣе 150 тыс. зарядовъ; выбыло изъ строя въ нашихъ войскахъ болѣе 6000, а у союзниковъ до 2000. Цѣль союзниковъ при этомъ всеобщемъ бомбардированіи заключалась въ томъ, чтобы заставить замолчать всѣ наши орудія на оборонительной линіи, или, какъ выражаются военные, потушить огонь на этой линіи; но цѣль эта, не смотря на огромныя затраты силъ и снарядовъ, не была достигнута нашими противниками, а это опять заставило ихъ отложить штурмъ Севастополя на неопредѣленное время. Выдержавъ эту десятидневную бомбардировку и употребивъ мѣсяцъ на исправленіе произведенныхъ ею поврежденій, войска наши перешли было 10 и 11 мая къ наступательнымъ дѣйствіямъ (у кладбища и карантинной бухты), но понесли значительный уронъ, не достигнувъ никакихъ результатовъ,—что и было поставлено въ письмѣ Государя Императора въ справедливый упрекъ князю Горчакову. Въ свою очередь союзники, испытавъ неудачу общаго бомбардированія всѣхъ передовыхъ укрѣпленій Севастополя и пользуясь своею удачею при отбитіи нашихъ наступательныхъ дѣйствій 10 и 11 мая, перешли къ другой системѣ—къ дѣйствіямъ противъ нашихъ отдѣльныхъ укрѣпленій. Первымъ результатомъ этой новой системы, отчасти обусловливавшимся значительнымъ ослабленіемъ нашего гарнизона, была потеря нами двухъ весьма важныхъ укрѣпленій на лѣвомъ нашемъ флангѣ. Подъ вліяніемъ этой неудачи князь Горчаковъ писалъ Государю о дозволеніи вывести изъ Севастополя остатки храбрыхъ его защитниковъ, не подвергая половины ихъ гибели. Но Государь въ отвѣтномъ письмѣ высказалъ, что онъ не теряетъ еще надежды отстоять Севастополь, хотя сознаетъ, что русскія войска со славою исполнили свой долгъ и что если и придется потерять Севастополь, то не все еще потеряно. 6-го іюня французскія войска повели штурмъ на корабельную сторону; но штурмъ этотъ, къ общей радости Государя и Россіи, былъ блистательно отбитъ нашими войсками. Государь, осыпавъ наградами всѣхъ участниковъ этого подвига, заключилъ свое письмо Горчакову словами: „Объ оставленіи Севастополя, надѣюсь, съ Божьею помощью, что рѣчи не будетъ больше.“ Но радость блистательнаго отраженія нами штурма 6 іюня была непродолжительна и черезъ день была омрачена печальнымъ событіемъ: одинъ изъ главныхъ, и едва ли, по тогдашнему ходу дѣлъ, не самый главный защитникъ Севастополя, генералъ Тотлебенъ, подъ личнымъ руководствомъ котораго производились весьма искусно всѣ инженерныя—земляныя и подземныя работы, исправлявшія въ одну ночь всѣ поврежденія, сдѣланныя непріятелемъ въ теченіе дня въ нашихъ укрѣпленіяхъ, этотъ генералъ—кротъ, какъ называло его русское народное остроуміе, своими подземными работами не давалъ непріятелю подвинуть ни на одинъ шагъ его осадныя работы безъ особыхъ чрезвычайныхъ съ его стороны усилій и пожертвованій,—этотъ защитникъ Севастополя 8 іюня былъ раненъ въ ногу пулею навылетъ и долженъ былъ передать свои обязанности другимъ лицамъ. Черезъ 20 дней Севастопольская армія понесла еще большую незамѣнимую утрату: 28 іюня

былъ смертельно раненъ и на 3-й день умеръ славный защитникъ Севастополя адмиралъ Нахимовъ. Со смертію Нахимова, какъ говоритъ Богдановичъ, не стало въ русской арміи объединяющей силы и крѣпости, изчезло и убѣжденіе въ необходимости держаться до послѣдней крайности. Поэтому и потеря Нахимова была для насъ и въ высшей степени горестна и совершенно незамѣнима. Между тѣмъ непріятели постепенно надвигались на наши укрѣпленія и число осадныхъ орудій у нихъ увеличивалось; мы же, для обезпеченія постоянныхъ сообщеній нашей арміи съ городомъ, къ 15-му августа устроили мостъ черезъ севастопольскую Большую бухту. Замѣтимъ, что энергическій Нахимовъ, еще при жизни своей, называлъ самую мысль о постройкѣ такого моста подлостію,—такъ какъ она рождала въ войскахъ другую мысль—о возможности оставленія нами Севастополя. [44])

Но если, не смотря на одолѣвающую силу враговъ, геройскій духъ защитниковъ Севастополя не ослабѣвалъ, если каждый изъ нашихъ воиновъ былъ героемъ, если привыкли они не обращать вниманіе на безпрестанныя опасности и самую смерть, то нельзя не замѣтить, что многіе изъ нихъ дѣйствовали не только съ полнымъ презрѣніемъ къ смерти, но и съ полнымъ убѣжденіемъ, что они будутъ убиты при защитѣ Севастополя. Такъ думали и славные защитники его Нахимовъ и Истоминъ; такъ думали и многіе руководители нашихъ военныхъ дѣйствій; но мужество ихъ уже приближалось къ апатіи. По мнѣнію историка Богдановича, „защитники Севастополя были утомлены продолжительною, нескончаемою борьбою и поддерживались только чувствомъ долга. Постоянный бой, не прекращавшійся ни днемъ, ни ночью, вѣчныя бомбы и ядра, по засвидѣтельствованію участниковъ, дѣйствовали раздражительно на ихъ нервы: имъ хотѣлось хоть немного отдохнуть душею.“ [45]) Это-то душевное состояніе защитниковъ Севастополя, ожидавшихъ какого нибудь исхода изъ своего положенія, хотя бы то вѣчнаго покоя, въ связи съ настояніями и упреками въ потерѣ времени и людей, дѣлаемыми главнокомандующему Государемъ, который называлъ защиту Севастополя ужасною бойнею и требовалъ предпринять что либо рѣшительное,—побудили князя Горчакова собрать военный совѣтъ, на которомъ большинствомъ членовъ было рѣшено для прекращенія осады Севастополя дать сраженіе съ союзниками на рѣчкѣ Черной. Это заключеніе большинства членовъ совѣта противорѣчило собственному убѣжденію князя Горчакова, но у него не достало рѣшимости отвергнуть это мнѣніе и поступить по собственному мнѣнію и болѣе основательному сужденію меньшинства совѣта. Сраженіе это произошло 4 августа; но атака наша не имѣла никакого успѣха и была отбита: мы потеряли изъ строя въ этой битвѣ болѣе 8000 воиновъ, тогда какъ противники только до 1800. Эта несчастная битва, предпринятая при самыхъ неблагопріятныхъ для насъ условіяхъ и которой поэтому Богдановичъ не находитъ никакого оправданія, имѣла

---

[44]) Богдановича, т. III, стр. 276, 289—293, 313—322. 346—365, 374—397, 413—318.

[45]) Тамъ же, томъ III, стр. 415.

рѣшительное вліяніе на всѣ послѣдующія событія. Правда, защитники Севастополя, не смотря на эту неудачу, рѣшились защищаться до послѣдней крайности, да и союзники, испытавъ уже силу и крѣпость нашихъ войскъ, не рѣшались на приступъ; тѣмъ не менѣе участь Севастополя была уже предрѣшена. Вмѣсто приступа и атаки на Севастополь, союзники еще болѣе усилили и безъ того уже ужасную бомбардировку Севастополя, которая и продолжалась непрерывно съ 5 по 27 августа и только этого послѣдняго числа непріятели повели свою усиленную атаку. Самымъ важнымъ результатомъ этой атаки было то, что, не смотря на геройскій отпоръ нашихъ войскъ, французы овладѣли господствовавшимъ надъ окружающею мѣстностію Малаховымъ курганомъ. Вечеромъ того же дня главнокомандующій далъ приказъ объ отступленіи на сѣверную сторону бухты по устроенному ранѣе мосту. 28-го августа войска наши постепенно оставляли Севастополь, взрывая наши укрѣпленія и оставляя непріятелямъ одни развалины. 29-го числа была взорвана нами послѣдняя Севастопольская баттарея. 30-го августа непріятель занялъ развалины оставленнаго нами города; а 31-го августа, по распоряженію главнокомандующаго, затоплены и послѣдніе оставшіеся у насъ корабли черноморскаго флота. [46])

Такъ кончилось грустно—торжественная эпопея славнаго севастопольскаго сидѣнья. Тяжко-болѣзненно сжались сердца всѣхъ русскихъ при извѣстіи о паденіи сдѣлавшагося на вѣки знаменитымъ Севастополя и объ окончательномъ истребленіи отъ собственныхъ нашихъ рукъ всего черноморскаго флота. Страдало народное чувство всей Россіи. Горько плакали многіе, вспоминая о принесенныхъ въ жертву великихъ личностяхъ Корнилова, Истомина, Нахимова и друг.; плакали о тысячахъ воиновъ, погибшихъ славною смертію во время севастопольскаго погрома. но увы! погибшихъ. по видимому, безъ пользы для родной страны. Скорбное чувство современниковъ не въ силахъ разрѣшить и указать цѣли, по которымъ Провидѣніе инспосылаетъ на ту или другую страну годину испытанія. Только въ послѣдствіи людской разумъ начинаетъ понимать пути, которыми Оно въ концѣ концовъ ведетъ народъ къ общему благу. Такъ было и съ нами въ эпоху севастопольскаго паденья. Правда, мы еще и теперь очень близки къ этой эпохѣ, но уже можемъ по послѣдовавшимъ за нею событіямъ, хотя отчасти разсуждать. для чего нужна была эта великая жертва, принесенная Россіею,—о чемъ и будетъ рѣчь въ послѣдующихъ главахъ нашего труда. Но если народный духъ воспитывается на воспоминаніяхъ минувшаго времени, если безпристрастный судъ исторіи не всегда относится съ одобреніемъ къ отдѣльнымъ предпріятіямъ, увѣнчавшимся задуманнымъ успѣхомъ и напротивъ весьма часто становится на сторону пострадавшихъ государствъ и отдѣльныхъ личностей, возвышая и окружая ореоломъ славы эти страданія, то безспорно осада Севастополя, не смотря на его паденіе, составляетъ одну изъ блестящихъ страницъ нашей исторіи, одно изъ лучшихъ воспоминаній нашего прошлаго. составляющихъ нашу гордость, нашу народ-

[46]) Богдановича, томъ IV, стр. 5—16, 46, 49, 54—136.

ную славу. Повторяемъ по этому поводу слова историка Богдановича: „Экспедиція англо-французовъ въ Крымъ и осада Севастополя были главными событіями Восточной войны. Не смотря на важность предшествовавшихъ дѣйствій на Дунаѣ и въ Азіатской Турціи, не смотря на веденную нами впослѣдствіи осаду Карса, осада Севастополя обратила на себя исключительно общественное мнѣніе и осталась на долго въ памяти народовъ. Да и не могло быть иначе: трудность предпріятія, огромность средствъ союзныхъ державъ, упорство и продолжительность борьбы, наконецъ болѣе всего геройскіе подвиги защитниковъ крѣпости, которымъ сами непріятели отдали должную справедливость: все это, затмивъ славу обороны Сагунта и Сарагоссы, придало осадѣ Севастополя характеръ народнаго эпоса, наравнѣ съ отечественною войною 1812 года. Герои, павшіе въ Севастополѣ, воспоминаются съ уваженіемъ и любовью всѣми русскими, а тѣ, которые пережили достославную защиту *знаменитаго города*, пользуются во всѣхъ концахъ Россіи заслуженнымъ ими почетомъ. Ежели Гомеръ восхищалъ грековъ баснословнымъ изложеніемъ подвиговъ, совершенныхъ ихъ соотечественниками, то не въ правѣ ли мы восхищаться дѣйствительными событіями, коихъ мы были свидѣтелями. [47])

Война въ Крыму не прекращалась и послѣ паденія Севастополя до марта 1856 г.; но она потеряла характеръ губительной войны. Рѣшительныхъ, выдающихся дѣйствій не было предпринимаемо ни съ той, ни съ другой стороны и вообще военныя дѣйствія не имѣли тамъ особенно важныхъ послѣдствій. Гораздо важнѣе, серьезнѣе и наступательнѣе былъ образъ дѣйствій нашихъ войскъ на азіатско-турецкой нашей границѣ. Здѣсь, послѣ неудачнаго сначала нашего штурма въ сентябрѣ на осажденную русскими знаменитую турецкую крѣпость Карсъ, крѣпость эта въ концѣ ноября 1855 года сдалась намъ на капитуляцію. Это взятіе нами Карса до нѣкоторой степени подняло приниженный крымскими неудачами духъ русскаго народа и, конечно, имѣло нѣкоторое вліяніе на характеръ условій мира, на которыхъ мы закончили эту войну, условій, которыя, безъ всякаго сомнѣнія, были бы тяжелѣе для Россіи, еслибы и въ Азіи военныя наши дѣйствія были также неудачны. (Главнокомандующимъ войсками въ Азіи былъ Муравьевъ). [48])

Внутренними, вытекавшими непосредственно изъ самой войны, послѣдствіями были: убыль въ нашихъ войскахъ отъ смерти, ранъ, вызванныхъ войною болѣзней и проч. до полумилліона людей и увеличеніе нашего государственнаго долга на 500 милліоновъ рублей. [49])

Переговоры о мирѣ, начавшіеся еще при жизни Императора Николая I и продолжавшіеся безуспѣшно до іюня 1855 года, опять возобновились послѣ паденія Севастополя и, въ виду удовлетвореннаго самолюбія нашихъ противниковъ, велись ими уже съ меньшею заносчивостію, чѣмъ прежде. Тѣмъ не

---

[47]) Богдановича, томъ II, стр. 244 и 245.
[48]) Тамъ же, томъ IV, стр. 181—413.
[49]) Тамъ же, томъ IV, стр. 411—416.

менѣе тяжелыми для насъ условіями, на которыя мы вынуждены были согласиться, на основаніи мирнаго трактата, заключеннаго нами и союзниками 18 марта 1856 года въ Парижѣ, были: 1) Уступка нами части Бессарабіи для присоединенія ея къ княжеству Молдавіи (трактатъ—ст. XX); всѣ же завоеванные нами и противниками города и крѣпости, равно плѣнные обѣихъ воевавшихъ сторонъ, возвращены по принадлежности; 2) намъ дозволено было, наравнѣ съ Турціею, имѣть на Черномъ морѣ не болѣе шести большихъ (извѣстной мѣры) паровыхъ судовъ и четырехъ малыхъ (также извѣстной мѣры) паровыхъ, или парусныхъ судовъ (трактата стат. XIV и приложенная къ этой статьѣ конвенція); 3) намъ, какъ и Турціи, воспрещено было на берегахъ Чернаго моря оставлять существовавшіе или заводить вновь какіе либо военно-морскіе арсеналы (трактата стат. XIII). Конечно, поставляя для насъ одинаковыя съ Турціею условія, трактатъ имѣлъ въ виду собственно Россію, а Турція была здѣсь только отводомъ. Другія условія этого трактата большею частію направлены были къ тому, чтобы парализовать исключительное, или преобладающее вліяніе Россіи на Турцію и подвѣдомыя ей княжества. Такъ по трактату установлены были: общее ручательство державъ за цѣлость и неприкосновенность Турціи, общее покровительство всѣмъ христіанскимъ подданнымъ Турціи, учрежденіе обще-народной европейской комиссіи для покровительства свободной торговлѣ всѣхъ державъ по Дунаю. открытіе Чернаго моря для торговыхъ кораблей всѣхъ націй и т. п.“ [50])

На этихъ словахъ, къ несчастію, замолкло перо Филолога Васильевича!

Мы очень рады были по крайней мѣрѣ, что въ „Матеріалахъ“ нашли хоть планъ сочиненія, на-черно набросанный, и, какъ можно заключить, еще не окончательно опредѣлившійся, но все-таки конспективно болѣе или менѣе раскрывающій идею Рудакова Къ величайшему нашему сожалѣнію, мы должны планъ пропустить. Онъ состоялъ изъ 28 большихъ пунктовъ съ нѣкоторыми замѣтками, тоже пропущенными. Мы можемъ привести только слѣдующія выписки изъ книги „Матеріаловъ“ покойнаго. Къ 8-му пункту плана относится замѣтка подъ названіемъ: „Передуманное.“

---

[50]) Богдановича Приложеніе къ тому IV; стр. 66—70.

ПЕРЕДУМАННОЕ.

„Великая государственная ломка, начавшаяся въ Россіи въ царствованіе Александра II, не могла не отразиться всею своею силою и въ современной литературѣ. Эпоху окончанія Крымской войны, закончившейся,—не смотря на принесенныя нами величайшія жертвы и на баснословные почти подвиги нашихъ воиновъ,—оскорбительнымъ для нашего народнаго чувства, если не совершенно безславнымъ, Парижскимъ трактатомъ, эпоху эту можно бы назвать временемъ тяжелаго нашего разочарованія въ собственныхъ нашихъ силахъ. Обманувшееся въ высокихъ своихъ помыслахъ, въ горделивыхъ и можетъ быть чрезъ мѣру заносчивыхъ своихъ ожиданіяхъ,—„шапками закидаемъ“, говорили вѣдь мы,—общественное народное мнѣніе стало уже недовѣрчиво относиться ко всѣмъ заявленіямъ власти. „Обожжешься на молокѣ, будешь и на воду дуть“, говоритъ наша народная философія. Недовѣріе это выразилось въ формѣ всякаго рода критическихъ и сатирическихъ обличеній. Чѣмъ сильнѣе было это обличеніе и чѣмъ оскорбительнѣе было оно для прежнихъ отношеній, тѣмъ болѣе получало оно силы и хода. Такъ начался у насъ періодъ самобичеванія, переходившаго иногда и въ самооплеваніе. Крымская война, соприкасавшаяся со всѣми сторонами нашей общественной жизни, обнаружила и многіе существенные въ ней недостатки и между ними едва ли не болѣе всего недобросовѣстное отношеніе нѣкоторыхъ лицъ, умѣвшихъ изъ общаго народнаго бѣдствія, какова великая война, извлечь личныя выгоды. Будь иной результатъ этой войны и—русское добродушное чувство, вѣроятно, отнеслось бы иначе къ этимъ хищникамъ общаго народнаго достоянія. Мы махнули бы рукой, посмотрѣли бы на хищниковъ съ насмѣшкою, много съ презрѣніемъ—и тѣмъ дѣло бы и окончилось. Теперь же оскорбленное народное чувство требовало суда надъ ними. Мы вспоминали изъ Николаевскаго времени примѣръ Тришатнаго и ожидали повторенія этого примѣра, но... зло обнаружилось, и виновники какъ то стушевались... Война отвлекала наше вниманіе отъ многихъ настоятельныхъ государственныхъ нуждъ. Послѣ парижскаго трактата, мы принялись за реформы; одна реформа вызывала другую, или лучше сказать одна великая реформа—уничтоженіе крѣпостнаго состоянія—вызвала рядъ другихъ реформъ, какъ напр. общесословная воинская повинность, общественное самоуправленіе и т. д. Реформы эти требовали принесенія частныхъ интересовъ на жертву общему, государственному. Отсюда порождалось недовольство многихъ отдѣльныхъ лицъ и даже цѣлыхъ сословій и проявленія этого недовольства въ концѣ концовъ направлялись къ общему источнику—верховной власти. Частныя лица, интересы которыхъ затрогивались, старались по возможности отстоять эти интересы. На ряду съ

основательными и почтенными доводами, высказывались и фиктивные, придуманные, которыми маскировались эгоизмъ и своекорыстіе. Въ высшей степени чуткая критика, переходившая весьма часто въ неумолимую сатиру, разоблачала эти ухищренія, но вмѣстѣ съ тѣмъ, доказывая необходимость реформы, касалась и разумныхъ основаній прежняго строя и всѣми силами старалась ихъ разрушить, прибѣгая въ свою очередь, намѣренно или ненамѣренно, къ ухищреніямъ и ложнымъ доводамъ. Въ числѣ обиднаго оружія противъ побѣжденныхъ употреблялись насмѣшка и сарказмъ, переходившіе въ злорадство. Въ особенности не скупились на эти насмѣшки и злорадство люди молодые, не принадлежавшіе къ старому порядку, не испытавшіе на самихъ себѣ прежняго строя. Отсюда начало озлобленной розни между старымъ и новымъ, молодымъ поколѣніемъ. Эти столкновенія покачнули и отношенія между родителями и дѣтьми, тѣмъ болѣе, что дѣти, приходившія въ зрѣлый, способный къ разсужденіямъ возрастъ, весьма нерѣдко видѣли въ своихъ родителяхъ тѣ же недостатки, какіе безпощадно осмѣивались въ современной литературѣ, или лучше сказать въ современной жизни: въ гласныхъ судахъ, въ обличительныхъ органахъ печати и т. п. Такъ положено начало пошатнувшихся семейныхъ отношеній въ русской жизни. Но семейныя отношенія одною изъ главнѣйшихъ своихъ опоръ имѣютъ религіозное начало. Не будь этого соотношенія, дѣло религіи, въ происходящемъ въ Россіи броженіи умовъ, можетъ быть осталось бы незатронутымъ. Религіозныя ученія и вѣрованія составляли какъ бы особое достояніе духовнаго сословія, исключая тѣхъ русскихъ подданныхъ, которые, волею историческихъ судебъ Россіи, были лишены своего духовнаго сословія: говоримъ о старообрядцахъ и раскольникахъ. (А коснулась ли пропаганда и въ какой мѣрѣ русскихъ семействъ лютеранскаго и нехристіанскаго вѣроисповѣданій? не говоримъ—католическаго). Русскіе свѣтскіе люди не вдавались почти никогда ни въ какіе религіозные диспуты и пренія: богословская литература, сообразно со степенью полученнаго свѣтскими людьми образованія, этими свѣтскими людьми совершенно не читалась; они безмолвно выслушивали только то, что говорилось имъ съ церковной каѳедры и, такъ какъ эта проповѣдь ограничивалась только общими, такъ сказать, теоретическими мѣстами, то и частныя, внѣ храма происходившія иногда бесѣды по поводу выслушанныхъ церковныхъ проповѣдей, по большей части касались не предмета проповѣди, а ораторскихъ достоинствъ проповѣдника и слѣдовательно только внѣшней формы проповѣди. Вообще же духовное сословіе стояло и понынѣ еще стоитъ особнякомъ, не составляя такъ сказать всегдашней, непремѣнной части русскаго государственнаго организма. (Не то у поляковъ!) Мы обращаемся къ духовному сословію только тогда, когда встрѣчаемъ въ немъ безъисходную нужду. Удовлетворена эта временная нужда, и возникшія отношенія снова разрываются на неопредѣленное время. И такъ когда пропаганда, вызванная разными свѣтскими, вовсе не богословскими вопросами, коснулась, по необходимости только религіозныхъ основаній и начала ихъ разрушать и подтачивать, русское духовенство не

оказалось на стражѣ этихъ вѣрованій и убѣжденій: главный предметъ спора и сужденій былъ не по религіознымъ вопросамъ; этотъ главный предметъ былъ для нихъ чуждъ и невѣдомъ и ни по степени своей научной, исключительно спеціальной подготовки, ни по образу своей, отрѣшенной отъ общественнаго строя, жизни, духовенство не могло, или не умѣло сказать свое живое слово. На защиту затронутыхъ религіозныхъ чувствъ и вѣрованій пробовали иногда выступать свѣтскіе, можетъ быть, и глубоко вѣровавшіе люди; но сила ихъ заключалась только въ личныхъ субъективныхъ ихъ вѣрованіяхъ, которыя они,—или по неопытности въ этомъ дѣлѣ, или по неумѣнію подкрѣпить раціональными богословскими доводами,—не могли ни отстоять. ни передать другимъ во время споровъ. А если еще къ этому въ частной жизни такихъ защитниковъ христіанства представлялись какія-нибудь человѣческія слабости. если согрѣшающій надѣялся и старался, по ложнымъ своимъ воззрѣніямъ, прикрыть эти согрѣшенія исполненіемъ религіозныхъ обрядовъ, тогда уже диспутъ новаторовъ переходилъ въ прямое обличеніе въ лицемѣріи и ханжествѣ. Такъ частные личные недостатки вмѣнялись въ вину самому дѣлу. Такъ пошатнулось и много религіозныхъ вѣрованій.

Но не до конца еще прогнѣвался Господь!...“

Къ 9-му пункту:

Мысли и замѣтки.

Замѣчательно, что самые ярые изъ нашихъ революціонеровъ, дошедшіе до цареубійства и стремленія къ нему, принадлежали, чуть ли не всѣ, къ числу юношей, отличавшихся въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ не только успѣхами въ наукахъ, но и примѣрнымъ поведеніемъ: они были тамъ мальчиками религіозными, почтительными и пр. Точно также и въ семьяхъ своихъ они являются за то время нѣжными, почтительными дѣтьми. И вдругъ....

Обыкновенно приписываютъ такое превращеніе вліянію университета, понимая подъ этимъ вліяніе какъ молодыхъ профессоровъ, сбившихся съ толку въ своихъ воззрѣніяхъ и погнавшихся за популярностію въ средѣ студентовъ, такъ и самихъ студентовъ, всегда падкихъ на все новое, а въ особенности запрещенное или прикрытое покровомъ тайны. Но отчего же *хорошая* подготовка въ гимназіи не дала имъ силы и средствъ противостоять этому напору ложныхъ идей въ университетѣ; напротивъ эти идеи затянули ихъ въ политическій омутъ гораздо глубже, чѣмъ слабоумныхъ ихъ товарищей? Или зло и добро въ высшихъ ихъ проявленіяхъ одинаково завлекательны? Или здѣсь повтореніе того же, что можемъ выводить изъ библейскаго разсказа о паденіи нашихъ прародителей: не скажи имъ Господь Богъ „смертію умрете“, они, вѣроятно. исполнили бы Его заповѣдь; или не будь ихъ натура на столько совершенна, на сколько она должна была быть таковою выйдя непосредственно изъ рукъ Творца,—и они, вѣроятно. устояли бы противъ заразы искушенія,—подобно тому какъ нѣкоторыя заразныя болѣзни

прививаются предпочтительно къ совершенно здоровымъ организмамъ и весьма слабо дѣйствуютъ на организмы уже страдающіе, хилые и истощенные? Или же самая старость и опытность, охраняющія отъ разныхъ искушеній, и составляютъ именно тѣ болѣзненныя состоянія организма, которыя предохраняютъ большею частію отъ заразныхъ политическихъ, соціальныхъ болѣзней? —Замѣчательно и то, что такая же метаморфоза совершалась и съ талантливыми дѣятелями нашей литературы, каковы были Бѣлинскій, Герценъ, Добролюбовъ, а отчасти Пушкинъ, Лермонтовъ и др.—Впрочемъ. если говорить о метаморфозахъ, совершавшихся въ послѣднее время съ нашими талантливыми писателями, то слѣдуетъ упомянуть еще объ одной, которой, говорятъ, многіе изъ нихъ весьма причастны: это о томъ, что многіе изъ нихъ подъ конецъ жизни дѣлались горькими пьяницами и тѣмъ коротали свою жизнь.

Гдѣ же разгадка этихъ грустныхъ явленій?“

Намъ, наконецъ, остается сказать еще два слова объ одномъ „пикантномъ“ вопросѣ, относящемся къ 27-му пункту—объ отмѣнѣ тѣлесныхъ наказаній въ учебныхъ заведеніяхъ. Намъ извѣстно, что Филологъ Васильевичъ не былъ сторонникомъ розги, но въ концѣ своей многолѣтней дѣятельности нѣсколько измѣнилъ свой взглядъ на нее. Поэтому для насъ важно прослѣдить взглядъ покойнаго на этотъ „жгучій“ вопросъ по извѣстнымъ намъ даннымъ, о которомъ въ своемъ трудѣ онъ хотѣлъ подробно трактовать. Вскорѣ послѣ назначенія Рудакова въ Тобольскъ, еще въ 63 г. на педагогическомъ совѣтѣ гимназіи былъ поднятъ вопросъ о дисциплинарныхъ мѣрахъ и, между прочимъ, о крайней изъ нихъ—тѣлесныхъ наказаніяхъ. Нѣкоторые, впрочемъ, очень немногіе изъ педагоговъ отстаивали пригодность розги для нѣкоторыхъ неисправимыхъ учениковъ, но совѣтъ въ своемъ опубликованномъ журналѣ (Тоб. губерн. вѣдомости 1863 года № 4) говоритъ: „Совѣтъ не находитъ возможнымъ согласиться съ допущеніемъ этихъ мѣръ, хотя бы и крайнихъ, такъ какъ несостоятельность тѣлесныхъ наказаній какъ признана педагогическою литературою, такъ и доказана многими опытами“. Не ограничиваясь „чрезвычайными“ засѣданіями педагогическаго совѣта для опредѣленія мѣръ надъ провинившимися, директоръ составилъ инструкцію надзирателямъ, опредѣляющую мѣры для нравственнаго исправленія учениковъ. (Тоб. губерн. вѣдомости 1863 г. № 12). Инструкція въ немногихъ пунктахъ внушаетъ разнообразное нравственное воздѣйствіе на молодаго человѣка, каковыми мѣрами, какъ надо полагать, Филологъ Васильевичъ и самъ по большей части ограничивался въ надзирательной должности въ Томскѣ. Согласно съ этими взглядами въ томъ же мѣстномъ органѣ (1864 г. № 18) появилась статья неизвѣстнаго автора „Объ употребленіи тѣлесныхъ наказаній“, изъ которой беремъ самое нужное. „Тому, кто обращается съ дѣтьми, надобно имѣть порядочную дозу поэтическаго чувства, много любви и вниманія къ дѣтскому возрасту для того, чтобы онъ могъ поставить себя въ правильныя отношенія къ дѣтямъ... Вооруженный розгой педагогъ и самъ портится мо-

рально, потому что человѣческія наклонности и инстинкты должны въ немъ, часто помимо его воли, грубѣть и уступать мѣсто животнымъ инстинктамъ,— а съ тѣмъ вмѣстѣ портитъ и молодое учащееся поколѣніе". Какъ бы возраженіе на такое мнѣніе, приводимъ мысли тобольскаго педагога, защитника розги, годомъ раньше напечатанныя въ той же газетѣ. „Вопреки мнѣніямъ современныхъ педагоговъ, говоритъ онъ, заявившихъ желаніе вдругъ двинуть молодое поколѣніе, скажу, что никакой умъ не въ силахъ написать всѣхъ правилъ на всѣ случаи школьной жизни, на всѣ проявленія самостоятельнаго духа человѣческаго. Чуть ли всѣ педагогическія правила не сводятся къ одному знаменателю: „Люби дѣтей и будь самъ человѣкъ". А потому мѣры исправленія должны быть основаны на уваженіи въ воспитанникѣ человѣческаго достоинства". „Конечно нравственное вліяніе учителя гораздо успѣшнѣе подѣйствуетъ на поведеніе ученика, чѣмъ принужденіе, которое не всегда бываетъ удачно. Для исправленія поступковъ, сдѣланныхъ по слабости, забывчивости или невнимательности, совершенно достаточно кроткое, но въ то же время серьезное внушеніе. Но если проступокъ сдѣланъ съ умысломъ, съ твердою рѣшимостію не слушаться приказаній учителя, если въ ученикѣ обнаруживается наклонность къ противодѣйствію, въ такомъ случаѣ, исполняя желанія родителей, можно прибѣгнуть къ розгѣ; но эта мѣра должна быть употреблена съ крайнею осторожностію, чтобы существенную часть наказанія составлялъ стыдъ, а не тѣлесная боль. Сознаніе совершеннаго проступка и стыдъ заслуженнаго наказанія составляютъ вѣрный залогъ нравственнаго исправленія. Одна же тѣлесная боль, причиняемая розгой, если только не сопровождается стыдомъ, скоро проходитъ и забывается: отъ частаго повторенія дѣти скоро перестаютъ даже и бояться ея". „Наказывая тѣлесно мальчика, можно ни въ своемъ, ни въ его мнѣніи не унижать его до животнаго состоянія, если, уважая въ немъ человѣческое достоинство, приходится иногда, за недѣйствительностью для него другихъ мѣръ, наказывать розгою. Розга въ этомъ случаѣ должна употребляться безъ злости, не по первому впечатлѣнію, не въ пылу гнѣва и другихъ мелкихъ учительскихъ страстишекъ, а только для стыда. Что же касается до небольшой физической боли отъ розги, употребляемой разумно, какъ исключительное средство, то это не бѣда. Боль физическая—чувствительна для тѣла, а потому она и можетъ имѣть хорошее вліяніе, если она причинена молодому человѣку не вслѣдствіе варварства, а изъ желанія добра, что при такой обстановкѣ можетъ инстинктивно понимать и самъ наказуемый".

Но это мнѣніе защитника березовой каши, какъ сказано, не было уважено прежде всѣхъ Филологомъ Васильевичемъ. Затѣмъ, спустя много лѣтъ, когда уже Рудаковъ былъ въ отставкѣ, мы замѣтили, что его взглядъ на этотъ предметъ нѣсколько измѣнился. Однажды въ присутствіи небольшаго общества мы имѣли разговоръ съ нимъ о тѣлесныхъ наказаніяхъ по поводу нынѣшней испорченности учащихся, которые не поддаются нравственнымъ внушеніямъ, и мы помнимъ его слова. Питая полное отвращеніе къ розгѣ,

какъ и прежде, онъ, уже въ болѣе зрѣломъ возрастѣ, признавалъ ея пригодность, какъ исключительную и рѣдкую мѣру, какъ противное лѣкарство для нравственнаго отрезвленія, съ умомъ и тактомъ употребляемое безъ всякихъ злоупотребленій со стороны наказующаго. Вѣдь бываютъ въ заведеніяхъ своеобразныя дурныя ребяческія натуры, испорченныя кромѣ того неумѣлымъ домашнимъ воспитаніемъ, и отъявленные лѣнтяи, которыхъ не исправишь усовѣщаніями и наказаніями въ родѣ карцера, который въ настоящее время потерялъ почти всякій смыслъ. Такого неисправимаго лучше разъ назидательно высѣчь, чѣмъ исключать изъ заведенія, этимъ предупредить дальнѣйшіе инциденты и не дѣлать изъ него прохвоста или соціалиста-революціонера, мнящаго въ полной слѣпотѣ ума своего перевернуть весь государственный строй. Законодатели совершенно уничтожили эту исключительную, по необходимую мѣру исправленія изъ учебныхъ заведеній, которыя сознательно должны погрѣшать противъ совѣсти, выбрасывая за бортъ ученика, за неимѣніемъ всѣхъ средствъ къ исправленію. Родители сами иногда просятъ, чтобы заведеніе высѣкло ихъ недобрыхъ дѣтей. Филологъ Васильевичъ, по нѣкоторымъ догадкамъ, полагалъ, что въ окончательномъ исключеніи изъ учебныхъ заведеній тѣлесныхъ наказаній, которыми раньше очень злоупотребляли, произошло какое-то, выражаясь деликатно, „недоразумѣніе“. Изслѣдованіе этого вопроса ему было нужно, иначе онъ не сталъ бы о немъ упоминать.

Случившійся здѣсь собесѣдникъ, учитель гимназіи, къ словамъ Филолога Васильевича прибавилъ: еслибы такъ скоро не исключили розгу, еслибы малоспособнымъ и незрѣлымъ умственно, но много мнящимъ о себѣ, или способнымъ молодымъ людямъ, но съ дурнымъ характеромъ, не давали такъ называемый „аттестатъ зрѣлости“, то у насъ было бы очень мало недоучекъ и гораздо больше истинно-образованныхъ людей. Милль сказалъ, что въ воспитаніи нельзя обойтись безъ элемента страха. Къ этому надо прибавить и дѣйствіе стыда. Такое правило должны помнить родители и не менѣе ихъ также начальство учебныхъ заведеній, въ которыхъ скучены ученики разнаго сорта, разнаго воспитанія, съ безконечною разницею въ характерахъ. Въ семьѣ можно обойтись и меньшими средствами, а въ школѣ одно и то же слабое средство не ко всѣмъ натурамъ одинаково примѣнимо. Разомъ исключивъ розги, какъ по командѣ, и говоря 10-ти-лѣтнему клопу *вы*, мы разомъ испортили все дѣло, измѣнили и извратили характеръ молодежи, которая замѣтила, что съ ней обращаются, какъ со взрослымъ и важнымъ человѣкомъ. При такихъ условіяхъ „эти большіе люди“ дѣлаются непочтительными и дерзкими. Многимъ изъ нихъ ничего не стоитъ ежедневно портить кровь учителя. Ребяческая натура не всегда понимаетъ отвлеченности нравственныхъ правилъ. Часто, вмѣсто пользы отъ простыхъ мѣръ, учитель испытываетъ положеніе Крыловскаго повара, передъ которымъ „Васька слушаетъ да ѣстъ“. Самое большое наказаніе въ рукахъ гимназіи—это карцеръ, выговоръ передъ классомъ, выговоръ передъ цѣлымъ заведеніемъ, чему затѣмъ угрожаетъ исключеніе. На эти мѣры, которымъ мы придаемъ значеніе, ученики смотрятъ

не нашими глазами. Выговоры очень часто возбуждаютъ въ нихъ мало стыда, карцеръ—тоже. Выпущеннаго изъ заключенія товарищи встрѣчаютъ съ тріумфомъ и овацiями, какъ героя, и наказанный вмѣсто того, чтобы краснѣть, пріятно улыбается. А послѣ розги, небось, тріумфовъ не было бы. Отъ самихъ учениковъ мы слышали слѣдующее признаніе: прежде насъ пороли, и мы лучше учились, да вели себя хорошо, а карцеромъ насъ не удивишь! Противники розги всетаки будутъ говорить, что эта мѣра не гуманная, даже въ самомъ умѣренномъ видѣ, не извѣдавъ примѣненіе своихъ гуманныхъ теорій хоть бы надъ своими собственными дѣтьми. Про Ушинскаго разсказываютъ слѣдующій анедкотъ. Однажды онъ наказалъ сынишку. Попавшему на эту сцену знакомому онъ сказалъ: вотъ смыслъ всѣхъ гуманныхъ мѣръ, которыя я самъ проповѣдую, если онѣ не подѣйствуютъ. Мы слышали, что послѣ позорнаго (событія) 1 марта 1881 г. воспитанникъ одного изъ столичныхъ военныхъ заведеній вздумалъ потѣшиться и подбросилъ записку сильнаго террористическаго содержанія. Вмѣсто того, чтобы исключить и погубить молодаго человѣка, его только высѣкли и—исправили". Во время этой бесѣды присутствовала одна очень пожилая дама, которая прибавила слѣдующее: „Положимъ, что даже вашъ Ушинскій не правъ, но зачѣмъ же всетаки не держать въ школѣ нѣсколько пучковъ розги, чтобы привязывать ихъ къ спинѣ проштрафившихся или надѣвать на него хоть во время рекреаціи дурацкій колпакъ? т. е. такому ученику покажите, что онъ глупый и вздорный ребенокъ. Пусть своя же братія поднимаетъ его на смѣхъ, подкидывая привязанныя розги или кисть колпака, въ особенности если она съ бубенчикомъ. Это и ребятъ насмѣшитъ, и виновнаго исправитъ въ короткое время, и другихъ сдержитъ отъ проступковъ. Я вамъ скажу еще вотъ что, прибавила она, да только вы не смѣйтесь, потому что я говорю серьезно. У насъ не было бы соціалистовъ, въ которые идутъ даже молокососы, еслибы съ самаго начала стали примѣнять такую мѣру: на площади среди публики устроить подмостки и, вмѣсто эшафота, поставить длинный высокій столъ, покрытый чернымъ сукномъ; у каждаго угла поставить красный флагъ съ надписями: „журналъ *Впередъ*", „Черный передѣлъ" и т. п.; въ нарядныхъ каретахъ подвозить сюда этихъ *истовъ* въ траурныхъ костюмахъ съ большими плерезами и съ краснымъ колпакомъ на головѣ; два палача должны подвести ихъ къ столу, разложить и держать крѣпко, а третьему поручить производство сѣкуцiи и, окончивъ „назиданіе безъ словъ", отпустить на волю до слѣдующаго раза, если угодно, но ужъ болѣе внушительнаго вида. Не правда ли, что женщины и дѣвушки первыя отстали бы отъ соціализма, рискуя быть почтёнными при такой торжественной обстановкѣ? И пусть „просвѣщенная Европа" сколько угодно издѣвается надъ сѣверными „варварами", которые простыми мѣрами умѣютъ тушить большой пожаръ и избавлять казну отъ громадныхъ издержекъ на кормленіе и на отправку къ намъ въ Сибирь тысячъ соціалистовъ для нашего просвѣщенія".